

Юрий Кузьмин

Монголоведы России XX века:

**персоналии,
творческое наследие,
концепции**

Министерство образования и науки РФ
Байкальский государственный университет
Центр изучения Монголии БГУ

Ю. В. Кузьмин

**Монголоведы России XX века:
персоналии, творческое наследие, концепции**

Иркутск
Оттиск
2022

УДК 930 (517+470)
ББК 63.1 (5 Мон+2Рос)
К 89

Издается в рамках проекта РФФИ 20-59-44008 Монг_а
Мировое российское монголоведение: национальные школы,
концепции, персоналии.

К 89

**Кузьмин Ю.В. Монголоведы России XX века: персоналии,
творческое наследие, концепции. – Иркутск: Изд-во «Оттиск»,
2022. – 320 с.**

ISBN 978-5-6047698-0-5

9 785604 769805

© Ю.В. Кузьмин, 2022

Введение

История мирового и российского монголоведения: национальные школы, проблемы, персоналии

Мировое и российское монголоведение – важная часть мирового востоковедения. Монголоведение было создано совместными усилиями российских, французских, немецких, британских исследователей кочевой монгольской цивилизации, ее оригинальной культуры.

Монголоведение формировалось и развивалось как комплексная наука о монгольских науках, длительное время не существовало разделения на монгольское языкознание, этнологию, историю, источниковедение и историографию. К настоящему времени накоплен огромный научный материал по истории, экономике, политике, международным отношениям истории Монголии. Российское монголоведение сформировалось в XVIII веке научными трудами И. Я. Шмидта, Н. Я. Бичурина, А. В. Игумнова, О. Ковалевского, Д. Банзарова, Г. Гомбоева, А. М. Позднеева, В. Л. Котвича, Б. Я. Владимирцова, Ц. Жамцарано и др. ученых, вышло на передовые позиции мировой науки. Вторая половина XIX – начало XX вв. – время расцвета российской школы монголоведения. Российская школа сформировалась как интернациональная научная школа.

Западное монголоведение также имеет глубокие научные корни. Французское и немецкое монголоведение опиралось на монгольские источники российского происхождения, и было тесно связано личными научными связями с выдающимися российскими учеными. Ряд ученых России имели иностранное происхождение (Шмидт, Иериг, О. М. Ковалевский, В. В. Радлов и др.) и работали на мировое востоковедение.

Подготовка полной и всесторонней истории мирового монголоведения в трех томах усилиями ведущих российских и монгольских ученых-историографов позволит показать становление, развитие мирового монголоведения. Важное внимание в исследо-

вании будет уделено национальным школам монголоведения, их взаимодействию и влиянию.

Серьезное внимание в исследовании будет уделено концептуальным вопросам истории Монголии: этногенезу монгольского этноса, месту и роли кочевой монгольской цивилизации в мировой истории, исторической роли Монголии в треугольнике Россия-Монголия-Китай (Юань, Мин, Цинская империя, КНР), особенности исторического развития Монголии в XX веке: монгольским революциям 1911 г., 1921 г., 1990 г. и глубоким экономическим и политическим реформам в стране в XX веке.

Формирование исторических научных школ в России, Монголии, Франции, Германии, Великобритании, Польше, Чехии, Венгрии, США невозможно без изучения научного вклада выдающихся ученых монголоведов мира. В настоящее время имеются научные работы по историографии отдельных национальных школ монголоведения в обзорном виде и отсутствуют обобщающие исследования, посвященные научным связям, взаимодействию и взаимовлиянию научных идей, концепций и дискуссионных проблем истории Монголии, крупным ученым-монголоведам.

Вопросы истории мирового и национального монголоведения рассмотрены в исследованиях М. И. Гольмана, Ш. Биры, Б. В. Базарова, Ц. Ишдоржа, З. Лонжида, Ж. Урангуа, В. В. Грайворонского, В. Д. Дугарова, О. Н. Полянской, Ю. В. Кузьмина, Л. В. Кураса, Ц. П. Ванчиковой, Ш. Б. Чимитдоржиева, А. Д. Цендиной, И. В. Кульганек, В. Г. Дацышена, В. С. Мясникова, С. Д. Милибанд, А. Н. Кононова, С. Г. Кляшторного, Н. Н. Крадина, В. В. Свирина, А. Н. Хохлова, Д. Б. Улымжиева и др.

Современное востоковедение и монголоведение проделало колоссальную работу по исследованию научного вклада российских ученых в мировую науку. Особенно активизировалось данное направление научных поисков в последние тридцать лет. Монголоведение нашей страны вернулось к традиционному российскому монголоведению, восстановило преемственность в науке, воссоздает разорванные связи и на новом научном уровне успешно продолжает углублять изучение истории, этнологии, культуры, экономики, политики, истории международных отношений Монголии.

Монголоведение – это органичная часть российского востоковедения, особенно значительны успехи российского китаеведения, в котором работает значительное число востоковедов России, и

имеются значимые научные успехи. Опубликованы исследования по истории российского востоковедения, в которых показано также становление и развитие российского монголоведения, как смежной отрасли. Важной вехой переосмысления научного наследия российского востоковедения и монголоведения стали коллективные монографии «История отечественного востоковедения до середины XIX века» (1990 г.), «История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года» (1997 г.), подготовленные ведущими востоковедами России. Обновлен и переиздан «Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов» в двух томах (1995 и 1997 гг.) С. Д. Милибанд – надежная лоция национального востоковедения. Е. В. Бойкова опубликовала «Библиографию по монголоведению» (2005 г.).

В 1900–2000-е годы были проведены научные конференции, посвященные крупным отечественным монголоведам: «Цыбиковские чтения», «Банзаровские чтения», «Хангаловские чтения», «Улымжиевские чтения», «Владимирцовские чтения», «Катановские чтения» и др., которые представили современную научную оценку научных предшественников отечественного монголоведения и ввели в научный оборот значительное число научных трудов известных российских ученых и личные документы монголоведов. Особенно значительный вклад вносят ученые Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Института Востоковедения РАН, Института Восточных рукописей РАН, Бурятского государственного университета, Восточного факультета Санкт-Петербургского университета, Иркутского и Байкальского государственного университета (г.Иркутск).

Известные российские востоковеды и монголоеды С. Л. Алаев, Б. В. Базаров, М. И. Гольман, Ш. Б. Чимитдоржиев, В. С. Мясников, Н. Н. Крадин, А. Н. Хохлов, И. В. Попова, И. В. Кульганек, Л. В. Курас, В. М. Алпатов, В. Г. Дацышен, О. Н. Полянская, В. Д. Дугаров и многие другие обращаются к изучению российского и мирового востоковедения.

Уникальным научным явлением в истории изучения российского монголоведения стала публикация периодического издания «Монголика» (Институт Восточных рукописей РАН, отв. редактор И. В. Кульганек), выпуски которых посвящены научному наследию выдающихся отечественных монголоведов: Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, К. Ф. Голстунский, А. М. Позднеев, А. В. Бурдуков, Д. Нацагдорж, Ц. Дамдинсүрэн, М. И. Гольман, Л. Г. Скородумова, В. В. Грайворонский, К. Н. Яцковская.

Профессор Ш.Б. Чимитдоржиев собрал, проанализировал и опубликовал творческие биографии крупных бурятских ученых-монголоедов в коллективной работе «Выдающиеся бурятские деятели» (Улан-Удэ, 2010), где наряду с известными бурятскими учеными опубликованы биографии малоизвестных исследователей, но внесших серьезный вклад в изучении монгольских народов.

Известный китаевед из Красноярска профессор В.Г. Дацышен продолжил историографические исследования китаеведов П.Е. Скачкова, В.С. Мясникова, Л.А. Березного и опубликовал крупные монографии «История изучения китайского языка в Российской империи» (2000 г.), «История русского китаеведения» (2015 г.), «Изучение истории Китая в Российской империи» (2016 г.), в которых имеется ценный материал о китаеведах, изучавших и историю Монголии, и монгольских народов.

Российские монголоеды издали коллективную работу «Российские монголоеды (XVIII – начало XX вв.)» (1997 г.), в которой кратко изложены творческие биографии А.В. Игумнова, Н.Я. Бичурина, О.М. Ковалевского, А.В. Попова, К.Ф. Голстунского, П.А. Бадмаева, А. Доржиева, М.Н. Хангалова, В.Л. Котвича, Г.Ц. Цыбикова, А.Д. Руднева, С.А. Козина, Ц. Жамцарано, Э. Ринчино, Б.Я. Владимирцова и др.

Российские этнографы издали уникальное издание «Репрессированные этнографы» (вып. 1, 1999), где представлены трагические судьбы 12 репрессированных российских этнографов, в том числе творческие биографии Б.Э. Петри (автор А. А. Сирина), Н.Н. Козьмин (А.М. Решетов), которые внесли важный вклад в изучение истории и этнологии народов Центральной Азии и Монголии. В 2002 году в Иркутске была проведена «Вторые востоковедные чтения, посвященные известному историку, этнографу, экономисту Н.Н. Козьмину и опубликован сборник статей. В 2006 г. издана работа Ю.В. Кузьмина «Профессор Н.Н. Козьмин: историк и экономист» (Иркутск, 2006), где наиболее полно представлена творческая биография сибирского исследователя истории Монголии и Центральной Азии, впервые опубликованы личные документы и полная библиография ученого.

Центр изучения Монголии Байкальского государственного университета провел в 2001–2019 гг. девять международных научных конференций, посвященных известным ученым-монголоедам: Н.Н. Козьмин, Н.П. Шастина, П.А. Бадмаев, Е.М. Даревская, В.В. Свинин и крупным историческим событиям в Монголии:

национальная революция 1911 г., монгольская революция 1921 г., война на Халхин-Голе 1939 г. и др.

В российской историографии изданы творческие биографии известных монголоведов: О.М. Ковалевского (О.Н. Полянская, 2001, 2019), Н.Н. Поппе (В.М. Алпатов), Н.Ф. Каганова (И.Ф. Коковой, 1993); Доржи Банзарова (1997 г.), Доржи Банзарова (Н.В. Ким, 1992 г.), А.В. Попова (О.Н. Полянская, 2019 г.), П.А. Бадмаева (Ю.В. Кузьмин, 2002, 2006, 2014); Доржи Банзарова (Б.С. Санжиева, 1998), Рамстеда (Ж. Урангуа, М. Саруул-Эрдэнэ, 2017); В.Л. Котвича (Ч. Дашдаваа, С. Цолмон, 2011), Н.Я. Бичурина (П.В. Денисова), Г.Н. Потанина (А.М. Сагалаева, В.М. Крюкова) и др.

В научный оборот введена «Библиография отечественных работ по монголоведению 1946–2000 гг.», подготовленная Е.В. Бойковой и изданная Институтом Востоковедения РАН. Значительный вклад в изучение российского монголоведения внесли работы профессора Бурятского госуниверситета Д.Б. Улымжиева, посвященные всем крупным российским монголоведам.

Вопросы истории российского монголоведения были продолжены профессором БГУ В.Д. Дугаровым, который опубликовал крупные исследования: «Российская историография истории Монголии» (2014 г.), целый ряд статей по исследуемой теме. Доцент О.Н. Полянская издала ряд монографий по истории российского монголоведения: «Монголоведение в России первой половины 19 века: О.М. Ковалевский и А.В. Попов» (2019 г.), «Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1 половина 19 века)» (2001), «Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833)» (2008 г.) и серия статей, посвященных творческому наследию выдающихся монголоведов России.

История монгольского и российского монголоведения – предмет постоянных научных публикаций профессора Ю.В. Кузьмина: «Современная общественная мысль МНР об основных проблемах некапиталистического развития Монголии 1921–1940 годах» (1986 г.), ««Монголия и монгольский вопрос в общественно-политической мысли России (конец 19–30-е гг. 20 в.)» (1997), «Урянхай в системе русско-монголо-китайских отношениях» (2000 г.), «История изучения Монголии в Иркутске» (2006 г.), «Монголия и Китай в оценках российской военной разведки» (Улан-Батор, 2008), «Иркутская школа монголоведения 18–20 вв.» (2014 г.), «Монголия и русско-монгольские отношения. Проблемы истории и историографии» (2016 г.), «История Монголии и ее международных отношений в XX веке в работах монгольских

и российских исследователей» (2018 г.), в которых представлены основные концепции современных российских и монгольских монголоедов.

Крупный российский монголовед Института Востоковедения д.и.н. М.И. Гольман более 50 лет изучает западное и американское монголоведение, является автором крупных монографий «Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества)» (2004 г.), «Современная Монголия в оценках западных авторов» (2010), в которых дан глубокий анализ современного состояния изучения Монголии в странах Запада и США, характеристике крупных западных монголоедов и основных центров монголоведения. Также М.И. Гольман является крупным специалистом по истории современного монгольского монголоведения, опубликована книга мемуаров «Монголия глазами монголоведа (60–70-е годы XX века)» (2019 г.), где представлены портреты известных российских и монгольских ученых, основные тенденции развития мирового монголоведения, личные характеристики известных ученых. По теме западного монголоведения защищены кандидатские диссертации, посвященные польскому монголоведению (А.С. Хеубшман), немецкому монголоведению (А. Гомбоев). История Российской Академии наук РАН в изучении Монголии, научные связи с монгольскими научными организациями – специальная тема изучения д.и.н. Т.И. Юсуповой «Советско-монгольское научное сотрудничество. Становление, развитие и основные результаты 1921–1961 гг.» (2018 г.). В Улан-Удэ изданы документы «Бурят-Монгольский Ученый комитет (1922–1929 гг.)» (2017 г.), в котором представлены документы о монголо-бурятских научных связях.

В Москве издан справочник «Русские военные востоковеды. Биобиблиографический справочник» М.К. Басханова (2005 г.) в котором представлены творческие биографии и список работ военных монголоедов. Тема перспективная для научного изучения, так было издано более 30 книг российских военных монголоедов, которые недостаточно введены в научный оборот, ввиду их закрытости и секретности. Опубликована книга Е. В. Бойковой посвященной известным российским путешественникам, изучавшим Монголию. Изданы дневники, биография П.К. Козлова (А.И. Андреев). Анализируется деятельность русских военных путешественников с точки зрения мировой геополитики.

Таким образом, тема история мирового и русского монголоведения изучается в российской и монгольской историографии. К сожалению, слабо представлен генезис и эволюция российского монголоведения,

его научные связи с мировым монголоведением, а также взаимодействие и взаимовлияние различных научных школ. Недостаточно обобщен научный материал по научным концепциям мирового монголоведения: этногенеза монгольских народов, монгольской кочевой цивилизации, особенности международных отношений в системе Россия-Монголия-Китай, радикальных преобразований монгольского общества и государства в XX веке, особенности отношений государства и буддийской церкви Монголии на длительном периоде развития. Изолированное изучение западной, российской и монгольской историографии истории Монголии необходимо преодолеть и представить полную комплексную картину изучения истории, этнологии, культуры Монголии в мировом монголоведении.

Назрела необходимость создания истории мирового монголоведения в контексте мирового востоковедения и мировой исторической науки. История российского монголоведения и монгольской науки до сих пор были рассмотрены изолированно, в отрыве от мировых научных процессов. До сих пор были слабо прослежены связи национальных школ мирового монголоведения, их взаимодействие и взаимовлияние национальных центров изучения истории, культуры Монголии.

Предполагается серьезное внимание уделить концептуальным вопросам изучения истории Монголии различными научными школами мира: этногенезу монгольского этноса, роли и значению монгольской империи в мировой истории, историй международных отношений России, Монголии и Китая в XIII–XX вв., монгольские исторические источники и национальные историографии.

Важное место предполагается уделить истории изучению исторической и гуманитарной науки Монголии, ее крупным ученым: Ш. Бира, Б. Ширендыб, Б. Ринчен, Ш. Нацагдорж, Н. Ишжамц, Ц. Дамдинсурэн, Л. Жамсран, Ж. Болдбаатар, З. Лонжид, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Ч. Дашдаваа, С. Чулуун, Н. Хишигт, А. Очир, и др. В современной Монголии в последние годы изданы многотомные собрания сочинений (в восьми томах) многих известных историков, что позволяет тщательно исследовать творческий путь и эволюцию научных поисков классиков монгольской науки.

Назрела необходимость создания совместными усилиями монголоведами различных стран обобщающей историографической работы. Основным результатом исследовательской работы является подготовка и издание коллективной совместной российско-монгольской работы «История мирового и российского монголоведения» в трех томах.

Список использованной литературы

1. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический справочник. – М.: Вост. лит-ра, 2005. – 295 с.
2. Бойкова Е.В. Библиография отечественных работ по монголоведению 1946–2000 гг. – М.: Вост. лит-ра, 2005. – 687 с.
3. Гольман М.И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества).50-е – середина 90-х годов XX века. – М.: Институт Востоковедения РАН, 2004. – 334 с.
4. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. – М.:ИВ РАН, 2009. – 192 с.
5. Дацышен В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи. Монография. –М.: Проспект, 2016. – 192 с.
6. Дацышен В.Г. История русского китаеведения. 1917–1945. – М.: Весь мир, 2015. – 352 с.
7. Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. – 376 с.
8. Дэлхийн монгол судлал. Монгол эрдэмтдийн лавлагаа. 1–2 боть. – Улан-Батор, 2015
9. История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.: Наука, 1990. – 435 с.
10. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М.: Вост. лит-ра, 1997. – 536 с.
11. Кузьмин Ю.В., А.П. Суходолов. История Монголии и ее международных отношений в XX веке в работах монгольских и российских исследователей. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. – 232 с.
12. Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Книга 1. А–Л. – М.: Наука, 1995. – 702 с.
13. Милибанд С.Д. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Книга 1. М–Я. – М.: Наука, 1995. – 765 с.
14. Полянская О.Н. Монголоведение в России первой половины XIX века: О.М. Ковалевский и А.В. Попов. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2019. – 324 с.
15. Суходолов А.П., Кузьмин Ю.В. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века. Проблемы истории и историографии. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – 318 с.
16. Улымжиев Д.Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведения. – Улан-Удэ, 1994. – 107 с.
17. Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения/Д.Б. Улымжиев. Улан-Удэ, 1997. – 216 с.
18. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833 гг.). Подготовка к изданию, предисловие, комментарии и указатели О.Н. Полянской. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2008. – 228 с.

Проблемы историографии российского монголоведения

Представлена характеристика изучения в России монголоведения, основных научных центров и ведущих монголоведов. Определены основные проблемы исследования российского монголоведения, намечены направления дальнейших научных поисков. Дана периодизация монголоведных историографических в России, важное внимание уделяется проблеме методологии историографических исследований. Представлена краткая характеристика основных историографических работ современных монголоведов: М.И. Гольмана, Ш.Б. Чимитдоржиева, Д.Б. Улымжиева, В.Д. Дугарова, О.Н. Полянской. Необходимость исследования монгольского монголоведения. Место российского монголоведения в мировой науке. Определены проблемы истории российского монголоведения и пути их решения.

Российское монголоведение имеет глубокие традиции изучения истории, литературы и культуры Монголии. Географическая близость России к соседней кочевой стране, языковое и конфессиональное единство монголоязычных и тюркских народов Сибири к Монголии определили глубокий научный интерес русской научной мысли. Становление и развитие российского монголоведения происходило в XVIII-XIX вв. и связано с именами выдающихся российских монголоведов Я.И. Шмидта, А.В. Игумнова, О.М. Ковалевского, А.В. Попова, Д. Банзарова, Г. Гомбоева, К.Ф. Голстунского, А.М. Позднеева, В.Л. Котвича, Б.Я. Котвича, Н.Н. Поппе.

К началу XX века российское монголоведение превратилось в цельную комплексную область научного знания и получило мировое признание и приоритет [6]. В XX веке в российском востоковедении и монголоведении происходили существенные изменения: трансформируется тематика и методология научных исследований. Это происходило особенно кардинально в 1920–1930-е и 1990-е годы. В настоящее время происходит возврат к традиционной тематике российского монголоведения и восстановление престижа в мировой науке.

Происходят важные изменения и в географии монголоведных исследований в России: ослабляется роль прежде основных центров монголоведения (Москва, Санкт-Петербург) и усиливается роль региональных центров России: Улан-Удэ, Элиста, Казань, Новосибирск, Кызыл, Иркутск, Владивосток, Барнаул. Представляется, что ведущим центром современного российского монголоведения

становится Бурятия, которая имеет значительное число профессиональных монголоведных специалистов, проводит международные научные конференции. Институт Монголоведения, Буддологии и Тибетологии (ИМБиТ), возглавляемый академиком Б. В. Базаровым и Бурятский государственный университет являются ведущими центрами подготовки российских монголоведов и издания обобщающих коллективных работ, существенно продвигающих развитие российского востоковедения и монголоведения.

История становления и развития научных организаций России, развития научной мысли страны представляет особую важность в современных условиях реформирования системы научных исследований в стране, ее оптимизации. Историография – наиболее трудоемкий и синтетический вид исторического исследования, требующий основательных знаний конкретной истории Монголии в новое и новейшее время, методологии и источниковедения научной отрасли, историографии сложных и спорных проблем монголоведения.

Историографические исследования требуют высокой профессиональной подготовки: знаний по конкретной истории России и Монголии определенного периода, источниковедения и историографии проблемы, развития общественной мысли изучаемого периода, конкретных научных биографий исследователей и дискуссионных проблем изучаемого периода.

История российского монголоведения – область постоянного внимания современных отечественных ученых. Данная область историографических исследований имеет глубокие научные традиции в нашей стране, особенно резкий бум научного интереса к осмыслению научного вклада российских монголоведов произошел в последние двадцать лет в связи поиском новой парадигмы монголоведных исследований, резкой смены тематики исследования и методологии научного поиска. Возвращение в постсоветский период к проблематике традиционного классического монголоведения потребовало значительного переосмысления научного творческого пути целой области востоковедения, так и научного вклада отдельных монголоведов.

Российские монголоеды активно и плодотворно занимаются вопросами истории монголоведения: российского, монгольского и западного. Об этом свидетельствуют обзорные статьи в коллективных обобщающих работах «Очерки истории русского востоковедения», «История отечественного востоковедения» в двух томах,

монографии, статьи, рецензии и обзоры. Этими исследованиями занимаются специалисты соседних специальностей: востоковеды (китаеведы, японоведы), филологи, отечественные историки. Издана подробная библиография отечественных работ по монголоведению (Е.В. Бойкова), опубликованы обзорные статьи по истории российского монголоведения известных монголоведов Н.П. Шастиной, И.И. Иориша, М.И. Гольмана, В.В. Грайворонского, Д.Б. Улымжиева, Ш.Б. Чимитдоржиева, Б.В. Базарова, В.Д. Дугарова, Е.И. Лиштованного, О.Н. Полянской, С.К. Рощина, Г.С. Матвеевой (Яскиной), И.Я. Златкина, И.В. Кульганек, В.Л. Успенского, Л.К. Герасимович, С.Г. Кляшторного и др.

Традиции историографических монголоведных исследований в России связаны с именами В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова, Н.П. Шастиной, Л.С. Пучковского, И.И. Иориша, М.И. Гольмана, Е.М. Даревской, Д.Б. Улымжиева, Ш.Б. Чимитдоржиева, В.Ц. Наيداкова, Б.В. Базарова, Ю.В. Кузьмина, Е.И. Лиштованного, О.Н. Полянской, Л.Б. Жабаровой, Н.Е. Единарховой, Л.П. Поповой, И.В. Кульганек, А.В. Старцева, А.Н. Хохлова и др. В разные годы российскими историками были предприняты попытки создания коллективного труда по истории востоковедения и монголоведения, об этом свидетельствуют «Очерки русского востоковедения», «История отечественного востоковедения до середины XIX века» (1990) [7], «История востоковедения с середины XIX века до 1917 года» (1997), «Монголика» (12 выпусков), «Российское монголоведение» (вып. 1–6). Особо следует выделить исследования академика В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», Н.И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1879 г.), многочисленные статьи Н.П. Шастиной, которая готовила докторскую диссертацию по истории русского монголоведения, но не завершила ее, а также монографии Д.Б. Улымжиева «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» (1994 г.), «Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.» (1997) [13, 14], Ш.Б. Чимитдоржиева «Российские монголоведы (XVII – нач. XX вв.)» (1997 г.), «Выдающиеся бурятские деятели» (вып. 1–4) [12;16].

Одним из направлений историографических исследований является подготовка творческих биографий крупных историков-монголоведов. Подготовлены творческие биографии крупных российских монголоведов: Г.Ф. Шамов о профессоре О.М. Ковалевском (1983 г.) [17], Н.Е. Единархова о Я.П. Шишмареве (2009 г.), В.М. Алпагов о Н.Н. Поппе (1996

г.), Е. М. Даревская о С. А. Козине (1994 г.), О. Н. Полянская о О. М. Ковалевском (2001 г.). Основательно изучена научная деятельность бурятских монголоведов Д. Банзарова, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова, много лет проводятся научные чтения. Наиболее популярен пока уровень отдельных статей, посвященных биографии монголоведов, имеющий в основном юбилейный характер. Монографический уровень пока только осваивается. Заслуживают специального монографического исследования творческие биографии таких крупных российских монголоведов как Я. И. Шмидт, Н. Я. Бичурин, А. В. Игумнов, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, Ц. Ж. Жамцарано, И. Я. Златкин, С. Д. Дылыков, Л. К. Герасимович, М. И. Гольман. Творческое наследие крупных монголоведов сложнее исследовать, требуется значительное время и глубина анализа. Исследователю необходимо соответствовать научному уровню корифеев монголоведения. Специального изучения заслуживает проблема научного взаимоотношения между разными поколениями ученых. Характер научных взаимоотношений определяет различие научных подходов и формирование неформальных групп в научной среде, а также фактор профессиональной конкуренции и личных взаимоотношений.

Назрела необходимость приступить к созданию серии монографических работ, посвященных творческой деятельности и научному вкладу известных монгольских историков Б. Ширендыба, Ш. Нацагдоржа, Ш. Биры, Х. Пэрлээ, Б. Ринчена.

Монголоведные историографические исследования в Монголии в последнее десятилетие получили широкое распространение. Видимо, это связано с изменением методологии и тематики исторических исследований, поиску преемственности исторических традиций. Важное внимание также уделяется введению в научный оборот новых исторических источников и формированию современной концепции истории Монголии, особенно в новое и новейшее время.

Историографические исследования продолжают известные монгольские историографы Ш. Бира, Ж. Болдбаатар, Ж. Урангуа, Пунсалдулам, З. Лонжид, Ц. Ишдорж, Н. Хишигт. Наибольший вклад в традиционную историографию Монголии вносит академик Ш. Бира, ведущий специалист в данной области, которому принадлежит также заслуга в координации монголоведных исследований в Монголии и мире, проведении международных конгрессов, публикации биобиблиографий ведущих монголоведов мира [2]. Профессор Монгольского государственного университета Ж. Урангуа – руково-

датель творческого коллектива монгольских ученых опубликовали двухтомник «Монголоеды мира» (2015 г.) [15].

Итоги развития советской марксистской школы XX века, к сожалению, до сих пор не подведены. По нашему мнению, обобщение опыта развития советского монголоведения XX века позволит выявить успехи данного исторического направления, определить ложность и тупикивость некоторых исторических концепций по истории Монголии, определить реальный вклад отдельных крупных историков в исследовании важных исторических событий и ключевых периодов истории XX века. Советская школа монголоведения представлена именами И. М. Майского, Б. Я. Владимирцова, А. В. Бурдукова, Е. М. Даревской, Н. Н. Козьмина, Н. П. Шестиной, И. Я. Златкина, С. Д. Дылыкова, Н. Л. Жуковской, Л. Л. Викторовой, В. В. Волкова, Д. Б. Улымжиева, Ш. Б. Чимитдоржиева, Е. И. Кычанова, Г. И. Михайлова, К. Н. Яцковской, Г. С. Матвеевой, С. К. Рощина, М. И. Гольмана и др.

Осмысление итогов исторических исследований по истории Монголии XX века позволит выявить уровень и глубину исследования важных и наиболее сложных проблем истории, персональный вклад отдельных известных авторов в изучение наиболее дискуссионных научных проблем истории Монголии, выявить малоизученные вопросы и определить перспективы дальнейших научных поисков.

В 90-е годы началась интенсивная научно-исследовательская работа по восстановлению военной истории России. Представляется, что переосмысление военной истории России – задача последующих исследований историков и военных специалистов. Особого изучения заслуживает научная, аналитическая деятельность российских офицеров, особенно представителей Генерального штаба. Военными востоковедами и монголоведами собран и обобщен географический, этнографический, топографический, экономический и исторический материал по странам зарубежной Азии, в том числе Монголии, который должен быть введен в научный оборот.

В последнее двадцатилетие в российской и мировой науке активно изучаются биографии и научное наследие российских военных востоковедов М. И. Венюкова, Л. Г. Корнилова, П. Н. Краснова, Г. М. Семенова, К. Маннергейма, Р. Унгерна и др. Постепенно выясняется их весомый вклад в изучение восточных стран во второй половине 19-начале 20 вв. Оценки и характеристики российских военных специалистов внутреннего и международного положения

восточных стран, перспективы развития отношений с Россией носят оригинальный характер и заслуживают специального исследования.

В настоящее время публикуются биографии, автобиографии, дневники, исследования известных и крупных военных деятелей России. Это позволило расширить наши представления о развитии военного востоковедения в России и показать вклад в мировую геополитику, показать приоритет российских военных в эту область.

В обобщающей работе российских востоковедов «История отечественного востоковедения» (1990 г.) впервые выделено военное востоковедение как составная часть отечественного востоковедения. К сожалению, в работе основное внимание было уделено деятельности военных специалистов на Ближнем Востоке. В настоящее время деятельность военных востоковедов отражена в работах Н.А. Самойлова, А.А. Колесникова, М.К. Басханова, В.В. Глушкова, М. Алексеева, А.А. Шаравина, Г.В. Мелихова, А.В. Постникова, В.Г. Дацышена, Е.В. Бойковой и других. Особо можно выделить крупное исследование М.К. Басханова «Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь» (2005 г.) [1]. К сожалению, научной деятельности российских военных монголоведов не уделено специального и достаточного внимания. Экспедиции военных в Монголию, их научные результаты не стали предметом научного изучения.

В российской историографии появились многочисленные исследования по истории внешней и военной разведки и контрразведки России, имеющие различный уровень глубины изучения проблемы. Вопросы военных востоковедов и монголоведов нашли частичное отражение.

Опубликованы только отдельные статьи, посвященные деятельности полковника А. Хитрово (Е.А. Белов), полковнику В.Л. Попову (Ю.В. Кузьмин, В.Г. Дацышен) [9]. Таким образом, научная и разведывательная деятельность военных монголоведов России до сих пор не стала предметом специального научного исследования в России и заслуживает обратить внимание на эту проблему.

Военно-исследовательская деятельность А.А. Баранова, В.Л. Попова, А. Хитрово, Ю. Кушелева, Тонких и других военных монголоведов заслуживает, по нашему мнению, специального исследования[9]. В современной монгольской историографии и публицистике на слабой источниковой базе критически оценивается научная деятельность военных монголоведов, подчеркивается их разведывательная деятельность и подчеркивается

колониальная направленность (Ж. Урангуа, Ц. Цэрэн, Б. Баабар и др.). Таким образом, российская и монгольская историография показывает, что проблема научного вклада отечественных военных монголоведов требует внимательного и специального исследования и современная историческая мысль сможет решить данную проблему. Наличие исторических источников, их публикация позволит это осуществить достаточно полно, взвешенно и объективно.

В современном монголоведении назрела проблема подготовки обобщающей коллективной работы, посвященной истории российского монголоведения на протяжении трех веков. Предприняты первые успешные попытки отдельных российских ученых [3;10]. Так, в 2015 г. в Бурятии – ведущем российском центре отечественного монголоведения опубликована фундаментальная монография доктора исторических наук, профессора Бурятского государственного университета Владимира Доржиевича Дугарова «Российская историография истории Монголии» [4]. Работа посвящена становлению и развитию российского монголоведения с ХУП по XXI вв. – классической отрасли отечественного востоковедения, имеющей мировое признание в исторической науке и представленной блестящими классиками науки: Н.Я. Бичуриным, Д. Банзаровым, Г. Гомбоевым, А.М. Поздневым, Б.Я. Владимирцовым, В.Л. Котвичем, Г.Ц. Цыбиковым, Ц.Ж. Жамцарано, С.А. Козиным, Н.П. Шестиной, И.Я. Златкиным, М.И. Гольманом, С.К. Роциным, Д.Б. Улымжиевым, Л.Н. Гумилевым, Л.К. Герасимович, Ш.Б. Чимитдоржиевым.

Автор данного научного исследования – В.Д. Дугаров – известный в российском монголоведении ученый, который более 30 лет занимается изучением истории Монголии в новое и новейшее время, историографией истории Монголии. В 2004 году успешно защитил докторскую диссертацию «Взаимоотношения России и Монголии в ХУП-XX вв. (вопросы историографии)». Опубликовал шесть монографий, семь сборников, пять учебных пособий по монголоведению и более 160 статей. Наиболее крупные исследования В.Д. Дугарова: «Взаимоотношения России и Монголии в ХУП-XX вв. (вопросы историографии)» (2004 г.), «Военное дело кочевников Байкальского региона в период средневековья» (совместно с В.Ю. Мясниковым), «Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX – нач. XX вв.» (2008 г.), «Курс лекции по истории Монголии (эпоха древности – начало XX в.)» (2009 г.), «Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в современной

отечественной монголоведной историографии» (совместно с Н.Ц. Сагаевым) (2014 г.). В.Д. Дугаров – представитель бурятской школы российского монголоведения, ученик Д.Б. Улымжиева достойно продолжает дело подготовки современных российских монголоведов на историческом факультете Бурятского государственного университета, а также представляет данное научное направление на международных конференциях и конгрессах в России, Монголии и Китае. Является организатором и координатором целого ряда международных конференций в Улан-Удэ и Улан-Баторе.

Несомненным достоинством данной монографии В.Д. Дугарова является обращение к вопросам методологии монголоведных исторических исследований, смены парадигмы научного подхода: переход от марксистской к современной методологии, лишенной идеологической нагрузки. «Методологическая цель данного труда заключается в том, что в период отхода от марксистской парадигмы развития народов монгольской этносферы и формирования новой российской исторической науки актуальными становятся проблемы комплексного историографического анализа огромного блока бесценного отечественного монголоведного материала. Автор в данном труде предпринял попытку проанализировать сложные теоретико-методологические процессы в современном российском востоковедении» [4, с.8]. Данный подход В.Д. Дугарова представляется нам справедливым и обоснованным. Действительно, решение назревших научных проблем невозможно без глубокого изучения отечественного востоковедного наследия. Сложные проблемы современного монголоведения: этногенез монгольских народов, формирование монгольской государственности и роль внешнего фактора, роль Чингис-хана и его наследников в становлении монгольского государства, национальный суверенитет монголов, характер отношений монголов с соседями: Китаем – Цинской империей и Русью-Россией, классическое монгольское материальное и духовное наследие и сфера внешних заимствований не могут быть решены без привлечения историографического отечественного наследия и новых методологических подходов.

В последние годы историей российского монголоведения плодотворно занимается доцент Бурятского госуниверситета О.Н. Полянская, опубликовавшая монографию о О.М. Ковалевском и ряд оригинальных статей, основанных на архивных материалах: «Монголоведные исследования В.Л. Котвича (1872-1944)» (2012),

«Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (2013), «Изучение монгольских народов в Читинском отделении Русского Географического Общества» (2014), «Переписка востоковеда О. М. Ковалевского и В. П. Васильева по истории монголоведения» (2015), «Преподаватели синодальных учебных заведений России и у истоков научного монголоведения: А. А. Бобровников (1822-1865)» (2015) и др. [11].

Целый ряд публикаций по истории российских монголистов-филологов осуществил московский ученый В. Э. Раднаев: «Первый российский монголовед (Я. И. Шмидт)» (2007), «Казанская школа монголоведов в трудах отечественных и зарубежных монголоведов» (2009), «Сравнительно-историческая монголистика: веки развития, состояние и перспективы» (2010), «Истоки грамматической мысли в Монголии: по страницам исследований зарубежных и отечественных ученых» (2011). Несомненным достоинством статей В. Э. Раднаева – критический анализ работ российских монголоведов: (монография «Монгольское языкознание в России в первой половине XIX века: проблемы наследия» (2012).

Вопросы российской историографии Монголии привлекают молодых исследователей, об этом свидетельствуют диссертации Л. Г. Арсеньевой, А. В. Михалева, А. О. Гомбоева, Е. В. Нолева, И. А. Гусевой, А. С. Хеубшман, И. С. Даниловой, О. Н. Пушечниковой и др. Новое направление исследований – изучение западного монголоведения: немецкого, польского, чешского, венгерского.

Назрела необходимость в истории изучения монголоведения с уровня описания, обзорности к анализу научной мысли России, изучению основных проблем монголоведения.

История российского монголоведения нуждается в дальнейшем углубленном исследовании [8]. Большого внимания заслуживают проблемы развития ключевых проблем монголоведения, эволюция научных идей, формирование национальной школы монголоведения и ее региональных подразделений, имеющих особенности и специфику. Это не должно быть традиционное перечисление имен ведущих монголоведов и их трудов, а проблемное изложение развития науки. Основное внимание предполагается обратить на эволюцию ключевых направлений и концепций российского монголоведения. Творческое наследие известных монголоведов имеет не только серьезные научные достижения и творческие прорывы, но некоторые ошибочные заключения и научные заблуждения, поэтому необходимо усилить элемент критичности научного анализа.

Список использованной литературы

1. Басханов М.К. Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь / М.К. Басханов. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 2005. – 295 с.
2. Бира Ш. Монгольская историография ... / Ш. Бира. – М.: Изд-во Наука, 1983. – 320 с.
3. Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.) / М.И. Гольман. – М.: Наука, 1988. – 221 с.
4. Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии / В.Д. Дугаров. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – 376 с.
5. Дугаров В.Д., Курас Л.В. Российское монголоведение XVII–XXI веков (периодизация проблемы) // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2015. – С.576–583.
6. История Монголии. Век XX. – М.: ИВ РАН, 2007. – 448 с.
7. История отечественного востоковедения. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1990. – 435 с.
8. Кузьмин Ю.В. Некоторые вопросы историографии российского монголоведения // VI Межд. Конгресс монголоведов. Докл. рос. делегации. Ч.1. – М.:1992. – С.119–125
9. Кузьмин Ю.В. Монголия и Китай начала XX века в оценках военных исследователей / Ю.В. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 132 с.
10. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / под науч. ред. А.П. Суходолова. – Иркутск, 2014. – 438 с.
11. Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX в.). – Улан-Удэ, 2001. – 140 с.
12. Российские монголоеды (XVIII – начало XX в.). – Улан-Удэ, 1997. – 163 с.
13. Улымжиев Д.Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведения / Д.Б. Улымжиев. – Улан-Удэ, 1994. – 107 с.
14. Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения / Д.Б. Улымжиев. – Улан-Удэ, 1997. – 216 с.
15. Урангуа Ж. Монголоеды мира. В 2-х томах / Ж. Урангуа. – Улан-Батор, 2015. – т.1. – с.357 с.; т.2. – 380 с.
16. Чимитдоржиев Ш.Б. Российские калмыковеды // Российские монголоеды (XVIII – начало XX вв.). – Улан-Удэ, 1997. – С.150–154.
17. Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. – Казань, 1983. – 113 с.

Раздел 1

Иркутское начало российского китаеведения и маньчжуроведения в России: К 310-летию со дня рождения первого русского китаеведа И. К. Россохина (1707–1761 гг.)

Иркутск является восточными воротами России, через него продолжительное время развивались отношения с Китаем и Монголией. Длительное время именно Иркутск являлся административным центром Восточной Сибири, продолжительное время здесь находилась дипломатическая канцелярия губернатора, которая занималась русско-монгольскими и русско-китайскими отношениями, а также находились таможня и штаб военного округа.

В изучении стран Восточной Азии, прежде всего Китая, Монголии, Кореи и Японии, восточных языков Иркутск играл важнейшую роль в Российской империи. В 1725 году по решению Петра I в Иркутске была создана русско-монгольская (русско-мунгальская) школа, которая положила начало изучению монгольского языка в России [14, с.43], позднее в городе короткое время существовала школа изучения японского языка, в администрации постоянно служили переводчики монгольского, китайского, маньчжурского языков. Издавались словари восточных языков, книги о Китае, Монголии, Японии и Корее, отсюда начинались экспедиции известных российских путешественников в страны Востока.

И. К. Россохина в российском китаеведении (П. Е. Скачков, В. Г. Дацышен, В. С. Мясников) справедливо называют первым русским китаеведом, пионером российского китаеведения [2; 9, с.60–61]. Россохин (Рассохин) Илларион (Ларион) Калинович (1707-1761) – первый русский китаевед, стоял у истоков изучения в России Китая, китайского и маньчжурского языков, выпускник

Русско-монгольской школы в Иркутске, ученик Российской духовной миссии в Пекине, первый преподаватель русского языка в Пекине, а также первый преподаватель китайского и маньчжурского языков в России.

Он родился и детские годы провел в семье сельского священника в Забайкалье, в селе Хилок, Селенгинского уезда. С детских лет был знаком с бурятским языком, традиционной восточной культурой, проживая рядом с коренным народом Сибири. В 1726 г. в числе первых учеников был принят в Русско-монгольскую школу при Вознесенском монастыре, где изучал монгольский, китайский и бурятский языки. Учителями языков были бурятский лама Лапсан Нерунов и русский учитель Н. Щелкунов [7, с.24]. Это была вообще первая школа в Восточной Сибири, главной задачей которой была подготовка переводчиков монгольского языка, а также миссионеров для распространения христианства среди бурятского и монгольского населения. Набор первых учеников (25 чел.) проходил с большими трудностями, так как в то время ученья боялись не менее чем рекрутского набора. Школа просуществовала 15 лет, но сыграла важную роль в подготовке первых специалистов со знанием монгольского языка в Восточной Сибири и России [14, с.43].

В 1728 г. настоятель монастыря, архимандрит А. Платковский (о. Антоний) был назначен главой Второй Духовной миссии в Китай, который взял с собой трех наиболее способных учеников (Герасим Шульгин, Михаил Пономарев, Илларион Россохин), в том числе и Иллариона Калиновича Россохина. В 1729 году с торговым караваном под руководством Л. Ланга и Д. Молокова он отправился в Китай, где находился в составе второй и третьей Духовной миссий в Пекине.

С 1729 по 1741 гг. И. К. Россохин находился в Пекине. Здесь он глубоко изучил китайский и маньчжурский языки, окончил китайское педагогическое училище. Знание бурятского и монгольского языков помогло Россохину лучше овладеть сначала маньчжурским, а затем и китайским языками. Согласно китайским источникам, Россохин вместе с другими учениками обучался китайскому и маньчжурскому языкам в Гоцзыцзяне – школе, готовившей педагогов. Хотя, судя по донесениям Антония Платковского, учителя китайского и маньчжурского языков редко появлялись в школе

(«...разве в месяц единожды побывают»), Россохин, в отличие от других учеников, много и настойчиво самостоятельно работал: сохранились его конспекты «Школьные простые манджурского и китайского языков разговоры», датированные 1730 г. Впоследствии это и выделило его среди других учеников, обучавшихся в Пекине. Настойчивость и трудолюбие во многом определили его дальнейшую судьбу и выделили среди других учеников Пекинской миссии.

Относительно устоявшейся в научной литературе даты рождения И. К. Россохина возникают некоторые сомнения. Если считать 1717 г. – годом рождения китаевода, то получается, что в 1725 году ему было примерно 7 или 8 лет, а в 1728 году – одиннадцать лет, что маловероятно, так как это были уже самостоятельные люди, которые не только учились китайскому языку в Пекине, но и выполняли в Русской Духовной миссии ряд хозяйственных функций, например, заготовка дров и сена. Кроме того, в столь юном возрасте их не могли направить на учебу в другую страну, так условия путешествия в Китай через Монголию и условия проживания в Пекине были чрезвычайно сложные в бытовом отношении. В ряде статей и публикаций называется дата 1707 год [4, с.98], что является, по нашему мнению, более убедительным историческим фактом.

В 1735 г. по просьбе китайских властей И. К. Россохин был зачислен в Лифаньюань, в его монгольский приказ. Одновременно он впервые в истории русско-китайских отношений организовал и преподавал русский язык при Дворцовой канцелярии. Перевел ряд крупных китайских трактатов и хроник на русский язык, в том числе «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска». Вот как позднее сам Россохин описывал свое пребывание в Китае: «Доносит прапорщик Ларион Калинин сын Россохин, а о чем мое доношение, тому следуют пункты. В прошлом 1728-м году по указу блаженные и вечнодостоинные памяти его императорского величества Петра Второго послан я, нижайший, в Китайское государство для обучения манджурского и китайского языков. И как я, нижайший, обучился объявленным языкам, то в бытность в Пекине в 1737-м году с караваном статского советника господина Ланга по требованию китайских министров определен китайского российского языка школе для переводу

листов переводчиком, которые между Российской и Китайской империями отсылаются. Также для обучения китайских младых людей русского языка с переводом манджурским. Чего ради за вышеобъявленные труды определено было мне, низжайшему, от Китайского двора по сту по осмидесят рублей в год на российские деньги. И в бытность вышеупоминаемого статского советника господина Ланга дан был мне, низжайшему, указ, чтобы я, низжайший, положенное дело со оным определением по требованию китайских министров отправлял и их людей обучал» [10, с.90]. Известно, что он обучил русскому языку 24-х китайских учеников, которые позднее продолжили традицию изучения русского языка в Китае и подготовки переводчиков и толмачей для практических нужд своей страны.

По данным М.П. Лепехина, по просьбе китайских властей в 1735 году И.К. Россохин был зачислен в Лифаньюань (министерство, ведавшее дипломатическими отношениями Цинской империи с соседними странами) переводчиком с русского и преподавателем в школу русского языка при дворцовой канцелярии [8, с.62]. Таким образом, русский студент одним из первых стал преподавать русский язык китайцам, что было впервые в истории Китая и России. Совместно с другим учителем, маньчжуром Фулахэ, И.К. Россохин перевел на маньчжурский язык «Грамматику» Мелетия Смотрицкого, которая была доставлена в Китай. На основе учебника Смотрицкого И.К. Россохин составил «Собрание важнейших извлечений, переведенных с русского языка», оно состояло из 14 книг и явилось первым учебником и грамматикой русского языка для китайцев. В предисловии к переводу учебника он также кратко рассказал историю создания русской школы в Пекине, этот очерк Россохина является основным историческим источником сведений о ней. Он подготовил учебное пособие «Как выговаривать китайские речи, писанные российскими литератами для их подлинного произношения» [6, с.77].

И.К. Россохин проявил инициативу выявления оригинальных трудов о Китае и приобретения китайских книг и большой карты Китая, на что потратил основную часть своего скудного жалованья. Позднее, эти издания составили основу академического собрания китайской коллекции в России. Позднее, к сожалению, часть этих

книг была продана И.К. Россохиным из-за тяжелого материального положения ученого и его семьи.

И.К. Россохин глубоко познакомился и изучил историю и географию Китая, оказался наиболее способным и усердным студентом Духовной миссии в Пекине. Он перевел на русский язык многие географические названия, обозначенные на Большой китайской карте. За эту работу И.К. Россохин получил офицерский чин прапорщика и повышение жалованья. Всего им было изучено и составлено 79 карт Цинской империи и прилегающих пограничных территорий. И.К. Россохин уделял большое внимание именно приграничным территориям, а также описанию отдельных китайских городов, крепостей, населенных пунктов, планам отдельных городов. Эта информация имела важный стратегический характер для России, и ее географической науки, национальной безопасности нашей страны.

В сопроводительной бумаге, хранящейся в архиве Канцелярии Академии, отмечается: «По справке из Кабинета в 1738 году статский советник Ланг между прочим доносил, что географическую карту всего китайского богдыхана владения на тридцати двух листах, которую он в тамошней его, Ланга, бытности в Пекине радением тамошних языков российского ученика Лариона Россохина получил, на которой его же трудами звания рек, городов и протчих мест российскими литерами приписано, и за такую ево, Россохина, верную службу и радение обнадежил его, что будет пожалован рангом и жалованием против других. И в том же 1738-м году в отправленном указе ис кабинета к нему, статскому советнику Лангу, писано, ученику Россохину за показанные его труды по представлению его статского советника награждением прапорщичьим рангом и денежным жалованием против ево братьи по сту по пятидесяти рублей на год учинить соизволяется, дабы и другие, видя такое награждение, могли иметь надежду и лутчую к службе и обучению охоту» [10, с.90].

По представлению русского резидента в Китае И. –Л. Ланга 4 сентября 1738 г. И.К. Россохин был произведен в прапорщики с увеличением годового жалованья до 150 рублей. Это был редкий случай награждения студента Духовной миссии в Пекине. Китайцы не были заинтересованы в точном знании иностранцами географии своей страны, системы административного управления,

особенно пограничных территорий. Перевод на русский язык географических названий Китая и составление географической карты Китая на русском языке было осуществлено впервые в российской историографии. Современные географы и картографы России отмечают составление данной карты как крупный шаг в изучении географии Китая Цинского периода [4, с.98–100].

И. К. Рассохин внимательно изучал не только традиционную культуру Китая, философские, географические труды, но и современные технические изобретения китайцев. Он прошел обучение у придворного фейерверкера и подготовил специальный труд по данной теме: «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках, коим образом оные составлять и из каких материй, с ясно изображенными при том фигурами» [10, с.91].

Жизнь русских студентов в Пекине не была безмятежной и простой. Приходилось преодолевать не только трудности изучения китайского и маньчжурского языков, сложности отношений с китайскими властями, но и материальные и душевные проблемы длительной оторванности от родной земли и русского образа жизни. Не всегда вовремя выплачивалось материальное пособие, небольшое по своему размеру. Но И. К. Рассохин успешно преодолел все трудности и самостоятельно достиг серьезных успехов в китаеведении. Некоторые его соученики ломались морально, выпивали и вели разгульный образ жизни. Так, по данным Бантыш-Каменского, «вследствие непотребных поступков обретающегося в Китае Российского духовенства, с немалым для тамошних жителей соблазном, бесчинного и пьянственного житья не только их, но и посланных для изучения китайского и маньчжурского языка учеников Владыкина с товарищами, драк, непослушания начальнику и наконец чинимых от китайских министров этому духовенству озлобления и унижения, – указано: «взять оттуда в Россию архимандрита Антония Платковского с причтом и привезти его в св. синод под стражей на его коште, а на место его отправить в Пекин иеромонаха Иллариона Трусова, с производством его в архимандрита и с предписанием ему иметь над российскими учениками, в Пекине находящимися, крепкое смотрение» [17, с.136]. «Ланг подверг его телесному наказанию и затем в цепях, под стражей, на его же коште, провез архимандри-

та по всему пути от Пекина до Петербурга (в 1737 г.). Антоний был судим. Лишен сана и сослан под надзор в число братии Троицко-Сергиевой лавры. В таком положении он оставался до 1744 г., когда императрица Елизавета Петровна...повелела возвратить ему сан» [3, с.91].

В 1741 г. он вернулся в Россию и был направлен в Академию наук «для переводов и для обучения китайскому и маньчжурскому языкам». Прослужил в Академии наук переводчиком двадцать лет, выполняя переводы дипломатических документов и готовя кадры для Русской Духовной миссии в Пекине. И.К. Россохин перевел более 30 сочинений с китайского и маньчжурского языков, неоднократно предлагал Академии наук издать их. В архивах Академии наук России и рукописном фонде библиотеки сохранились рукописи русского ученого, которые изучали и использовали последующие поколения российских китаеведов, но они так и не были введены в научный оборот: «История о завоевании китайским ханом Кан-хией калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татарии» (1750 г.), «Сокращение китайской истории, называемой всеобщее зеркало, к учреждению добрых порядков в правительстве способствующее» (1750 г.), «Русско-китайский словарь (1745 г.), «Китайская книга Сань дзы гин, то есть троесловное нравоучение, содержащее в себе краткую историю», «О том, как некоторой мальчик переспорил великого китайского учителя Куньфудзья» (1745 г.), «О двадцати четырех пунктах, касающихся до родительского почтения» (1745 г.), «Известие о шелковых заводах, каким образом они учреждены в Китае», «Описание путешествия, коим ездили китайские посланники в Россию, бывшие в 1714 году у Калмыцкого хана Аюки на Волге» [5, с.13–14].

И.К. Россохин первым из членов Духовной миссии приступил к переводам многотомных официальных китайских и маньчжурских исторических трудов. Первоначально выбор текстов для переводов он делал самостоятельно, а позднее выполнял переводы по выбору Г.Ф. Миллера, российского историографа, с которым находился в административном подчинении. Отношения И.К. Россохина с Г.Ф. Миллером складывались достаточно сложные и противоречивые, связанные с его учениками, выбором текстов и оплатой труда. К сожалению, при его жизни

ни одна работа Россохина не была опубликована. Составил ряд учебников и грамматик, которые остались также в рукописях. Разумеется, большинство работ не являлись самостоятельными работами, а точными переводами с китайского языка. Их использовали отечественные и зарубежные исследователи-востоковеды, часто не ссылаясь на автора переводов. В ряде случаев иностранцы, находящиеся на службе в России, передавали их на Запад, где они активно вводились в научный оборот. И. К. Россохин готовил также примечания к переводам с европейских языков книг по китаеведению. Аналогичные опубликованные переводы западных востоковедов принесли им мировую славу и известность, а переводы и труды И. К. Россохина так и остались неизвестными.

Разумеется, при оценке трудов И. К. Россохина необходимо учитывать, что он не получил полного школьного образования того времени, а основные знания получил путем систематического и упорного самостоятельного труда, а также настойчивости и упорства. Формирование российской науки, в том числе и востоковедения, происходило в условиях доминирования иностранных ученых в Академии наук и сложных отношений с первыми русскими учеными, недооценке их научных результатов, их передаче и недобросовестном использовании на Западе. Подготовленные труды и переводы считались излишне объемными, трудными для понимания и сложными для публикации, в ряде случаев предлагалось изложить их в более кратком виде. По мнению профессора В. Г. Дацышена, «стоявшие у руководства Академии наук немецкие ученые «не пропускали» русских синологов на более высокие ступени в официальной русской науке». Против такого отношения выступал М. В. Ломоносов, который считал, что нужно иметь специальную Ориентальную академию [3, с. 19].

Школа китайского и маньчжурского языков Россохина просуществовала десять лет, ее ученики включались в состав духовных миссий в Пекин и стали переводчиками с китайского и маньчжурского языков в российской столице. И. К. Россохин считал создание школы китайского и маньчжурского языков своим главным делом [8, с. 63]. 17 июля 1741 г. данная школа была утверждена и из гарнизонной школы были присланы

первые ученики: Я. Волков, С. Карелин, Л. Савельев и С. Чекарчев. Россохин не только обучал их языкам, но и китайским манерам и национальным традициям. Важное внимание он уделял фонетике китайского языка; был составлен в 1745 году учебный русско-китайский словарь. Учащиеся овладели переводом оригинальных китайских текстов, которые он сравнивал с собственными переводами. Его ученик Яков Волков выполнил частичный перевод с китайского языка «Четверокнижия» («Сышу»), а развернутые примечания к нему осуществил И.К. Россохин. Для преподавания оригинальных китайских текстов перевел на русский язык трактаты: «Сань-цзы цзин» («Трогословный канон»), «Цянь-цзы вэнь» («Тысячесловие») [8, с.63]. Фактически он впервые в российской китаистике сформировал национальную систему переводов с китайского и маньчжурского языков, заложил основы российского китаеведения. Положил начало изучению истории Китая, ее географии и традиционной философии и культуры.

По прошению И.К. Россохина, его ученики были зачислены в 1746 г. в Академическую гимназию, он постоянно заботился об улучшении их общенаучного стиля речи и письма, подъеме общего уровня образования, а также улучшению материального обеспечения. Некоторое время его ученики даже жили в его семье. Школа Россохина просуществовала десять лет, до 1751 года, когда он был вынужден, из-за служебного конфликта с Г.Ф. Миллером, И.–Э. Фишером, отказаться от подготовки переводчиков с китайского и маньчжурского языков [8, с.64]. Немецкие ученые считали, что ученики Россохина достигли слабого уровня освоения восточных языков и неспособны к изучению восточных языков и недостаточно их освоили. Академия наук на начальном этапе своего формирования вообще не поощряла развитие китаеведения, отвергнув китайца Чжу Гэ (Федора Джогу), который только некоторое время преподавал китайский язык в 1738 г., а также китаеведа И. Быкова в 1742 г. [3, с.17–19]. По оценке В.П. Тарановича, Миллер и Фишер использовали только его знания китайского языка и страноведения Китая, «отметив его трудолюбие и надежность переводов. Однако они не заботились о том, чтобы продвинуть в печать его переводы и присвоить ему какое-либо ученое звание» [15, с.239]. До 1757 г. он оставался в звании прапорщика при низком жаловании, и

только после подачи личного заявления он стал получать 300 руб. и именоваться подпоручиком [15, с.228].

В формировании библиотеки Академии наук китайских и маньчжурских книг и рукописей, ее систематизации И.К. Россохин сыграл важную роль. Так, Лоренц Ланг привел из Китая три ящика китайских и маньчжурских сочинений, каталогизацию которых осуществил И.К. Россохин. В 1741 году он также передал в библиотеку двадцать книг, привезенных из Китая. В 1742 г. Россохин отобрал китайские и маньчжурские книги из библиотеки Остермана. Он являлся консультантом по приобретению китайских книг Академией наук и в дальнейшем описывал их в библиотеке [6, с.83]. Именно Россохин сформировал основной список литературы, необходимой для Академии наук по Китаеведению. Позднее, он был вынужден продавать свои личные китайские книги в библиотеку, а в 1761 году вдова И.К. Россохина продала его книги в библиотеку Академии наук. В целом, И.К. Россохин передал в академическое собрание России более 100 книг на китайском и маньчжурском языках. Таким образом, И.К. Россохин сыграл важную роль в создании китайской коллекции библиотеки Академии наук, которая имела в дальнейшем важное значение для подготовки новых Китаеведов и развития российского Китаеведения.

Испытывал тяжелые материальные трудности, был вынужден продавать китайские книги. Некоторые работы изданы после его смерти, большинство рукописей не изданы до сих пор. Некоторые из них утратили свое научное значение, но в целом они сохранили свою историографическую ценность и заслуживают обработки и публикации как дань уважения и почтения первому русскому Китаеведу. Необходимо отметить, что публикации в форме статей и заметок о научном вкладе И.К. Россохина в российское Китаеведение выходят постоянно, особенно много их было в 1950–1960-е годы. Творческую биографию и научное наследие И.К. Россохина изучали П. Е. Скачков, М. П. Лепехин, В. П. Таранович, Н. П. Шастина, А. В. Стренина, Б. С. Стариков, М. И. Радловский, В. С. Мясников, М. П. Волкова, С. Н. Марков, В. Г. Дацышен, Б. А. Кирмасов [11; 12; 13; 16]. Опубликованная в 1945 г. подробная статья востоковеда-любителя В. П. Тарановича «Ил. Россохин и его труды по Китаеведению» дала опре-

деленный толчок изучению творческого наследия переводчика в 1950-е годы [15, с.225–141]. Публикации о И.К. Россохине создали условия и предпосылки для создания обобщающей монографии о творческом вкладе ученого и преподавателя китайского языка в российское китаеведение. Созрели условия обобщить отдельные и фрагментарные данные о жизни и деятельности И.К. Россохина, уточнить отдельные факты его жизни, выяснить противоречивость некоторых оценок российских исследователей его творческого наследия.

Его семья: жена Екатерина Григорьевна и двое детей остались без средств даже для скромного существования и серьезно нуждались, так он брал жалованье вперед и оставил семье только долги. Его сын Петр продолжил профессию своего отца и тоже стал переводчиком, так как отец готовил его к этому роду деятельности.

Дело перевода китайских текстов, начатых И.К. Россохиным, продолжил известный российский китаевед А.Л. Леонтьев, который служил в Коллегии иностранных дел и продолжил перевод фундаментальной работы «Обстоятельное описание о происхождении и состоянии всего Маньчжурского народа и войска, восьми знаменах состоящего». Книга состояла из 16 томов и 250 глав, первые восемь томов перевел Россохин (до 1761 г.), остальные 10 томов перевел Леонтьев и издал в 1784 г., спустя четверть века после смерти переводчика. По данным В.Г. Дацышена, «указом от 7 августа 1762 г. Сенат предложил Академии наук ускорить работы по публикации перевода И.К. Россохина и А.Л. Леонтьева. Однако адъюнкты И.И. Тауберт, вопреки этому распоряжению Сената, передал рукопись академику А.Л. Шлецеру, намеревавшемуся вывести за границу и опубликовать там переводы русских синологов. Лишь благодаря вмешательству в дело М.В. Ломоносова работы первых русских китаеведов остались в России» [3, с.29]. Это ценный исторический источник, который плодотворно использовали последующие поколения российских китаеведов.

Представляется, что И.К. Россохин сыграл важную позитивную роль в становлении российского китаеведения, подготовке первых специалистов китайского и маньчжурского языков в Российской империи. В трагической судьбе первого иркутского и российского китаеведа, не опубликовавшего при жизни ни одного перевода, словаря и научного труда, и не получившего российского и мирового

признания при жизни, отразились противоречия формирования Академии наук России, участие иностранных ученых в ее создании. К сожалению, традиции не публикации рукописей российских китаеведов, и в дальнейшем продолжилась в российском востоковедении. История сибирского и иркутского востоковедения также нуждается в специальном изучении и дополнении. Творческая биография И. К. Россохина имеет еще достаточно «белых пятен» и требует дальнейшего внимательного исследования на основе изучения архивных документов и уже опубликованных материалов.

Список использованной литературы

1. Волкова М. П. Первый учебник русского языка для китайских учащихся/ М. П. Волкова// Краткие сообщения Института народов Азии. М.: 1963. Вып. 61. – С.154–157.
2. Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи: монография/В. Г. Дацышен. – Красноярск, 2000. – 100 с.
3. Дацышен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи/В. Г. Дацышен. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.
4. Захаренко И. А. Востоковедческое изучение трансграничных регионов России и Китая: историко-географический и картографический аспект/И. А. Захаренко//Новые исследования Тувы, 2013. – №2. – С.95–103.
5. Иориш И. И. Материалы о монголах, калмыках и бурятах в архивах Ленинграда. История, право, экономика/ И. И. Иориш. – М.: Наука, 1966. – 206 с.
6. История отечественного востоковедения до середины XIX века. – М.:Наука, 1990. – 435 с.
7. Кузьмин Ю. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) //Ю. В. Кузьмин, В. В. Свинин. Под научн. ред. проф. А. П. Суходолова. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – 438 с.
8. Лепехин М. П. Россохин Илларион Калинович/М. П. Лепехин// Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 3. – СПб.: Наука, 2010. – С.62–68
9. Мясников В. С. Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2 кн./В. С. Мясников; Институт Востоковедения РАН. – кн. I. М.: Вост. лит., 2006. – 550 с.
10. Радовский М. И. Ларион Россохин и начало изучения китайской пиротехники в России (Неопубликованная рукопись Россохина «Обстоятельное описание о разных китайских огненных фонтанах и ракетках»/М. И. Радовский// Из истории науки и техники в странах Востока. Вып. 2. – М.:1961. – С.88–99.

11. Скачков П. Е. О неизвестных рукописях Россохина/П. Е. Скачков//О неизвестных рукописях Россохина/П. Е. Скачков//Народы Азии и Африки, 1965. – №1. – С.158–159.
12. Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения/П. Е. Скачков. – М.: Наука, 1977. – 505 с.
13. Стренина А. В. У истоков русского и мирового китаеведения/А. В. Стренина//Советская этнография, 1950. – №1. – С.170–177.
14. Суходолов А. П. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии/А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин; под ред. проф. М. П. Рачкова. – Иркутск: Изд-во Байкал. ун-та, 2016. – 318 с.
15. Таранович В. П. Ил. Россохин и его труды по китаеведению/К. П. Таранович// Советское востоковедение. 1945, №3. – С.225–141.
16. Шастина Н. П. Перевод И. Россохина источника по истории монголов конца XVII века/Н. П. Шастина//Ученые записки Института востоковедения АН СССР. Т.6. –М. –Л., 1953. – С.200–211.
17. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных по истории Сибири: 1032–1882 гг./И. В. Щеглов. – Сургут, 1993. – 483 с.

Иркутский монголист и переводчик А. В. Игумнов и профессор О. М. Ковалевский: характер научных взаимоотношений

Александр Васильевич Игумнов (1761-1834гг.) – известный иркутский знаток монгольского и бурятского языков, один из первых в России составителей рукописного 4-х томного монголо-русского словаря, переводчик и преподаватель монгольского языка в Иркутске, Верхнеудинске. Он является учителем основателя российского научного монголоведения О. М. Ковалевского.

Полная творческая биография А. В. Игумнова до сих пор не написана и ждет своего исследователя. Отдельные стороны его творческого наследия представлены в публикациях Н. Шукина (1838), В. В. Вагина (1872), Н. И. Веселовского (1879), П. П. Баснина (1902), Л. С. Пучковского (1960), М. П. Хамаганова (1961), Ш. Б. Чимитдоржиева (1980, 1997), Г. Ф. Шамова (1983), О. Н. Полянской (2001, 2008) и др. [5, 6, 7, 8]. Краткие сведения о нем имеются также в известных российских энциклопедиях и словарях.

Его работы и краткие сведения о нем были опубликованы в журналах: «Казанские известия» (1816), «Вестник Европы» (1822), «Сибирский вестник» (1828), «Московский телеграф» (1828-1829). Очерк жизни и деятельности А. В. Игумнова был опубликован в журнале «Сын Отечества» и «Северный архив» [10, с.84–96].

А. В. Игумнов родился в Кударинской крепости, находящейся на границе с Китаем. Его отец служил здесь переводчиком монгольского и маньчжурского языков. Детство прошло среди бурят и монголов, поэтому он хорошо говорил на их языках. Прадед, дед и отец А. В. Игумнова служили в Забайкалье, в Кяхте, владели восточными языками. Отец Василий Константинович служил в 1749–1774 гг. пограничным комиссаром в Забайкалье, с 1774 г. – переводчик с монгольского языка в Кяхтинской пограничной канцелярии, трижды ездил в Пекин и сопровождал Духовные миссии в качестве пристава и переводчика [7, с.155]. В 1771 г. отец отдал его в только что учрежденную школу монгольского языка в Селенгинске, которую окончил в 1777 г. Затем он идет по стопам своего отца и служит толмачем в Кяхтинской пограничной канцелярии, в 1781–1782 гг. в качестве переводчика сопровождает в Китай Российскую духовную миссию. Постоянно совершенствует собственные познания восточных языков, внимательно наблюдает жизнь различных народов Китая и Монголии, собирает этнографические и фольклорные сведения. За интерес к китайской и монгольской литературе и культуре в Иркутске его называли «мандарином». [3, с.27–30] Начинает формироваться пытливый исследователь монгольских народов. Несколько поколений семьи Игумновых служили на российской границе, владели информацией о Китае и Монголии, составляли словари монгольского, маньчжурского и китайского языков.

При содействии иркутского губернатора Ф. Н. Клички он смог отправиться в Москву и Петербург, где работает в архивах и библиотеках, встречается с учеными. Особенно внимательно изучал литературу о Монголии и монгольских народах. Видимо, именно здесь он принимает решение о необходимости составления монголо-русского словаря. В 1786 г. в связи с осложнением обстановки на русско-китайской границе его отзывают из столицы и А. В. Игумнов принимает деятельное участие в разрядке напряженности. В 1805 году его включили в состав посольства графа Ю. А. Головкина как переводчика монгольского языка. Вел важную

дипломатическую переписку с ургинскими властями, неоднократно его посылали в Ургу с важными дипломатическими миссиями, ведения переговоров. С 1787 г. А.В. Игумнов стал составлять монгольский словарь, что значительно раньше немецких ученых в Петербурге. В этом смысле приоритет русской школы монголоведения представляется несомненным фактом.

Затем он служит в различных городах Сибири: Иркутске, Верхнеудинске, Кяхте, Чите. В Иркутске служил переводчиком монгольского языка при Общем губернском управлении. Занимался переводческой и преподавательской деятельностью. А.В. Игумнов в совершенстве овладел монгольским и бурятским языками, пользовался высоким авторитетом у местных коренных жителей. В 1813 г. учредил частную монгольскую школу. Также преподавал монгольский язык в Иркутской духовной семинарии. А.В. Игумнов сумел убедить иркутского архиепископа Михаила в необходимости ввести преподавание монгольского языка в духовной семинарии. Преподаванием монгольского языка он занимался на протяжении всей своей жизни, причем часто безвозмездно.

Таким образом, мы видим, что А.В. Игумнов не имел высшего образования и соответствующей научной и методической подготовки, а являлся практическим знатоком монгольских языков, своеобразным самородком, выходящем из простого народа, а его деятельность была ответом на потребности того времени. Сбором материала о монгольском языке занималось несколько поколений семьи Игумновых, служивших переводчиками на русско-монгольской границе.

По своим общественно-политическим взглядам являлся просветителем, был знаком и дружен с декабристами, находившимися в сибирской ссылке, принадлежал к просвещенным кругам сибирского общества. Известно, что в десятиные годы вокруг монголиста А.В. Игумнова группировался небольшой кружок иркутской интеллигенции. Иркутский купец и библиофил П.Т. Баснин в мемуарах отмечал, что в городе нет «столь высоко ценимого всеми за мудрость, великое знакомство с существом всяких событий и доброту безконечную». Историки Ф.А. Кудрявцев и Г. Вендрих писали об этом так: «Среди противников «сибирских сатрапов» были талантливые представители немногочисленной тогда сибирской интеллигенции Г.С. Батеньков, монголист и китаевед А.В. Игумнов, писатель И.Т. Калашников, историк П.А. Словцов.

В Иркутске вокруг Игумнова образовался небольшой кружок людей, недовольных деспотическими действиями Пестеля, Трескина и др. чиновников. На Игумнова поступали доносы, что его гости сильно осуждают власти и «смеются над особой» генерал-губернатора. О злоупотреблениях местной администрации Игумнов сообщал своим друзьям в Петербург, прося их повлиять на улучшение сибирских дел» [4, с.83].

Его дополняет другой известный историк И. В. Щеглов: «По словам старожилы С. С. Щукина, Трескин не мог видеть, чтобы печатали что-либо из Иркутска в газетах, а особенно о ценах на хлеб, которые он выставлял по-своему. Ему не хотелось, чтобы кто-нибудь вел переписку с Петербургом и, заподозрив, например, в этом монголиста Игумнова, образованнейшего человека своего времени, его начали притеснять, отдали под суд, отрешили от должности и запретили въезд в Иркутск» [9, с.225].

За свои взгляды, убеждения и поступки А. В. Игумнов неоднократно подвергался преследованиям: находился под полицейским надзором, несколько раз высылался из Иркутска, был вынужден менять место работы и жительства. Эти обстоятельства существенно затрудняли его научную деятельность, сбор и составление словаря.

А. В. Игумнов собирал монгольские рукописи, материалы по этнографии, истории, праву и религии монгольских народов, а также эпос этих народов. Он собрал уникальную коллекцию монгольских книг и рукописей. Его перу принадлежит «Обозрение Монголии» – первое статистико-этнографическое обозрение. Е. Тимковский в своем описании путешествия в Китай привел различные сведения из работы А. В. Игумнова «О нынешнем состоянии Монголии».

Большой интерес он проявлял к буддизму. Описал некоторые нормы обычного бурятского права. Как большой знаток права кочевых народов выступал как эксперт. По сведениям историка Л. М. Дамешека, в 1831 году управляющий делами Сибирского комитета Величко направил шесть частей проекта степных законов в Иркутск «на заключение известного знатока быта инородцев, губернского переводчика монгольского языка Игумнова» [1, с.48].

В 20-х гг. XIX в. кафедры монгольского языка не имел ни один университет Европы. В России монгольским языком в это время занимался Я. И. Шмидт (1779-1847), монгольской историей – китаист Н. Я. Бичурин (1777-1853). С 1827 года вопрос о создании

кафедры монгольского языка стал обсуждаться в Казанском университете, ректором которого только что стал Н.И. Лобачевский – великий русский математик, человек широко и прогрессивно мыслящий. Было решено отправить двух студентов: О.М. Ковалевского и А.В. Попова – будущих профессоров монгольского языка, в Иркутск к А.В. Игумнову. Иркутский монголовед и переводчик дал свое согласие учить студентов и написал П.А. Словцову, инспектору сибирских училищ: «находясь на окончании дней жизни моей, с большою охотою берусь обучить монгольскому языку двух предлагаемых студентов и с этим вместе постараюсь сделать их же и полными наследниками того, что я по сей день приобрел, умею и знаю» [8, с.26]. О.М. Ковалевский называл А.В. Игумнова в письмах своим учителем, а себя его учеником.

А.В. Игумнов в течение многих лет работал над составлением монголо-русского словаря. Основной его составления были корни монгольских слов, было составлено четыре тома. Позднее он начал составлять словарь в алфавитном порядке, но не успел его закончить, успев составить только два тома.

Игумнов встретил О.М. Ковалевского и А.В. Попова в Иркутске приветливо. Ковалевский в одном из писем в Казань писал: «Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает» [8, с.32]. Иркутский монголовед представил О.М. Ковалевскому и Попову в их распоряжение свои учебные рукописные пособия, часть которых была специально для них подготовлена. Особенно А.В. Игумнов выделял «Правила монгольского правописания», изложенные в 3-х тетрадях: «Под сим простым заглавием заключается богатейшее собрание правил, касающихся не одного только правописания, но основательного познания изменений имен, спряжений глаголов, частиц отдельных, наречий и проч.» [8, с.72].

Занятия монгольского языка в Иркутске проходили с О.М. Ковалевским и А.В. Поповым три раза в неделю по три часа в день. Первые успехи в изучении монгольского языка вызвали восхищение не только их наставника А.В. Игумнова, но и иркутского общества. Их похвалил генерал-губернатор, а городничий Иркутска с женой выразили желание изучать также монгольский язык. О.М. Ковалевский готовился также к поездке в Китай, изучал китайский и маньчжурский языки.

В Рукописном отделе Вильнюсского университета находится часть материалов О. М. Ковалевского и среди них «Монгольский букварь», составленный Игумновым и переписанный Ковалевским, по которому он начал изучать в Иркутске монгольский язык. О. М. Ковалевский и А. В. Попов занимались также перепиской оригинальных монгольских рукописей, обучаясь правильному монгольскому правописанию и составляя собственных архив монгольских документов. А. В. Игумнов имел доступ к официальным письмам монгольских чиновников в Иркутск, правовым документам Монголии. Списали они редкую рукопись «Чингисхановы наставления» 1790 г., «Монгольское уложение» 1817 г. для составляемой Монгольской хрестоматии.

Для изучения монгольского языка и совершенствования знаний О. М. Ковалевский и А. В. Попов использовали сокращенный Катехизис, переведенный на монгольский язык А. В. Игумновым и литографированный в Омске [11, с. 46]. Сложный религиозный текст и его перевод способствовал развитию навыков перевода. В Иркутской научной библиотеке Иркутского госуниверситета хранятся несколько текстов религиозного содержания на монгольском языке.

Находясь в Иркутске, будущие монголоеды начали под руководством Игумнова создавать свои словари, используя материалы четырехтомного неопубликованного словаря Игумнова. Для освоения переводов с монгольского на русский, они использовали монгольские и бурятские народные сказки, песни и легенды, в том числе и о Гэсэре, записанные Игумновым. Несомненно, что словарь Игумнова оказал существенную помощь Ковалевскому в составлении известного и не потерявшего своего научного значения «Монголо-русско-французского словаря» (1844-1849).

В письме О. Ковалевского в Казань от 26 ноября 1828 г. отмечается, что «преисполненный радости, в знак особенного расположения, подарил мне Монгольский словарь, или лучше сказать, материалы для составления его, тщательно им собранные с 1778 по 1824 год, в двух огромных томах. Сия рукопись содержит в себе одни Монгольские слова (около 12 000), с указанием откуда которое взято, и с объяснением труднейших выражений» [11, с. 52].

Летом 1829 г. Игумнов вместе с Ковалевским и Поповым выехали в Забайкалье с целью практических упражнений в монгольском языке и сборе этнографических сведений о монголо-язычных народах. В этой поездке они собрали значительное число старых

монгольских рукописей или сделали копии с них, записали образцы бурятского и монгольского фольклора. Практические навыки монгольского языка, более точное произношение монгольских слов, изучение быта кочевников серьезно помогли в изучении языка и традиционной культуры.

А.В. Игумнов записал для Ковалевского народное предание о происхождении бурят, которое тот позднее опубликовал в «Иркутских губернских ведомостях» (за 1869 г.), и «Казанском вестнике». О.М. Ковалевский так написал об этом: «Переписали мы г. Игумнова два сочинения, из коих первое, под заглавием «О существовании бурятского народа», заключает в себе некоторые исторические сведения и местные предания о происхождении бурятов и присоединении их к России, а другое «Монгольское уложение». Сочинение сие, по своей важности, служит дополнением материалов о ламской вере». По сведениям современной исследовательницы творческого наследия Ковалевского О.Н. Полянской, сочинение Игумнова «О происхождении бурятского народа» пока не найдено [5, с.23].

Подводя итоги поездки по Забайкалью в 1829 г., в письмах к М.Н. Мусину-Пушкину О.М. Ковалевский писал: «Между миссионерами (английскими) и Игумновым начались «ученые прения», которые кончились в пользу англичан, «согласно с мнением лам». Англичане отмечали «чистое произношение и бурятский разговор г. Игумнова, но не одобряют его переводов, уличают в незнании грамматики» [5, с.25].

Встречи с английскими миссионерами Робертом Юилль (Юелль), Эдуардом Сталибрас и Вильгельмом Сван состоялись в 1829 и 1830 гг. Миссионеры жили в Забайкалье уже десять лет, изучили монгольский и бурятский языки, составили грамматику монгольского языка, по поручению Библейского общества занимались христианизацией бурят. О.М. Ковалевский – человек европейской культуры и образования считал общение с ними важными для уточнения грамматики монгольского языка. Миссионеры поддерживали О.М. Ковалевского и одобрили составленные им словари, грамматики и хрестоматии.

На более поздних этапах обучения монгольскому языку, О. Ковалевский отмечает некоторые затруднения А.В. Игумнова в объяснении грамматических правил языка. Хорошее практическое знание монгольского языка и отсутствие полного теоретических

знаний грамматики А. В. Игумновым объясняется отсутствием систематического высшего образования. Конечно, английские миссионеры и О. М. Ковалевский – представители европейской цивилизации и лучше понимали друг друга.

Тем не менее, позднее О. М. Ковалевский продолжил дело своего наставника А. Игумнова и составил современные грамматики, словари, хрестоматии монгольского языка, сохранил для науки накопленные знания. Представляется, что при создании известного «Монгольско-русско-французского словаря» О. М. Ковалевского были использованы материалы рукописного монголо-русского словаря А. В. Игумнова. В предисловиях словаря О. М. Ковалевского дважды упоминается имя А. Игумнова и его словарь: «Игумнов, приняв в своем словаре за основание известное зеркало монгольского языка (булэку битхэ), привел их в алфавитный порядок найденные в нем слова и прибавил к ним несколько речений, почерпнутых из весьма немногих книг, а более составленных из разговорного языка [2, с. 4]. В одном из писем О. М. Ковалевский называл его «драгоценным подарком», и считал, что «Не трудно из готовых уже тетрадей подписать русский перевод и присовокуплять вновь найденные монгольские слова» [11, с. 52]. Был использован также словарь другого иркутского переводчика В. Новоселова.

Таким образом, А. В. Игумнов передал будущему профессору не только накопленные практические знания монгольского языка, учебные пособия и словари, но и свой незавершенный и рукописный словарь, который был использован для создания классического словаря, который служит и сегодня современным ученым и студентам. Словарь А. В. Игумнова также требует современного исследования лингвистов и издания.

В 1833 г. О. М. Ковалевский вернулся в Казань и организовал в университете первую в России кафедру монгольского языка, читал студентам лекции по монгольскому языку, литературе и истории Монголии, публикует научные сочинения. В 1855 г. была учреждена кафедра монгольского и калмыцкого языков в Петербургском университете, которая стала центром монголоведных исследований. Дальнейшее развитие русского монголоведения связано с именами Г. Гомбоева, К. Ф. Голстунского, А. М. Позднева, Б. Я. Владимирцова, В. Л. Котвича, В. В. Бартольда. И расцвет этой ветви русской науки был бы немислим без глубоких корней, большой, но незаметной подготовительной работы на ее nive

многих почти забытых ныне скромных тружеников, в том числе и работавшего в Иркутске А. В. Игумнова.

Судьба рукописей и книг А. В. Игумнова до сих пор полностью не ясна. По сведениям, приводимым академиком Ц. Дамдинсүрэнном в хронологической таблице второго тома «Русско-монгольского словаря» (Улан-Батор, 1969) отмечается, что в 1838 году, монгольские книги, которые собрал переводчик А. В. Игумнов, при посредничестве П. Л. Шиллинга были переданы в библиотеку Петербурга.

Исследователь монгольских рукописей и ксилографов в Петербурге Л. С. Пучковский уточняет, что именно в это время в Азиатский музей была передана коллекция монгольских рукописей, купленная у А. В. Игумнова и имеющая его собственноручные пометки. Они образовали 6 коллекцию Собрания монгольских рукописей и содержат 166 единиц хранения [6].

Л. С. Пучковский считал, что рукописи монгольской грамматики и монголо-русского словаря А. В. Игумнова не сохранились. Последующие архивные изыскания опровергли эти сведения. Ученый из Казани Г. Ф. Шамов, автор подробной биографии О. М. Ковалевского обнаружил «Монгольский букварь» в Вильнюсе, а монголо-русский словарь обнаружил в Кяхте московский китаист А. Н. Хохлов. К сожалению, монголоведы-лингвисты специально словарь до сих пор не изучили и не ввели его в научный оборот.

Иркутский историк З. Т. Тагаров обнаружил в Государственном архиве Иркутской области и описал рукопись рецензии А. В. Игумнова (на 67 листах) на перевод Я. Шмидта «Нового завета». В научной библиотеке Иркутского госуниверситета хранится перевод на монгольский язык «Устава 1822 г.», осуществленный Игумновым и Санжихаевым.

Творческая биография и научное наследие А. В. Игумнова заслуживает специального монографического исследования. Российское монголоведение имело глубокие корни в Восточной Сибири изучения монгольского языка и монгольской культуры, для него характерна преемственность в его развитии.

Список использованной литературы

1. Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. Иркутск, 1986. – 168 с.
2. Ковалевский О. Монгольско-русско-французский словарь. В трех томах/О. Ковалевский. – Казань: Университетская типография, 1844. – 2715 с.

3. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) /Ю.В. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – 438 с.
4. Кудрявцев Ф., Вендрих Г. Иркутск, 1971. – 436 с.
5. Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия. – Улан-Удэ, 2001. – 141 с.
6. Пучковский Л.С. Александр Васильевич Игумнов // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник Ш.М., 1960. – С.166–195
7. Чимитдоржиев Ш.Б. Монголовец А.В. Игумнов // Исследования по культуре народов Центральной Азии. Улан-Удэ, 1980. – С.155–160
8. Шамо́в Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности/ Г.Ф. Шамо́в. – Казань: Изд-во Казан.н-та, 1983. – 113 с.
9. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг./И.В. Щеглов. – Сургут, 1993. – 463 с.
10. Щукин Н. А. В. Игумнов // Сын Отечества и Северный Архив. Т. П. СПб., 1838, отд.3. –С.84–96.
11. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828-1833). Подготовка к изданию О.Н. Полянской. – Улан-Удэ, 2008. – 228 с.

Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев о Монголии и монголах

Длительное время история русско-монгольских отношений была «обезличена». В исторических исследованиях, посвященных данной проблеме, до недавнего времени почти не были представлены деятели российской дипломатии, вообще очень редко упоминались их имена. Создавалось ложное впечатление о том, что не существовало значительных и ярких личностей в истории русско-монгольских отношений. А это совершенно не так. Я.П. Шишмарев, В.Ф. Люба, И.Я. Коростовец, А. Миллер – вот только некоторые имена российских дипломатов, служивших в Монголии. Первым в этом списке по праву находится Яков Парфеньевич Шишмарев (1833-1915), служивший в Ургинском консульстве секретарем, консулом и генеральным консулом. Уникальным в дипломатической практике представляется срок, который отработал Я.П. Шишмарев в Монголии – 50 лет (1861-1911).

Имя Я.П. Шишмарева нельзя считать неизвестным или забытым в российской историографии. О его помощи и поддержке с благодарностью вспоминали участники многих центральноазиатских экспедиций. Его значительную роль в развитии русско-монгольских связей отмечали Е.М. Даревская (1958, 1994) [1], Ш.Б. Чимитдоржиев (1987), Е.А. Хамаганова (1992), Ю.В. Кузьмин (1997, 2006), Н.Е. Единархова (2001, 2008), А.И. Андреев (2003), А.А. Сизова (2010). В них определены основные вехи его биографии, представлен обзор его исследовательских работ. Важной вехой в российской историографии явилась публикация Н. Е. Единарховой «Русский консул в Монголии. Отчет Я.П. Шишмарева о 25-летней деятельности Ургинского консульства» (2001 г.). А начало было положено статьей знатока истории русско-монгольских отношений Е.М. Даревской в статье, посвященной созданию и деятельности Ургинской школы переводчиков (1864-1920), подготовившей более 100 переводчиков. В публикации основательно освещена роль Я.П. Шишмарева в функционировании школы и подготовке квалифицированных переводчиков.

Я.П. Шишмарев родился в 1833 году в пограничном городе Троицкосавске. Его дед был монголом, который перекочевал в Забайкалье и женился на русской казачке. Его отец, Парфений Шишмарев имел большой опыт работы на русско-китайской границе, был знатоком монгольского языка, имел давние и прочные связи и авторитет в Монголии. Длительное время служил в Кяхте переводчиком при кяхтинском пограничном комиссаре, неоднократно сопровождал миссии и курьеров в Ургу. Несомненно, что это сыграло немаловажную роль в судьбе его сына, с которым он щедро делился своими познаниями и опытом.

Яков Шишмарев учился в Троицкосавской русско-монгольской войсковой школе, затем совершенствовал свои познания в китайском и маньчжурском языках у китаиста К.Г. Крымского в русско-китайской школе в Кяхте. Теоретические познания восточных языков закреплялись практикой, благо в пограничном городе для этого были благоприятные условия.

В 16 лет Я. Шишмарев поступил на службу. Из «Формулярного списка о службе Секретаря и драгомана Российско-Императорского консульства в Урге коллежского секретаря Шишмарева за 1863 год»[2] мы узнаем следующее: 26 мая 1849 г. он принят канцелярским служителем Троицкосавского пограничного правления, 10

января 1852 г. определен протоколистом войскового правления. В апреле 1855 г., по предписанию генерал-губернатора Восточной Сибири, командирован в 3-ю экспедицию на Амур. За заслуги в экспедиции награжден чином коллежского регистратора, 150 рублями серебром и назначен переводчиком маньчжурского языка. В марте 1858 г. он вновь командирован в Амурский край, где участвовал в переговорах и заключении Айгуньского договора 16 мая 1858 г. между Россией и Китаем. За усердие российский император наградил Я.П. Шишмарева орденом Св. Анны 3 степени и пожизненной пенсией – 500 рублей серебром в год. 13 января 1859 г. вновь командирован в экспедицию для разграничения с Китаем от реки Усури до морских берегов и получил орден Св. Владимира. Таким образом, к 30-ти годам жизни он имел значительный опыт ведения сложных и затяжных переговоров с Китаем.

Значительную роль в служебной карьере Я.П. Шишмарева сыграл генерал-губернатор Восточной Сибири граф Николай Николаевич Муравьев, который обратил внимание и привлек к службе молодого и талантливого чиновника, владевшего монгольским, китайским и маньчжурскими языками. Я.П. Шишмарев неоднократно участвовал в известных сплавах по Амуру и дипломатических переговорах. Участие в 1858 году в переговорах в Айгуни и подписании русско-китайского договора дали Я.П. Шишмареву бесценный опыт ведения дипломатического диалога с китайцами. В 1859 году Я.П. Шишмарев участвует в работе пограничной комиссии во главе с подполковником К. Будогосским, в 1860 году находился в Пекине и оказал помощь графу Н.П. Игнатьеву в подписании русско-китайского договора.

Согласно Пекинскому договору 1860 г. русскому правительству разрешалось иметь в Урге консула. Из Кяхты в Ургу в мае 1861 г. во главе небольшой группы прибыл Парфений Шишмарев – его отец. Яков Шишмарев был назначен секретарем российского консульства. 23 июня 1861 г. он переведен в ведомство МИД с назначением секретарем и драгоманом в Урге. Назначенный русским консулом подполковник Бабарыкин, пробыл в Урге недолго и 5 сентября 1861 г. он отбыл в Пекин. Заменивший его Я.П. Шишмарев был официально назначен консулом, действовавшим под руководством русского посла в Пекине и генерал-губернатора Восточной Сибири.

В течение 50 лет Я.П. Шишмарев защищал российские национальные интересы в Монголии. Он был блестящим знатоком стра-

ны, пользовался искренним уважением во всех слоях монгольского общества. Весьма разнообразной была и деятельность первого генерального консула в Монголии, она не ограничивалась только дипломатической службой. Она также включала собственные научные экспедиции и публикации, содействие русским путешественникам. В 1864 г. Я.П. Шишмарев возглавлял экспедицию для изучения перспектив русской торговли в Восточной Монголии, транспортных путей в этом регионе. По данным историка Ш.Б. Чимитдоржиева, Я.П. Шишмарев вместе с монгольским князем Артацедом написал книгу «Сведения о халхаских владениях (с подробной картой Монголии)» [3]. В 1890 г. Я.П. Шишмарев передал в Петербургскую Кунсткамеру (ныне Музей антропологии и этнографии) предметы культа, приобретенные в Урге. Он передал музею коллекцию статуэток «Цам», книги, монгольские вышивки. Исполняя последнюю волю покойного Шишмарева, П.К. Козлов преподнес в дар музею ладанку тонкой китайской работы, подарок Я.П. Шишмареву от ургинского Богдо-гэгэна.

Я.П. Шишмарев был инициатором и организатором созданной в 1864 г. Ургинской школы переводчиков. Он являлся не только руководителем этого учебного заведения, но и преподавал в ней. Кульджанская школа переводчиков и толмачей также была создана при содействии Я.П. Шишмарева. В 1880 г. он приехал в Илимский край и обратился к Туркестанскому генерал-губернатору с вопросом легализации школы переводчиков в Кульдже. В 1884 г. проект организации школы был утвержден Государственным советом России.

Но это вовсе не значит, что его жизнь была безоблачной, а деятельность только успешной. Так, о тяжелом материальном положении российского консула в Урге в 1870 г. свидетельствует его письмо в Иркутск, председателю дипломатической канцелярии Восточной Сибири, в котором он пишет, что «получаемого мною содержания далеко недостаточно на приличную жизнь здесь с семейством, но даже с большими лишениями». Консул описывает дороговизну в Урге, сделанные в этой связи вынужденные долги («в первый раз имею в моей жизни долг»). У Я.П. Шишмарева была большая семья, пять сыновей и три дочери. Он с огорчением писал: «Падаю духом, как подумаю, что приходит время учить детей, а десятилетняя служба в Урге не позволила сохранить ни одного гроша» [4]. В архивном деле ГАИО находится переписка

1870–1882 годов о выдаче Я. П. Шишмареву ежегодного пенсионера в 490 рублей в год.

Я. П. Шишмарев плодотворно занимался научно-исследовательской деятельностью. Специального анализа заслуживают публикации Я. П. Шишмарева: «Народный праздник в Монголии. Надам – долоон-хошуной или праздник семи родов» (1863), «Сведения о халхаских владениях» (1864), «Поездка от города Урги на реку Онон Я. Шишмарева» (1865), «Донесение русского консула в Урге о положении Монголии. Июль 1885 г.» (1886). Работы насыщены интересными фактами, тонкими наблюдениями и самобытными выводами.

В статье «Народный праздник в Монголии», опубликованной в популярном журнале «Северная пчела», Я. П. Шишмарев подробно описал для русского читателя основной летний праздник Надом, который произошел в июле 1862 г. Описание праздника дано очень подробно, буквально по дням и часам. Праздник начался с того, что ханы и князья подносят Богдо-гэгэну жертву, состоящую из зернового хлеба, серебра, шелковых материй. Автор описывает эту церемонию и приводит текст речей, произнесенных на ней.

В тот же день, несколько часов спустя, были открыты соревнования по борьбе, для участия в которой съехались лучшие борцы Халхи. «Между борцами очень много было лам, но он в продолжение борьбы в продолжение борьбы считается светским человеком. Борьба продолжалась 8 дней, в ней участвовало 1032 борца. Подробно описаны ритуалы борцов, правила борьбы, описание наград. «Поборовший одного получает только хлебное печенье, поборовший двоих получает барана, троих – несколько голов верблюдов, лошадей и т. д. Два первые получают несколько голов верблюдов, лошадей, коров, баранов, кусок шелковой ткани, несколько кусков китайки и проч.».

В течение этих восьми дней, рано по утрам, проводилась стрельба из лука, сначала конная в кожаные шары, а затем пешая в сур и ныхлей (в натянутую на рамы кожу). Я. Шишмарев отмечает, что «за каждую попавшую в шар стрелу получает по одному лану серебра. Однако, главным соревнованием, конечно, являлась конная скачка, назначенная в 25 верстах на запад от Урги, в местечке Бухук. Заблаговременно здесь собрались зрители, на протяжении 6 верст расположилось около 3 тыс. юрт и приблизительно 20 тыс. человек: «Все одеты были по-праздничному, движение между Ургой и Бухук не прерывались ни днем, ни ночью.

Рано утром 27 июля ламская музыка известила о выезде Гегена из дворца к празднику. «Геген ехал на белой лошади, впереди шла ламская музыка и ехало несколько лам, из которых один вез перед ним желтый круглый балдахин, сзади ехало человек 50 лам, составляющих свиту».

Расстояние бега составляло 25 верст, участвовало в бегах 480 лошадей, из них 26 пало на дороге. Седоками были мальчики от 10 до 14 лет. Обе передние лошади принадлежали гунну Дайчик Цэцэнханского аймака, хошун которого славится хорошими лошадьми, и почти всегда получает первые призы. Победителей представляли Гэгэну, «чем находчивее монгол, тем более изощряется в наборе слов – за смыслом он не гонится».

На второй день около 500 лошадей (четырёх лет) соревновались на дистанции 16 верст. На третий день скакало 500 лошадей трех лет на дистанцию 8 верст, на ней пало 19 лошадей. Награды получали владельцы лошадей, часть награды также уделялась седокам. Я.П. Шишмарев отмечает, что на этот раз Надом был гораздо малочисленнее прежних, это было связано с повсеместной засухой в Монголии. В обычные благополучные годы в скачках участвует 3 тыс. лошадей, а в борьбе – 2 тыс. борцов.

В объемной публикации «Сведения о Халхаских владениях» Я.П. Шишмарев дал краткую, но всестороннюю характеристику Халхи середины XIX в. Это было своеобразное справочное издание о различных сторонах жизни монгольского общества: границе, климате, административном делении, системе управления, населении, хозяйстве, образе жизни [16].

Автором отмечается факты массового дробления монгольских хошунов, когда после вступления Халхи в подданство Китая, родоначальники больших хошунов начали делить их между своими сыновьями, что привело к образованию 49 убур-хошунов и 84 халхаских, бедных большей частью населением.

Вся забота монгольского князя, по мнению Я. Шишмарева, заключается только в том, чтобы вполне удовлетворить своему честолюбию, а главное сребролюбию...то и другое чувство развито в монголе едва ли менее, чем в китайце». Я.П. Шишмарев считает, что Халха управляется больше своими законами и обычаями, исключая дел, уголовных и судных – по особому уложению, составленному для монголов в Пекине.

Представлена характеристика административной структуры: амбань, хошунный князь, дарга (старшина), сейм. Даны некоторые персональные оценки монгольских правителей: «Больше других пользуется влиянием на народ в Халхе Цэцэн-хан, очень богатый, дельный и добрый старик, служащий уже несколько лет амбанем. Нынешний старшина сейма Цэцэн-хан аймака Джюнь-ван злой старик, владеющий хорошо пером и известный взяточник и ябедник, но с сильной поддержкой в Пекине, конечно, через деньги» [17].

По мнению Я. П. Шишмарева, данные по народонаселению нельзя назвать точными, по словам монголов, насчитывается до 170 тыс. кибиток, что составляет 500 тыс. чел. Основной тенденцией он считает уменьшение численности населения страны. «Одна из главнейших причин уменьшения народонаселения есть то, что почти половина халхасцев – ламы, ведущие безбрачную жизнь, что послужило поводом к упадку нравственности тамошних женщин». Отдельно выделяется автором Шабинское ведомство, по переписи 1862 г. насчитывается 70, 372 души, исключая дархатов. Своей земли они не имеют, а пользуются правом кочевать по всем хошунам. Я. П. Шишмарев дает следующее описание Хутухты: «Настоящий хутухта мальчик 14 лет, довольно красивой наружности, высокого роста и очень живой, он привезен сюда вместе с отцом и матерью».

В Урге живет от 7 до 10 тыс. лам, поселение разделяется на 27 аймаков (кварталов), здесь находится две полиции: светская и духовная. Я. П. Шишмарев пишет, что «монголы большею частью грамотны. Обучением детей занимаются ламы». Это суждение отличалось от общепринятых в российском общественном мнении о степени грамотности монголов. Им предпринята удачная попытка дать характеристику национального характера монголов: «Монголы народ кроткий, трусливый, но хитрый. Где нет маньчжурских чиновников, там монголы бойки и говорливы, в присутствии же их они вялы и молчаливы. Страсть к обману и воровству развита между ними в высшей степени». Желая как-то смягчить негативные черты кочевника, он отмечает, что существует и хороший обычай – гостеприимство монголов.

В июне 1864 г. Я. Шишмарев вместе с чиновником Фроловым и хорунжим Доржитаровым совершил экспедицию из Урги до Онона (до Верхнеульхунского караула) общей протяженностью в 368 верст. Задачей экспедиции было исследование этого пути,

необходимого для развития русской торговли. Он мог связать Ургу с Ононским и Приамурским краем, а через них с Амуром. Было неизвестно насколько удобен для торговых караванов этот путь, насколько он обеспечен подножным кормом и водой. Предстояло собрать сведения, нужные консульству, ознакомиться с краем, снять топографию реки Онон. Подробный отчет об экспедиции – «Поездка от города Урги на реку Онон» Я. Шишмарева был опубликован в 1865 г. в «Записках Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества», изданных в Иркутске.

Публикация содержит детальное описание пути, подробный путевой дневник экспедиции. Сообщив о своем намерении совершить поездку монгольским властям, получил от них предложение сделать ее уртонными станциями. «Ургинским правителям сказал, что должен буду поехать по делам службы из Урги на наши пограничные караулы и, чтобы не делать круга и не обременять монгольские станции, думаю ехать из Урги на границу на своих лошадях и верблюдах».

Перед поездкой, Я.П. Шишмарев собирал сведения о пути и районе будущего путешествия, но информация была различной и противоречивой, не было ни одного человека, который побывал бы на Ононе. В июне все было приготовлено, и на следующий день небольшая экспедиция с двумя монгольским проводниками отправилась в путь, который описывается по дням и даже часам. Автор отмечает поразительное любопытство монгольских кочевников: «Любопытные монголы выезжали к нам из каждой юрты и проезжали с нами по несколько верст, рассматривая обоз, тележку и проч. И пускаясь в расспросы у наших вожатых».

Были встречены солоны, едущие на поклонение, пересечен 12 Дзун-Курень, в котором находилось несколько кумирен, до 400 домов и около тысячи лам. Его поразила боязнь воды монгольскими проводниками при переправе через реки. Вот описание переправы реки Керулен: «Едва въезжали они в воду по колесо лошади, как поднимали голову кверху, зажмуривали глаз и читали вслух молитвы, находясь в этом положении до тех пор, пока не чувствовали, что лошади их давно уже шли по сухой траве».

Интересно такое этнографическое наблюдение Я.П. Шишмарева, как постройка монголами деревянных юрт, срубленных из тонкого круглого леса в четыре угла и покрытых на два ската. По его предположению это было позаимствовано от русских или

бурят, их хозяева, видимо, побывали там. 18 июня встретили земляной вал (Хырмынь-дзам), весь следующий день ехали около него. Местных преданий об этом вале нет, есть только одно, которое он считает нелепым: «Говорят, что вал сделан Чингис-ханом. По древним монгольским обычаям, монгольские ханы и князья не должны были видеть своих невест. Поэтому, когда Чингис женил своего старшего сына, то велел сделать вал по северную сторону которого и жила его невеста».

21 – го числа добрались до русского караула, и Я. Шишмарев делает вывод о пройденном пути и возможном использовании его для русских торговцев: «путь весьма удобен для тележной езды, гористой местности очень немного и то первая треть пути... Весь путь изобилует подножным кормом, вода есть везде. Больших рек, делающих затруднение к езде, нет».

В том же году Я.П. Шишмарев принял участие в Сунгарской экспедиции совместно с кн. П.А. Кропоткиным и А.Ф. Усольцевым с целью сбора сведений о реке Сунгари от устья до города Гириин. По мнению А.И. Андреева, эта экспедиция имела важное политическое значение, так как этим Россия продемонстрировала китайским властям свое право плаванья по реке Сунгари.

По данным современного исследователя из Петербурга А.И. Андреева, в 1868 году состоялась поездка Я.П. Шишмарева в Улясутай, отчет об этой поездке пока не удалось обнаружить. Шишмарев был первым европейцем, побывавшем в этом городе Западной Монголии и сообщившем о высочайшей горной вершине Хангая – Отхон-тэнгри. Из Улясутая консул отправил своего помощника в Минусинск и проложил новый маршрут по данной части Монголии.

В Урге Я.П. Шишмарев решал целый ряд практических вопросов: строительство российского консульства, православной церкви, урегулирование сложных проблем русско-монгольской торговли, разрешение противоречий в русско-китайских отношениях.

Проблемы русско-монгольской торговли занимали основное внимание Генерального консульства и Я.П. Шишмарева. Приходилось решать спорные вопросы русских купцов, защищать их интересы в стране. Он проявлял инициативу и искал новые торговые пути между Россией и Монголией, предлагал купцам осваивать новые товарные ниши в международном товарообороте. Много проблем возникало в торговле чаем, который перевозили монголы,

часть груза терялась в долгом пути и возникали конфликты, разрешавшиеся консульством. Ежегодно Я.П. Шишмаревым составлялись отчеты о русско-монгольской торговле, которые получал генерал-губернатор Восточной Сибири и МИД России. Сейчас это ценный источник по истории Монголии и русско-монгольских отношений.

После 25 лет службы в Ургинском консульстве Я. П. Шишмарев обращался с письмами к Н.М. Пржевальскому и Н.Н. Обручеву – начальнику Генерального Штаба и председателю Военно-ученого комитета с предложением службы в Военном ведомстве. Он писал: «Пробыв по службе в этих краях более 25 лет, я нахожу неудобным для себя оставаться здесь далее, в особенности по семейным обстоятельствам и необходимости воспитывать детей. Ознакомившись достаточно, в продолжение такой долголетней служебной деятельности, с Китаем, Монголией, Маньчжурией, Средней Азией, отчасти с Кореей, с положением дел, быть может, я был бы до некоторой степени полезным Военному Министерству, в ведомстве которого служить было всегда моим желанием» [20].

В Монголии Я.П. Шишмарев прослужил до 1911 года. В последние годы службы в Урге он жил без семьи, которая переехала в Петербург, в связи с необходимостью дать образование детям. С 1911 по 1915 гг. Я.П. Шишмарев консультировал МИД России по сложным проблемам русско-монгольских отношений.

Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев за 50 лет службы в Урге проявил себя как опытный дипломат, умелый организатор и патриот России, а также профессиональный исследователь русско-монгольских отношений и современной Монголии. Известно, что за добросовестную службу Я.П. Шишмарев был награжден тремя российскими орденами, двумя медалями и стал кавалером семи иностранных орденов, в том числе китайского ордена [21].

Профессор кафедры монгольской филологии восточного факультета Санкт-Петербургского университета Л.К. Герасимович в частной беседе сообщала о наличии у родственников Я.П. Шишмарева значительного рукописного наследия. К сожалению, в 30-е годы они его уничтожили, боясь необоснованных обвинений.

Научное наследие Я.П. Шишмарева несомненно заслуживает дальнейшего специального исследования [22].

Работы Я. П. Шишмарева:

1. Надам-долон-хошуней или праздник семи родов // Северная пчела, 1867, №7.
2. Народный праздник в Монголии. Надам долон хошуней. СПб. 1863.
3. Сведения о халхасских владениях // Записки СО РГО. Кн. VII., 1864. – С.55–90.
4. Поездка от города Урги на р. Онон // Записки СО РГО. Кн. VIII, 1865. – С.138–148.
5. Сведения о дархатах-урянхатах ведомств Ургинского Хутухты // Известия СО РГО, 1871. т. II, №3. – С.38–43.
6. Маршрут из Урги в Хлассу // Известия ИРГО, т. IX, №6. – С.185–191.
7. Донесение русского консула в Урге Шишмарева о положении Монголии, июль 1885 // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии Военно-ученого комитета Главного штаба. Вып. 22. СПб., 1886. – С.154–160
8. Очерк торговых и пограничных сношений с Монголией в период 1861–1886 и современное положение страны. Хабаровск, 1894
9. Отчет о 25 летней деятельности Ургинского консульства (1886) // Единархова Н. Е. Русский консул в Монголии. – Иркутск, 2001. С.40–105.

Примечания

1. Даревская Е. М. Ургинская школа переводчиков толмачей (из истории русско-монгольских связей) // Свет над Байкалом, 1958, № 1. – С.140–150
2. Формулярный список о службе секретаря и драгомана Российского Императорского Консульства в Урге коллежского секретаря Шишмарева за 1863 год. – АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД, оп. 749/1, д. 873, л. 1–9.
3. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. М., 1987. – С. 202
4. Государственный архив Иркутской области. Ф. 24, оп. 11–2, д. 20–9, д. 31–9.
5. ГФИО, ф. 24, оп. 11–2, д. 20–9, л. 1
6. Там же, л. 2
7. Там же, л. 218
8. Там же, л. 12
9. Там же, л. 15
10. Там же, л. 54
11. Там же, л. 241
12. ГАИО, ф. 24, оп. 11–2, ед. хр. 22, л. 27

13. Там же.
14. ГАИО, ф.24, оп.11–2, ед.хр.67, л.18
15. Там же, л.19
16. Шишмарев. Сведения о халхаских владениях //Зап.Сиб. Отд. Имп.Рус. ГО. Кн. VI, Иркутск, 1864, С.55–90.
17. Там же, с.89
18. Шишмарев Я. Народный праздник в Монголии // Северная пчела, 1863, №7, отд. оттиск. – С.14
19. Я.П. Шишмарев. Отчет о 25-летней деятельности Ургинского консульства. 1886. – ГАИО, ф.24, оп.11–3, д.121. – 86 лл.
20. Андреев А.И. Я. П.Шишмарев – дипломат, путешественник, исследователь Монголии. // Mongolica. –2003. – вып. 6. – С.121–122.
21. Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. – Иркутск, 2008. – С.111.
22. Кузьмин Ю.В. Шишмарев – Генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 гг. // Bulletin the IAMS Information on Mongolies. – Ulaanbaator, 1997–1998. – №2. – С.75–86, Кузьмин Ю.В. Монголоведные исследования Я.П. Шишмарева // Основные направления функционирования внешнеэкономического комплекса России в условиях глобализации и регионализации мирового хозяйства. – Иркутск, 2006. – С.69–75.

Военные монголоведение России (вторая половина XIX – начало XX вв.).

Усиление в настоящее время восточного вектора внешней политики России диктует задачу глубокого изучения истории сотрудничества со странами Восточной Азии. Это требует основательного знания соседних восточных стран, их истории, экономики, экономической географии и политического положения.

Определение национальных интересов современной России в международной экономике и политике требует основательного знания соседних стран, истории формирования современных границ нашей страны. Расширение торгово-экономических отношений с Китаем и Монголией требует основательного знания исторического опыта взаимоотношений России со своими соседями, формирования экономических, дипломатических отношений в середине 19-начале 20 веков, когда закладывались основы дипломатических и военных отношений.

Военное монголоведение России начала XX века имело серьезную методологию и методику изучения соседних стран мира, их экономического и военного потенциала, определения перспектив развития русско-монгольских и русско-китайских отношений. Геополитическая ситуация в Северо-Восточной Азии, в треугольнике Россия-Монголия-Китай имеет в настоящее время некоторые черты сходства с ситуацией начала XX века. В регионе происходит серьезное усиление экономических позиций современного Китая и ослабление позиций России, поэтому обращение к историческому опыту разрешения противоречий трех стран региона имеет несомненное научное значение.

Позиция военных монголоведов России начала XX века имела несколько прямолинейный и категоричный характер. Определенным образом позиция военных специалистов учитывалась при определении основных действий Российского государства при решении так называемого «монгольского вопроса». Аргументация военных при определении национальных и геополитических интересов России в регионе сохраняют определенную значимость и в настоящее время.

При определении современной политики по отношению к Монголии необходимо учитывать исторический опыт взаимоотношения России начала XX века, а также учитывать национальные, региональные и социальные интересы отдельных общественных сил и социальных кругов, имеющих особые интересы. Уровень анализа геополитической ситуации того времени военными специалистами России заслуживает специального внимания. Результаты данного научного исследования могут быть использованы практическими органами внешней политики и региональных властей для решения конкретных задач экономического и научного сотрудничества с современной Монголией.

Военное монголоведение – составная часть отечественного монголоведения. Оно имеет также важное значение для изучения соседней Монголии. Существенных успехов и результатов достигло военное монголоведение России во второй половине 19 века – начале 20 века. В это время в Монголию было совершено около 20 военных экспедиций для изучения всех районов кочевой страны, результаты которых незаслуженно забыты.

В российской историографии подробно изучены экспедиции и научные результаты Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова,

Роборовского, П.К. Козлова. В исторической и географической науке имеются подробные биографии этих известных военных специалистов, исследован их вклад в изучение географии, геологии, животного и растительного мира, истории и этнографии. К сожалению, целый ряд других военных экспедиций не получили адекватной оценки в российской науке. Интенсивность военных экспедиций в Монголию, планомерность и систематичность исследования различных регионов соседней страны свидетельствуют о глубоком интересе к Монголии, как важному стратегическому региону мира и направлению возможного противостояния Цинской империи и Китая.

Отчеты военных экспедиций были изданы небольшим тиражом, некоторые из них с грифом «Секретно» или «Не подлежит оглашению» не были широко известны как российской научной общественности, так и мировой науке. Подготовленные для практических целей: изучение экономического и военного потенциала соседних стран, изучение транспортных путей и источников водоснабжения, а также для определения направлений внешней политики, они обладали ценной научной информацией о стране: истории, экономике, этнографии, религии, отношении населения к соседям. В настоящее время отчеты и исследования доступны для современных исследователей, но слабо привлекаются в монголоведении. Объемные исследования военных (200-300–400 страниц) обладают ценной информацией и представляют несомненную ценность для современного монголоведения [7].

Военные монголоеды предлагают собственную трактовку международной ситуации в регионе, характеристику русско-монголо-китайских отношений. Данные оценки имеют оригинальный характер в общественно-политической мысли России, существенно отличаются от оценок российских дипломатов, торговых деятелей центральной России и Сибири, ученых-монголоедов, журналистов, представителей различных партий России. Подавляющее большинство военных монголоедов видели серьезную опасность в Китае, ее экспансии в Монголию и предлагали сохранить Монголию как буферную территорию.

Выделяются следующие исследования военных специалистов: полковника Генерального штаба А.А. Баторского «Монголия. Опыт военно-статистического очерка» (1890 г.), полковника В.Ф. Новицкого «Путешествие по Монголии в 1906 г.» (1909 г.), подполковника

Барабаша «Записка о Монголии» (1884 г.), капитана В.Л. Попова «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905 г.), «Второе путешествие в Монголию 1910 г.», А.Н. Куропаткина «Русско-китайский вопрос» (1913 г.), поручика Ю. Кушелева «Монголия и монгольский вопрос» (1912 г.), капитана С.Д. Харламова «Монголия» (1914 г.), капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910 г.), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913 г.), ротмистра А. Баранова «Северо-Восточные сеймы Монголии» (1907 г.), «Барга и Халха» (1905 г.), «Урянхайский вопрос» (1913 г.), подполковника Сафонова «Материалы по описанию Монголии» (1913 г.), подполковника Полтавцева «Материалы для Монголии. Отчет о поездке в Монголию в июле-октябре 1912 г.» (1913 г.), сотника Дорофеева «Отчет о поездке в Северо-Западную Монголию» (1912 г.). Необходимо отметить научный вклад крупных военных монголоведов: полковника А.А. Баранова, составителя словарей и научных исследований Монголии, полковника В.Л. Попова, крупного исследователя «урянхайского вопроса», полковника А. Хитрово – пограничного комиссара в Кяхте [7].

Анализ научного вклада российских военных исследователей, введение в научный оборот результатов их экспедиций позволит расширить источниковую базу российского монголоведения, расширить наши представления о соседней кочевой стране и ее роли в региональной и мировой геополитике. Архивы России: Архив внешней политики Российской империи, Военно-исторический архив, Государственный архив Иркутской области, а также архивы Кяхты, Читы, Улан-Удэ и Улан-Батора обладают ценными материалами о военных экспедициях в Монголию и дополнительными сведениями о деятельности военных специалистов в соседней стране. Публикация документов военных специалистов-монголоведов позволит объемнее представить развитие русско-монгольских отношений в начале XX века. Оценки и характеристики военных специалистов по истории русско-монгольских отношений и перспективам их развития не утратили своего научного потенциала. В условиях растущего экономического потенциала Китая, расширения его экономических связей с соседними странами, они могут помочь переосмыслить новую роль современной России в важном регионе современного мира, в треугольнике Россия-Монголия-Китай.

Продолжительное время российское востоковедение и монголоведение не обращало специального внимания на исследования

военных специалистов, посвященные восточным странам, в том числе и Монголии. В советской историографии основное внимание уделялось путешествиям по Монголии, Китаю и Тибету известных военных путешественников Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, В.И. Роборовского, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова, но акцент в исследованиях был сделан на географических открытиях, ботанических коллекциях. Геополитические характеристики и оценки международных отношений в регионе находились в «тени» исследований. В советской историографии имелось искаженное представление об офицерском корпусе российской армии, информация о нем либо замалчивалась, либо излагалась в искаженном и сокращенном виде.

В 90-е годы началась интенсивная научно-исследовательская работа по восстановлению военной истории России. Представляется, что переосмысление военной истории России – задача последующих исследований историков и военных специалистов. Особого изучения заслуживает научная, аналитическая деятельность российских офицеров, особенно представителей Генерального штаба. Военными востоковедами и монголоведами собран и обобщен географический, этнографический, топографический, экономический и исторический материал по странам зарубежной Азии, в том числе Монголии, который должен быть введен в научный оборот.

В последнее двадцатилетие в российской и мировой науке активно изучаются биографии и научное наследие российских востоковедов М.И. Венюкова, Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова, Г.М. Семенова, К. Маннергейма, Р. Унгерна и др. Постепенно выясняется их весомый вклад в изучение восточных стран во второй половине 19-начале 20 вв. Оценки и характеристики российских военных специалистов внутреннего и международного положения восточных стран, перспективы развития отношений с Россией носят оригинальный характер и заслуживают специального исследования.

В настоящее время публикуются биографии, автобиографии, дневники, исследования известных и крупных военных деятелей России. Это позволило расширить наши представления о развитии военного востоковедения в России и показать вклад в мировую геополитику, показать приоритет российских военных в эту область.

В обобщающей работе российских востоковедов «История отечественного востоковедения» (1990 г.) впервые выделено военное

востоковедение как составная часть отечественного востоковедения [5]. К сожалению, в работе основное внимание было уделено деятельности военных специалистов на Ближнем Востоке. В настоящее время деятельность военных востоковедов отражена в работах Н.А. Самойлова, А.А. Колесникова, М.К. Басханова, В.В. Глушкова, М. Алексеева, А.А. Шаравина, Г.В. Мелихова, А.В. Постникова, В.Г. Дацышена, Е.В. Бойковой и других. Особо можно выделить крупное исследование М.К. Басханова «Русские военные востоковеды. Библиографический словарь» (2005 г.) [1]. К сожалению, научной деятельности российских военных монголоведов не уделено специального и достаточного внимания. Экспедиции военных в Монголию, их научные результаты не стали предметом специального научного изучения.

В российской историографии появились многочисленные исследования по истории внешней и военной разведки и контрразведки России, имеющие различный уровень глубины изучения проблемы. Вопросы военных востоковедов и монголоведов нашли в них лишь частичное отражение.

Современные исследователи истории российского монголоведения: И.Я. Златкин, М.И. Гольман, Ш.Б. Чимитдоржиев, Д.Б. Улымжиев, Н.П. Шастина, О.Н. Полянская, В.Д. Дугаров, Е. И Лиштванский, Е.В. Бойкова, Ю.В. Кузьмин и др. совместными усилиями создали полную и развернутую картину становления и развития российского монголоведения на протяжении 300 лет [2, 3, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14]. Однако, военное монголоведение не нашло отражения в данных работах современных исследователей. Опубликовано только отдельные статьи, посвященные деятельности полковника А. Хитрово (Е.А. Белов), полковнику В.Л. Попову (Ю.В. Кузьмин). Таким образом, научная и разведывательная деятельность военных монголоведов России до сих пор не стала предметом специального научного исследования в России и заслуживает обратить внимание на эту проблему.

Военно-исследовательская деятельность А.А. Баранова, В.Л. Попова, А. Хитрово, Ю. Кушелева, Тонких и других военных монголоведов заслуживает, по нашему мнению, специального исследования. В современной монгольской историографии и публицистике на слабой источниковой базе критически оценивается научная деятельность военных монголоведов, подчеркивается их разведывательная деятельность и подчеркивается колониальная

направленность (Ж. Урангуа, Ц. Цэрэн, Б. Баабар и др.). Таким образом, российская и монгольская историография показывает, что проблема научного вклада отечественных военных монголоведов требует внимательного и специального исследования и современная историческая мысль сможет решить данную проблему. Наличие исторических источников, их публикация позволит это осуществить достаточно полно, взвешенно и объективно.

Впервые в российской историографии предполагается специальное исследование результатов научной деятельности военных монголоведов России. В научный оборот будут введены оценки и характеристики российских военных специалистов по истории, экономике Монголии, ее экономической и политической географии, религиозным конфессиям и культуре соседней страны.

Особое внимание будет уделено оценкам и перспективам развития международных отношений в треугольнике: Россия, Монголия, Китай. Предполагается выявление различных оценок и характеристик военных специалистов, их сравнительный анализ и обобщение. Впервые в научный оборот будут введены научные результаты военных экспедиций малоизвестных военных специалистов-монголоведов полковников А.А. Баранова, В.Л. Попова, поручика Ю. Кушелева, подполковников Сафонова, Полтавцева, капитана Тонких.

Экспертные характеристики Монголии и российско-монгольских и российско-китайских отношений военных монголоведов будут представлены в сравнительной характеристике с оценками российских дипломатов, торговцев, ученых и общественных деятелей. Позиции российских военных будут представлены на широком поле общественно-политической мысли России во второй половине XIX – начале XX века.

Впервые в российской и мировой науке будет представлен «Библиографический словарь военных монголоведов России», что позволит расширить наши представления о российском монголоведении и научных исследованиях российских военных, имевших приоритет по качеству исследования страны. Экспертные оценки российских военных начала XX века не утратили своей актуальности в оценке национальных интересов России в Монголии и Северо-Восточной Азии и помогут сформулировать современные приоритеты развития отношений России и Монголии.

Серьезное изучение научного наследия российских военных монголоведов России позволит по-новому осветить развитие ми-

ровой геополитики и показать место российских военных аналитиков в данную сферу научной мысли. Российская военная мысль не только соответствовала мировому уровню, но и часто опережала его по своему качеству и глубине анализа и теоретического обобщения.

Предполагается формирование нового направления отечественного монголоведения – военное монголоведение. В научный оборот предполагается введение целого комплекса оригинальных исторических источников – отчетов и исследований военных специалистов России второй половины 19 – начала 20 в. Новые источники позволят углубить наши представления о истории, экономике, геоэкономике, этнографии, конфессиях и культуре Монголии. Экспертные оценки военных специалистов отличает некоторая категоричность и прямолинейность суждений, что позволит расширить представление об общественно-политической мысли России и российской историографии истории Монголии.

Полная картина развития отечественного монголоведения и военного монголоведения позволит российской научной мысли опровергнуть некоторые представления западных и монгольских историков о негативной роли российских военных специалистов, как только военных разведчиков и их роли, как начального этапа колонизации кочевой страны. Научный вклад российских военных в отечественное монголоведение позволяет расширить представление о реальной исследовательской деятельности военных монголоведов.

Комплексное изучение взглядов и оценок военных специалистов России позволит углубить современные представления о национальных интересах России, экономической безопасности нашей страны. Геополитические оценки российских военных деятелей международной ситуации в регионе Северо-Восточной Азии позволяют внести существенный вклад в мировую геополитику и скорректировать преобладание в этой сфере только западных исследователей. Исследовательская деятельность военных аналитиков России позволяет говорить о самостоятельном и оригинальном развитии национальной военной теории и геополитики.

Научные результаты данного исследования могут быть использованы в подготовке обобщающих научных работ по истории Монголии и России, российского и монгольского монголоведения, российской историографии и военной истории двух стран. Выяв-

ленные отчеты и исследования военных аналитиков могут быть опубликованы в виде самостоятельного издания исторических источников.

Подготовка и публикация «Биобиблиографического словаря военных монголоведов России» позволит иметь справочное издание о военных востоковедах и позволит молодым исследователям продолжить изучение как отдельных творческих биографий военных специалистов, так и отдельных экспедиций.

Список использованной литературы

1. Басханов М.К. Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь / М.К. Басханов. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 2005. – 295 с.
2. Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.) / М.И. Гольман. – М.: Наука, 1988. – 221 с.
3. Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии / В.Д. Дугаров. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. – 376 с.
4. История Монголии. Век XX. – М.: ИВ РАН, 2007. – 448 с.
5. История отечественного востоковедения. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1990. – 435 с.
6. Кузьмин Ю.В. Некоторые вопросы историографии российского монголоведения// VI Межд. Конгресс монголоведов. Докл. рос. делегации. Ч.1. – М.:1992. – С.119–125
7. Кузьмин Ю.В. Монголия и Китай начала XX века в оценках военных исследователей / Ю.В. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. – 132 с.
8. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / под науч. ред. А.П. Суходолова. – Иркутск, 2014. – 438 с.
9. Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX в.). – Улан-Удэ, 2001. – 140 с.
10. Российские монголоведы (XVIII – начало XX в.). – Улан-Удэ, 1997. – 163 с.
11. Улымжиев Д.Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведения/ Д.Б. Улымжиев. – Улан-Удэ, 1994. – 107 с.
12. Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения/ Д.Б. Улымжиев. – Улан-Удэ, 1997. – 216 с.
13. Урангуа Ж. Монголоведы мира. В 2-х томах / Ж. Урангуа. – Улан-Батор, 2015. – т.1. – с.357 с.; т.2. – 380 с.

14. Чимитдоржиев Ш. Б. Российские калмыковеды//Российские монголоеды (XVIII –начало XX вв.). – Улан-Удэ, 1997. – С.150–154
15. Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности. – Казань, 1983. – 113 с.

Российское военное монголоведение: исследования русско-монгольских отношений полковника А. М. Баранова

В последние годы усиливается интерес к истории российского монголоведения. В научный оборот вводятся новые имена исследователей монгольской истории и культуры, расширяется информация о творческих биографиях русских ученых-востоковедов.

Новым направлением в историографии является исследование научного вклада в российское монголоведение военных специалистов.

В мировой науке, в истории географических открытий в Центральной Азии хорошо известны имена и путешествия Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, В. И. Роборовского, В. К. Арсеньева. В последние годы активно изучаются биографии и путешествия по странам Азии ранее замалчиваемых военных исследователей М. И. Венюкова, Л. Г. Корнилова, П. Н. Краснова, Г. М. Семенова, К. Маннергейма, Р. Ф. Унгерна. Постепенно выясняется их весомый научный вклад в изучение географии и геополитики восточных стран: Китая, Монголии, Японии во второй половине XIX – начале XX веков. Оценки и характеристики российских военных специалистов внутреннего и внешнеполитического положения восточных стран, перспектив развития отношений с Россией носят оригинальный характер и до сих пор не утратили своего научного значения.

К сожалению, до сих пор малоизвестны мировой географической науке многочисленные исследовательские экспедиции российских военных в Монголию в начале XX века. Вышедшие под грифом «Не подлежит оглашению», «Секретно», публикации военных востоковедов не были широко известны российской научной общественности, так и мировой науке.

Подготовленные для практических целей: изучение возможных будущих театров военных действий, военного потенциала против-

ника, а также определения направлений внешней политики Российской империи, они обладали ценной информацией о странах, полученной в ходе специальных экспедиций. Изучался не только военный потенциал соседних стран, но и физическая и экономическая география, этнический и религиозный состав населения, традиции и обычаи народов, их отношение к России и Китаю.

Оригинальную трактовку международной обстановки в регионе, характеристику русско-монголо-китайских отношений предлагали полковник Генерального штаба А. А. Баторский «Очерк военно-статистического очерка Монголии» (1890), полковник В. Л. Попов «Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.» (1905), «Второе путешествие в Монголию 1910», поручика Ю. Кушелева «Монголия и «монгольский вопрос» (1912), капитана С. Д. Харламова «Монголия» (1914), капитана Тонких «Материалы по описанию Монголии» (1910), «Отчет о поездке в Северную Монголию» (1913), полковник А. А. Баранов «Северо-восточные сеймы Монголии» (1907), «Барга и Халха» (1905), «Урянхайский вопрос» (1913), военный министр России А. Н. Куропаткин «Русско-китайский вопрос» (1913) и др.

Опубликованы первые статьи о научной и аналитической деятельности русских военных монголоведов. Среди них можно назвать имена полковника А. Д. Хитрово, полковника В. Л. Попова, поручика Ю. Кушелева, полковника А. М. Баранова, штабс-капитана Ф. К. Боржимского (Ф. Д. Макушек).

Особо нужно выделить монографию М. К. Басханова «Русские военные востоковеды до 1917 года. Биобиблиографический словарь» (2005 г.).

Ведущим военным специалистом по Монголии, политической и экономической географии, монгольской культуре и монгольскому языку являлся военный разведчик, полковник Алексей Михайлович Баранов (1865– после 1926).

А. М. Баранов являлся крупным военным специалистом по Маньчжурии и Монголии, с 1906 года он служил в органах военной разведки Заамурского округа пограничной стражи, свободно владел восточными языками, был составителем «Словаря монгольских терминов» (1907, 1910 гг.), книг и статей о Маньчжурии, Монголии, Барге, Халхе, отдельных монгольских сеймах. Значительную ценность имеют военно-аналитические записки А. М. Баранова, посвященные «монгольскому», «урянхайскому

вопросам», которые свидетельствуют о высоких аналитических способностях разведчика, его проницательности и прозорливости в оценке геополитической ситуации в Северо-Восточной Азии, русско-монголо-китайских отношений.

Алексей Михайлович Баранов по праву занимает место ведущего военного специалиста в русской армии начала XX века по Маньчжурии и Монголии, который играл важную роль в формировании восточной политики России в данном регионе и оставившем богатое научное наследие, которое требует специального изучения и анализа.

А. М. Баранов родом из потомственных дворян Санкт-Петербургской губернии. Общее и военное образование получил в Первой военной гимназии и Первом Павловском военном училище. После окончания военного училища служил в 1884–1887 гг. в 8 артиллерийской бригаде. В 1877 г. уволен по болезни в запас и причислен к департаменту таможенных сборов, затем переведен в пограничную стражу с производством в корнеты. Затем служит отрядным офицером Вержболовской бригады (1888), Ломжинской бригады (1889), в 1891–1894 гг. командовал различными отрядами бригады. В 1897 г. командирован в охранную стражу КВЖД, командир 31-сотни (1900) [1, с.26].

В 1900–1901 гг. – участник похода в Китай и русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1906 года находится в органах разведки ЗОПС, занимается изучением военно-политическими вопросами Маньчжурии и Монголии, совершил несколько военно-географических экспедиций по региону и их результатам подготовил отдельные исследовательские труды.

После окончания русско-японской войны в России и русской армии усилился интерес к проблемам политического, экономического и военного положения в Северо-Восточной Азии, к Маньчжурии и Монголии, которые стали ареной международной конкуренции в регионе Японии, России и стран Запада, США.

А. М. Баранов совершил несколько военно-географических экспедиций в Монголию: в апреле-июне 1905 г. в Халху и аймак Цэцэн-хана, в сентябре-декабре 1905 г. в Халху, Шилингольский, Чжоудаский и Джеримский сеймы. В сентябре-октябре 1906 года А. М. Баранов командирован в княжество Чжасакту-вана и область Таонаньфу, в ставку Цагаан-хутухты [1, с.26]. Был собран уникальный материал по истории, экономике, этнологии, современному

политическому положению отдельных регионов Монголии и Маньчжурии, завязаны личные отношения с отдельными представителями правящего сословия и влиятельными религиозными деятелями. В дальнейшем это станет источником оперативной информации по сложным этнополитическим проблемам развития региона.

На основе собранного во время разведывательных экспедиций материала А. М. Баранов опубликовал в Харбине, в издательстве Заамурского округа пограничной стражи несколько научных публикаций, которые не утратили своего научного значения в настоящее время. И представляют несомненный интерес не только для современной историографии, но и для истории экономики и международных отношений. Основные публикации А. М. Баранова: «Барга, Халха и Джеримский сейм» (1905), «Монголия. Краткие сведения о политическом состоянии Монголии» (1906), «Наши торговые задачи в Монголии» (1907), «Харачины в хошуне Чжасаку-вана» (1907), «Словарь монгольских терминов» в двух томах (1907. 1910), «Северо-Восточные сеймы Монголии» (1907), «Задолженность монгольских княжеств» (1908), «Барга (Географически-экономический очерк)» (1912), «Урянхайский вопрос» (1913), «Халха. Аймак Цэцэн-хана» (1919), «Барга. Историко-географический очерк» (Б. г.), «Изучение памятников древности в Маньчжурии» (1923), «Торговля в Барге» (1924), «Состояние транспорта в Монголии» (1926) и др.

К сожалению, данные публикации известного военного специалиста редко используются современными учеными и до сих пор не стали предметом историографического исследования. Особо заслуживает исследования вклад А. М. Баранова в изучение особого монгольского региона Барги, который часто становился предметом изучения военного специалиста.

Известно, что А. М. Баранов свободно владел монгольским языком, считался ведущим военным специалистом-монголоведом, являлся составителем «Словаря монгольских терминов» в двух томах. Где и как изучал монгольский язык А. М. Баранов пока достоверно не известно. Последние годы жизни в Харбине также нуждаются в дополнительном изучении и уточнении.

В Харбине совместно с полковником Н. Г. Володченко учредил отделение Императорского общества востоковедов, редактировал «Известия Харбинского отделения Императорского общества

востоковедов». После Октябрьской революции остался в Маньчжурии, сотрудничал с русскими эмигрантскими востоковедными обществами, возглавлял историко-этнографическую секцию общества.

Круг научных интересов военного монголоведа был довольно широк: монгольский язык и литература, история, экономическая география Монголии и Маньчжурии, русско-монголо-китайские отношения начала XX века, военный потенциал соседних стран.

13 сентября 1906 года начальник Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи Н. Чичагов представил министру финансов России с грифом «совершенно секретно» памятную Записку ротмистра Баранова «Монгольский вопрос: причины и развитие его» [3, с.102–109].

Автором записки была предложена собственная трактовка появления «монгольского вопроса», его причины и развитие. В печати и трудах некоторых исследователей Монголии считалось, что монгольский вопрос возник под влиянием лам и Далай-ламы. По мнению же А. М. Баранова, «монгольский вопрос вырос на почве политико-экономических интересов Монголии, затронутых Китаем, имеет за собою социально-аграрные мотивы, которые и сделали вопрос делом чисто народным, национальным для каждого монгола» [3, с.103]. Китайская колонизация Монголии: переселение китайских земледельцев, торговцев, чиновников усилила формирование национального движения монголов.

После строительства КВЖД колонизация стала проводиться особенно решительно и по особому выработанному плану: «колонизация сводится к полному отчуждению областей, занятых колониями, из-под власти князя, с превращением их в новые китайские провинции. Другими словами, происходит захват монгольских земель и увеличение территории Китая за счет Монголии, и тем нарушается то политическое равновесие, которое до сего времени существовало между азиатскими государствами» [3, с.105].

Распоряжение правительства о сборе лошадей с Халхи для китайского войска за принудительно низкую цену явилось, по мнению А. М. Баранова, вторым крупным нарушением автономных прав Монголии. Новое обложение монголов вызвало серьезное общественное недовольство в Монголии. Также этому способству-

ет размещение китайских войск в Монголии, создание школ с обучением китайскому языку как государственному, экспроприация китайцами монгольских земель и минеральных ресурсов страны. Кроме того, закрытие монастырей, неуважительное отношение к иерархам ламаистской церкви, ограничительные распоряжения в сфере церковных дел создавали народное брожение и способствовали формированию «монгольского вопроса». Такая политика предполагает захват монгольской территории и образование новых китайских провинций, что создает угрозу для России и требует ее вмешательства. По данным А.М. Баранова, монгольские князья выработали свою программу защиты, но нуждаются во внешней поддержке со стороны России.

В Записке предлагаются основные мероприятия программы действий монгольских князей: получение заверения русского Правительства в том, что им будет оказана поддержка в борьбе с Китаем, необходимость получения русского оружия и военных инструкторов, учреждение при ставках монгольских феодалов русских дипломатических чиновников. Также рассчитывают на создание современной денежной системы, развитие торговых отношений с Россией, формирование концессий по разработке золотых россыпей и других минеральных ресурсов [3, с.107]. Предполагается открытие по хошунам русско-монгольских школ и издание монгольской газеты для духовного объединения Монголии. А.М. Баранов считает необходимым направить в Монголию специальную экспедицию для установления прочных личных связей с монгольскими князьями и получения полной и достоверной информации о соседней стране. «В Монголии доверие к нам есть, симпатии к нам существуют, следует только встать к ним ближе, узнать их короче и практически использовать» [3, с.108].

В январе 1907 года ротмистр А.М. Баранов представил на имя министра финансов В.Н. Коковцева специальную записку с грифом «секретно», посвященную «монгольскому вопросу». В ней А.М. Баранов предлагал конкретные меры дипломатического, экономического и культурного характера, необходимые для усиления русского влияния в Монголии. Была представлена глубокая характеристика монголо-китайских и русско-монгольских отношений в начале XX века, их изменения в связи с китайской колонизацией Монголии. Для усиления русских позиций в Монголии А.М. Ба-

ранов предлагал издание газеты на монгольском языке и создание русско-монгольской школы.

В сборнике «Из эпистолярного наследия В.Л. Котвича» (2011 г.) опубликованы четыре письма А.М. Баранова к известному профессору-монголоведу Владиславу Людвиговичу Котвичу. В письмах представлена информация о подготовке к изданию газеты на монгольском языке. Издание газеты предполагается под эгидой общества Востоковедения в Харбине, как частное предприятие, для большой свободы действий: «Этого взгляда преимущественно придерживался я, и, насколько мне известно, склонился к нему и генерал Хорват. Мне кажется, что подобная комбинация удобна тем, что облегчает работу редактора, предоставляя ему большую свободу в его действиях» [2, с.73]. А.М. Баранов предполагал приступить к изданию элементарных учебников на монгольском языке, привлекая к этому русских учителей и дипломатов, работающих в Харбине.

Из письма А.М. Баранова от 20 декабря 1908 года мы узнаем, что один из князей прислал к нему монгольских мальчиков для обучения. От них были записаны монгольские пословицы и загадки, которые он высылает профессору в Петербург: «Я со своим переводчиком принялся их переводить, но дело идет туго. Если разрешите, я пришлю их Вам, может быть, они пригодятся как материал, хотя бы для сличения их с бурятскими» [2, с.74].

Изучение роли российских военных специалистов в решении русско-монгольских отношений, в разрешении «монгольского вопроса» требует дальнейших архивных поисков, изучение творческих биографий крупных российских востоковедов, что позволит определить объективное и всестороннее исследование истории российско-монгольских отношений начала XX века.

Список использованных источников:

1. Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. – С.26–27.
2. Из эпистолярного наследия В.Л. Котвича. –Улан-Батор, 2011. – 414 с.
3. Урангуа Ж. Монголын тусгаар тогтнолд хаант оросын узуулсэн хучин зуйлс (1911–1917 он). – Улан-Батор, 2010. – С.102–109.

Военный монголовед Российской империи полковник Иван Васильевич Тонких (1877-1939гг.) и две экспедиции по Монголии

В мировой науке, в истории географических открытий в Центральной Азии хорошо известны имена и путешествия Н.М. Пржевальского, Г.Н. Потанина, П.К. Козлова, В.И. Роборовского, В.К. Арсеньева. В последние годы активно изучаются биографии и путешествия по странам Азии ранее замалчиваемых военных исследователей М.И. Венюкова, Л.Г. Корнилова, П.Н. Краснова, Г.М. Семенова, К. Маннергейма, Р. Унгерна. Постепенно выясняется их весомый научный вклад в изучение географии и геополитики восточных стран: Китая, Монголии, Японии во второй половине XIX – начале XX веков. Оценки и характеристики российских военных специалистов внутреннего и внешнеполитического положения восточных стран, перспектив развития отношений с Россией носят оригинальный характер и до сих пор не утратили своего научного значения.

К сожалению, до сих пор малоизвестны мировой исторической и географической науке многочисленные исследовательские экспедиции российских военных в Монголию в начале XX века. Вышедшие под грифом «Не подлежит оглашению», «Секретно», публикации военных востоковедов не были широко известны российской научной общественности, так и мировой науке.

Подготовленные для практических целей: изучение возможных будущих театров военных действий, военного потенциала противника, а также определения направлений внешней политики Российской империи, они обладали ценной информацией о странах, полученной в ходе специальных экспедиций. Изучался не только военный потенциал соседних стран, но и физическая и экономическая география, этнический и религиозный состав населения, традиции и обычаи народов, их отношение к России и Китаю.

Оригинальную трактовку международной обстановки в регионе, характеристику русско-монголо-китайских отношений предлагали полковник Генерального штаба А.А. Баторский («Очерк военно-статистического очерка Монголии») (1890), полковник В.Л. Попов («Краткий предварительный отчет об экспедиции в Монголию в 1903 г.») (1905), «Второе путешествие в Монголию 1910», поручик Ю. Кушелев («Монголия и «монгольский вопрос»)

(1912), капитан С. Д. Харламов («Монголия») (1914), капитан Тонких («Материалы по описанию Монголии») (1910), «Отчет о поездке в Северную Монголию») (1913), полковник А. М. Баранов («Северо-восточные сеймы Монголии») (1907), «Барга и Халха» (1905), «Урянхайский вопрос») (1913), военный министр России А. Н. Куропаткин («Русско-китайский вопрос») (1913) и др.

События начала XX века в Северо-Восточной Азии: восстание ихэтуаней в Китае и китайская война 1900 г., русско-японская война 1904–1905 гг., Синьхайская революция 1911 г. и национально-освободительное движение в Монголии активизировали внимание общественно-политических сил России, в том числе и военных к геополитической ситуации в регионе. В России было подготовлено более 500 военных востоковедов, появилась в армии, ранее неизвестная специальность – «офицер-ориенталист».

Авторы основное внимание уделяли треугольнику международных отношений Россия-Монголия-Китай. Военные специалисты акцентировали на «желтой опасности» для России и европейских стран со стороны Японии и Китая. Так, генерал А. Н. Куропаткин показывал активную китайскую колонизацию Монголии: «монголы вытесняются китайцами, захватывающими большие площади земли для оседлой жизни и земледелия» и в начале XX века Китай поставил задачу «окончательно разорить монголов, воспользоваться их землей и лишить какой бы то ни было самостоятельности».

Генерал А. Н. Куропаткин предлагал передвинуть русскую границу до Гоби, взять Монголию под свое покровительство и определить там автономное устройство. «Продвинувшись до Гоби, Россия создает между собой и Китаем снова пустынную и пограничную зону, и можно надеяться этим путем избегнет столкновения с Китаем в XX столетии». Данный тезис военного министра вызывал принципиальное возражение российских дипломатов и Министерства Иностранных дел, выступавших за взвешенную и сдержанную политику в «монгольском вопросе».

В 1907–1911 гг. в Китае военным агентом, в качестве атташе российского посольства работал полковник Л. Г. Корнилов, известный военный востоковед, владевший 6 иностранными языками. В Китае он много путешествовал по стране, собирал разнообразный материал по истории, культуре и экономике страны. В 1911 году в Иркутске Штаб военного округа издал монографию Л. Г. Корнилова «Вооруженные силы Китая». В мае-ноябре 1910 года полковник

Корнилов совершил длительную поездку по Северной Монголии и Восточному Туркестану и отметил настороженно-враждебное отношение монгольских лам и ноенов к китайским чиновникам и военным. Вообще, штаб военного округа в Иркутске основательно изучал Монголию, Маньчжурию и Китай, направлял военные экспедиции, публиковал их отчеты, переводил прессу соседних восточных стран.

К сожалению, целый ряд российских военных монголоведов начала XX века их вклад в изучение Монголии и российско-монгольских отношений не стали предметом научного исследования. В этом направлении сделаны только первые шаги. Опубликованы статьи о В. Л. Попове, А. М. Баранове, А. А. Хитрово. Специального изучения заслуживает биография и творческое наследие военного исследователя и разведчика И. В. Тонких.

Тонких Иван Васильевич (1877-1939) – российский военный монголовед и разведчик, дипломат. Неоднократно находился в командировках в Монголии и Маньчжурии в начале XX века, возглавлял разведывательное отделение в Иркутске, опубликовал два отчета о поездках в Монголию в 1909 и 1912 гг.

И. В. Тонких родился в пос. Больше-Тонтойской станции Копунской Забайкальской области. Окончил Нерчинское уездное училище, затем Иркутское юнкерское училище и в чине хорунжего направлен в Верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска. Участник Китайского похода 1900–1901 гг., Русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1908 г. окончил Николаевскую академию Генштаба и назначен командиром сотни Первого Верхнеудинского полка, входившего в состав конвоя русского посланника в Урге. В 1910 году был переведен на службу в Генштаб. С апреля 1911 г. Тонких назначается командиром разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера Иркутского Военного округа, где служит под руководством полковника В. Л. Попова. Совершил несколько секретных поездок в Монголию и Маньчжурию. Есаул (затем капитан) Тонких представил и опубликовал два отчета о поездках в Монголию в 1909 и 1912 гг. Первый отчет («Материалы по описанию Монголии, часть прилегающая к западному Забайкалью») был сделан во время следования 6-сотни Верхнеудинского казачьего полка в Ургу в 1909 г. Отчет отличается подробным описанием маршрута движения: состояние дорог, пересечение гор, долин, рек и т.п. Приведены данные о численности населения, его

социальном составе, занятиях, возможностях военных отрядов монголов и китайцев. Оценки монгольских военных подразделений и перспектив развития Монголии носят негативный характер и довольно пессимистичен.

За годы успешной военной службы был награжден орденом Св. Анны 4-й ст. (1901), 3-й (1904), 2-й (1911), Св. Станислава 3-й ст. (1904), 2-й ст. (1905), Св. Владимира 4-й (1904), медалью «За поход в Китай в 1900–1901 гг.», «В память Русско-японской войны 1904–1905 гг.».

В 1913 г. направлен на два года для изучения китайского языка в Пекин, где служил помощником военного атташе в Пекине Л. Г. Корнилова – резидента военной разведки. В 1914 г. возвращается на службу в Иркутск. С 1915 г. в действующей армии на Западном фронте. Полковник, дважды ранен, генерал-майор (1917). Служил в антибольшевистских вооруженных формированиях А. В. Колчака. Эмигрировал, жил в Пекине. С 1923 г. на дипломатической службе в Китае как сотрудник военного атташе при полпредстве СССР в Китае Наркомата иностранных дел. Принимал активное участие в ликвидации вооруженного конфликта на КВЖД. Затем служил в разведывательном управлении Штаба РККА, преподавал на специальных курсах. В 1935 г. уволен со службы и стал пенсионером РККА. Арестован в 1937 г. по ложному доносу и расстрелян в 1939 г. (по другим данным, умер в 1947 г.). Реабилитирован в 1992 г.¹

Как мы отметили ранее, два отчета о поездках в Монголию в 1909 г. и 1912 г. составил есаул (а затем капитан) И. В. Тонких. Первый отчет («Материалы по описанию Монголии; часть, прилегающая к западному Забайкалью») был сделан во время следования 6-ой сотни Верхнеудинского казачьего полка (есаул Тонких являлся его командиром) в Ургу в 1909 г.

Отличительной чертой публикации И. В. Тонких является подробное описание маршрута движения: состояние дороги, пересечение гор, долин, рек и т. п. Приводятся данные о численности населения, его составе, занятиях, возможностях военных отрядов монголов и китайцев.

Характеризуя халхасцев, И. В. Тонких отмечает их добродушие, миролюбие и гостеприимство, а также трусливость и лень. «Они не умеют постоять за себя и ответить на насилие насилием, а безропотно подчиняются тому, кто умеет приказывать»². Автор

скептически относится к боеспособности монгольских военных отрядов: «эти войска, не имеющие никаких кадров и числящиеся только на бумаге, боевого значения иметь не могут»³.

Есаул И.В. Тонких оспаривает устоявшееся в общественном мнении и литературе утверждение о прорусской позиции монголов в случае возможной войны России с Китаем: «Хотя мое мнение, что монголы питают живую симпатию к русским и ненавидят китайцев» сомнительно.

П.А. Бадмаев, А.Н. Куропаткин, Ю. Кушелев строили свои рассуждения на тезисе о благожелательном отношении монголов к русским. Тонких же утверждал, что симпатии монголов «будут на той стороне, которая победит. Во всяком случае, первое время по открытию военных действий монгольское население описываемого района, «судя по опыту войны японо-китайской и русско-китайской 1900 г., будет к воюющим сторонам относиться безучастно»⁴. И чтобы не нарушить подобное равновесие необходимо внимательное отношение к монголам со стороны русских войск и особенно справедливый расчет за покупаемый у них скот. При таком отношении монголы охотно будут пригонять скот, а их симпатии будут склоняться в сторону России.

И.В. Тонких выделяет четыре категории китайцев в Монголии: служилые чиновники, купцы, колонисты и рабочие на приисках. Колонизация китайцев в Халху регулярно из года в год увеличивается, хотя идет не так успешно, как в восточной Монголии. В Урге нет ни китайской пехоты, ни артиллерии, а находится только конный отряд численностью 250 человек. По определению Тонких, главное назначение отряда – это «поддержание внутреннего спокойствия» во время массового перемещения китайцев весной и осенью из Калгана на север через Ургу и обратно. «Вообще же, – замечает Тонких, – боевое значение китайского Ургинского гарнизона не велико»⁵.

Автор рассматривает вопросы чаще с точки зрения военного: говорит о возможности нахождения русских войск в том или ином районе, описывает вероятные пути их прохождения, возможность обеспечения их провиантом. Так, Халха особенно богата скотом, поэтому снабжение войск мясом не встретит затруднений. Однако остальными запасами район беден. Что касается Урги, то ее продовольственные возможности ограничены: в окрестностях не производится никаких хлебов, «поэтому на покупку этого в военное

время рассчитывать нельзя, а придется прибегнуть к реквизиции, которая может дать приблизительно 2–3 тыс. пудов муки и 1 тыс. пудов риса⁶.

Относительно вопроса о местах размещения русских войск в Монголии, высказывается соображение о том, чтобы избегать размещения войск в монгольских кумирнях, что оскорбит религиозные чувства кочевников. Поэтому при размещении войск в Урге придется рассчитывать только на китайские постройки. По данным Тонких, в Урге имеется до 200 богатых китайских лавок, в каждой из которых можно разместить 1/2 роту, а в крайности и роту. Вообще же, в случае войны, недостатка в помещениях для войск не будет. Оцениваются в отчете и оборонительные способности русского консульства в Урге. На случай осады, по мнению И. В. Тонких, оборонительные постройки находятся в неудовлетворительном состоянии.

В сентябре-октябре 1912 г. капитан Тонких совершил специальную поездку в Монголию с целью рекогносцировки дорог в Монголию и выяснения ряда вопросов, вызванных формированием монгольских войск под руководством российских инструкторов, особенно о пригодности монголов к военной службе. Капитан И. В. Тонких имел возможность сравнить свои впечатления двухлетней давности с современностью и отметить изменения, которые произошли после получения Монголией независимости.

Разительных и благоприятных перемен монгольского общества, по мнению И. В. Тонких, обретенная свобода не дала. События 1911 г. в Урге он называет «переворотом», а не революцией. Эти события не отразились благоприятно на результатах русской торговли, а бедные монголы скоро ощутили изменения, связанные с сокращением привоза из Китая и скоро значительно подняли цены на далимбу и кирпичный чай – предметы первой необходимости монгола.

Понимая затруднительное экономическое положение Монголии, Тонких следующим образом прогнозирует развитие русско-монгольских отношений, позицию России: «В будущем, вероятно, в силу необходимости России придется придти на помощь Ургинскому правительству своими советами по упорядочению налогов и натуральных повинностей и вообще всей финансовой системы, иначе симпатии населения Халхи скоро повернутся на сторону прежних своих работодателей – китайцев»⁷. Действительно, так

и случилось в последующем, туда был направлен экономический советник А. Козин, будущий монголист, а также выделены кредиты и создан национальный Монгольский банк.

Русский офицер не видел благоприятных перемен в Монголии, а только снова наблюдал произвол администрации хошунных князей, развращающее влияние ламства, забитость, невежественность и трусливость остальной массы. Поэтому для него казался необъяснимым совершившийся переворот в Урге, ему не верилось в возможность национального подъема монголов. По его оценке, в среде простых людей «этот переворот особенных восторгов не вызвал», а только увеличил число поборов и повинностей. Новый режим не принес никаких улучшений и поэтому, предполагает он, «монголы скоро будут со вздохом вспоминать то время, когда они были под властью Китая»⁸. Конечно, необходимо учитывать, что прошло очень мало времени, чтобы увидеть изменения. Но верно и другое, что радикальные перемены всегда приводят к общему спаду, временному ухудшению положения.

Из встреч, разговоров и наблюдений, капитан Тонких вынес заключение, что переворот в Урге совершен исключительно Хутухтой и небольшой кучкой его приближенных и удался благодаря исключительной растерянности китайской администрации и благожелательным советам русских представителей. Нельзя не согласиться с данными заключениями автора: верхушечность переворота и позитивная посредническая роль России в решении «монгольского вопроса» несомненна.

Пессимистичен вообще взгляд капитана Тонких на историческое будущее монгольского народа. Он склонен думать, что монголы уже вырождающееся племя, численно уменьшающееся и осужденное на полное вымирание. И хотя заявление не категорично и имеет оговорку о необходимости специального исследования данной проблемы, для автора оно вполне объяснимо. Оно также необходимо ему для его основного обобщения о воинских достоинствах монгольского солдата, возможностях создания боеспособной национальной армии.

Тонких вместе с российским дипломатическим представителем Коростовцом присутствовал на показательных учениях монгольских воинов. Отмечается, что сотня в строю производила благоприятное впечатление, все показанные упражнения были проделаны чисто. Однако, по мнению Тонких, чувствовалось, что

«созданное ценой больших усилий, слишком не прочно, и что все это, лишь только будет вне глаз инструктора, сейчас же развалится»⁹. Неблагоприятное впечатление усиливалось от чрезвычайной грязи в монгольских казармах, нечистоплотности кочевников и от определения основных характерных качеств монгола, как леность и трусость (их определил русский инструктор Васильев).

В заключении капитан Тонких дает следующие результаты своих наблюдений и обобщений: « у меня составилось убеждение, что создавать серьезные вооруженные монгольские силы излишне, что монголы не способны к военной службе, что войска, формируемые из них и обучение нашими инструкторами, не будут способны к каким-либо самостоятельным боевым действиям, а будут пригодны лишь для внутренней службы, будучи придаваемы к нашим, могут оказаться полезными в деле разведки и несении службы связи»¹⁰.

Необходимо признать, что данные заключения капитана Тонких не были признаны убедительными и решающими, видимо, были приняты в расчет другие обстоятельства. Россия помогала создавать монгольскую армию, финансировала ее, направляла своих инструкторов. Также Монголии были предоставлены артиллерийские орудия и огнестрельное оружие.

Примечания

1. Кузьмин Ю.В. Монголия и Китай начала XX века в оценках российских военных исследователей. – Иркутск, 2007. – С.20–25; Апрельков В.Ю. Тонких И. В// Малая энциклопедия Забайкалья. Международные связи. – Новосибирск, 2012. – С.614.
2. Тонких. Материалы по описанию Монголии, часть, прилегающая к западному Забайкалью (аймаки Тушету-хана, Сайн- Нойона, Дзасакту-Хана). – Иркутск, 1910. – С.1.
3. Там же.
4. Там же. – С.4.
5. Там же. – С.14.
6. Там же. – С.8.
7. Отчет о поездке в Северную Монголию генерального штаба капитана Тонких в сентябре-октябре 1912 г. – Иркутск. – 1913. – С.34.
8. Там же. – С.110.
9. Там же. – С.111.
10. Там же. – С.114–115.

Российско-монгольские отношения накануне и в период установления национальной независимости Монголии и вклад переводчика и монголиста Р.Б. Бимбаева

Российско-монгольские отношения в начале XX века переживали настоящий подъем своего развития и укрепления. Создание в 1861 году российского генерального консульства России в Монголии, дипломатическая деятельность по развитию российско-монгольских дипломатических, экономических и культурных отношений и связей привели в начале XX века к переходу на новый уровень своего развития. Уникальна роль российского дипломата Якова Парфеньевича Шишмарева, который прослужил в Генеральном консульстве более 50 лет, что является редким случаем в дипломатической практике Российской империи. Дипломатическая, научная и общественная роль Я.П. Шишмарева заслуживает специального и глубокого изучения, а его публикации, архивные материалы полного введения в научный оборот[3;4].

Кризис Цинской империи, экономический упадок китайской экономики и рост зависимости от западных стран, США и Японии привели к росту национального движения монгольского народа, которое возглавили монгольские тайджи и религиозные деятели Монголии. На определенном этапе развития национального движения монгольского народа на роль национального лидера выдвинулся религиозный глава Монголии – Джебзун-Дамба-хутухта – Богдо-гэгэн.

В Монголии начала XX века столкнулись национальные интересы Цинской империи (Китая), России, Японии, США, Великобритании и других западных стран. Выгодное геополитическое положение Монголии привлекали торговцев из Китая, России, Великобритании, Японии. Несмотря на очень ограниченный рынок кочевой страны, бедность местного населения и отсутствие или слабое развитие торговой и транспортной инфраструктуры данный рынок серьезно изучался русскими торговыми экспедициями (московской (полковник В. Попов) и томской (Соболев и Боголепов) ; военными специалистами (Баторский, В.Ф. Новицкий, В.Л. Попов, И.В. Тонких, Г. Кушелев, А. Баранов, А.Д. Хитрово) [3].

Российская империя глубоко и основательно изучала с помощью научных и военных экспедиций и отдельных исследователей

соседнюю страну, начиная с начала XIX века, и придавала серьезное политическое внимание изучению соседней Монголии. Российские власти, как центральной и региональной администрации, рассматривая Монголию, как геополитическую и стратегическую территорию, которая создает своеобразную буферную зону между Россией и Цинской империей, своеобразную зону безопасности для сибирских и дальневосточных регионов России. Также Монголия представляла серьезный интерес для сибирских купцов, как важный источник сырья животноводческой продукции и рынок сбыта промышленных товаров Сибири и России в кочевой стране, к товарам которой монгольские кочевники уже привыкли за длительный период взаимной русско-монгольской торговли. Кроме того, в русской культуре и национальной традиции большое значение придается соседним странам, как и соседу по жизни вообще. Как говорится в русской поговорке, хороший сосед лучше дальнего родственника [3].

В начале XX века Россия сыграла позитивную роль в создании независимого монгольского государства в 1911 году во главе с Богдо-ханом. Российская империя оказала серьезную финансовую поддержку становлению молодого государства, создав Монгольский Банк и налоговую систему (хотя и не идеально), а также провела перепись монгольского населения и хозяйства. Была сформирована система образования и современной культуры, периодическая печать и т.п.

Историческую роль Богдо-хана в национально-освободительном движении Монголии и национальных реформах подробно исследовал доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института международных отношений О. Батсайхан, издавший монографии и значительное число статей и докладов на международных конференциях. О. Батсайхан ввел в научный оборот значительное число исторических документов и обосновал важную роль Богдо-хана в создании независимого национального государства, уточнил исторический образ монгольского лидера [1].

Генеральный консул России в Монголии Я.П. Шишмарев пользовался высоким авторитетом у монгольской политической и религиозной элиты, его советы и некоторые рекомендации имели серьезное влияние на решение важнейших международных дел в треугольнике Российская империя – Монголия – Цинская империя.

Уже выйдя в отставку и проживая в Санкт-Петербурге, Я.П. Шишмарев приглашался МИДом России и монгольскими делегатами, которые вели здесь переговоры в роли советника при решении сложных дипломатических дел 1911–1912–1913 гг. Российские военные представители активизировали свою экспертную деятельность в Монголии в 1910–1911–1912–1915 годах и сыграли очень важную роль в сложнейших и запутанных международных делах, особенно в 1911 году. Российские военные специалисты, которые успешно работали в Кяхте (полковник А.Д. Хитрово), в Харбине (полковник А.А. Баранов), в Пекине (полковник Л. Корнилов) и др. оказали существенную помощь национальному движению монголов в 1911–1915 гг. Ряд военных разведчиков работали под прикрытием, под видом торговцев (Боржимский) [3].

Претензии некоторых современных монгольских историков, что Монголия не получила полную независимость в 1911 и 1915 гг., а только автономный статус, основаны на непонимании особенности дипломатических отношений в треугольнике Россия-Монголия-Китай. Россия сделала максимально много для независимости Монголии в XX веке и в 1911 году, конкретно, исходя из состояния конкретно-исторических условий мировой и геополитической ситуации. Можно согласиться с тезисом, что фактически с 1911 года Монголия являлась независимым государством, под определенным патронажем России, но формальным нахождением до 1924 года и 1945 гг. в составе Китая. Однако, де-факто Российская империя и Советская Россия имела такой уровень отношений с Китаем, что китайские власти не вмешивалась во внутренние дела Монголии 1911–1945 гг., не могли ввести вооруженные силы, не могли влиять на внутреннюю и внешнюю политику суверенной Монголии. По мере своих возможностей, а иногда и на пределе своих экономических, военных и научных возможностей Россия/СССР оказывали Монголии необходимую помощь. Только благодаря российской и советской помощи создана современная индустриальная мощь Монголии, которая успешно идет в современную цифровую и электронную экономику XXI века. Разумеется, главным образом усилиями монгольских скотоводов, рабочих и служащих, ученых и военных, политической элиты страны, многие из которых получили высшее и послевузовское образование в СССР/России, социалистических странах: Чехословакии, ГДР, Польше, Венгрии, Болгарии, Кубе и др.

Русско-монгольские отношения начала XX века изобилуют интересными историческими сюжетами, многие из которых, изучались российскими, монгольскими, японскими, западными и американскими учеными-монголоведами, нашли отражения в дипломатических источниках, мемуарах и исторических исследованиях. Ряд имен российских дипломатов нуждается в дальнейшем специальном изучении, в том числе В. Ф. Люба, А. А. Орлова, А. П. Хионина, А. Я. Миллера, М. Н. Кузминского, В. Ф. Долбежева, В. Г. Габрика, А. А. Вальтера, А. Д. Хитрово [3]. В работах Гольмана, В. В. Грайворонского, С. К. Рощина, Г. С. Матвеевой, Е. М. Даревской, Н. Е. Единарховой, Ю. В. Кузьмина, Е. И. Лиштованного, А. А. Сизовой, А. В. Старцева, а также монгольских историков Н. Хишигт, Ж. Урангуа, Ц. Батбаяра, О. Батсайхана, Ц. Жамбалсурэна только обозначены данные о русских дипломатах, которые заслуживают более основательного исследования.

Оценки деятельности Богдо-гэгэна в российской историографии очень противоречивы и разноплановы. В научной и научно-популярной литературе, военных отчетах российских экспертов Джубдзун-Дамба-хутухта предстает в основном в негативном виде. Преобладает одна доминирующая оценка, от которой историкам не уйти, а нужно дать историческое объяснение и характеристику.

Заслуживает научного изучения и дипломатическая деятельность российских переводчиков, которые также внесли существенный вклад в развитие русско-монгольских отношений и российское монголоведение.

Среди них особо выделяется Раднажаб Будаевич Бимбаев (1874–1921 гг.). Он широко известен не только своей дипломатической службой на русско-монгольской границе в Кяхте, известный монголовед и составитель русско-монгольских словарей, но и как отец выдающегося монгольского ученого, писателя, переводчика Бимбын Ринчена (1905–1977 гг.).

Служебная и творческая карьера Р. Бимбаева по всем меркам вполне успешна. В императорской России он сделал успешную административную карьеру, стал влиятельным переводчиком и чиновником в пограничной Кяхте и богатым человеком на коммерческих пограничных торговых сделках. Его карьера отмечена высокими правительственными наградами, как ведущий переводчик, он участвовал в важных русско-монгольских переговорах, особенно в 1911–1915 гг. После ухода с поста Генерального консула

России в Монголии Я. П. Шишмарева, он надеялся претендовать на эту высокую должность, конкурируя с пограничным комиссаром, полковником А. Д. Хитрово.

Ринчен Бимбаев – выпускник знаменитой Ургинской школы переводчиков, созданной Я. П. Шишмаревым, и выпустившей около 100 переводчиков монгольского, маньчжурского и китайского языков. Р. Бимбаев владел, по данным профессора Ш. Б. Чимитдоржиева монгольским, русским, маньчжурским, английским и немецкими языками [5].

После окончания Ургинской школы Р. Бимбаев участвовала в работе противочумной экспедиции Д. Заболотного, по результатам которой опубликовал заметку о ней в трудах Географического общества.

Более 16 лет, с 1899 по 1915 гг. Р. Б. Бимбаев служил старшим переводчиком в Кяхтинском пограничном комиссариате. По служебной инструкции, он заменял пограничного комиссара в случае его отсутствия в Кяхте или болезни. Р. Бимбаев был честолюбивым, и амбициозным чиновником и человеком. В 1912–1913 гг., когда шел подбор чиновника на новую должность финансового советника Монгольского правительства, он пытался предложить свою кандидатуру. Не случайно современники, по сведениям М. Воллосовича, называли Р. Б. Бимбаева «бурятским Витте». Надо отметить, что появится бурятский деятель, врач тибетской медицины, дипломат и общественный деятель П. А. Бадмаев (1851–1920 гг.), который спокойно превзойдет С. Ю. Витте по многим делам.

Конкурентами Р. Б. Бимбаева были известные и влиятельные С. А. Козин (будущий академик), В. Л. Котвич (будущий профессор СПб. ун-та), Ф. С. Москвитин, а назначен был С. А. Козин.

Еще ранее, в 1909 году Р. Б. Бимбаев претендовал на важную должность Пограничного комиссара в Кяхте. Был назначен полковник А. Д. Хитрово, с которым и возник затяжной конфликт. Личные и служебные столкновения Р. Б. Бимбаева и полковника А. Д. Хитрово привели к служебному расследованию деятельности Р. Бимбаева и его отставке. В Государственном архиве Иркутской области находятся несколько дел, которые раскрывают суть конфликта.

В служебном письме полковника А. Д. Хитрово генерал-губернатору Восточной Сибири от 6 февраля 1913 года отмечается следующее:

«Правда, я выдернул один большой зуб, устранив с должности чиновника Бимбаева, третий год состоящего под следствием, сумевшего обогатиться на скромной службе переводчика в Комиссарстве. Этот любимец бывшего Консула Шишмарева и друг известного в Урге переводчика Цыремпилова, не менее изобретательного экономиста, на скромные 80 рублей в месяц, владеющего табунами и недвижимостью, управляемые тем же Бимбаевым в г.Троицкосавске. Это обстоятельство действительно вооружило против меня почетного старца Шишмарева, заседающего ныне в Министерстве иностранных дел» (ГАИО, ф.25, оп.11, д.63, л.25).

В 1910–1914 гг. Р. Бимбаев опубликовал: «Русско-монгольский переводчик халхасского наречия» (Троицкосавск, 1910) ; «Краткий русско-монгольский словарь» (Харбин, 1914 г.) ; «Монголо-русский словарь» (Иркутск, 1916 г.).

Раднажаб Бимбаев вводил в научный оборот и монгольский язык новые слова и делал попытки унифицировать строй монгольского языка и сократил число букв монгольского алфавита [5]. Это были поиски нового строя монгольского языка, его приспособления к изменившимся условиям, появлению новых слов и новых языковых условий. Р. Бимбаев серьезно интересовался монгольской и бурятской культурой, собрал библиотеку книг и постоянно пополнял ее новыми изданиями.

Одновременно он выполнял хлопотные функции переводчика монгольского языка, а также маньчжурского и китайского языков, занимался разведением скота и мелким бизнесом, что позволяло благополучно жить его большой семье.

Р. Бимбаев участвовал в Первой мировой войне, неоднократно бывал в Монголии, в Маньчжурии, Китае и сопровождал известные российские научные экспедиции по Монголии и Китаю. В Государственном архиве Иркутской области имеются документы, которые показывают сложные отношения Раннажаба Бимбаева с пограничным комиссаром Хитрово, генеральным консулом Я. П. Шишмаревым и другими политиками того времени.

Дело научного изучения монгольского языка и монгольской культуры продолжил его сын – академик Б. Ринчен, выдающийся монгольский ученый, переводчик, писатель мирового уровня.

Список использованной литературы

1. Батсайхан О. Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды. – М., 2018–406 с.

2. Выдающиеся бурятские деятели. Том 1. (выпуски 1–4). Издание второе. – Улан-Удэ, 2009. – 336 с.
3. Кузьмин Ю. В. Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России. – Иркутск, 1997–232 с.
4. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861-1917). – М., 2015. – 295 с.
5. Чимитдоржиев Ш. Б. Академик Бимбын Ринчен – выдающийся ученый и писатель (1905-1977). – Улан-Удэ, 2005. – 96 с.

Иркутская школа монголоведения (XVIII – начало XX вв.)

Изучение в России восточных языков, в том числе и монгольского языка, сбор и исследование этнографического материала, восточных рукописей началось в начале XVIII века и связано прямо или косвенно с деятельностью Петра I. Его активная внешняя политика, деятельность по освоению Урала и Сибири поставили в практическую плоскость необходимость знания своих восточных соседей. Первоначально, не научные, а практические потребности дипломатических и торговых отношений с Монголией и Китаем способствовали изучению монгольского языка, ее истории и культуры. В этих условиях большую роль играла Восточная Сибирь, как территория, граничащая с Монголией.

Иркутск был первым из городов России, где в начале XVIII в. началось изучение восточных языков – монгольского, маньчжурского, китайского, бурятского, японского. Мунгало-русская школа, или «мунгальская» школа – первое учебное заведение в Восточной Сибири начало готовить специалистов по монгольскому и бурятскому языкам¹.

Географическая близость Иркутска к Монголии способствовала тому, что через город шла оживленная торговля с Китаем и Монголией, устанавливались и развивались русско-монгольские связи. Основанный в 1661 году, к началу XVIII века город Иркутск превратился в крупный административный, торговый и культурный центр огромной провинции. С конца XVII века иркутские купцы принимают активное участие в караванной торговле, а после заключения в 1727–1728 гг. Буринского и Кяхтинского договоров между Россией и Китаем торговые отношения с ними приобретают регулярный характер. До 1792 г. здесь находилась таможня, переведенная позднее в Кяхту. К концу XVII века Иркутск

стал важным транзитным пунктом, своеобразным перекрестком трех торговых направлений: из Центральной России на Восток шли изделия русской промышленности, ткани и продовольствие, шелковые и бумажные ткани, чай и китайский фарфор из Китая в Европейскую Россию, а также из Якутска и Туруханска везли сибирскую пушнину в Китай или Европу.

Рост русско-китайской торговли через Нерчинск, а затем через Кяхту, которая включала в торговый оборот большую часть сибирской пушнины, а также проведение Московского тракта превратили город Иркутск, в крупный торговый и транспортный пункт. С 1768 г. в Иркутске дважды в год проходила ярмарка, на которой главными товарами являлись сибирская пушнина и китайский чай и текстиль.

Нередко Иркутск был местом, где велись переговоры представителей России с китайскими и монгольскими послами. В иркутской летописи П. И. Пежемского и В. А. Кротова за 1670 г. отмечается о развитии русско-китайских отношений, осуществляемых через Иркутск: «Проехал в Китай гонец Аблин с бумагами. Аблин, сколько известно, есть первый посланный в Китай чрез Иркутск, а до сего времени посланцы ездили из Тобольска, прямо степями, как-то Байков и другие»².

После подписания Нерчинского договора 1689 г. из Москвы в Иркутск и Тобольск «был направлен указ Посольского приказа не пропускать в Москву ни ойратских, ни монгольских послов, а решать возникшие дела «с иноземцы на месте»³.»... А велено де таким посланцам отповедь чинить и корм давать в Иркутском и отпусках в их край, а о том к великим государем писать»⁴. В этих условиях роль Иркутска как дипломатического центра в Восточной Сибири в отношении с Монголией повышалась. Позднее, у иркутского генерал-губернатора появилась специальная дипломатическая канцелярия, выполнявшая посредническую роль между центральными внешнеполитическими органами России и представителями Китая и Монголии. Иркутск являлся транзитным пунктом, где подолгу останавливались дипломатические миссии, торговые караваны, научные экспедиции, а с 1715 г. – православные духовные миссии, направляемые в Пекин. Из города осуществлялась миссионерская деятельность Русской Православной церкви по христианизации коренных народов, начался перевод христианских книг на местные языки (бурятский, якутский, эвенкийский и др.).

С начала XVIII века в Иркутске началась подготовка специалистов в области монгольского языка и ведутся монголоведческие исследования по истории и этнографии Монголии. В монголоведческой литературе в целом неплохо освещены казанский (30–50-е гг.) и петербургский (с 50-х гг.) периоды развития русского монголоведения XIX века, а вот его ранний период, его истоки, менее известны. Обзорные статьи по отдельным аспектам становления и развития иркутского монголоведения опубликованы монголоведами Ш.Б. Чимитдоржиевым, Д.Б. Улымжиевым, В.Д. Дугаровым, Н.О. Шаракшиновой, Е.М. Даревской, К.Л. Малакшановым, В.В. Свиным, Ю.В. Кузьминым, Е.И. Лиштованным, О.Н. Полянской, китаистом К.С. Яхотновым.⁵

В 1725 году в Иркутске при Вознесенском монастыре была открыта «Мунгало-русская школа». Это была вообще первая школа в Восточной Сибири, главной задачей которой была подготовка переводчиков монгольского языка, а также миссионеров для распространения христианства среди бурятского и монгольского населения.

Архимандрит А. Платковский в 1720 г. был направлен в Китай с посольством Л. Измайлова. После возвращения он отправил в Синод отношение, в котором писал: «мунгальскую школу на границе в Иркутске мнится устроить... не худо, от которой надеяться будет великой пользы государству». В представлении в Синод А. Платковский, отмечая необходимость открытия школы при монастыре, также писал, что она нужна «для распространения православной веры в Сибири и для сношения с соседями»⁶.

Набор первых учеников (25 человек) во вновь открытую школу проходил с большими трудностями, так как «в то время ученья боялись не менее рекрутского набора». Работа школы улучшилась с приходом в 1727 г. И. Кульчицкого, который расширил прием учащихся, стал приобретать монгольские книги. В 1731 году в школе было уже 70 учеников. Учителями монгольского языка в школе были бурятский лама Лапсан и Никита Щолкунов⁷.

Лама Лапсан и Н. Щолкунов не знали русского языка, поэтому при них состоял переводчик И. Пустынников. В 1733 г. Лапсан принял крещение иркутского епископа И. Неруновича и получил при крещении имя И. Нерунова. В 1737 г. он был удален от преподавания по подозрению в подстрекательстве бурят к выступлению против администрации.

В воспоминаниях Н.С. Романова – крупного сибирского краеведа и библиофила, автора известной «Летописи Иркутска. 1881–1917 гг.», упоминается о монгольских книгах, которые использовались в этой школе как учебники. Он пишет: «Из дел Иркутской духовной консистории видно, что епископ Иннокентий обратился в провинциальную канцелярию, чтобы она истребовала от забайкальских лам нужные для школы книги, которые по переписке будут возвращены»⁸. Эти рукописные монгольские книги ученики читали и переводили. В числе этих книг был один из вариантов знаменитого эпоса монгольских народов – «Гэсэр»⁹.

Трое из числа ее первых учащихся: Герасим Шульгин, Михаил Пономарев и Илларион Рассохин стали затем учениками 2-й Российской духовной миссии в Пекине, где изучали китайский и маньчжурский языки. Наиболее известным впоследствии как ученый-китаист стал Илларион Рассохин, автор ряда исследований о Китае и китайском языке.

Первоначально школа содержалась на средства Вознесенского монастыря. Позднее содержание учащихся школы было несколько увеличено припиской к ней трех монастырей: Киренского, Посольского, Селенгинского. Но, к сожалению, и этих средств не хватало, чтобы содержать учеников школы. Эта первая монголо-русская школа просуществовала всего 15 лет, но она заложила глубокие традиции изучения монгольского языка, которые были продолжены и в XIX веке в народных училищах, духовной семинарии и частных курсах, где преподавался монгольский язык.

Губернаторы, а с 1822 г. – с создания Главного управления Восточной Сибири – генерал-губернаторы поддерживали официальные контакты с ургинской администрацией, которая представляла интересы китайского императора. Поэтому для поддержания этих контактов иркутской администрации были необходимы переводчики китайского, маньчжурского и китайских языков. Сохранились некоторые имена этих переводчиков: А.С. Агафонов, Ф.И. Бакшеев, А.Н. Парышев, В. Новоселов, А.П. Фролов, Ф. Санжихаев, Я.П. Шишмарев.

А.С. Агафонов, Ф.И. Бакшеев, А.И. Парышев обучались этим восточным языкам в Пекине, находясь в составе 6-й Российской Духовной миссии. После возвращения из Китая они занимали должности переводчиков маньчжурского и китайских языков Коллегии иностранных дел и находились при иркутских генерал-губер-

наторах. А.С. Агафонов занимался переводами с маньчжурского и осуществил перевод двух текстов: «Джунгин, или книга о верности» (1788 г.), «Краткое хронологическое расписание китайских ханов из книги «Всеобщего Зеркала» (1788). Ф. Бакшеев подготовил первый в России маньчжуро-русский словарь, два списка которого позднее попали в Публичную библиотеку в С. – Петербурге.

В начале 20-х годов XIX в. переводчиком работал В. Новоселов – участник 8-й Духовной миссии в Пекине. К 1820 г. В. Новоселов перевел монгольскую часть трехязычного словаря «Сань хэ бянь лань» («Удобный обзор трех языков вместе»). В «Журнале дружеского свидания иркутского гражданского губернатора статского советника Трескина с китайскими пограничными правителями ваном и амбаном, с 19-го февраля по 13 марта 1810 года» дана информация о переводческой службе В. Новоселова.

В записке к Я.И. Шмидту В. Новоселов сообщал о маньчжурских и монгольских словарях, имеющих в Иркутске¹⁰. В те же годы в Иркутске переводчиком маньчжурского и монгольского языков служил А.П. Фролов, а переводчиков с монгольского – Ф. Санжихаев.

С 1790 г. в Главном народном училище началось обучение монгольскому языку (преп.Ф. Санжихаев), китайскому и маньчжурскому языкам (преп.А. Парышев). На монгольский язык записались 52 человека, а на китайский – 27 учеников. Однако, уже в августе 1794 г. обучение прекратилось «за трудностью и неудобопонятностью сих языков и по нехотению учеников и родителей их продолжать сего учения»¹¹.

Преподавателем монгольского языка был Федор Санжихаев – переводчик губернского правления. Он был родом из забайкальских казаков. Монгольскому языку обучался в 1774–1780 годах в Селенгинске при пограничной канцелярии у переводчика Антипьева. С 1787 г. он назначен в Иркутск переводчиком монгольского языка¹².

Иркутские переводчики являлись первыми носителями серьезной страноведческой информации о соседних, восточных соседях – Монголии и Китае. Они явились составителями первых словарей китайского, маньчжурского и китайского языков, которые сохранились в архивах только в виде рукописей и заложили основы для научного изучения зарубежного Дальнего Востока.

Большими знатоками монгольского языка в Иркутске были отец и сын Василий и Александр Игумновы, которые служили в городской

администрации профессиональными переводчиками с монгольского и маньчжурского языков. Наиболее известен в монголоведении А. В. Игумнов, явившийся учителем О. М. Ковалевского.

Александр Васильевич Игумнов родился в 1761 г. в Кударинской крепости, что находится на границе с Китаем. Его отец был переводчиком с монгольского и маньчжурского языков. Детство прошло среди бурят и монголов, поэтому он хорошо говорил на их языках. В 1771 г. отец отдал его в только что учрежденную школу монгольского языка в Селенгинске, которую он окончил в 1777 году. Затем он служил толмачем в Кяхтинской пограничной канцелярии, в 1781–1782 гг. в качестве переводчика сопровождает в Китай российскую духовную миссию.

При содействии иркутского губернатора Ф. Н. Клички он непродолжительное время изучал литературу о Монголии и Китае в Москве и Петербурге и перечитал все, что было написано о них по-русски. В 1786 г. спешно возвращается в Кяхту, в связи со сложной обстановкой в пограничном районе и сыграл известную роль в разрядке создавшейся напряженности русско-китайских отношений. В 1805 г. А. В. Игумнов был переводчиком посольства графа Ю. А. Головкина.

Затем активно занимается переводческой и преподавательской деятельностью, служит переводчиком монгольского и маньчжурского языков в городах Восточной Сибири: Иркутске, Чите, Вернеудинске. В известном Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. Е. Ефрона отмечается о характере А. В. Игумнова: «Благодаря своей прямоте и честности не имел успеха по службе и должен был менять ее много раз»¹³. По своим общественно-политическим взглядам А. В. Игумнов являлся просветителем, был знаком и дружен с декабристами, находившимися в ссылке.

Он в совершенстве владел монгольским и бурятским языками. В течение многих лет работал над составлением монголо-русского словаря. За основу составления словаря был взят не алфавит, а корень монгольских слов. Было составлено 4 тома. Предполагается, что он был основан на маньчжуро-монгольском «Зерцале». Позднее он стал составлять словарь в алфавитном порядке, но успел закончить только первый том. К сожалению, судьба этого словаря до сих пор неизвестна.

В 1813 г. А. В. Игумнов учредил частную русско-монгольскую школу, а также преподавал монгольский язык в Иркутской духов-

ной семинарии. Его перу принадлежит «Обозрение Монголии» – одно из первых статистико-этнографических обозрений страны. Е. Тимковский в своем известном описании путешествия в Китай привел различные сведения из работы «О нынешнем состоянии Монголии» А.В. Игумнова.

Он собирал старинные монгольские рукописи, материалы по этнографии, истории, праву и религии монгольских народов, а также их эпос. В Центральном государственном историческом архиве С. – Петербурга хранится объемная рукопись А.В. Игумнова «О степных законах кочевых инородцев Восточной Сибири» (1132 страницы). Это переводы с монгольского языка законов хоринских и селенгинских бурят о судопроизводстве, браке, семье, долгах, воровстве, наследстве, завещаниях.

Не случайно, поэтому выдающийся впоследствии монголист О.М. Ковалевский, который по праву считается основоположником научного русского монголоведения, специально приезжал в Иркутск и учился у него монгольскому языку. Крупный востоковед В.В. Бартольд в монографии «История изучения Востока в Европе и России» так написал об этом факте: «Когда было решено ввести преподавание монгольского языка в университете, один из местных знатоков языка, Игумнов, сделался учителем будущих профессоров монгольской словесности»¹⁴. Давая свое согласие на обучение монгольскому языку двух студентов, А.В. Игумнов писал П.А. Словцову – инспектору сибирских училищ: «находясь на окончании дней жизни моей, с большой охотой берусь обучить монгольскому языку и с этим постараюсь сделать их же наследниками того, что я по сей день приобрел, умею и знаю»¹⁵.

В Иркутске А.В. Игумнов встретил Ковалевского и Попова приветливо. О.М. Ковалевский в одном из писем писал: «Для нас только, кажется, он хочет жить, с нами беседовать и сделать нас полными наследниками всего того, что в продолжение своей жизни приобрел и знает»¹⁶. Иркутский монголовед представил в их полное распоряжение свои учебные пособия, часть из которых была специально для них подготовлена. Особенно А.В. Игумнов выделял «Правила монгольского правописания», изложенные в трех тетрадах: «Под сим простым заглавием заключается богатейшее собрание правил, касающихся не одного только правописания, но и основательного познания изменений имен, спряжений, глаголов, частиц отдельных, наречий и проч.»¹⁷.

В Рукописном фонде Вильнюсского университета находится часть материалов О. М. Ковалевского и среди них «Монгольский букварь», составленный Игумновым и переписанный Ковалевским, по которому он начал изучать в Иркутске монгольский язык¹⁸. Находясь в Иркутске, будущие монголоеды начали создавать свои словари, использовали материалы 4-х томного неопубликованного словаря А. В. Игумнова. Несомненно, что этот словарь оказал О. М. Ковалевскому существенную помощь в составлении известного во всем мире и не потерявшего своего научного значения «Монголо-русско-французского словаря», опубликованного в 1844–1949 годах.

Для освоения переводов с монгольского на русский, они использовали монгольские и бурятские народные сказки, песни и легенды, в том числе и о Гэсэре, записанные Игумновым. Летом 1829 г. Игумнов вместе со своими учениками выезжали в Забайкалье с целью практических упражнений в монгольском языке и сбора этнографических сведений о монголоязычных народах. В этой поездке они собрали значительное число старых монгольских книг или сделали копии с них, записали образцы бурятского и монгольского фольклора. А. В. Игумнов записал для Ковалевского народное предание о происхождении бурят, которое позднее тот опубликовал в «Иркутских губернских ведомостях» за 1829 г. и «Казанском вестнике».

В 1830 г. барон П. Л. Шиллинг (1786-1837) приобрел коллекцию монгольских книг и рукописей А. В. Игумнова, а также собрание маньчжурских и китайский изданий Парышева и Новоселова. По нашему мнению, творческая биография самого известного иркутского монголоведа нуждается в специальном исследовании, и ученых еще ждут неожиданные открытия.

В Восточную Сибирь приезжал изучать монгольский язык великий китаист России Н. Я. Бичурин. В 1830 г. он писал из Иркутска: «С 26 марта нахожусь в Иркутске. Путь мой от столицы до сего места был благополучен. В исходе мая отправляюсь за Байкал в путешествие. В здешнем краю я нашел много интересного для меня и надеюсь провести время странствия в трудах приятнейших и полезнейших по отношению к этнографии азиатских народов. Теперь занимаюсь монгольским языком и в доброжелательстве здешних жителей нахожу во всем соответствие моим желаниям».

Известно, что Н. Я. Бичурин (в монашестве Иакинф) и ранее длительное время находился в Иркутске и Забайкалье. В 1802 г.

он был направлен из Казанской духовной академии в Иркутск на должность архимандрита Вознесенского монастыря. Н.Я. Бичурин стал также ректором Иркутской духовной семинарии. Его влияние и роль в иркутский период на развитие образования, науки и культуры Иркутска еще нуждаются в дополнительном исследовании. В этот период Н.Я. Бичурин активно изучает монгольский и бурятский языки, занимается сбором этнографического материала этих народов. К сожалению, в 1806 г. по известным причинам был отстранен от должности ректора и настоятеля и отправлен в Тобольский монастырь на должность рядового учителя. Эти события больше нашли отражение в художественной, чем научной литературе. Это было для Н.Я. Бичурина время становления и формирования, как исследователя и блестящего знатока истории и культуры Монголии и Китая.

Еще в 1829 г. в Забайкалье было решено направить экспедицию с целью обследования положения местного населения и состояния торговли у северных и западных границ Китая. Ее руководителем являлся П.Л. Шиллинг, который привлек в экспедицию в качестве переводчика китаиста Н.Я. Бичурина. Вместе с ними собирался поехать в экспедицию А.С. Пушкин, но, к сожалению, не смог. В докладной записке министру иностранных дел от 24 июня 1832 г. П.Л. Шиллинг отмечал, касаясь занятий Н.Я. Бичурина: «при упражнении в монгольском языке перевел словарь Сан-хэ-бянь-лянь, изданный на языках: маньчжурском, монгольском и китайском и расположил его по монгольскому алфавиту».

В это же время в Иркутской духовной семинарии преподавал монгольский язык Александр Ильич Бобровников (1793–1832). По данным Н.О. Шаракшиновой, А.И. Бобровников в совершенстве владел монгольским языком, занимался переводом христианских сочинений на монгольский язык, проявлял глубокий интерес к «Гэсэру»¹⁹. Он написал монгольскую грамматику, опубликованную в 1835 г. в Петербурге. Его сын – Алексей Александрович Бобровников, продолжая дело отца, получил монголоведное образование в Казанской духовной академии и Казанском университете. Его учителями монгольского языка были известные ученые О.М. Ковалевский, А.В. Попов. Позднее, он сам становится преподавателем Духовной академии, активно занимается научно-исследовательской работой, издает грамматику монголо-калмыцкого языка, получившую высокую оценку в научном мире и удостоенную Академией наук Демидовской премии.

С 1846 года А. А. Бобровников преподает в Казанской духовной академии: математику и монгольский язык. Монгольский язык изучали иркутяне и астраханцы. Среди иркутян его изучали будущий известный историк А. П. Шапов и Афанасий Виноградов. Известно, что А. П. Шапов бывал у А. А. Бобровникова дома, они общались как земляки. Некоторые подходы в науке и круг научных интересов А. П. Шапова формировались под несомненным влиянием монголоведа А. А. Бобровникова.

В духовных семинариях и училищах Иркутска уделялось значительное внимание изучению монгольского языка, а также шаманизма и ламаизма. По данным Ш. Б. Чимитдоржиева, в классе монгольского и бурятского языков Иркутской семинарии обучалось: в 1851 г. – 43 ученика, в 1855–49 учеников, 1860–46 учеников, 1860–46, в 1876–44 ученика²⁰. Составители учебных планов духовных училищ Иркутска считали необходимым для священнослужителей знание монгольского языка.

В XVII веке в Восточную Сибирь начинают проникать две мировые религии – буддизм и православие, каждая из которых стремилась увеличить число своих последователей. Православная церковь внимательно присматривалась к своему религиозному сопернику, знакомилась с его учением. Весомый вклад в изучение монгольского и бурятского языков, фольклора монголоязычных народов, а также буддизма и ламаизма внесли религиозные деятели Иркутска. Особенно много в этом направлении сделали священники-миссионеры: А. Бобровников, А. Орлов, К. Стуков, Н. Исакович, Н. Доржеев.

Глава Сибирской епархии митрополит Ф. Лещинский одним из первых начал собирать сведения о буддийской религии. В 1707 году в Монголию была послана миссия для распространения христианства, изучения монгольского языка и «разведывания о буддийской вере». К изучению монгольского и бурятского языков священников, занимавшихся миссионерской деятельностью, подталкивала практическая необходимость в переводе текстов богослужебных книг.

Архиепископ Нил, (Николай Федорович Исакович (1799-1874), окончил Могилевскую духовную семинарию и С. – Петербургскую духовную академию. Нил сознавал острую необходимость в переводах религиозной литературы на языки народов Сибири. Созданные ранее переводы «Библии» Я. И. Шмидта, переводы

Бобровникова имели небольшое применение в миссионерской практике, так как были изданы небольшими тиражами или оставались в рукописях. Кроме того, переводы по качеству не всегда являлись удачными.

В 1847 г. Нил познакомился с ламой Доржеевым, который под его влиянием принял в 1848 г. православие и с этого времени стал помощником Нила в переводческом деле. Н. Доржеев (по крещению Нилов) был назначен преподавателем разговорного монголо-бурятского языка в Иркутской семинарии. Он являлся сотрудником Переводческой комиссии при Казанской духовной академии под руководством В.В. Миротворцева. Вместе с архиепископом Нилом Н. Доржеев перевел на бурятский язык «Требник».

В 1858 г. Нил опубликовал книгу «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири». В книге он рассматривает строение буддийской иерархии, основные положения религиозной философии. Исследование его богато примечаниями, в которых можно найти статистические и исторические материалы. Высокую оценку книги Нила дала через сто лет известная исследовательница из Бурятии профессор К.М. Герасимова в монографии «Ламаизм и национально-колониальная политика царизма в Забайкалье в 19 и начале 20 веков» (1957 г.): «Книга Нила содержит интересные, хотя и краткие и далеко не полные данные по истории ламаизма в Бурятии. Источниками для книги послужили церковная литература на монгольском языке, собственные наблюдения и, по сведениям М. Азадовского, материалы декабриста М. Бестужева. Книга Нила получила довольно широкий отклик. В «Отечественных записках», «Современнике», «Журнале Министерства народного просвещения», «Библиотеке для чтения», «Северной пчеле» и «Ярославских губернских ведомостях» появились рецензии, аннотации, одобряющие книгу за ее довольно обширные материалы по догматике и обрядности ламаизма. Правительственные мероприятия по устройству церковных дел Бурятии Нил осуждает, хотя и осторожно, как политику потворства ламам в ущерб православию» (с. 17–18).

Интересовался он и врачебным искусством лам, и сам пользовался им. В «Вестнике Географического общества в 1857 г. вышла заметка Нила «Врачебное искусство у забайкальских лам». Кроме того, по сведениям археолога Иркутского университета В.В. Свинаина, архиепископ Нил в 40–70-е годы собрал большую

археологическую коллекцию, часть которой экспонировалось на Антропологической выставке 1879 г.

С 1843 по 1850 годы миссионером среди хоринских бурят был протоирей Константин Константинович Стуков, который хорошо изучил буддизм, книжный монгольский и разговорный бурятский языки. 13 лет К. К. Стуков жил литературным трудом, так как был уволен из штата. Выжить помогло знание польского, французского и немецкого языков. В 1866 г. он вновь был определен миссионером в Тункинский край.

К. К. Стуков опубликовал ряд работ по шаманизму и ламаизму бурят («Заметки по этнографии, описанию ламаистских обрядов и суеверий, употреблению бурятских, тибетских слов с переводом и толкованием»). Хорошая филологическая подготовка позволила К. К. Стукову заняться сравнительным анализом лексики восточных языков. Заимствования в бурятском языке из монгольского, китайского, маньчжурского языков рассмотрены им в статье «Об элементах монголо-бурятского языка». За перевод на монгольский язык российского гимна К. К. Стуков получил благодарность Государя императора. Известно, что К. К. Стуковым был составлен каталог монгольских и маньчжурских книг, принадлежащих библиотеке ВСОРГО. К сожалению, рекомендованный к печати, он так и не был опубликован. После его смерти, в 1884 г. в библиотеку Иркутской духовной семинарии было передано собрание монгольских книг и рукописей К. К. Стукова, в том числе словарные материалы к маньчжурскому переводу Нового Завета.

Этнографические сюжеты занимали и священника Тункинского ведомства Якова Афанасьевича Чистохина, об этом свидетельствуют его статьи: «Две шаманские молитвы, произносимые на тайлагане (у бурят)», «Сонхор – ноин», «Инородческие загадки» и «материалы по народному творчеству монголов», опубликованные в «Известиях ВСОРГО». Он был членом переводческой миссии и осуществил следующие переводы: «Учение пред принятием святого крещения», «Учение о святой христианской вере, изложенное в беседах с бурятами», «Священная история Ветхого и Нового Завета», «Житие святого Николая», «Каждодневные молитвы». В 1861 г. по инициативе архиепископа Парфения был создан Комитет по вопросам перевода учебных книг на бурятский язык. Он же рецензировал переводы других авторов на монгольский язык.

По данным историка Л.М. Дамешека, сибирское духовенство с 60-х гг. XIX в. ввело в практику направление выпускников местных семинарий в столичные духовные училища для получения «полного миссионерского образования с обучением сверх того при здешнем университете и монгольскому языку»²¹. Так, в 1858 г. в Петербург было направлено семь выпускников Иркутской семинарии. «Четверо из вновь прибывших иркутян – Г. Попов, М. Митропольский, Е. Писарев и Карелин были зачислены в духовную академию, остальные – В. Миротворцев, А. Карелин, И. Корнаков – в высшие отделения семинарии. Все вновь прибывшие изучали монгольский язык»²².

В.В. Миротворцев в 1860 г. из числа вольнослушателей был переведен в студенты. В 1863 г. сдал экзамены в университете по монгольским и калмыцким языкам и по окончанию академического курса был определен в Казанскую академию преподавателем. В 1864 г. для практического изучения калмыцкого языка и ламаистского вероучения он специально ездил в калмыцкие степи. В.В. Миротворцев стал прекрасным наставником – специалистом по монголоведению, восстановил специальное «противобуддийское отделение». Им было подготовлено магистерское сочинение «Изложение и критический разбор основных начал буддизма» (1873 г.). В 1869 г. он утвержден в степени магистра, а в 1870 г. – в звании профессора. Длительное время В.В. Миротворцев читал курс по истории буддизма на Востоке и в России²³.

Переводом богослужебных книг занимались и в Петербурге. К этой работе были привлечены профессора Петербургского университета А.В. Попов и К.Ф. Голстунский. В 1858 г. книги были отпечатаны в синодальной типографии и в количестве 300 экземпляров их отправили в Иркутск, Калмыцкую и Астраханскую епархии. Но качество переводов было признано неудовлетворительным. По мнению знатоков монгольского языка, они были малопонятны, сбивчивы и требовали значительной переработки. Для переводов на монголо-бурятский язык авторы пользовались литературным монгольским языком, который был мало понятен для местного бурятского и калмыцкого населения. Несовершенства в переводах вызвали целую дискуссию о методике переводов религиозной литературы: что взять за основу – литературный монгольский язык или разговорный бурятский.

Забайкальский миссионер, иеромонах Мелетий (М.К. Якимов), а впоследствии епископ Якутский, в результате многолетних

исследовательских трудов издал в 1901 г. книгу «Православие и устройство церковных дел в Даурии, Монголии и Китае в 17–18 ст.», в которой уделяется большое внимание взаимоотношениям православной и ламаистской церкви в Забайкалье.

Александр Матвеевич Орлов – преподаватель монгольского языка в Иркутской духовной семинарии с 1839 по 1880-е гг. Протоирей А. М. Орлов является составителем одной из ранних маньчжурских грамматик (1873 г.).

«Грамматика маньчжурского языка» была издана в Петербурге. Автор попытался истолковать грамматические явления маньчжурского языка с точки зрения более известной ему монгольской грамматики. Это привело к некоторым неточностям.

Как прекрасный знаток монголо-бурятского языка, он перевел на монгольский язык «Краткий катехизис», составил грамматику монголо-бурятского языка. В одном из писем в Петербург к известному востоковеду В. В. Григорьеву А. М. Орлов писал: «Я продолжаю уже не один десяток лет писать грамматику языка бурятского и собираю образцы устной словесности бурятской, как то: пословицы, загадки, песни, сказки, шаманские моления, описания религиозных обрядов, и все это с русским переводом и, быть может, при хрестоматии». Он был большим любителем книги, собрал большую библиотеку, которая после его смерти поступила в Девичий институт, в 1920 г. – в библиотеку Иркутского университета.

В книжных собраниях иркутских библиотек особое место занимали книги на монгольском и китайском языках, а также литература о странах Дальнего Востока и Центральной Азии. Так, в библиотеке иркутской губернской гимназии существовал специальный «азиатский» отдел. Начало формированию этого отдела было положено в 1802 г. даром иркутского купца Ф. Щегорина, который передал из своей домашней библиотеки книги на китайском и маньчжурском языках на сумму 1011, 6 руб.²⁴. Известно, что М. М. Сперанский – известный государственный деятель первой четверти XIX века передал в Иркутскую губернскую гимназию «на хранение 800 томов книг на монгольском языке (19 сочинений в нескольких экземплярах), выписанных для училища азиатских языков, но затем так и оставшихся в библиотеке»²⁵.

Среди ценных рукописей Фонда редкого хранения Иркутского университета находится рукопись XIV века «История монголов»

Джованни Карпини, включающая в себя седьмую, восьмую и часть девятой главы. Считается, что эта рукопись была сделана примерно через 100 лет после появления книги²⁶. Рукопись выполнена на пергаменте, возможно, что она была переписана в Чехии, где книга Плано Карпини была в обращении. Среди других уникальных изданий в библиотеке хранится шесть книг с автографом знаменитого русского китаиста Иакинфа Бичурина, который несколько раз побывал в Иркутске, переписывался и поддерживал отношения с несколькими жителями города.

В фонде редкого хранения Научной библиотеки Иркутского университета, наряду с другими раритетами, находится и рукописный «Русско-бурятско-монгольский словарь», датированный 1872 годом. Сохранилось, к сожалению, только два тома этого словаря, состоящего из 15 книг. Составителем этого, неизвестного в монголоведении словаря и ждущего своего исследователя, указан Я.П. Родионов. Удалось в журнале «Иркутские епархиальные ведомости» за 1891 год обнаружить скупые биографические сведения об авторе словаря. Я.П. Родионов окончил курс семинарии в 1852 г., некоторое время служил учителем Иркутского духовного училища, затем миссионером Верхотурского ведомства. В начале 70-х гг. поступил священником в свое родное село Куда, где скончался в 1891 г. от рака желудка²⁷. В епархиальной хронике по случаю погребения протоирея Родионова, отмечается: «От покойного остался монголо-бурятский словарь, над которым он трудился несколько лет. Желательно было бы, чтобы этот словарь родные пожертвовали или в Иркутскую духовную библиотеку или в Иркутский отдел Географического общества, где он с пользой мог быть употреблен в дело, со временем даже и отпечатан, если бы оказался достойным печати»²⁸.

Два тома из пятнадцатитомного «Русско-бурятско-монгольского словаря», составленного Яковом Родионовым, были переданы Научной библиотеке его внуком, языковедом П.Я. Черных. К сожалению, остальные тринадцать томов этого словаря сгорели во время большого иркутского пожара²⁹. В архиве востоковедов в С. – Петербурге хранится рукопись Родионова «Сборник грамматических правил и переводных статей, а также примеров для практических уроков по монголо-бурятскому языку», датированная 1875 годом. Из летописи Н.С. Романова мы узнаем о том, что над составлением этого словаря начал трудиться еще его дед. Петр

Маркович Родионов – весьма примечательная личность. Он побывал в Китае в составе Духовной миссии, овладел там китайским и монгольским языками, был известен не только в Иркутске как знаток этих языков, но и в Петербурге и Москве. Священник П. М. Родионов собрал неплохую библиотеку книг на восточных языках, часть которой передал Н. Я. Бичурину. Известно, что они плотно общались, их сближала любовь к восточной культуре, глубокий интерес к китайскому, маньчжурскому и монгольскому языкам. Таким образом, выясняется, что словарь – результат труда не одного поколения Родионовых.

Крупной фигурой среди религиозных деятелей Иркутска являлся Иннокентий Александрович Подгорбунский (1862–1913 гг.) – преподаватель миссионерских предметов Иркутской духовной семинарии, преподаватель монгольского и бурятского языков, исследователь шаманизма, буддизма, а также фольклора монгольских народов. Образование И. А. Подгорбунский получил в Иркутской духовной семинарии и Казанской духовной академии, окончив последнюю со степенью кандидата богословия. Это звание он получил за сочинение «Нравственное учение буддизма по монгольской книге Улигер-унд-далай, с приложением ее русского перевода».

В связи с преподаванием миссионерских предметов проявлял большой интерес к шаманизму и ламаизму, об этом свидетельствуют его опубликованные работы: «Шаманистические верования монголов и бурят» (1900-1901), «Высшие блага и пути к ним по учению буддизма и христианства» (1891), «Материалы для характеристики ламской астрологии», «Воззрение буддийской священной литературы на женщину» (1893) и др. И. А. Подгорбунский составил программы и учебники по буддизму и шаманизму, их исследование он подчинил определенной задаче – доказательству преимущества христианской религии перед восточными верованиями.

В архивных материалах сохранилась записка И. А. Подгорбунского от 11 сентября 1900 г. (фонд ВСОРГО: ф.293, оп.1, д.176) о необходимости отдельного издания о буддизме. «Заинтересовавшись буддизмом, я на первых порах был поражен полным отсутствием какого бы то ни было руководства на русском языке для первоначального ознакомления с этой религией. Но так я имел возможность пользоваться сначала библиотекой Казанской духовной академии, а затем библиотекой Восточно-Сибирского

отдела и Иркутской духовной семинарии, то мне удалось, наконец, хотя немного разобраться в массе материала. В гораздо худших условиях находится очень много лиц интересующихся буддизмом и особенно миссионеры, для которых знать буддизм действительно необходимо, приобрести же десятки сочинений о буддизме, чтобы познакомиться с этой религией они не имеют возможности. В виду этого я решил попытаться составить такое руководство, из которого желающие могли бы получить первоначальные и общие сведения об этой религии».

В Иркутской духовной семинарии он создал музей, в котором собрал все необходимое для изучения буддизма и шаманизма. Совместно с Г.Н. Потаниным он подготовил выставку предметов внешней обстановки лам (1888 г.). Знаток буддизма Агван Доржиев, проезжал через Иркутск и посетил музей и проверил определения бурханов коллекции. В воспоминаниях известного русского журналиста, редактора газеты «Восточное обозрение» И.И. Попова «Забутые иркутские страницы» отмечается об этом: «Определение, сделанное ранее нашим иркутским специалистом по буддизму священником И.А. Подгорбунским, он нашел правильным»³⁰.

В 1909 г. И.А. Подгорбунский издал в Иркутске «Русско-монголо-бурятский словарь» (340 страниц), а в 1910 г. опубликовал «Материалы для грамматики разговорного бурятского языка», посвятив их монгольским глаголам, причастиям и деепричастиям. Основной задачей словаря являлось намерение представить словарный запас живого разговорного бурятского языка, с вариантами значений слов у аларских, балаганских, тункинских, нижнеудинских, хоринских, селенгинских бурят. Подчеркивая достоинства данного словаря И.А. Подгорбунского, монголист Г.Ц. Цыбиков писал: «Приветствуем появление этого словаря, как первой попытки дать материал для сравнительного изучения разных живых наречий монгольских племен с применением более или менее точной транскрипции звуков их»³¹. Имеются и критические замечания Г.Ц. Цыбикова о работах И.А. Подгорбунского, в частности, на его публикацию «Сказания и песни бурят»: «Транскрипция – ненаучная. Не передающая звуки бурятской речи, к тому же масса опечаток». В коллекции Г.Ц. Цыбикова в Агинском окружном музее хранится «Книга отзывов о работе Подгорбунского».

Около 25 лет И.А. Подгорбунский был членом Географического общества, неоднократно выступал с докладами на его заседаниях,

а также в сибирской периодической печати, редактировал «Известия», восемь лет являлся редактором иркутских «Епархиальных ведомостей».

Таким образом, даже краткий обзор изучения монгольского языка в Иркутске позволяет говорить о богатых традициях в его изучении, преемственности. В этой связи нельзя не согласиться с выводом Н.И. Веселовского о широком распространении изучения монгольского языка в Сибири, значительном количестве знатоков здесь этого языка: «В Сибири их было, конечно, больше, но они нам неизвестны, потому что не заявили о себе литературными трудами»³². Необходимы дальнейшие и тщательные изыскания в иркутских архивах и библиотеках, которые позволят создать более целостную картину изучения монгольского языка в сибирском регионе.

Значительную роль в изучение Монголии внесло Восточно-Сибирское отделение Русского Географического общества, созданное в Иркутске в 1851 году. Отделением был организован ряд экспедиций в Монголию по изучению археологических памятников, природных ресурсов, этнографии и культуры монгольского народа (экспедиции Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца, В.А. Обручева).

Многие годы правителем дел Отдела был Григорий Николаевич Потанин – крупный ученый, естествоиспытатель и путешественник, исследователь Центральной Азии.

Несколько археологических экспедиций в Монголию совершил Н.М. Ядринцев – крупный сибирский общественный деятель, публицист, редактор газеты «Восточное обозрение». На страницах этого издания печатали свои путевые впечатления, этнографические этюды и размышления о судьбе соседней Монголии известные ученые монголоеды: В.В. Радлов, Г.Н. Потанин, Д.П. Першин, Н.Н. Козьмин, А.М. Позднеев.

Из программного заявления редакции 1882 г. мы узнаем, что предпринято издание, знакомящее Европейскую Россию с Азией и Сибирью и обратное жителей окраин с жизнью и развитием России. Именно поэтому Монголии было уделено существенное место. Особенно большое внимание было обращено на русско-монгольскую торговлю, ее состояние и выяснение причин сокращения и коммерческих неудач.

Н.М. Ядринцев ратовал за глубокое и серьезное изучение азиатских стран, за преодоление «остаточного принципа» в отно-

шении стран Востока: «Наша задача – приучить русскую публику интересоваться судьбами азиатского Востока весьма тяжела при существующем предубеждении к азиатским народам и утвердившемся мнении, что эти государства мертвые, обреченные на застой и противоположность европейской цивилизации. Надо развеять это предубеждение и доказать, что и там есть жизнь, движение, своя культура и свой прогресс, может быть, им готовится своя роль в истории человечества».

В историю монголоведения и тюркологии Н. М. Ядринцев вошел как первооткрыватель двух значительных рунических памятников. В 1886, 1889, 1891 годах он совершил научные экспедиции в Монголию. В 1889 г. в долине Кошо-Цайдама, на берегу реки Орхон, притока Селенги, был обнаружен памятник, сооруженный в честь тюркского кагана Могиляна (умер в 731 г.) и его брата Кюль-тегина. Надписи на памятнике, как выяснилось позднее, рассказывали в стихотворной форме о жизни и подвигах этих каганов.

В 1891 г. на берегу реки Онгин он обнаружил и зарисовал Онгинский памятник. Были обнаружены и введены в научный оборот древнейшие памятники тюркского языка. Дешифровку обнаруженных Н. М. Ядринцовым надписей на тюркской письменности почти одновременно выполнили ученый из России В. В. Радлов и датский ученый Томсен. Они доказывали, что кочевники Центральной Азии в VI веке имели развитые государства, собственную оригинальную письменность.

В изучении древних культур Монголии проявился незаурядный талант Н. М. Ядринцева как археолога и востоковеда. Жаль, что ученый не знал восточных языков и не смог принять участия в переводе обнаруженных текстов. Открытия на Орхоне послужили началом детального исследования древних памятников народов Центральной Азии, изучению их быта и культуры. Позднее ученые России: В. В. Бартольд, А. Н. Бернштам, А. Н. Кононов, С. Г. Кляшторный, И. В. Стеблева продолжили и развили это направление исследований.

Результаты научных экспедиций в Монголию были опубликованы в «Известиях ИРГО» (1890 г.), «Сборнике трудов Орхонской экспедиции», статье «Прошлое и настоящее монголов», отчете «Путешествие на верховья Орхона к развалинам Каракорума», «Каменные могилы и каменные бабы в Монголии и Сибири» (1890), «Отчет и дневник о путешествии по Орхону и в Южный

Хангай в 1891 г.», «Предварительный отчет об исследованиях по р. Толе, Орхоне и Южном Хангае» (1892 г.).

Впервые в историографии роль и значение открытия Орхонских памятников Н. М. Ядринцевым была сделана И. И. Поповым в 1894 г. в опубликованном докладе «Открытия на Орхоне». Доклад был сделан на общем собрании сотрудников и членов Географического общества на основе предварительного отчета самого Ядринцева.

В Государственном архиве Иркутской области находится личный фонд Н. М. Ядринцева (фонд 295), где помещаются материалы, связанные с изучением Монголии, подготовкой к экспедициям, обобщениям ее результатов. Здесь же находятся географический дневник, наброски будущих работ и заметки о Монголии. Кроме «Археологических результатов путешествий на Орхон», «Материалов путешествий в Монголию», «Путевых картин Монголии» имеются выписки из работ средневековых ученых, китайских авторов и путешественников, побывавших в Каракоруме во времена Чингисхана, перевод трудов французского исследователя Абель-Ремюзы о монголах. Проблема древней монгольской столицы – Каракорума серьезно занимала Н. М. Ядринцева.

Около 60 работ по Монголии опубликовал Д. А. Клеменц – русский революционер, писатель, ученый, публицист³³. С 1892 по 1896 гг. Д. А. Клеменц вел археологические раскопки в Северной Монголии по заданию Российской Академии наук. В 1891 г. Д. А. Клеменц принял активное участие в известной Орхонской экспедиции, руководимой академиком В. В. Радловым. От Хара-Балгасуна Д. А. Клеменц совершил самостоятельное путешествие на север до верховья Енисея с целью выяснения вопроса «существует ли непрерывная связь между памятниками долины Орхона и давно известными остатками древней культуры в верхнем и среднем Енисее»³⁴. По мере продвижения экспедиции русского ученого ей встречались керексуры, по пути были сняты надписи с 14 каменных памятников, 4 из которых были открыты впервые. Недалеко от реки Хануй он обнаружил громадные развалины городского поселения, что доказывало связь между орхонскими и минусинскими памятниками.

В своем отчете академику В. В. Радлову он писал: «Обилие археологических памятников в бассейне Селенги дает надежду, что науке удастся восстановить быт замечательного народа, который

оставил нам немые следы своего существования на всем протяжении от границ Маньчжурии до южных предгорий Алтая»³⁵.

В 1892–1896 гг. Д. А. Клеменц проводит интенсивные археологические исследования Северной Монголии. За эти годы он описал большое количество археологических памятников, собрал значительный материал для составления археологической карты этого региона. Обычно в Монголии он проводил летние месяцы, на зиму возвращался в Иркутск. Однако, зиму 1893 г. он провел в Урге. В газете «Восточное обозрение» за 1893 г. он писал о монгольской столице: «... ее пора изучить как центр монгольской интеллигенции»³⁶.

В 1895 и 1896 гг. Д. А. Клеменц изучает потухшие вулканы близ озера Цагаан-терил-нор (до него об этом не было даже известно)³⁷. Вообще, он был одним из первых ученых, кто писал о вулканах и ледниках Монголии. Крупный ученый-географ и геолог В. А. Обручев так оценивал значение геологических работ Д. А. Клеменца: «Значение монгольских исследований Д. А. Клеменца станет понятным, если указать, что он был первым единственным геологом, исколесившим всю Внешнюю Монголию, и знавшим ее, как никто из современников: все остальные экспедиции по этой стране или не имели в своем составе геологов, как, например, экспедиции Потанина, Певцова, Позднева, Соболева и Боголепова, Сапожникова и другие или же исследовали только небольшую часть страны – узкую полоску вдоль всего пути»³⁸.

Несколько раз в своих статьях он обращался к проблеме русско-монгольской торговли. Он поддерживал мнение Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева о необходимости расширения и укрепления экономических связей с Монголией и считал, что состояние русско-монгольской торговли не удовлетворяет обе стороны. Оценивая деятельность русских торговцев, Д. А. Клеменц писал: «Я не стану вместе с Г. Н. Потаниным утверждать, что русские купцы в урянхайской земле настоящие грабители, но еще менее соглашусь с розовыми взглядами А. В. Адрианова, который выставляет их как образец для подражания другим, хвалит их умение, такт, добросовестность и т. д.»³⁹.

В конце XIX – начале XX вв. продолжались интенсивные экономические связи с Монголией. В это время ежегодно через Тункинскую долину пригонялось до 20 тысяч голов крупного рогатого скота, свыше 12 тыс. овец и свыше тысячи лошадей на

сумму около I млн. руб.⁴⁰. По общей ценности ввоза продуктов животноводства в Россию Монголия занимала в 1910 году второе место (после Германии)⁴¹. На монгольском сырье также работала значительная часть салотопенных, мыловаренных и кожевенных заводов.

После завоевания Монголией национальной независимости в 1911 г. эта торговля имела тенденцию к росту. С увеличением товарооборота при иркутском генерал-губернаторе был создан Постоянный комитет по монгольским вопросам. В 1913 году в Иркутске было проведено совещание по состоянию и перспективе русской торговли в Монголии, созванное иркутским генерал-губернатором Л. М. Князевым. На Совещании подчеркивалось, что Монголия переживает переходный период, связанный с разрывом отношений с Китаем и создавшимся благоприятным моментом для русской торговли.

21 декабря состоялось специальное заседание Совещания, на котором присутствовало Чрезвычайное посольство монгольского правительства, возглавляемое Ханддоржем. Он выразил согласие и поддержку по вопросам о необходимости проведения железной дороги Урга-Кяхта, а также строительство телеграфных линий на территории Монголии (особенно линии Урга-Улясутай). Он предполагал, что осуществлять все эти проекты будет Россия и русские купцы и выразил пожелание, чтобы промышленные круги ближе познакомились с потребностями монгольского рынка, где открываются широкие возможности для сбыта русских товаров⁴².

События, происходившие в это время в Монголии, а также связанные с ними изменения русско-монгольских отношений вызвали большой интерес в самых различных слоях сибирского общества. «Монгольский вопрос» становится предметом широкого обсуждения среди кругов общественности, в местной периодической печати: в «Сибири», «Иркутском слове» и др.

Серию статей о Монголии: «Современная Монголия», «Современное политическое положение Халхаской Монголии и силуэты деятелей монгольской независимости», «Русские в Монголии» опубликовал в газете «Сибирь» за 1912–1913 гг. чиновник особых поручений при Иркутском генерал-губернаторе Д. П. Першин (псевд. Дм. Даурский).

Штабом военного округа в Иркутске в 1913 г. издается ежемес-
ячник «Дальний Восток» (выпущено 52 сборника), в котором пер-

востепенное внимание уделяется материалам о Монголии. Было опубликовано ряд книг о Монголии, подготовленных офицерами Генерального штаба, служившими в Иркутске.

26 июня 1913 г. Императорское общество востоковедения направило из Петербурга в Иркутск генерал-губернатору письмо с просьбой об открытии иркутского отдела Общества, которое предполагало организовать при отделе курсы для русских – монгольского языка, для монголов (бурят) – русского языка. Предполагалось также, что Совет будущего отдела «окажет громадное значение в деле практической разработки вопросов, вытекающих из необходимости установления тесного взаимоотношения России с Монголией, привлекая к этому делу сведущих и заинтересованных лиц края». К сожалению, была наложена резолюция: «пока организация не требуется»⁴³.

В Иркутске была создана типография, которая печатала материалы на монгольском языке. В ней был издан «Монголо-русский словарь с монгольской азбукой и краткими грамматическими правилами и правописаниями» Р. Бимбаева, закончившего в Кяхте школу переводчиков и служившего там по этой специальности. Он также владел китайским, маньчжурским, монгольскими языками. Из его письма к В.Л. Котвичу от 15 декабря 1913 г. узнаем о некоторых обстоятельствах издания словарей: «... я издаю Монгольско-Русский словарь. Я обращался в Министерство торговли и промышленности о содействии к изданию моих трудов и о субсидии, но до сих пор не имею ни ответа, ни приветия...»⁴⁴.

Новый этап в изучении истории Монголии и монгольского народа начался в 1918 г. с открытием в Иркутске университета. Одним из первых в его составе было образовано восточное отделение, на котором монголоведение являлось ведущим направлением. Этому способствовало ряд обстоятельств. Во-первых, город был местом с богатыми традициями изучения монгольского языка, этнографии и истории Монголии. Во-вторых, в Иркутске в 1918–1921 годах находились организации Коминтерна, которые оказывали помощь монгольским революционерам. Сюда приезжали будущие лидеры монгольской революции Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан. Дальневосточный Секретариат Коминтерна издавал здесь журнал «Народы Дальнего Востока», в котором публиковались первые документы МНРП – сейчас ценные источники по истории революционного движения в Монголии. 10 ноября 1920 г. в Иркутске вышел первый

номер газеты «Монголын унэн» («Монгольская правда»), распространение которой среди монгольских аратов сыграло определенную роль в подготовке народной революции 1921 г.

В-третьих, в 20-е годы в Иркутске оказалась многие востоковеды Москвы и Петрограда. Они находились здесь в результате бурных событий революции и гражданской войны, работая здесь, способствовали активизации изучения стран Востока, в том числе и Монголии. И, наконец, в 1926–1932 гг. Иркутский университет начал обучение монгольских студентов и подготовку квалифицированных специалистов для партийных, государственных и научных организаций МНР, что также усиливало интерес к истории страны, ее языку и культуре.

Очень знаменательно, что именно в Иркутске была издана в 1921 г. одна из первых после революции книг о Монголии. Это фундаментальное и глубокое исследование И. М. Майского «Современная Монголия», которое положило начало советскому монголоведению⁴⁵.

Восточное отделение в Иркутском университете (1918–1924 гг.) и 2-х годичные курсы восточных языков при отделении подготовили большую группу квалифицированных специалистов-востоковедов для практической работы в Китае, Монголии, Японии, Корее.

Изучение монгольского языка, литературы, истории Монголии занимало одно из ведущих мест на восточном отделении. Монгольский язык преподавали: Ц. Ж. Жамцарано, получивший монголоведное образование на восточном факультете Петербургского университета, работы которого впоследствии получили мировую известность, С. П. Кузнецов, окончивший Восточный Институт во Владивостоке и служивший драгоманом русского консульства в Монголии, а также В. Н. Флоренсов – знаток монгольского разговорного языка. Непродолжительное время в университете преподавал специалист по монгольскому праву В. А. Рязановский.

В личном деле М. М. Рубинштейна – первого ректора Иркутского университета, находится докладная записка лектора монгольского языка Ц. Жамцарано от 30 марта 1919 г. о необходимости практики: «... в интересах успешного усвоения монгольского языка студентами и слушателями Восточного отделения было бы очень желательно командировать их в Монголию или в бурятские улусы для практического ознакомления с языком и бытом монголо-бурят...»⁴⁶.

Иркутские монголоеды поддерживали тесные научные связи со специалистами Петрограда (Ленинграда), Москвы, а также монгольскими учеными Урги (Улан-Батора). В Рукописном отделе Института Истории АН Монголии (фонд V, папка 85) хранится рукопись Н. Флоренсова «История Монголии», написанная в Иркутске в 1923–24 гг. Рукопись представляет собой хронологические выписки по истории монголов XIII–XIX вв., с подробным списком источников по этому периоду и свидетельствуют о глубоком знании монгольских реалий. Видимо, рукопись была сделана для кого-то из научных сотрудников Ученого Комитета МНР.

Сохранились также машинописные рукописи Н. Флоренсова, подготовленные в 20-х гг.: «Монгольские ксилографы, поступившие в 1922 г. в ВСОРГО», «Монгольские ксилографы, поступившие в 1922 г. в ВСОРГО из Иркутского губернского архива» (1924 г.). К сожалению, тяжелые экономические условия 20-х годов не позволили опубликовать интересные материалы иркутского монголоеда.

Из письма Б. Я. Владимирцова – главы советского монголоведения, А. В. Бурдукову от 15 апреля 1923 г. мы узнаем, что в Петрограде специально для Иркутска готовились два студента-монголиста: «Все это время у меня были очень хорошие студенты. Теперь готовлю еще двух, причем буду направлять их в Иркутск, где, конечно, совершенно необходимо иметь настоящего монголиста... Ужасно бы хотелось на это лето командировать в Монголию двух моих студентов, как раз тех, кого я предназначаю для Иркутска. Но, к сожалению, средств здесь, мало. Не мог бы Центросоюз оказать содействие в этом деле»⁴⁷. К сожалению, к тому времени, когда эти студенты окончили полный курс Восточного факультета, восточное отделение Иркутского университета было закрыто, и монголисты уже не были нужны.

Монголоеды Иркутска занимались научными исследованиями. Об этом свидетельствуют публикации: Ц. Жамцарано, А. Турунов «Халха Джиром. Описание памятника» (1923), А. В. Черных «Торговые связи Монголии и Восточной Сибири» (1926), М. А. Ваксберг «Конституция революционной Монголии» (1925), Н. Н. Козьмин «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (1934).

Так, в работе А. В. Черных «Торговые связи Монголии и Восточной Сибири» на основе обширных источников дан анализ русско-монгольской торговли и показано становление советско-монгольских торгово-экономических отношений. Автор отмечает

принципиальное отличие новой советской торговой политики: ее равноправие и взаимовыгодность. Он уделил большое внимание становлению монгольской кооперативной торговли, которая медленно, но последовательно набирала темпы и завоевывала позиции на национальном рынке. Были отмечены и трудности в работе советских торговых организаций, ее неопытность и незнание монгольского рынка. Несомненно, что эта работа имела не только научное, но и практическое значение.

В 1928–1930 гг., в последние годы своей жизни работал крупный ученый востоковед, исследователь Тибета и Монголии Г.Ц. Цыбиков. За очень короткий срок работы в Иркутском университете профессор Г.Ц. Цыбиков опубликовал работы: в 1928 г. – «Монгольская письменность как орудие национальной культуры», «Русско-монгольский терминологический словарь», в 1929 г. – «Учебник монгольского языка для самостоятельного изучения», «Забайкальское бурятское казачье войско», в 1930 г. – «Жизнь и труды Доржи Банзарова».

Опубликованы воспоминания М. Намжилова, рассказывающие о напряженной творческой работе Г.Ц. Цыбикова: «Я работал в потреб-кооперации. Ездил в Иркутск в 1929 г. на кооперативную конференцию. В Иркутске жил на квартире Цыбикова... Его двухкомнатная квартира была завалена до потолка книгами. Я жил у него около недели, и он всю ночь занимался, писал что-то»⁴⁸. Известно также, что Г.Ц. Цыбиков был не удовлетворен постановкой преподавания монгольского языка в университете, т.к. тогда происходило сокращение данного направления.

Г.Ц. Цыбиков считал, что Иркутск занимает удобное место для изучения стран Восточной Азии и поэтому необходимо не сокращать востоковедные исследования, а наоборот увеличивать. В его воспоминаниях «Дневнике поездки в Ургу в 1927 г.» отмечается: «Берлин (работник посольства СССР в Монголии). Знакомимся. Говорит о своей прежней и нынешней работе. Интересуется Тибетом. Говорит, что в Иркутске нужно учредить факультет восточных языков, так как Иркутск расположен ближе к Востоку, ... и привлечет учащихся, как местных сибирских, так и бурят-монгольских».

В Рукописном отделе Бурятского филиала хранятся материалы о судьбе книг ученого. В деле № 29 хранится записка следующего содержания: «Педфак. Коменданту здания Р.Л. Ситникову. Просьба принять связку книг, принадлежащих, скончавшемуся проф.

Цыбикову, для передачи в кабинет монголоведения. Асс. Кузнецов. 3.9.1930. Таким образом, некоторые книги Г.Ц. Цыбикова после его смерти поступили в кабинет монголоведения, а затем в Научную библиотеку Иркутского госуниверситета.

После закрытия восточного отделения монголоведческие исследования и подготовка специалистов были продолжены на кафедре монголоведения бурятского отделения педагогического факультета. На кафедре работали профессор Н.Н. Козьмин, Г.Ц. Цыбиков, преподаватель С.П. Кузнецов. Курс лекций по монгольскому языку и письменности читал Г.Ц. Цыбиков, а практические занятия вел Кузнецов. Из воспоминаний П.Т. Хаптаева известно, что первую пробную лекцию Г.Ц. Цыбиков прочитал на тему «Культурные связи Бурятии с Монголией».

Профессора кафедры старались вовлечь студентов в бурятскую секцию ВСОРГО, организовать им командировку для сбора материалов по этнографии, фольклору и подготовить их материалы к печати⁴⁹. Преподаватели университета принимали активное участие в деятельности Иркутского филиала научной Ассоциации востоковедения, Кружка содействия монголоведению, которые занимались изучением актуальных вопросов истории, экономики, культуры Монголии.

По данным Е.М. Даревской, кружок содействия монголоведению при Монгольской конторе Сибкрайсоюза был основан 15 августа 1924 г. по инициативе А.В. Бурдукова. Целью кружка «являлось содействие всестороннему изучению Монголии путем устройства выставок, экскурсий и докладов на русском и монгольском языках, издания материалов по монголоведению⁵⁰. Число членов кружка увеличилось в первый же год с 20 до 80, были прочитаны доклады по истории и современному положению Монголии, оказана помощь, командированным в МНР.

В 20-е годы научными сотрудниками ИГУ началось изучение Прихубсугульского района. Ученые Иркутского университета подключились к решению сложных теоретических проблем монголоведения. Об этом, свидетельствует, в частности, попытка профессора Н.Н. Козьмина решить вопрос о наличии феодальных отношений у кочевых народов. К сожалению, в литературе об этом почти неизвестно, а имя историка полузабыто.

Николай Николаевич Козьмин – один из крупных сибирских историков, этнографов конца XIX – начала XX вв., историк ли-

берально-буржуазного направления, во взглядах которого в 30-е гг. намечался перелом к марксизму. Сложный жизненный путь прошел этот человек. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Историк, этнограф, журналист, один из активных деятелей сибирского областнического движения. Н. Н. Козьмин – автор многих работ по истории и этнографии Сибири. В 20–30-е гг. он проявляет большой интерес к истории и этнографии Монголии. Им были опубликованы книга «К вопросу о турецко-монгольском феодализме», статьи: «Экономические причины войны между Чингизидами», «Тата и татары. Спорные вопросы истории Центральной Азии», ряд рецензий на издания Б. Я. Владимирцова и В. Л. Котвича.

Н. Н. Козьмин перевел и опубликовал работы крупнейших монголоведов: в 1929 г. с немецкого языка – В. В. Радлова «Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии», в 1937 г. – с французского – книгу Д. Оссона «История монголов от Чингис-хана до Тамерлана».

Таким образом, становление и развитие иркутского монголоведения в XVIII – начале XX вв. диктовались практическими потребностями перевода дипломатических и деловых документов в отношениях двух соседних стран. Особым направлением изучения монгольской традиционной культуры и буддизма являлся перевод христианских книг на монгольский язык. В 1725 г. в Иркутске появилась первая в России русско-монгольская школа. Становление первой кафедры монгольского языка в Казани происходило при помощи иркутского монголоведа А. В. Игумнова. Особенно большую роль сыграл Иркутск в развитии русско-монгольских отношений в начале XX века. В изучении истории, культуры и монгольского языка в Иркутске хорошо прослеживается преемственность исследований.

Примечания

1. Некоторые аспекты данной проблемы рассматривали в своих работах Е. М. Даревская, К. Л. Малакшанов, Ш. Б. Чимитдоржиев, Н. О. Шаракшинова, К. С. Яхонтов, Ю. В. Кузьмин, Е. И. Лиштованный.
2. Иркутская летопись: Летопись П. И. Пежемского и В. А. Кротова// Сибирь. – 1989. – № 4. – С. 113.
3. Шастина Н. П. Русско-монгольские посольские отношения XVIII в. – М. – 1958. – С. 169–176.
4. Там же.

5. Веселовский Н.И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. – СПб.: 1879. – С.84.
6. Там же. – С. 84.
7. Там же. – С.85.
8. Романов Н. Воспоминания // Библиофил Сибири. – Иркутск: 1988. – С.101.
9. Там же. – С.150.
10. Яхонтов К.С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске. – СПб.: 1994. – С. 7 –
11. Исторический очерк Иркутской губернской гимназии (1789–1905). Вып. 1. – Иркутск: 1910. – С. 19.
12. Там же. – С.57.
13. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. – Т. XII. – СПб: 1894. – С. 794.
14. Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. – Л.: 1925. – С.268.
15. Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский: Очерк жизни и деятельности. – Казань: 1983. – С.26.
16. Там же. – С.32.
17. Там же. – С.63.
18. Там же. – С.102.
19. Шаракшинова Н.О. Монголовед Алексей Бобровников // Байкал. – 1988. – № 3. – С. 131–132.
20. Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. – М.: 1987. – С.173.
21. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX века). – Иркутск: 1986. – С. 147.
22. Там же.
23. Знаменский П. Казанская духовная академия. – Вып. II. – Казань, 1892.
24. Полищук Ф.М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец ХУШ – февраль 1917 г.). – Иркутск: 1983. – С.24
25. Там же.
26. Боннер А.Г. Бесценные сокровища. – Иркутск, 1979. – С.12.
27. Иркутские епархиальные ведомости. – 1891. – № 8. – С.7
28. Там же.
29. Боннер А.Г. Указ. соч. – С.10.
30. Попов И.И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. – Иркутск: 1989, С.166.
31. Дугаров Н.Б. Об одной из ранних лингвистических работ профессора Г.Ц. Цыбикова // Исследования по культуре народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1980. – С.10.
32. Веселовский Н.И. Указ.соч. – С. 88.

33. Гольдфарб С. И. Д. А. Клеменц – революционер, ученый, публицист. – Иркутск: 1986. – С. 83–90, С. 110–116.
34. Сборник трудов Орхонской экспедиции. – СПб., 1892. – С. 22.
35. Там же.
36. Д. К. [Д. Клеменц] Письма с дороги // Восточное обозрение, 1893, № 53. – С. 7.
37. Клеменц Д. А. Заметка о потухших вулканах на Хангае // Известия ВСОРГО, 1897. – Т. XXVIII, № 2. – С. 157–159.
38. Известия ВСОРГО, 1916. – Т. 45. – С. 13.
39. Д. К. Письма с русской границы // Восточное обозрение, 1891. – № 46. – С. 12.
40. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия. – М.: 1987
41. Даревская Е. М. Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири в период империализма // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири. – Иркутск: 1983.
42. Труды Совещания по вопросам о развитии русских торговых отношений с Монголией, созванного иркутским генерал-губернатором Л. М. Князевым. – Иркутск. – 1913. – С. 4.
43. ГАИО, ф. 25, оп. 11, д. 160, л. 2.
44. В. Котвичийн хувийн архивас олдсон монголын туухэнд холбогдох зарим бичиг (Некоторые документы из личного архива В. Котвича, связанные с монгольской историей) // ШУАХ. – Улан-Батор, 1972, С. 285.
45. Майский И. М. Современная Монголия. – Иркутск, 1921.
46. Текущий архив Иркутского университета, фонд. 71, опись 3, дело 525, связка 11. – С. 75.
47. Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. – М.: 1969. – С. 367.
48. К столетию со дня рождения Г. Ц. Цыбикова. – Улан-Удэ, 1956. С. 160.
49. Хаптаев П. Т. Воспоминания о профессоре Г. Ц. Цыбикове // Исследования по культуре народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1980. – С. 166.
50. Даревская Е. М. Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) // Очерки по истории русского востоковедения. – М.: 1963. – Сб. VI. – С. 214.

Традиции изучения китайского и маньчжурского языков в Иркутске

Иркутск имеет глубокие традиции изучения восточных языков в Восточной Сибири и России. Город является крупным экономическим, научным и культурным центром Сибири. Благоприятное

расположение Иркутска на перекрестке торговых и транспортных путей способствовало превращению его в связующее звено с восточными странами: Китаем, Монголией, Японией, Кореей. В свое время здесь находился административный центр Восточной Сибири и Дальнего Востока, дипломатическая канцелярия иркутского генерал-губернатора, штаб военного округа, крупные музеи и библиотеки страны, школы восточных языков [9;12].

Иркутск находился у истоков изучения в России монгольского, маньчжурского и китайского языков [1;3;12;13]. В городе сложилась своя школа изучения монгольского языка, начало которой исходит к русско-мунгальской (русско-монгольской) школе 1725 года. Ученик этой школы И.К. Рассохин стал первым преподавателем китайского и маньчжурского языка в России, составителем первых учебников и научных трактатов по истории и географии Цинской империи [13].

Россохин (Рассохин) Илларион Калинович (1707-1761) – первый русский китаевед, стоял у истоков изучения в России Китая, китайского и маньчжурского языков, выпускник Русско-монгольской школы в Иркутске.

Родился и детские годы провел в Забайкалье, в с. Хилок, Селенгинского уезда. В 1725 г. в числе первых учеников был принят в Русско-монгольскую школу при Вознесенском монастыре. В 1728 г. настоятель монастыря, архимандрит А. Платковский был назначен главой Второй Духовной миссии в Китай, который взял с собой наиболее способных учеников школы. С 1729 по 1741 гг. находился в Пекине, где глубоко изучил китайский и маньчжурский языки, окончил китайское училище. В 1735 г. по просьбе китайских властей был зачислен в Лифаньюань, в его монгольский приказ. Одновременно впервые организовал и преподавал русский язык при Дворцовой канцелярии. Перевел ряд крупных китайских трактатов и хроник на русский язык, в том числе «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска». В 1741 г. вернулся в Россию и был направлен в Академию наук «для переводов и для обучения китайскому и маньчжурскому языкам». Составил ряд учебников и грамматик, которые остались в рукописях. Школа Рассохина просуществовала 10 лет, ее ученики включались в состав духовных миссий в Пекин. Последние годы испытывал тяжелые материальные трудности, был вынужден продавать китайские книги. Некоторые работы изданы после его

смерти, большинство рукописей не изданы до сих пор [1;3;13, С.7–16].

В XIX веке изучением монгольского языка в Иркутске успешно занимались А.В. Игумнов, А.И. Бобровников, архиепископ Нил (Н.Ф. Исакович), А.М. Орлов, Я.П. Родионов, И.А. Подгорбунский и др. Некоторые из них, наряду с монгольским языком, владели и маньчжурским. Например, протоирей А.М. Орлов является создателем одной из ранних грамматик маньчжурского языка, которая была издана в 1873 году в Петербурге [9, С.38]. А.М. Орлов – преподаватель монгольского языка в Иркутской духовной семинарии, а затем в Иркутском уездном училище с 1839 по 1880-е гг. Это был широко образованный человек, он знал греческий, латинский, еврейский, немецкий, монгольский языки. А.М. Орлов составил и Грамматику бурят-монгольского языка, перевел на монгольский язык некоторые священные христианские сочинения. В «Грамматике маньчжурского языка» автор пытался истолковать грамматические правила маньчжурского языка с точки зрения монгольской грамматики, что привело к некоторым ошибочным аналогиям. По оценке современных востоковедов, «автор, не зная достаточно хорошо маньчжурский язык, при написании своей работы использовал маньчжурские книги с монгольским подстрочником. Справедливо считая монгольский язык довольно близким к монгольскому, он пытался истолковать грамматические явления маньчжурского языка, с точки зрения известной ему монгольской грамматики»[6, С.329]. Однако, при оценке подобных трудов, по нашему мнению, основное внимание нужно обращать на оригинальность вклада исследователей провинциальной России, которые первыми в стране создавали грамматики и словари, исходя из практических нужд миссионерской деятельности Русской православной церкви и потребностей практического перевода дипломатических структур Российской империи, а также подготовки новых специалистов-переводчиков и учителей – преподавателей монгольского и маньчжурского языков, востребованных в пограничных организациях Кяхты, Нерчинска, Иркутска. Поэтому позитивная роль учебников, словарей монгольского и маньчжурского языков несомненна, а также они использовались и в Петербурге и Москве, как дополнительные учебные пособия.

В 20–30-е годы Иркутск являлся признанным в России центром по изучению монгольского языка. А.В. Игумнов, А.И. Бобров-

ников, А. М. Орлов имели рукописные, или опубликованные русско-монгольские словари и учебные словари, многолетний опыт преподавания языка и практических переводов. Именно в Иркутске в 1829–1830 гг. были направлены из Казанского университета студенты О. М. Ковалевский и А. В. Попов к А. В. Игумнову, который занимался с ними монгольским языком. Они получили доступ к рукописному 4-томному монголо-русскому словарю А. В. Игумнова, что в дальнейшем позволило профессору О. М. Ковалевскому (1801-1878) составить знаменитый русско-монголо-французский словарь. Школа монгольская языка в Иркутске имела глубокие традиции и российское признание [9, С.27–30]. Длительное время О. М. Ковалевский и А. В. Попов изучали монгольский язык в Забайкалье, Ковалевский дважды выезжал в Монголию и в 1830 г. вместе съездил вместе с Духовной миссией в Пекин [14, С.4]. В составе миссии были будущие известные знатоки китайского языка: Е. И. Сычевский, Аввакум (Честной), с которыми, в дальнейшем, О. М. Ковалевский сохранил прочные научные связи и переписку. Взаимное общение будущих монголоведов и китаистов имело позитивное значение для обеих сторон.

Значительное влияние на формирование иркутской школы монголоведения и китаеведения оказали известные российские ученые, которые длительное время жили в Восточной Сибири, и в Иркутске: основатель научного монголоведения, профессор О. М. Ковалевский, который учился монгольскому языку у А. В. Игумнова и бурятских лам, а также английских миссионеров; Н. Я. Бичурин (о. Иакинф) – один из основателей научного китаеведения, который работал в Иркутске (Вознесенский монастырь) и Забайкалье (Кяхте) ; первый бурятский ученый-энциклопедист Доржи Банзаров, который владел не только монгольским, но и маньчжурским языком, а также основными европейскими языками. В 1830 году училище китайского языка в Кяхте – единственного учебного заведения подобного рода в России, возглавил К. Г. Крымский, вернувшийся из Пекина студент Духовной миссии. По данным профессора В. Г. Дацышена, использовался интеллектуальный потенциал первого профессора китайского языка в России, заведующего кафедрой китайского языка Казанского университета (1837–1844 гг.) архимандрита Даниила (Дмитрий Петрович Сивилов) (1798-1871), который служил в Восточной Сибири около 15 лет, с 1844 г. был настоятелем Посольского

Спасо-Преображенского монастыря, с 1850 по 1859 гг. – настоятелем Троицкого Селенгинского монастыря [1; 2; 3]. Архимандрит Даниил в 1855 году передал свою библиотеку китайских, маньчжурских и монгольских книг и рукописей Кяхтинскому училищу китайского языка [1, С.289]. Даниил составил несколько словарей китайского языка, «Китайскую хрестоматию», «Конспект для преподавания китайского языка» [1, С.37]. В Сибири продолжал свою миссионерскую деятельность среди местных бурят, занимался переводами текстов древнекитайской философии. Его всегда интересовало конфуцианство, даосизм, китайский буддизм. По сведениям московского китаеведа А. Н. Хохлова, Даниил перевел на русский язык трактат «Дао-дэ-цзин», рукопись которого хранится в библиотеке Азиатского департамента Архива внешней политики Российской империи. Его приезд в Восточную Сибирь и служение в местных монастырях объясняется общей усталостью и нездоровьем, которое хотел поправить на берегах Байкала. Общение с местными востоковедами, переводчиками китайского языка продолжалось и имело позитивное влияние на иркутскую и сибирскую школу перевода и изучения китайской цивилизации.

Китаист К. С. Яхонтов называет целый ряд иркутских переводчиков китайского, маньчжурского и монгольского языков: А. С. Агафонов, Ф. И. Бакшеев, А. Н. Парышев, В. Новоселов, А. П. Фролов, Я. П. Шишмарев и др. [15, С.3]. По данным исследователя, в Иркутске в библиотеках и музеях накоплено значительное число книг и рукописей на китайском, маньчжурском и монгольском языках. К. С. Яхонтов выявил и составил достаточно полный каталог книг и рукописей на этих восточных языках и издал в Петербурге книгу «Китайские и маньчжурские книги в Иркутске» (1994 г.) [15]. Научное изучение данной литературы заслуживает специального источниковедческого и историографического анализа и выявления оригинальных трудов.

После революции 1917 г. часть библиотек некоторых организаций и училищ, частных лиц: местных предпринимателей, купеческих домов, религиозных училищ были национализированы и переданы в Научную библиотеку Иркутского государственного университета, созданного в 1918 году или Публичную библиотеку города Иркутска. Переводчиков с китайского языка в современном Иркутске достаточное количество, но очень немногие интересуются старой литературой на китайском языке.

В середине XIX века начинается активная внешнеполитическая деятельность губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского по решению «амурского вопроса». Военно-дипломатические экспедиции, амурские сплавы потребовали знатоков китайского, маньчжурского и монгольского языков. К участию в дипломатических переговорах с китайскими властями Н.Н. Муравьев привлекал переводчиков Я.П. Шишмарева, Е.И. Сычевского, Д.С. Честного (архимандрит Аввакум). Переводчик К.Г. Крымский в 1854 г. был привлечен переводчиком Азиатского департамента МИД Российской империи [2, С.288].

Дипломатическая и научно-исследовательская деятельность Я.П. Шишмарева (1833–1915 гг.) достаточно хорошо изучена в современной российской исторической литературе [5;8;9;11]. Исследованиями Е.М. Даревской, Н.Е. Единарховой, А.И. Андреева, Ю.В. Кузьмина, А.В. Старцева, А.А. Сизовой подробно изучен творческий путь генерального консула России в Монголии Я.П. Шишмарева (1861–1911 гг.), его вклад в развитие российско-монгольских отношений и изучение Монголии, монгольского общества: истории, экономики, торговых отношений и культуры. К сожалению, менее известна его роль, как участника амурских сплавов, переводчика и участника российско-китайских переговоров, под руководством генерал-губернатора Н.Н. Муравьева. Архивные документы подтверждают активное участие переводчика маньчжурского языка Я.П. Шишмарева в русско-китайских переговорах и заключении Айгуньского договора по пограничному разграничению по реке Амур. Бесценный опыт сложных дипломатических переговоров, полученный Я.П. Шишмаревым, несомненно, помог в его дальнейшей самостоятельной службе в Монголии. Как известно, Я.П. Шишмарев происходил из семьи забайкальских казаков и служилых людей, несших государеву службу переводчиков (толмачей) и дипкурьеров, начиная с XVIII века, подписания Кяхтинского договора и деятельности разграничительной комиссии С.А. Колычева («селенгинский толмач Григорий Шишмарев») [4, С.72–73].

Я.П. Шишмарев родился в Троицкосавске, в пограничном городе с Монголией. С детства изучал разговорный бурятский и монгольский языки. В 1849 г. окончил Троицкосавскую войсковую русско-монгольскую школу, три года обучался в училище китайского языка, изучая маньчжурский и китайский языки. В 1855 г.

поступил на службу в канцелярию кяхтинского градоначальника, продолжая обучение в училище. С 1855 г. служил переводчиком по дипломатической части у губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, принимал участие в Амурских экспедициях, в переговорах при заключении Айгуньского договора 1858 г., награжден орденом Св. Анны 3-й степени. В 1859–1860 гг. по поручению губернатора приезжал в Пекин к графу Н. П. Игнатьеву, участвовал в подготовке Пекинского договора 1860 г. За успешное решение «амурского вопроса» награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, пожизненной пенсией в 500 руб. в год.

В 1861 г. он участвует в открытии Генерального консульства России в Монголии. Сначала, как секретарь и переводчик консула К. Н. Боборыкина, затем управляющий консульством, и.о. консула, консул, генеральный консул. В общей сложности прослужил в Монголии в качестве генерального консула 50 лет, что является редким случаем в российской дипломатии. За время службы проявил себя как профессиональный дипломат, пользовался высоким авторитетом в русской диаспоре Монголии, у монгольских и маньчжурских властей. Занимался вопросами развития русско-монгольской торговли и защиты интересов российских купцов и граждан. В 1864 г. создал при консульстве школу переводчиков, которая готовила кадры, со знанием монгольского, маньчжурского и китайского языков. Проявлял серьезный интерес к изучению истории, экономики, культуры Монголии, был блестящим знатоком страны, осуществил несколько экспедиций по Монголии, содействовал российским экспедициям в Центральную Азию, опубликовал несколько статей в российских журналах, которые не утратили своего научного значения. Решал сложные практические вопросы: строительство консульства, православной церкви, отвод земель под строительство домов русских купцов и жителей, решение спорных вопросов торговли, судебные тяжбы. В начале XX в. несколько раз пытался выйти в отставку, в связи с обучением своих детей в Петербурге, но прослужил в Урге до 1911 г. С 1911 по 1915 гг. консультировал МИД России по сложным проблемам русско-монгольских отношений, активно участвовал в русско-монгольских переговорах 1912, 1913–1915 гг. [12, С.230].

Исследователь биографии и научной деятельности Е. И. Сычевского (1810–1859?) Н. В. Ким считает, что он внес существенный вклад в успех деятельности XI Духовной миссии в Пекине и раз-

витие российско-китайских отношений [7, С.42–44]. По данным ученого из Бурятии, Епифан Иванович Сычевский бурятского происхождения, прекрасно владел монгольским, китайским и маньчжурским языками, с 1830 по 1840 гг. находился в Китае в составе Пекинской Духовной миссии, затем работал чиновником в Восточной Сибири: Троицкосавске и Иркутске. Епифан Сычевский родился в семье бурята-казака, обучался в Иркутской губернской гимназии, но, не завершив обучения, поступил на службу в Троицкосавское пограничное правление, через два года был прикомандирован в Иркутское губернское правление для ведения переписки с заграничными представителями, в 1828 г. произведен в чин канцеляриста.

Десять лет находился в Китае, что позволило Е. Сычевскому успешно овладеть китайский и маньчжурский языками, изучить историю, географию, политическую систему и законы Китая. Участники миссии отмечали усердие, скромность, настойчивость Е. Сычевского, он успешно перевел с китайского языка на русский язык свод китайских законов. По оценке историков, отношения среди членов миссии не заладились, особенно с руководителем миссии, но отмечалась «благомыслие и терпеливость» Е. Сычевского, студента 14 класса [2, С.172], что также способствовало успеху Духовной миссии. За успешную работу в Пекине Е. Сычевский был награжден Орденом Станислава третьей степени и пенсией 500 рублей. В 1839 году он получил чин титулярного советника, служил советником в Троицкосавском пограничном правлении, где написал «Историческую записку о китайской границе», опубликованную уже после его смерти. В начале 1850 – х годов Е.И. Сычевский вернулся в Иркутск на должность переводчика и участвовал в амурских сплавах и русско-китайских переговорах.

Е.И. Сычевский был членом Восточно-Сибирского отделения Русского императорского Географического общества. Одновременно в Иркутске жили и работали первый бурятский ученый Доржи Банзаров, переводчик Я.П. Шишмарев. Он был знаком и общался со знаменитым китаеведом Н.Я. Бичуриным, профессором О.М. Ковалевским, с которым вместе ехали в Пекин, а затем состояли в переписке. Историк русского китаеведения П.Е. Скачков писал, что сохранились рукописи Е.И. Сычевского, которые были подготовлены еще в Китае: «Выписки и переводы из достопримечательных указов хуанди. Журнальная записка студента

Е. И. Сычевского с 1834 по 5 июня 1841 г.», «Уложение китайской Палаты внешней сношений относительно городов Малой Бухарии. Перевод с маньчжурского. 1839» (в трех частях), «Конспект, или обозрение постановлений китайской Палаты государственных чинов. Перевод с маньчжурского. 1839», «Краткая географическая выписка о Китае. 1840».

В составе этой же Духовной миссии участвовал иеромонах Аввакум (Д. С. Честной), который позднее, по сведениям В. Г. Давышена, он работал переводчиком при Муравьеве-Амурском в 1855–1857 гг. и считался «лучшим переводчиком китайского и маньчжурского языка» [2, С. 289].

Дмитрий Семенович Честной (1804–1866 гг.) – известный русский миссионер, востоковед, дипломат. Он окончил Тверскую духовную семинарию, Санкт-Петербургскую духовную академию и получил блестящее образование, овладел европейскими языками. Принял постриг и был направлен в Китай в составе Духовной миссии, которую в середине срока и возглавил (1835 г.). Накануне отъезда в Китай изучал китайский язык у известного китаеведа отца Иакинфа (Н. Я. Бичурин), который выделял иеромонаха Аввакума среди других его учеников сообразительностью и качеством запоминания, что важно для изучения китайского языка.

За десять лет пребывания в Китае, Аввакум изучил китайский, монгольский, маньчжурский и тибетский языки (последний при помощи тибетского ламы). Обладая талантом в изучении иностранных языков, с 1836 года стал вести богослужение на китайском языке, перевел ряд христианских текстов на местный язык, что укрепило позиции русского священника среди потомков «албазинцев», которые утратили знание русского языка. Он активно изучал духовную культуру, историю, географию Китая, особенно много изучал конфуцианство и буддизм. Впоследствии, в Петербурге он занимался научными исследованиями и подготовил две рукописи: «Любомудрие китайцев», «Нравственная философия китайцев», которые оказались утраченными. Ему также удалось расшифровать некоторые уникальные тексты на монгольском языке, которые не удавалось ранее прочесть.

По возвращении из Китая, архимандрит Аввакум составил каталог восточных книг в библиотеке МИД России, который был опубликован без указания авторства. Он также являлся переводчиком Азиатского департамента МИД. В 1855–1857 гг. был направлен в

Иркутск, как переводчик восточных языков к генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского, принимал в экспедициях по Амуру и участвовал в русско-китайских переговорах по пограничному вопросу. Позднее, был направлен переводчиком в миссию адмирала Путятина и участвовал в русско-китайских переговорах и подписании Тяньцзинского договора. В 1859 г. сопровождал Муравьева-Амурского в поездке в Японию. Последние годы провел в Петербурге, занимаясь научными исследованиями в области китаеведения. Таким образом, Аввакум (Д.С. Честной) проявил себя как успешный миссионер, талантливый переводчик и востоковед, Современники отмечали его скромность, отсутствие амбиций в научной сфере, поэтому опубликованных работ небольшое число, в основном в изданиях Сибирского отдела РГО.

Таким образом, в середине XIX века в Восточной Сибири и Иркутске жили и успешно трудились на ниве российского китаеведения и монголоведения известные российские знатоки китайского, маньчжурского и монгольского языка. Это были самые опытные и известные переводчики этих восточных языков в России. С одной стороны, это было связано с глубокими традициями изучения восточных языков в Иркутске, а, с другой стороны, кипучей деятельностью губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского по освоению реки Амур и решения «амурского вопроса», ведения сложных дипломатических переговоров с цинскими властями. Ему потребовались лучшие в Российской империи знатоки китайского и маньчжурского языков. Значительное число лучших специалистов китайского языка, истории Китая и современного положения в стране готовила Русская духовная миссия в Пекине. Е.И. Сычевский, Д.С. Честной, Д.П. Сивиллов получили блестящую языковую и страноведческую подготовку в Пекине и создали не только китайско-русские словари и учебные пособия по китайскому языку, перевели значительное число научных трудов, но и активно участвовали развитию русско-китайских отношений, как переводчики и советники на переговорах, а также подготовке к сложным переговорам с китайской стороной. Вклад этих переводчиков и знатоков китайского и маньчжурского языков заслуживает дальнейшего специального изучения, и введения в широкий научный оборот неопубликованных рукописей данных авторов-знатоков Китая и китайского языка, многие из которых имеют не только историографический характер. Это позволит

расширить наши представления о становлении и развитии российско-китайских дипломатических, научных и образовательных отношениях России и Цинской империи первой половины XIX века и русско-китайских переговоров.

Список использованной литературы

1. Дацышен В.Г. История изучения китайского языка в Российской империи/В.Г. Дацышен. Монография. – Красноярск: Изд.центр Красноярского гос.ун-та, 2000. – 110 с.
2. Дацышен В.Г. Н. Н.Муравьев-Амурский и китаеведческий потенциал Восточной Сибири/ В.Г. Дацышен// Россия азиатская. Мат.всерос.научн.конф., посвящ. 200 –летию со дня рождения генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского. – Иркутск: 2010. – С.287–291
3. Дацышен В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи: монография. – М.: Проспект, 2016. – 192 с.
4. Демин Э.В. Селенгинские казаки – толмачи и дипломаты (вторая половина XVIII – первые десятилетия XIX вв.) / Э.В. Демин. – Улан-Удэ: Полигран, 2013. – 101 с.
5. Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев/Н.Е. Единархова. – Иркутск: Репроцентр, 2008. – 136 с.
6. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. – М.: Восточная литература, 1997. – 536 с.
7. Ким Н.В. Епифан Сычевский/Н.В. Ким//Выдающиеся бурятские деятели. Том первый (выпуски 1–4). Изд. Второе. – Улан-Удэ: 2009. – С.42–44.
8. Кузьмин Ю.В. Я. П.Шишмарев – генеральный консул России в Монголии: 1861–1911 гг./Bulletin International Association for Mongol Studies. – Ulaanbaatar, 1997. – N 2 (20) ; 1998 – N 2 (21). – С.78–86
9. Кузьмин Ю.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / Ю.В. Кузьмин, В.В. Свинин; под науч. ред.проф. А.П. Суходолова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014 – 438 с.
10. Очерки истории востоковедения в Иркутском государственном университете: учебное пособие. Кол. авторов.;под ред. В.П. Олтаржевского. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 133 с.
11. Сизова А. А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917) /А. А. Сизова; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М.: Наука – Вост. лит., 2015. – 295 с.
12. Суходолов А.П. История Монголии, и ее международных отношений в XX веке в работах монгольских и российских

- исследователей/ А.П. Суходолов, Ю.В. Кузьмин. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2018. – 232 с.
13. Суходолов А.П. И. К.Россохин: иркутское начало российского китаеведения и маньчжроведения/ А.П. Суходолов, В.А. Василенко, Ю.В. Кузьмин// Российско-китайские исследования. – 2019, № 2 (5). – С.7–16.
 14. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833). Подготовка к изданию, предисловие, комментарии и указатели О.Н. Полянской. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – 228 с.
 15. Яхонтов К.С. Китайские и маньчжурские книги в Иркутске/К.С. Яхонтов. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994. – 144 с.

Профессор Н.Н. Козьмин: историк и востоковед (1872–1938)

Роль и значение отдельных деятелей прошлого начинает осознаваться и оцениваться обществом не сразу, а лишь через определенный промежуток времени. Особенно часто такое случается в переломные эпохи. Масштаб исторической личности, вклад в исследование и решение научных проблем искусственно исключается из круга изучения. И главное – нарушается преемственность исследований, научных школ. Такое случилось и с поколением талантливых ученых России 20–30-х годов: изгнанных из страны, притесняемых или репрессированных. Научное наследие этих ученых длительное время было изъято из научного обращения, их добрые имена оклеветаны, а труды замалчиваемы. И только через полвека они возвращаются почти из полного забвения.

В силу известных исторических обстоятельств иркутской научной и высшей школе поразительно повезло тем, что в 20-е годы вынужденно здесь оказался цвет российской науки, который дал мощный импульс научным гуманитарным исследованиям. Здесь работали крупные ученые – создатели новых научных направлений и школ: Б.Э. Петри, Г.С. Виноградов, М.К. Азадовский, Ц. Жамцарано, Г.Г. Цыбиков, В.А. Рязановский, С.В. Шостакович и многие другие. В этот ряд с полным основанием можно поставить и сибирского ученого Николая Николаевича Козьмина – исследователя широких научных интересов и многогранного таланта. Необоснованно репрессированный в 1938 году, Н.Н. Козьмин на

длительное время оказался незаслуженно забытым, а его книги, статьи и научные результаты оказались не востребованными и изъятными из научного обращения.

Начиная с 60–70-х гг. ученые все чаще стали обращаться к научному наследию сибирского ученого. В 1981 г. была опубликована статья красноярского ученого М. Б. Шейнфельда «Творческий путь Н. Н. Козьмина» – первая публикация, специально посвященная забытому историку¹. В 90-е годы выходит серия статей, отмечающих оригинальный характер исторических исследований Н. Н. Козьмина, как востоковеда и монголоведа (Кузьмин Ю. В. 1990; 1992; 1998, 2000; В. В. Свинин 1994; 1996; 1998), как этнографа (Решетов А. М. 1996; 1999). Опубликованы о нем научно-популярные статьи в периодической печати. Историки разных специальностей отмечают несомненный вклад Н. Н. Козьмина в изучение истории Сибири и этнографии коренных народов, истории монголов и Центральной Азии, истории Бурятии и кочевых цивилизаций.

Н. Н. Козьмин прожил сложную жизнь, полную невзгод и трудностей, научных и творческих успехов. В ней были резкие взлеты и такие же падения, что и происходит обычно в годы переломной эпохи.

Он родился 23 февраля 1872 года в Красноярске, в семье преподавателя гимназии, работавшего в Красноярске и Иркутске. В 1884 г. Николай Иванович Козьмин скончался, оставив вдову и четверо детей почти без средств существования для жизни. Для Николая – старшего сына в семье, начинаются годы напряженной учебы и скудной жизни. Стесненные обстоятельства жизни и материальные трудности семьи сказались на характере мальчика: он рос болезненным, застенчивым и замкнутым. Отлично закончил он Иркутскую гимназию, в 1891 г., за казенный счет направляется на учебу в Петербургский университет, как закончивший гимназию с серебряной медалью и обязанный после окончания университета отработать в сибирских учреждениях шесть лет².

Наибольших успехов способный юноша достиг в гуманитарных науках, особенно в литературе и истории, что и определило выбор факультета – историко-филологического. Историческая школа Петербурга в конце XIX века – это великие историки России: С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. И. Кареев, В. В. Радлов и другие. Здесь созданы прекрасные условия для самообразования пытливого ума будущего историка: уникальные библиотеки

и архивохранилища, блестящие профессора и атмосфера научного поиска. Кипучая общественная жизнь и интересная культурная среда. Сибиряки-студенты объединены в тесное землячество, их глубоко занимает историческое место и роль Сибири в экономике и культуре России, что и определяет направления будущей научной деятельности выпускника престижного в России университета.

В 1896 г. Н. Н. Козьмин успешно заканчивает Санкт-Петербургский университет, подготовив кандидатское сочинение «Организация служилого продовольствия в Сибири XVII века», которую сам автор высоко ценил и сожалел в 30-х годах, что не смог ее издать полностью. Частично она была издана в 1910 г. в «Очерках прошлого и настоящего Сибири»³. В дальнейшем сибирская тематика займет ведущее место в творчестве Н. Н. Козьмина.

К этому времени, это был уже вполне сформировавшийся ученый, со сложившимися взглядами на историю России и Сибири, с обширными замыслами научных исследований, прежде всего по истории Сибири. Это был и зрелый общественный деятель, который еще в студенческие годы участвовал в обсуждении областнических проблем Сибири, принимал непосредственное участие в спасении людей от голода в Поволжье, он заведовал столовой в Самарской губернии. Мы видим личность, чутко реагирующую на потребности общественного развития, стремящегося к идеалам социальной справедливости и партнерства⁴.

Но главное и основное в его жизни, что его глубоко увлекало – это сибирская история, народы и исчезнувшие государства и цивилизации на этой земле. Его наставником и учителем по возвращению в Сибирь стал замечательный ученый Григорий Николаевич Потанин: этнограф, путешественник, естествоиспытатель, географ и ботаник, журналист и крупный общественный деятель.

Этот талантливый и невероятно работоспособный человек основательно повлиял на судьбу и деятельность Н. Н. Козьмина. Широта научных интересов и поисков, столь характерная для Г. Н. Потанина, передалась и его ученику, который в определенном смысле продолжил дело своего учителя. Позднее, в 1934 г. Н. Н. Козьмин писал М. К. Азадовскому: «В дни моей зеленой юности как-то у Потанина был разговор о сибирской истории. Я набросал схему работ и очень остановился на «дорусской» Сибири. Г. Н. осторожно сказал, что это, пожалуй, очень далеко. Между тем, я, тогда согласившийся с ним, пришел к этой сибирской праистории»⁵.

Вернувшись в Сибирь, Н. Н. Козьмин не находит здесь работу по специальности. Университетов тогда еще не было, преподавание в гимназии его не привлекало. Успешное окончание университета и ходатайство университета перед министром народного просвещения об освобождении Н. Н. Козьмина, в числе других выпускников, от обязательной службы в министерстве за полученную ими обязательную стипендию предоставляли ему определенную свободу выбора.

Н. Н. Козьмин устраивается на работу землестроителем в Иркутске, а затем в Красноярске. Ему много приходится ездить по Сибири, что позволяет ему вместе с основной работой, собрать обширный материал по археологии, этнографии, топонимике и истории Южной Сибири, коренных народах данного региона: хакасах, бурятах, тувинцах, якутах и др.: «Туба: историко-этнографический очерк» (1918), «К вопросу о вымирании инородцев» (1916), «К вопросу о времени водворения бурятской народности» (1925), «Хакасы: историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края» (1925), «К вопросу о происхождении якутов-сахалар» (1928)⁶.

Лучшим признанием научных заслуг Н. Н. Козьмина в этой сфере научных знаний являются характеристики его трудов современными учеными.

Профессор В. Я. Бутанаев в 1993 году так написал о вкладе Козьмина в изучение тюркских народов Южной Сибири: «Около 15 своих печатных работ посвятил он изучению истории и культуры местного края. Н. Н. Козьмин впервые поставил вопрос об отношении енисейских кыргызов к современным хакасам и, путем анализа родоплеменного состава, выяснил их генетические взаимосвязи. Он по-новому подошел к характеристике хакасских сеоков и отнес многие из них к остаткам бывших исторических образований. Н. Н. Козьмин пришел к выводу о существовании у кыргызов раннефеодального государства, разделенного на четыре улуса (княжества). Ко времени первых контактов, считал автор, русские «застали здесь не слагавшиеся государства, а дотянувшиеся до 18 века руины когда-то могущественного государства хакасов-кыргызов». Дискуссионный вопрос о кыргызской государственности 16–17 вв. хотя и не нашел большой поддержки среди историков, разделяется нами в данном исследовании и подкрепляется новыми аргументами и фактами» (Автореф. докт. дис. – С. 8).

История, этнография хакасов, а также современные ему экономические и этнические процессы серьезно интересовали и позднее Н.Н. Козьмина. В 1912–1913 гг. он при участии М.Н. Богданова составил «Материалы статистико-экономического обследования 1909–1910 гг. туземных ведомств Абаканского, Аскизского и Кызыльского Енисейской губернии» (рукопись хранится в Красноярском Краеведческом музее), в которых на конкретном материале обосновал свои выводы об изменениях, произошедших в конце 19 – нач. 20 вв. в скотоводстве и земледелии у хакасов.

Н.Н. Козьмин выступал против марксистского осмысления проблемы и тех исследователей, которые говорили о растущей классовой дифференциации хакасов. В Материалах подчеркивалось, что рост «инородческого хозяйства совершался в сторону более равномерного распределения скота». Свой вывод о росте якобы средних хозяйств, уменьшении крайних групп – богатей и бедняков – как проявлении «устойчивости» скотоводческого хакасского хозяйства Н.Н. Козьмин повторил в статье «К вопросу о вымирании инородцев».

В данной публикации Н.Н. Козьмин выступил против упрощенного понимания демографических изменений у коренных народов Сибири (П.М. Гловачев, И.И. Серебрянников). Простое уменьшение численности населения рассматривалось под углом зрения «вымирания инородцев». Козьмин не отрицал сокращения численности коренных народов в отдельных регионах Сибири. Однако, на материалах Абаканского и Аскизского хакасских ведомств Енисейской губернии историк доказал, что углубленный анализ приводит к выводу о том, что «миграции являются главной причиной предположений о вымирании».

Н.Н. Козьмин активно работает в Восточно-Сибирском отделе Русского географического общества, постепенно становится организатором и координатором научных исследований в Восточной Сибири. Сближается со многими активными представителями интеллигенции членами областнического движения. Н.Н. Козьмин относится к деятелям так называемого позднего областничества. По мнению историка М.Б. Шейнфельда, Н.Н. Козьмин занимал в областничестве «позицию центра и подчас примыкал к его левому крылу»⁷.

Плодотворна в этот период и публицистическая деятельность Н.Н. Козьмина, активно сотрудничавшего с периодическими

изданиями: «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Восточное обозрение», «Степной край», «Сибирские записки», где публикуется под различными псевдонимами: Ландарма, Номчи, Андра, Алиен, Н. К., и др. Это была деятельность образованного общественного деятеля, остро реагирующего на несправедливости социальной жизни и положения коренных народов Сибири, места и роли сибирской экономики в российском разделении труда и капитала. Глубина и уровень осмысления сложных проблем бытия сибирского края не утратили и сегодня своей привлекательности и новизны⁸.

Несмотря на общественную и производственную занятость, Н. Н. Козьмин плодотворно занимается научными исследованиями, и в первую очередь, изучением истории Сибири и сибирских народов. Был собран и осмыслен обширный исторический материал: археологические и этнографические источники, архивные и рукописные тексты, топонимические и картографические данные по Сибири.

Был опубликован ряд работ по сибирской тематике: «Администрация государевой пашни в Сибири XVII в.», «Хлеб за ясак», «Заселение Сибири в Московскую эпоху», «К вопросу о вымирании инородцев», «К постановке аграрного вопроса в Иркутской губернии», «Князь Иренак», «Афанасий Прокопьевич Щапов», «Очерки прошлого и настоящего Сибири» и др. Некоторые из опубликованных работ носили новаторский характер, определяя перспективу будущих исторических исследований. К сожалению, автор явно недостаточно привлекал архивные сибирские материалы. Его занимают и проблемы методологии и методики исторического исследования, что нашло отражение в публикации «Исторический метод исследования» (1915).

Были изданы отдельные очерки о крупных сибирских историках: А. П. Щапове, Д. А. Клеменце и М. В. Загоскине. Не случайным представляется и выбор именно данных историков и общественных деятелей Сибири. Они были близки Н. Н. Козьмину социальным статусом и положением, жизненной судьбой, морально-нравственными принципами и схожим отношением к науке: увлеченностью и преданностью идеалам и истине.

Вообще для Н. Н. Козьмина характерны бережное и внимательное отношение к своим научным предшественникам, своеобразным учителям в науке, которые непосредственно не обучали его, но

оказали существенное влияние на профессиональное становление ученого, формирование гражданской позиции.

Трагическая судьба сибирского историка А.П. Щапова привлекала Козьмина как самой неординарной личностью, так и его историческими концепциями и теориями, которые Н. Н. оценивает как оригинальные, выработанные самостоятельно. По мнению Н.Н. Козьмина, Щапов стоял во главе самостоятельной исторической школы, генетически связанной со славянофилами и Н.И. Костомаровым. 4 марта 1901 г. Н.Н. Козьмин выступил на заседании Географического общества с обширным докладом о А.П. Щапове, в связи с 25-летием со дня кончины ученого⁹.

Оценки, данные Козьминым, в настоящее время оспариваются современными историками, например, профессором А.С. Маджаровым, который считает, что Н.Н. Козьмину принадлежит заслуга постановки вопроса о соотношении взглядов Щапова и Костомарова. Однако, А.С. Маджаров не согласен с утверждением Козьмина о том, что Щапов и Костомаров являются представителями одного направления¹⁰.

Существенное место в творчестве Н.Н. Козьмина занимали проблемы историографии, источниковедения и библиографии. Об этом свидетельствуют его публикации: «М.В. Загоскин и его значение в развитии сибирской общественности (из истории областного движения)», «Д.А. Клеменц и его исторические исследования в Минусинском крае», а также многочисленные рецензии на работы современников и библиографические обзоры по вопросам сибириеведения, востоковедения и монголоведения¹¹.

Уважение и почтение к своим научным предшественникам носило не пассивный, а действенный характер и заключалось также и в переводе некоторых работ выдающихся ученых, например, востоковедов В.В. Радлова и Д. Оссона.

В переводе с немецкого языка, Н.Н. Козьминым был опубликован очерк академика В.В. Радлова «Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии», изданный ранее в Лейпциге в 1884 г. В.В. Радлов ученый немецкого происхождения, проработавший всю жизнь в России и сделавший здесь блестящую карьеру, от школьного учителя в Сибири до академика и директора Азиатского Музея. Значительную часть своих работ публиковал на немецком языке. По характеристике Н.Н. Козьмина, с момента публикации очерка в историографии нет «равного по обилию и

строгой точности записей историко-этнографического материала, относящегося к так называемым сибирским турко-монголам»¹².

Изданный Кабинетом монгольского языка Иркутского университета, очерк В. В. Радлова до сих пор имеет значение своеобразного руководства для местных этнографов. В переводе с французского была издана монография крупного французского монголоведа и кочевниковеда Д. Оссона «История монголов от Чингис-хана до Тамерлана» (1937)¹³.

Данная работа и в настоящее время широко и активно привлекается в исследованиях современных авторов. Классическое историко-филологическое образование Н. Н. Козьмина позволяло осуществлять переводы на достаточно высоком уровне и в определенной степени восполняло ограниченное число доступных источников по востоковедной тематике.

К сожалению, он не владел восточными языками. Разумеется, незнание языка изучаемого народа очень существенный недостаток для историка, исследователя восточных цивилизаций. Оно приводит к определенной зависимости от опубликованных переводов источников и литературы, ограничивает возможности самостоятельных выводов, а иногда, к ошибочным заключениям относительно сущности процессов, происходивших в восточном обществе.

В начале XX века Н. Н. Козьмин является одним из авторитетных сибирских историков, одним из координаторов и организаторов исследований в Восточной Сибири. В виду отсутствия сибирских университетов и научных организаций современного типа, единственным научным учреждением являлось Географическое общество (ВСОРГО). В 1903–1906 гг., в самый тяжелый для научных работ период, Н. Н. Козьмин был правителем дел ВСОРГО, неоднократно выступал с обзорными и юбилейными докладами о результатах научных исследований общества, а позднее являлся председателем его Красноярского подотдела.

В научном наследии Н. Н. Козьмина четко прослеживается несколько основных направлений: во-первых, проблемы истории Сибири XVII нач. XX вв., во-вторых, изучение коренных сибирских народов (буряты, хакасы, тувинцы), в третьих, вопросы монголоведения (в основном проблема кочевого феодализма), в четвертых, творческие биографии сибирских историков и проблемы методологии исторического исследования и, наконец, вопросы теории и

истории сибирского областничества. Также явно прослеживается доминирование экономических и экономико-географических проблем.

Общественно-политические и исторические взгляды Н. Н. Козьмина основывались на положениях позднего сибирского областничества, его левого крыла. Он опирался на идеи социальной и национальной справедливости, национального равноправия и самобытности культур народов Южной Сибири и Центральной Азии. В исторических исследованиях он выступал как историк либерального направления. Разделял Н. Н. Козьмин и некоторые положения европейского позитивизма, что нашло отражение в специальной работе «Исторический метод исследования».

М. Б. Шейнфельд характеризовал Н. Н. Козьмина как историка «буржуазного направления по основным философско-теоретическим установкам. Однако в рамках буржуазного мировоззрения постепенно накапливались элементы, определившие тенденции движения к марксистскому материалистическому подходу к истории»¹⁴. То есть констатируется, что он эволюционировал от мелкобуржуазных теорий к марксистскому материалистическому пониманию истории, но «так и не смог преодолеть схематизм, сильные элементы вульгаризации в подходе к общественным явлениям, некоторые националистические наслоения в трактовке истории народов Сибири и Центральной Азии»¹⁵.

Современный уровень знаний об эпохе, времени научной деятельности Н. Н. Козьмина позволяет не согласиться полностью с данной характеристикой. Разумеется, исследования Н. Н. Козьмина не являются совершенными и идеальными. Действительно, для ряда его работ характерны беглость изложения материала. Тем не менее, мы исходим из классического подхода в оценке творчества историка: что он сделал, а не то, что мог бы сделать. В научном наследии Н. Н. Козьмина выявлена постановка ряда новаторских проблем в историографии, его характеризует хорошая историческая интуиция. К сожалению, большая общественная и служебная занятость не позволяли в полной мере отдалиться научному творчеству, что и приводило к некоторым изъянам. Возможно, в этом отразалась его творческая манера исследования.

Революцию и радикальные перемены в стране он не принял, зато участвует в работе Сибирского правительства в 1918–1919 гг., являясь товарищем министра земледелия, отвечая за вопросы

межевания земель. В годы гражданской войны ему, как впрочем, и всем его современникам, пришлось пережить много трудностей и жизненных неприятностей. У него возникли трения с колчаковским правительством и он уезжает в Забайкалье, где был арестован семеновцами. Вырвавшись из тюремного застенка, выезжает в Маньчжурию, на КВЖД, где он пробыл до 1922 г., занимаясь журналистикой, издательским делом, а также научной и общественной деятельностью. Он принимает участие в работе популярных харбинских изданий: «Вперед», «Россия», «Рабочее дело» и др. Этот период его жизни сейчас мало известен, и нуждается в специальном исследовании.

В 1922 г. Н. Н. Козьмин приезжает по приглашению правительства Бурятии на должность консультанта по экономическим вопросам в Наркомземе и Госплане БМАССР, становится заместителем председателя Госплана и ближайшим помощником Н. М. Ербанова. Резкий поворот судьбы: редко кто из общественных деятелей вернулся в Советскую Россию из эмиграции. Органично и быстро он втягивается и в научную жизнь Бурятии, занимая ряд руководящих постов.

Активную научную деятельность проявил Н. Н. Козьмин в работе Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. Он становится председателем экономической секции общества, что являлось признанием авторитета Н. Н. Козьмина и его научных заслуг в области экономических наук. На одном из общих собраний научного общества Н. Н. Козьмин выступил с докладом «Хозяйство и народность (экономический фактор в этнических процессах)» (1928). А на заседании экономической секции сделал доклад по теме: «Вопросник по наблюдениям явлений хозяйственного порядка».

В 1927 г. научным сообществом был издан сборник «Декабристы в Бурятии», который открывался обобщающей одноименной статьей Н. Н. Козьмина, ставшей по сути программной для дальнейших и многолетних исследований, имеющих в настоящее время серьезные результаты. Признанием несомненных заслуг Н. Н. Козьмина является избрание его почетным членом Общества, наряду с такими выдающимися учеными – академиками как А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, А. Е. Ферсман, Н. Я. Марр. Он входил также в состав редакций научных журналов и периодических изданий, издаваемых в Улан-Удэ.

Вопросы экономической истории Сибири 17–19 вв. серьезно интересовали Н.Н. Козьмина. Проблемно-постановочный характер имеет его статья «История сибирской промышленности и ее изучение» (1928 г.)¹⁶. Данная публикация является своеобразной реакцией Н.Н. Козьмина на план исторической секции ВСОРГО по систематическому изучению экономики Восточной Сибири.

Причину слабого историко-экономического изучения края он видел в трудных условиях развития самой сибирской экономики. Автор сравнивает два региона России по уровню и интенсивности экономического развития: русский Север и Сибирь. Сравнение не в пользу второго региона: «Сибирь с ее отсутствием сплошных естественных путей долготного направления имела тенденцию замыкаться в пределах ограниченной продукции наиболее рентабельных производств, потребляемой в результате сложного товарообмена и своеобразной оплаты вспомогательных услуг».

Отмечена особенность сибирского предпринимательства, купец был не только торговцем, но и подрядчиком и поставщиком. «Наиболее доходным видом поставок были хлебные операции. Купечество снабжало хлебом казенные заводы, провинциальные магазины, войска, тюрьмы, больницы, оно же поставляло хлеб на прииски. Одновременно оно брало поставки мяса. Сена, дров, строительных материалов и т.д.».

Н.Н. Козьмин выделил ряд крупных предприятий восточносибирского региона, заслуживающих исследования: купцов Бутина и Сибирякова, тельминские предприятия Останиных – Белоголовых, хайтинская фабрика Перевалова. По мнению автора, эти предприниматели заслуживают специального исследования. Не утратившими научного значения он называл работы Потанина, Ядринцева, Мордвинова, Вагина, а также Рожкова и В.В. Ватина. Он надеялся, что исторические секции «удастся привлечь молодые и энтузиастические силы для выполнения этого широко намеченного плана».

В 1926 г. Н.Н. Козьмин издает книгу М.Н. Богданова «Очерки истории бурят-монгольского народа» – известного бурятского ученого и общественного деятеля, расстрелянного семеновцами в 1919 г. Часть работы была дописана самим Н.Н. Козьминым.

В 1923 г. Н.Н. Козьмин избирается профессором Иркутского университета по кафедре истории Сибири, но не был освобожден от работы в правительстве Бурятии. Плотный график администра-

тивной работы в правительственных структурах Бурятии позволил ему приступить к преподаванию в ИГУ только в феврале 1925 г. По его инициативе и непосредственном участии организуются бурят-монгольское и якутское отделения, а также кабинет монголоведения, подготовительные курсы для монгольских студентов¹⁷. До 1928 г. ему приходится часто выезжать в Улан-Удэ для разработки и экспертизы народно-хозяйственных планов республики и вместе в Н. М. Ербановым защищать их в Москве.

В этот период Н. Н. Козьмина глубоко занимают вопросы этнической истории бурят, якутов, монголов. Особенно глубокий интерес он проявляет к истории и этнографии Монголии и Центральной Азии. Им были написаны и опубликованы: монография «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» (1934); статьи: «Экономические причины войны между Чингизидами», «Таты и татары: Спорные вопросы истории Центральной Азии», «К вопросу о времени расселения бурят около Байкала», а также ряд рецензий библиографических обзоров на труды монголоведов Б. Я. Владимирцова и В. Л. Котвича.

Публикации Н. Н. Козьмина имели определенный научный и общественный резонанс. На книгу «К вопросу о турецко-монгольском феодализме» появилось в научной печати несколько рецензий, в которых она была подвергнута жесткой критике за методологию и конкретно-исторические неточности (Н. Смирнов, В. Казакевич). В рецензии Н. Смирнова («Историк-марксист», 1935, № 2-3) отмечалось, что «вместо конкретно-исторического исследования получилась голая схема, к которой автор и пригонял богатый материал его первоисточников». Отсутствует генезис кочевого скотоводческого общества, при исследовании сущности феодализма, как равнозначные исторические эпохи тюркский период 7–8 вв., монгольская эпоха 12–13 вв.

В. А. Казакевич приветствует общий вывод Н. Н. Козьмина о наличии феодализма в Монголии («Советская этнография», 1934, №5), однако делает при этом много критических замечаний. Наиболее откровенная характеристика книги Н. Н. Козьмина дана в частном письме В. А. Казакевича к В. Л. Котвичу от 17 ноября 1934 г.: «Первая – работа проф. Н. Н. Козьмина «К вопросу о турецко-монгольском феодализме», представляет известный интерес для историков, хотя, по правде сказать, довольно неграмотно написана. Между прочим, автор позволил себе ряд резких выпадов

против покойного Б.Я. Владимирцова, с которой Вы, вероятно, уже познакомились. В моей рецензии на эту книгу, я постараюсь дать отпор этим голословным утверждениям»¹⁸.

Как уже указывалось выше, именно в этот период Н.Н. Козьмин перевел и опубликовал работы крупнейших востоковедов В.В. Радлова и Д. Оссона.

В развернутом предисловии к книге Д. Оссона Н.Н. Козьминим представлен обстоятельный историографический обзор монголоведных исследований, посвященных истории монгольской империи и Чингисхану. Он продемонстрировал прекрасную осведомленность о русских и зарубежных работах, их концепциях и источниковой основе, сильных и слабых сторонах. Особенно пространный характеристика дана исследованиям зарубежных авторов, месту и значению среди них труда Д. Оссона.

Вклад Д. Оссона, по мнению Н.Н. Козьмина, заключается в том, что «он первый широко познакомил ученый мир с сокровищами мусульманского исторического творчества, ввел в научный оборот не только большой фактический материал, собранный и записанный арабскими, персидскими и турецкими историками и летописями, но и познакомил с высокой для 13–14 вв. научной культурой Средней и Передней Азии. У него нет и тени того преклонения перед восточной экзотикой, которая так пленяла ранних китаистов, но нет и высокомерия представителя европейской школы».

Отмечается также критическое отношение Д. Оссона к источникам, отсутствие слепого доверия к показаниям очевидцев «какие бы посты они не занимали и как бы близко к первоисточникам ни стояли. Д. Оссон владел латинским языком, был знаком с немецкими, польскими, венгерскими, английскими и французскими летописями на этом языке. Владел также русским языком, был знаком с сочинениями Щербатова, Карамзина, Бичурина. Ему хорошо были известны работы западных ориенталистов Клапрота, Абея Ремюза. Его труд был написан в Париже, поэтому он находился под сильным влиянием французской исторической школы».

К сожалению, наиболее крупная работа Н.Н. Козьмина «К вопросу о турецко-монгольском феодализме», изданная в 1934 г. в Иркутске, оказалась в «тени» работы Б.Я. Владимирцова «Общественный строй монголов», изданной в том же году в Ленинграде¹⁹.

Главная идея работы Н.Н. Козьмина обоснование тезиса о наличии феодальных отношений в кочевом монгольском обществе.

Обращение Н. Н. Козьмина к средневековым источникам истории Центральной Азии и Южной Сибири было продиктовано развернувшимися в стране дискуссиями по проблемам периодизации истории России и зарубежных стран, пересмотру традиционных оценок дореволюционных ученых общественного строя народов России и других стран. Н. Н. Козьмин был одним из активнейших участников, организованного в Улан-Удэ совещания об общественном строе бурят и монголов в дореволюционное время, где он последовательно отстаивал тезис о наличии в средневековом бурятском обществе феодальных отношений и протестовал против переоценки первобытно-патриархальных пережитков²⁰. О важности и сложности этой проблемы говорит тот факт, что до настоящего времени продолжают споры и ученые до сих пор не пришли к единому мнению по данной проблеме.

В 2002 году в Иркутске состоялись Первые востоковедные чтения Байкальского университета, посвященные 130-летию со дня рождения Н. Н. Козьмина. Доклады иркутских историков посвящены различным аспектам научной деятельности сибирского ученого: В. Н. Качанов «Н. Н. Козьмин – исследователь народов Сибири», Н. Н. Крадин «Н. Н. Козьмин и дискуссия о «кочевом феодализме», А. С. Маджаров «Речь Н. Н. Козьмина, посвященная памяти А. П. Щапова», В. А. Василенко «Туба в этнографическом очерке Н. Н. Козьмина», Ж. З. Тагаров «О взглядах Н. Н. Козьмина на монгольский феномен XIII века», А. В. Харинский «Этническая история восточносибирских народов в работах Н. Н. Козьмина», В. И. Сигов «Н. Н. Козьмин о генерал-губернаторе Восточной Сибири С. Б. Броневском: попытка анализа»²¹.

Восстановление доброго имени ученого и человека, введение в научный оборот творческого наследия Николая Николаевича Козьмина – настоятельная необходимость современной историографии. Назрела необходимость монографического исследования о крупном сибирском ученом.²²

Примечания

1. Шейнфельд М. Б. Творческий путь Н. Н. Козьмина // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 163–184.
2. Решетов А. М. Н. Н. Козьмин: Основные направления научной деятельности // Репрессированные этнографы. М. 1999. С. 82.
3. Очерки истории прошлого и настоящего Сибири. – СПб, 1910. – 266 с.

4. Семенов А. «Я жил под солнцем и радовался...» // Вост.-Сиб. правда. 1992. 25 июля.
5. Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1969. Т.1. С. 125.
6. Козьмин Н.Н. Туба: Ист.-этногр. Очерк// Сибирские записки, 1918, №4.; К вопросу о вымирании инородцев //Сиб.записки, 1916, №». С.99–108.; К вопросу о времени водворения бурят около Байкала// Сиб.живая старина, 1925, вып.3–4.-С.95–102.
7. Шейнфельд М.Б. Указ. соч. С. 165.
8. Петряев Е.Д. Исследователи и литераторы старого Забайкалья. Чита, 1954. С. 47.
9. Козьмин Н.Н. Афанасий Прокопьевич Щапов, его жизнь и деятельность. – Иркутск, 1902. – 65 с.
10. Маджаров А.С. Изучение творчества А.П. Щапова в отечественной историографии XIX XX вв. Иркутск, 1994. С. 15.
11. Козьмин Н.Н. Д. А.Клеменц и историко-этнографические исследования в Минусинском крае // Изв. ВСОРГО, т.XLV. – Иркутск,1916. –С.35–65.
12. Радлов В.В. Этнографический обзор турецких племен Сибири и Монголии / Пер. с нем. Н.Н. Козьмина. Иркутск, 1929. С.3.
13. Д.Оссон К. История монголов от Чингис-хана до Тамерлана. Пер. с франц. Н.Н. Козьмина. – Иркутск, 1937.
14. Шейнфельд М.Д. Указ. соч. С. 173.
15. Там же. – С. 163.
16. Козьмин Н.Н. История сибирской промышленности и ее изучение// Изв. ВСОРГО, 1928, т.Ш. –С.81–84.
17. Кузьмин Ю.В. Монголоведение: имена и события: Н.Н. Козьмин// Новости Монголии. – 1990. – №2, Кузьмин Ю.В. Вопросы монголоведения в исследованиях профессора Н.Н. Козьмина // Арсеньевские чтения.-Уссурийск, 1992, Свинин В.В. Профессор Н.Н. Козьмин – ученый и общественный деятель // Россия, Сибирь и страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Тез. докл. к науч.-практ. конф., 11–14 мая 1994 г. – Иркутск, 1994. – С.216–219, Свинин В.В. Профессор ИГУ Н.Н. Козьмин: его имя и книги вернулись к нам // Иркут. ун-т. 1996. 25 сент., Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Проблемы истории Сибири и Центральной Азии в творчестве Н.Н. Козьмина // Иркутские монголоведы за «Круглым столом»: Инф. бюл. Иркутск, 2000. № 6. 16 с., Кузьмин Ю.В. Иркутское монголоведение: 1725–2004 гг.: исследователи и книги. – Иркутск,2004. – С.80–91.
18. Mongolica-6. – СПб., 2003. – С.104
19. Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Предисловие. М. Гудошникова. – М.-Иркутск,1934. – 150 с.

20. К истории Бурято-Монголии: Материалы дискуссии, сост. в июне 1934 г. в г. Улан-Удэ. Под ред. А. В. Шестакова. М.-Л., 1935.
21. Первые Востоковедные чтения. К 130-летию со дня рождения Н. Н. Козьмина. Мат. межд. конф. – Иркутск, 2002. – 143 с.
22. Кузьмин Ю. В. Профессор Н. Н. Козьмин: историк и экономист. Учебное пособие.-Иркутск, 2006. – 68 с.

Монгольская история, историография и источниковедение в исследованиях Нины Павловны Шастиной (1898–1980 гг.).

Шастина Нина Павловна (1898–1980) – крупный российский ученый-монголовед, автор более 80 публикаций по истории и историографии Монголии. Значительную часть своей творческой, научной жизни прожила в Монголии, Ленинграде и Москве. Однако она родилась в Иркутске, получила здесь среднее и высшее образование и в 1943–1945 гг. работала в Иркутском университете, поэтому, мы имеем несомненное право, считать ее иркутским монголоvedом. Тем более, что Н. П. Шастина передала свой глубокий интерес к Монголии и монголоvedным исследованиям студентке Е. М. Даревской, которая стала своеобразной преемницей монголоvedных исследований в Иркутске.

Ее творческая карьера вполне состоялась, была защищена кандидатская диссертация, она работала старшим научным сотрудником в Институте Востоковедения. К сожалению, подготовленная докторская диссертация по историографии русского монголоvedения оказалась незавершенной и незащищенной. Вклад Н. П. Шастиной в изучение истории русского монголоvedения очень весом и значителен, до сих пор он не превзойдет и остается лучшим на сегодняшний день. Творческие биографии российских монголоvedов: Н. Я. Бичурина, А. М. Позднеева, Б. Я. Владимирцова сохраняют до сих пор свою научную значимость. Историографические обзорные статьи русского и советского монголоvedения являются опорными для современных исследователей и обильно цитируются и используются. В историографических очерках русского монголоvedения, в исследованиях истории монгольской церковной организации, истории монгольского летописания, истории праздника Цам постоянно упоминается весомый вклад Н. П. Шастиной.

Вклад Н.П. Шастиной в монгольское источниковедение значителен. Были исследованы, переведены и опубликованы два известных крупных монгольских источника: «Шара Туджи», «Алтан Тобчи». Был подготовлен к печати еще один монгольский исторический источник, частично опубликованный совсем недавно.

Творческая биография Н.П. Шастиной только начинает исследоваться. В известном «Библиографическом словаре советских востоковедов» С.Д. Милибанд, изданном в 1977 году помещена статья о Н.П. Шастиной (с.608–609), в которой указано, что она опубликовала 70 статей. О работе в Монголии указан период 1928–1936 гг. Сотрудник Библиотеки Академии наук (1937–1942). С 1969 года преподает в Институте восточных языков при МГУ. В статье также указано, что Н.П. Шастина – участник XXУ (Москва, 1969), XXУ1 (Дели.1964) международных конгрессов востоковедов.

К 75-летию Н.П. Шастиной в Монголии в центральной газете «Унэн» («Правда») была опубликована статья монгольского ученого Д. Цэрэнсоднома «Нина Павловна Шастина». Известно, что в Монголии был подготовлен фильм о семье Шастиных, в том числе и о Н.П. Шастиной. В статье Д. Цэрэнсоднома дан развернутый очерк о творческой деятельности Н.П. Шастиной, подготовленный на основе материалов личной встречи в Москве. Ряд фактических данных носил оригинальный характер, основан на интервью с Н.П. Шастиной. Отмечается, что с 1909 по 1916 гг. она училась в иркутской гимназии и окончила ее с золотой медалью. С 1924 года работает в Ученом комитете Монголии. Отмечается также, что в 1937 году она поступила в аспирантуру к академику С.А. Козину.

Нам известны две публикации К.Н. Яцковской, изданные к 100 – летию ученого. В 1994 году московским монголоведом К.Н. Яцковской были опубликованы две ранние научные работы Н.П. Шастиной: «Китайцы-иконописцы в Улан-Баторе», «Фрагменты статьи об аймачном храме «Орлуд», написанные еще в Монголии в 1929 году. Известно, что сохранились в архиве дневники Н.П. Шастиной, которые изучала известная исследовательница истории Монголии И.И. Ломакина. Нами также к юбилею Н.П. Шастиной была подготовлена ее краткая научная биография¹.

В 2004 году в монографии Ю.В. Кузьмина «Иркутское монголоведение: 1725–2004 гг. исследователи и книги» помещен очерк о творческой деятельности Н.П. Шастиной.

В 2008 году был издан сборник статей «Цендийн Дамдинсүрэн: к 100-летию со дня рождения» (подготовлен к изданию профессором А. Д. Цендиной), в котором неоднократно упоминается Н. П. Шастина. Также в сборнике опубликована работа Н. П. Шастиной «Легенда о Гэсэр-хане в монгольской письменной традиции».

К 110-летию со дня рождения Н. П. Шастиной в Иркутском государственном педагогическом университете была проведена международная научная конференция, посвященная ее творческому наследию. Были опубликованы специальные статьи Т. А. Крючковой (Материал к родословной фамилии Шастиных в Иркутске), К. Н. Яцковской (Из личного архива Н. П. Шастиной), Т. Б. Тагаровой (Фразеологические единицы «Шара туджи» – монгольской летописи ХУП в.), Ю. В. Кузьмина (Н. П. Шастина – историк, источниковед, историограф новой и новейшей истории Монголии). Целый ряд докладов был посвящен сюжетам, связанным с научным наследием Н. П. Шастиной.

Н. П. Шастина родилась 19 декабря 1898 г. в семье П. Н. Шастина – известного иркутского врача, который положил начало династии врачей Шастиных, три поколения которых плодотворно работали в Монголии, его имя носит одна из крупных больниц города Улан-Батора, около нее расположен бюст этого известного врача. Ее отец – П. Н. Шастин в 1923 г. приехал в Монголию, где проработал 14 лет, открыл первую больницу и амбулаторию в стране, которые он и возглавлял. Длительное время в Монголии всех советских врачей называли «Шастин-доктор», что свидетельствует о его широкой популярности в стране. В 1934 году П. Н. Шастин был награжден правительством Монголии орденом Трудового Красного Знамени, в 1961 году городской больнице Улан-Батора было присвоено имя П. Н. Шастина.

Род Шастиных хорошо известен в Восточной Сибири и Иркутске, из него вышло много православных священников, врачей, преподавателей и общественных деятелей. По данным историка, доктора исторических наук С. Гольдфарба, Павел Николаевич Шастин родился в семье священника Николая Иакинфовича Шастина. Знаменательно, что Н. И. Шастин также был причастен к монгольскому языку и монгольской культуре. В 1890 году он был слушателем монгольского отдела миссионерских курсов Казанской духовной академии.

Павел Николаевич родился 10 февраля 1872 года, первоначальное образование получил в Иркутской мужской гимназии. В 1890 году вместе с отцом и младшим братом Михаилом переехал в Казань. В это время его отец учился на двухгодичных курсах при Казанской духовной академии. Позднее туда же поступил и его сын Павел, но за участие в студенческом движении его отчислили.

Позднее Павел становится вольнослушателем медицинского факультета Казанского университета, затем получает частную стипендию и учится на медицинском факультете Томского университета. В 1896 году он становится ординатором Ивано-Матренинской больницы, затем врачом Кузнецовской больницы и преподавателем медицины в местной семинарии. Он становится известным иркутским врачом, хирургом и совершенствуется в Петербурге. В 1914 году становится председателем правления Общества врачей Восточной Сибири. Был награжден за врачебные успехи орденами Святого Станислава и Святой Анны 2 степени. В 1923 году по приглашению Монгольского правительства П. Н. Шастина приезжает в Монголию и создает там современные европейские медицинские учреждения: медицинские пункты и больницу. Авторитет Шастина – врача был настолько велик в Монголии, что всех врачей в Монголии называли «Шастин-врач». Его именем позднее назвали больницу и поставили памятник.

Н. Шастина училась в иркутской гимназии, которую окончила с золотой медалью. В 1923 г. Н.П. Шастина окончила педагогический факультет Иркутского госуниверситета. Во время учебы в университете молодую студентку больше всего интересовали классическая литература, она принимала активное участие в поэтическом объединении «Барка поэтов». В этот кружок входили В. Преловский, С. Алякринский, Е. Титов, А. Мейсельман, М. Имрей, А. Шостакович, Н. Шастина. Они стремились к чистому эстетическому творчеству, сторонились идей и идеалов современности. Это было литературное объединение, противопоставленное пролетарским и революционным литературным сообществам. Как в советское время написал профессор В.П. Трушкин: «Формирование молодой советской литературы в Сибири проходило в борьбе и противоречиях. Илховцы (литературно-художественное объединение пролетарских поэтов – Ю. К.) вынуждены были преодолевать чуждые эстетические влияния и концепции, которые они испытывали со стороны старшего поколения литераторов, группи-

ровавшихся в кружке под названием «Барка поэтов», отражавшем во многом отжившие, эстетические, порой явно декадентские тенденции в искусстве»³. Разумеется, сегодня оценки «Барки поэтов» кардинально изменились. Переизданы отдельные книжки членов этого сообщества. Н.П. Шастина пробовала сама писать стихи. Ее научные интересы находились тогда в области классической исторической науки, она серьезно интересовалась египтологией и планировала посвятить этому свою жизнь. В это время в Иркутске, как известно, находилось и преподавало несколько известных ученых из Москвы и Петербурга, которые могли привить такой интерес. Так, в 1918–1921 гг. в Иркутском университете тогда преподавал известный ученый И.Г. Франк-Каменецкий (1880–1937), автор специальных работ по египтологии: «Памятники египетской религии в фиванский период» (1917), «Религия Амона и Ветхий завет» (1921). Большую заинтересованность она проявляла к истории религии, поэтому в дальнейшем ее так серьезно привлечет ламаистская религия, мистерия Цам, тибетские и монгольские буддийские древности. Н.П. Шастина получила классическое гуманитарное образование, хорошо знала европейские языки, что в дальнейшем поможет ей стать высоким профессионалом-монголоведом. Однако, никакого интереса к Монголии, ее культуре она не испытывала.

В одном из стихотворений поэта «Барки поэтов» Андрея Шостаковича, посвященном Нине Павловне Шастиной мы сегодня читаем:

«Вы любите старинные романы,
маленькие томики в шагреновой коже,
где признанья в любви так медлительно странны,
где «т» и «ш» друг на друга похожи,
где цыгане всегда похищают ребенка,
но Рука Провиденья ведет по бродяжным дорогам,
где борзые залают порывисто-звонко,
узнав его у родного порога,

где нежные леди под розовым зонтиком,
глаза опускают при встрече низко,
где капитаны, играя кортиком,
с содовой водой пьют жгучий виски,

где гувернантки с изящною грацией
смущают лордов любви вопросами,
где в старом парке желтеют акации,
рукою садовника искусно причесаны,

где в маленькой нищенке примут участие,
несколько влиятельных лиц,
где все кончается к общему счастью
в десяти томиках по двести страниц.

1921 г.»⁵.

Н.П. Шастина входила в состав правления «Барки поэтов». Из воспоминаний поэта М.М. Скуратова известно, что молодая поэтесса писала о французских маркизах и виконтах, о галантном восемнадцатом веке. Писала до тех пор пока ее тетрадь, забытая на крыльце отеческого дома, не была сжевана короной, отчего Н. Шастина упала в обморок.

В 1924 г. Н.П. Шастина приезжает к своему отцу в Монголию, где будет жить и работать 13 лет. Позднее она вспоминала: «Путь был труден и долог. Из Иркутска до Урги мы с младшим братом добирались целых две недели... Первые впечатления от Урги было – ХУП век. Вот куда я попала – из XX прямо в ХУП век. Глухие высокие заборы, выглядевшие неприступными оттого, что лиственничные бревна поставлены торчком, кривые улочки переулки, где царствуют собаки, монастыри и буддийские храмы оригинальной архитектуры»⁶.

От занятий египтологией пришлось отказаться и заняться буддологией, историей монгольской традиционной культуры и ламаистской церкви. Здесь она работает в Ученом Комитете, изучает монгольский и тибетский языки, буддийские храмы, восточную философию и литературу Монголии, публикует свои первые статьи. Первоначально она работала в библиотеке и начинала знакомиться с письменной культурой монголов.

В 20-е годы в Монголии работало несколько научных экспедиций Н.К. Рериха, П.К. Козлова, было сделано немало археологических открытий мирового уровня, которые и обратили внимание молодой выпускницы Иркутского университета. Несомненно, что яркие личности выдающихся исследователей кочевой цивилизации и традиционной культуры монголов изменили отношение

Н. П. Шастиной к истории Монголии и привлекли ее внимание. В этот период в Монголии работала целая плеяда молодых монголоведов – ярких и неординарных, которые заявили о себе значительно позднее в монголоведении. Это А. Д. Симуков, В. А. Казакевич, А. Д. Каллиников, С. А. Кондратьев, с которыми она встречалась и общалась. Пока об этом известно очень мало, но необходимы дополнительные поиски.

В доме П. Н. Шастина бывали и известные политические деятели того времени: Э. Ринчино, А. Амагаев, Т. Рыскулов, А. Старков, которые проявляли серьезный интерес не только к современным процессам в стране, но историческому прошлому Монголии. Первоначальное теоретическое предложение о знакомстве и общении Н. П. Шастиной и Э. Д. Ринчино подтвердилось обнаруженной фотографией 1925 года, на которой изображены П. Н. Шастин, Н. П. Шастина, Э. Д. Ринчино, М. Н. Ринчино и двое их детей. Семья Э. Д. Ринчино перед отъездом из Монголии в 1925 году. На фото хорошо видно, что эти семьи связывают неформальные и дружеские отношения.

Известный путешественник П. К. Козлов в «Дневниках Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг.» неоднократно отмечает встречи с отцом П. Н. Шастиной и Н. П. Шастиной. Так, она знакомится с выдающимися исследователями Монголии, узнает из первых рук о научных открытиях Ноин-Ульских курганов, исследовании Хара-хото. В экспедиции П. К. Козлова принимали участие известные ученые: С. А. Кондратьев (1896–1970), возглавлявший археологические раскопки и занимавшийся исследованием музыкального фольклора монголов; Н. В. Павлов (1893–1971), известный ботаник, автор книги «По Монголии. Очерк экспедиции 1923–24 и 1926 гг.» (1930); А. Д. Симуков (1902–1942), автор исследований по географии Монголии. Некоторые из них, после завершения экспедиции Козлова остались в Монголии и работали в Ученом комитете Монголии и сотрудничали с Н. П. Шастиной. Это были увлеченные изучением Монголии ученые, которые, несомненно, повлияли на формирование научных взглядов молодой исследовательницы. В дневнике С. А. Кондратьева за 1924 год отмечается следующее: «...Еще новая фигура – Нина Павловна Шастина – милая барышня, пишущая стихи». Позднее, они станут, видимо, друзьями, и монгольские дневники С. А. Кондратьева окажутся в личном архиве Шастиной.

Дом врача Шастина был широко известен в Улан-Баторе и принимал всех известных путешественников и ученых, бывали в нем и известные монгольские ученые. Благодаря отцу она быстро вошла в круг российской и монгольской элиты того времени.

В 1925–1926 гг. в Улан-Баторе находилась экспедиция знаменитого Н. К. Рериха. Особый интерес к монгольской кочевой культуре проявил Ю. Н. Рерих, изучавший монгольский язык и этнографию. Позднее, было издано совместное исследование Н. П. Шастиной и Ю. Н. Рериха «Грамота царя Петра Первого к Лубсан-тайджи и ее составитель» (1960). Впервые их знакомство, творческое общение состоялось в 20-е годы и продолжалось в последующие годы.

В Монголии она работает рядом с очень известными монгольскими учеными и советскими специалистами-монголоведами: Ц. Ж. Жамцарано, Б. Барадиным, Г. Ц. Цыбиковым, А. Д. Симукowym, Э. Р. Ринчино, В. А. Казакевичем. Эта совместная работа стала для Н. П. Шастиной своеобразным монголоведным университетом. Занимается она и переводами работ известных европейских монголистов на русский язык, в частности, переводом с французского языка книги Д. Оссона. Н. П. Шастина с гимназии владела английским и французским языками, поэтому переводила для монгольских ученых труды европейских монголоведов. В Архиве Института Истории АН Монголии в 1989 году мне неоднократно встречались переводы книг западных авторов. С 1930 г. работает в Ученом Комитете МНР, публикует свои первые научные статьи, посвященные монгольскому театру, мистерии Цам, архитектуре монгольских монастырей⁷.

Пока нам неизвестны обстоятельства изучения Н. П. Шастиной монгольского языка и традиционной монгольской письменности. Как и кто помог ей овладеть монгольским языком? Но несомненно, что в середине 20-х годов было выявлено много оригинальных монгольских исторических источников, которые активно обсуждались в научной среде и не могли не привлечь внимание Н. П. Шастиной. Первоначально работа в библиотеке потребовала от Н. П. Шастиной описания книг и составление библиографических карточек на них. Это было невозможно без знания монгольского языка и могло быть необходимым практическим толчком для его изучения.

В 1936 году семья Шастиных уезжает из Монголии, как и большинство других советских специалистов.

С 1937 по 1942 гг. Н.П. Шастина живет и работает в Ленинграде: Библиотеке Академии Наук (БАН) и библиотеке Института этнографии АН СССР, продолжает заниматься монголоведением. Во время Великой Отечественной войны находилась в блокадном Ленинграде, продолжала работать в научных библиотеках. В 1942 году умирает ее младший брат Леонид, а Нину Павловну вместе с другими учеными эвакуируют через Ладогу из Ленинграда (воспоминания К. Н. Яцковской).

В 1943–1945 гг. живет в Иркутске и работает преподавателем в Иркутском госуниверситете и готовит к защите кандидатскую диссертацию «Первые сношения Московского государства с Алтын ханами Западной Монголии», которую защитила в 1950 г. в Ленинграде. Именно в это время с Н.П. Шастиной познакомилась Е. М. Даревская, студентка исторического отделения университета. Несмотря на сложные военные и послевоенные годы Н.П. Шастина проявляла глубокий интерес к театральной жизни Иркутска, часто посещала спектакли Драматического театра.

С 1950 г. времени до 1978 г. плодотворно работает в Институте Востоковедения АН СССР.

В 1958 году в Москве издана монография Н.П. Шастиной «Русско-монгольские посольские отношения ХУП века», подготовленная на основе переработанной кандидатской диссертации 8. В ней на основе оригинальных архивных материалов, в основном Центрального государственного архива древних актов, дан развернутый анализ посольств, которыми в ХУП веке обменивались Российская империя и государства Северной Монголии. Н.П. Шастина основательно проанализировала в этой монографии летописные монгольские материалы, архивы Академии наук, документы из Иркутской и Якутской приказных изб.

Н.П. Шастина внесла значительный вклад в изучение и публикацию крупнейших памятников монгольской историографии – летописей и монгольских хроник: «Шара туджи» (1957 г.), «Алтан тобчи» Лубсан Данзана (1973 г.), публикует монографию «Русско-монгольские посольские отношения в ХУП веке» (1958 г.). Редкий случай в монголоведении – обычно ученый может подготовить к изданию один исторический источник, Нине Павловне удалось издать два крупных источника. За этим стоит невероятно большой труд подготовки памятника к публикации: сравнение различных редакций источника, подготовка примечаний, редакция

текста, написание развернутого описания памятника. На это уходит несколько лет жизни и научной работы.

В статье «Образ Чингис-хана в средневековой литературе монголов» (1970, 1977) Н.П. Шастина сделала блестящий в монголоведении сравнительный анализ монгольских источников XIII и ХУП веков, которыми она владела как никто из современных монголоведов. Два известных исторических источника сама ввела в научный оборот. Соавторами сборника статей являлись именитые и профессиональные востоковеды: С.Л. Тихвинский, Е.И. Кычанов, И.П. Петрушевский, Л.И. Думан, Ш. Сандаг, Н.Ц. Мункуев.

Н.П. Шастина являлась крупнейшим историографом монгольской истории, ее перу принадлежит очерк «История изучения МНР» (1952 г.), статья «Изучение истории Монголии после Октября» (1967 г.), статьи об известных русских и советских востоковедах: И. Рассохине, И. Бичурине, В. Васильеве, Б.Я. Владимирцове, Д. Банзарове.

В статье Н.П. Шастиной «Значение трудов Н.Я. Бичурина для русского монголоведения» (1956 г.) дан не только анализ научного вклада Н.Я. Бичурина в русскую науку, но и представлен обстоятельный очерк развития монголоведных исследований в ХУШ – первой четверти XIX вв. Характеристика научного вклада, предшествующего Бичурину периода монголоведных исследований, дана в статье конкретно и обстоятельно, с высоким знанием темы. Российское монголоведение находилось в стадии становления как научное направление. Н.П. Шастина оценивает уровень монголоведения в России следующим образом: «Запас сведений о Монголии в конце 20-х годов XIX в. был не так уж велик и обширен, хотя знакомство русской научной мысли с монгольскими народами началось более чем за 100 лет до появления работ Бичурина. На недостаточности сведений о Монголии сказались отсутствие ученых, посвятивших себя этой отрасли науки. Собрание доступных исторических материалов и географических сведений, носивших в большинстве случаев описательный характер, случайные этнографические наблюдения и записи монгольских обычаев и обрядов – вот тот уровень, на котором находилось монголоведение в первой четверти XIX в.»⁹. В опубликованных работах о Монголии Н.П. Шастина выделяет «две линии»: исследования немонголоведов и монголоведов. Так, называюся случайно обратившиеся к истории монгольских народов: П.С. Паллас,

И.Ф. Миллер, И.Г. Фишер, И.Г. Гмелин. Второе направление связано с именами монголистов, знатоков монгольского языка и Монголии, которые «в большинстве случаев не были учеными, но зато по характеру своей основной работы сталкивались с вопросами монголоведения (В.М. Бакунин, А.В. Игумнов, И.Я. Шмидт). Значительное внимание было уделено литературной борьбе между Бичуриным и Клапротом, между Бичуриным и Шмидтом. По мнению Н.П. Шастиной, «Бичурин не раз выступал в защиту русского монголоведения, борясь против некоторых попыток иностранных ученых, в том числе и находившихся на службе в России, принизить достоинство русской науки»¹⁰.

В статье, посвященной научному вкладу в монголоведение Шмидта, был вынесен излишне суровый вердикт качеству работ ученого: «...большинство работ Шмидта не выдержало строгой оценки времени и устарело или справедливо забыто. Его перевод знаменитой феодальной летописи Саган-Сэцэна не выдерживает критики. Опубликованный им монгольский текст летописи полон искажений и ошибок»¹¹. Современные исследователи истории монголоведения и востоковедения, например, в коллективной работе «История отечественного востоковедения» следующим образом оценивают научный вклад ученого: «Шмидт во многом определил дальнейшее направление научных поисков последующих поколений монголоведов в России»¹².

Н.П. Шастина также относила Шмидта к «если не открыто, то близким к реакционным кругам», противопоставлявшим себя русским востоковедам как представитель немецкой школы, царившей в Академии Наук. По мнению Н.П. Шастиной, Шмидт «откровенно высказывал пренебрежительное отношение к русским востоковедам, считая, что вопросы монголистики вправе решать только он один»¹³. Н.П. Шастина признает достоинства ученого, считает его человеком очень способным и для монголоведения сделавшим немало, «главным его достоинством было хорошее знание современного ему монгольского языка. Использование монгольских источников является заслугой Шмидта, до него большинство работ было основано не на непосредственных знаниях монгольских источников, а не материалах, полученных из вторых или третьих рук. Однако в работах Шмидта, по мнению Н.П. Шастиной, «много недостатков, искажений и ошибок»¹⁴. Его работам «свойственна ограниченность, как в попытках постановки вопро-

сов, так и в способах их разрешения. Он некритически подходил к тексту, поэтому пользовался опубликованными им материалами необходимо с осторожностью».

Критические замечания в адрес академика Шмидта ранее были высказаны еще Д. Банзаровым. Он упрекал Шмидта за излишне «вольный перевод» Чингисова камня, говорил об изменении словарного запаса, строя языка, его исторической эволюции – историческом подходе к языку. В 50–60-е годы XX века в ряде публикаций Г.И. Михайлова, Н.П. Шастиной вновь проявилось негативное отношение к личности И.Я. Шмидта и его трудам и противопоставлял его «прогрессивным ученым»: П.С. Савельеву, В.В. Григорьеву, О.М. Ковалевскому. Филолог Г.И. Михайлов критиковал подход Шмидта к изучению монгольского языка. По его мнению, Шмидт искал в монгольском языке те же явления, какие имелись в индоевропейских языках и «подгонял под нормы европейских языков и те факты, которые явно в эти рамки не уместались»¹⁵.

Она принимала участие в подготовке крупных коллективных работ: однотомника «История МНР», шести выпусков «Очерков по истории русского востоковедения» (1953–1963 гг.), переиздании «Истории монголов» и «Путешествий в восточные страны» Плано Карпини и В. Рубрука (1957 г.). Всего опубликовано более 80 статей.

Н.П. Шастина проделала колоссальную работу при подготовке к печати книги П. Карпини и В. Рубрука. Была написана развернутая вступительная статья, осуществлена редакция основного текста (было несколько вариантов), а также примечания. Осуществлена значительная творческая работа с большим объемом источниковедческой и историографической исследовательской работы. Были сопоставлены различные списки источников, различные переводы источников на европейские языки, дана критическая оценка качества списков и переводов. Это объемная работа, которая явно занимала Н.П. Шастину не один год творческих поисков. Это потребовало высокой эрудиции и настойчивости в поиске нужной информации.

По мнению Н.П. Шастиной, лучший перевод Плано Карпини с латинского языка дал А.И. Малеин, издавший его в 1911 году. Она представляет в предисловии обстоятельный очерк истории изучения данного исторического источника с XIII по XIX вв. Она

считала, что сочинение П. Карпини дошло до нас в нескольких редакциях. Еще в XIII веке оно неоднократно переписывалось, так вызывало неизменный интерес у образованных людей того времени. Существование двух редакций одной краткой, другой более подробной, подтверждается признаниями самого автора. По данным Н.П. Шастиной, до нас дошло пять рукописных копий: Лейденская рукопись, рукопись Кэмбриджского университета, две рукописи находятся в национальной библиотеке Парижа, одна в Британском музее. Шестая рукопись была обнаружена в библиотеке Иркутского университета академиком М.П. Алексеевым (7, 8, 9 глав).

Она показала изучение П. Карпини и В. Рубрука в российской и западной историографии. Представлена характеристика публикаций текстов английском, немецком и французском языках первой половины XX века. И это просто обзор, а анализ качества и уровня изучения. Из иностранных изданий П. Карпини Н.П. Шастина позитивно выделяет французское издание текста и перевода Д. Авезака в 1839 г., английское издание Бизли в 1903 г., А. Ванден-Вингарта (1929 г.). По мнению Н.П. Шастиной, ряд новых зарубежных изданий не выдерживает научной критики и не дают «нового, по сравнению со старыми публикациями и повторяют устаревшие примечания без учета новых исследований» (с.12). К таковым изданиям относится немецкое издание Фридриха Риша (1930 г.). «Оно снабжено многочисленными примечаниями, построенными, к сожалению, на материалах, во многом уже утративших свою ценность. В наше время, когда историческая и востоковедная наука шагнули далеко вперед, когда поднято и изучено много новых источников на восточных языках, когда проведены грандиозные археологические исследования, при каждом издании путешествия П. Карпини следует использовать последние научные достижения, которые помогут лучше комментировать давно известный текст» (с.12).

Часть материалов осталась в рукописях. В Некрологе указано, что Н.П. Шастина подготовила докторскую диссертацию, посвященную истории русского монголоведения. По количеству публикаций, посвященных данной теме, видно, что работа была готова к защите. Каждая статья, посвященная русскому монголоведу, имеет самостоятельную оценку научного наследия, а также показывает отношения монголоведов между собой. Оценки самостоятельные и оригинальные. В 80–90-е годы было опубликовано несколько

статей других авторов, которые явно не дотягивают до уровня публикаций Н.П. Шастиной. Можно только догадываться, почему не состоялась защита докторской диссертации. Судьба рукописи пока нам также неизвестна.

Некоторые статьи Н.П. Шастиной публикуются и сейчас, что свидетельствует, что их основные положения и выводы не устарели. Так, в коллективной работе «Российские монголоеды (ХУШ – начало ХХ в.)», опубликованной в 1997 году в Улан-Удэ, статья о выдающемся монголоведе ХХ века Б.Я. Владимирцове подготовлена на материале Н.П. Шастиной¹⁶; а в 2003 году в Санкт-Петербурге опубликована обширная работа о самом крупном российском монголоведе России А.М. Позднееве¹⁷.

Высоко оценивается роль А.М. Позднеева, как ведущего монголоведа России. Она пишет: «Отличаясь необыкновенным трудолюбием, Позднеев создал ряд фундаментальных трудов, общее число которых – 122 названия, из них 17 монографий, общим объемом около 400 печатных листов, что уже одно свидетельствует о широком круге разных вопросов и большом фактическом материале. Кроме того, Позднеев был хорошим организатором учебного дела. Благодаря его энергичным действиям возник Восточный институт во Владивостоке, директором которого он был в течение нескольких лет»¹⁸.

Н.П. Шастина оказывала поддержку иркутским монголоведам. Так, в письме Е.М. Даревской от 4 августа 1972 года она написала: «Наконец-то я прочла внимательно Вашу работу и пришла к выводу, что Вы сделали отличную диссертацию и Вам ее нужно защищать. Собран огромный материал, свежий, новый. Оформлен хорошо. Все в порядке и Вы больше не тяните. Ставьте на защиту или у себя, или у нас... Провернув такую массу работы, найдя столь много свежего материала, нельзя не защититься. Таково мое мнение. Да это же настоящий вклад в науку!»¹⁹.

Таким образом, мы видим, что в творчестве Н.П. Шастиной нет ничего случайного, а четко прослеживается несколько тем ее научных поисков и исследований: история ламаистской церкви, русско-монгольские отношения ХУП в., источниковедение и историография Монголии, история русского монголоведения. Наибольший интерес она проявляла и исследованию исторических монголоведных исследований, здесь она является первопроходцем и новатором.

Н. П. Шастина прожила уникальную творческую жизнь ученого-монголоведа. Она получила классическое гуманитарное образование в Иркутском университете, в период, когда в нем работали крупные ученые из Москвы и Петербурга, сформировалась как творческий человек. В Монголии 20–30-х гг. она изучила монгольский и тибетский языки, по сути, получила второе востоковедное образование, общаясь с Н. К. Рерихом, Ю. Н. Рерихом, П. К. Козловым. Ц. Жамцарано, А. Симуковым, В. Лисовским и др. Общение с выдающимися советскими монголоведами, большинство которых было репрессировано в 1937–1938 годах, стало настоящим «монгольским университетом». В 1936 году П. Н. Шастина и его семью высылают из Монголии. Ее в меньшей степени затронуло распространение «марксизма» в монголоведении. По сути, можно обобщить, что в советском монголоведении существовало и жило классическое российское монголоведение, которое бережно относилось к дореволюционному классическому наследию, изучались «Гэсэр», «Джангар», «Сокровенное сказание», монгольские летописи. В Монголии также работали ученые, продолжавшие эту линию в науке: академики Ц. Дамдинсурэн, Ш. Бира, Б. Ринчен и др., которые поддерживали советских ученых, в том числе и Н. П. Шастину. Также она поддерживала творческие связи с зарубежными учеными, была в курсе монголоведных исследований на Западе. У нее нет конъюнктурных работ, посвященных юбилейным датам в истории МНР и МНРП, нет пустого словословия о современных политиках Монголии и советско-монгольской дружбе. Хотя по делам и реальному отношению к науке Н. П. Шастина являлась настоящим патриотом своей страны и большим другом монгольского народа. В Монголии также сняты документальные фильмы о семье Шастиных, опубликованы статьи и разделы в монографиях и коллективных работах.

Качество и объем исследовательской работы, выполненной Н. П. Шастиной, поражают современного исследователя. Высокая культура исследования, точность и скрупулезность научных выводов ученого заслуживают глубокого уважения и почтения.

Примечания

1. Яцковская К. Н. Неопубликованные материалы 20-х годов из личного архива Н. П. Шастиной (1898-1980) // Монголика – Ш. Из архивов отечественных монголоведов XIX – начало XX вв. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 23–25. Кузьмин Ю. В. 95-летие со дня рождения Н. П. Шастиной // Bulletin International Association for Mongol

- Studies. – Ulaanbaatar, 1993. -№2(12). – С.89; Кузьмин Ю.В. Нина Павловна Шастина – исследовательница Монголии //Тальцы. – Иркутск, 2002. №1(13). – С.22–26; Кузьмин Ю.В. Монголоведческие исследования Н.П. Шастиной// Россия и Восток: взгляд из Сибири на нач. тыс.-я. Мате. межд.конф. –Иркутск, 2002. – С.135–139.
2. Гольдфарб С. Час выбора. Анатолий и Елена Шастины в Иркутске. Иркутск, 2000, с.19.
 3. Литературная Сибирь: Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири. – Иркутск: 1988. – С.3.
 4. Яцковская К.Н. Указ. соч. – С. 23
 5. Шостакович А. Гаснувший терем. – Иркутск: 2000. – С.26
 6. Книга братства. – М.:1971. – С.196
 7. Шастина Н.П. Религиозная мистерия «цам» в монастыре Дзунхуре // Современная Монголия, 1935, № 1.
 8. Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения ХУП века. М., 1958–175 с.
 9. Шастина Н.П. Значение трудов Н.Я. Бичурина // Очерки по истории русского востоковедения. – М., 1956. – С.182.
 10. Там же. – С.194
 11. Шастина Н.П. Эпиграфика в работах Доржи Банзарова // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. – Улан-Удэ, 1955. – С.51
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. Там же.
 15. Там же. – С.36.
 16. Шастина Н.П. Б. Я.Владимирцов //Российские монголоеды (ХУШ –нач.ХХ в.). –Удан-Удэ, 1997. – С.141–145.
 17. Шастина Н.П. А. М.Позднеев . Подготовка к печати, примечания. А.Г. Сазыкина)//Mongolica – 6. – СПб, 2003. – С.7–18.
 18. Там же. – С.7.
 19. Личный архив Е.М. Даревской (г. Иркутск).

И.А. Сороковиков – активный участник монгольской революции 1921 года и преподаватель Иркутского финансово-экономического института, автор работ по истории Монголии первой половины ХХ века

Приближается 100 – летие монгольской революции 1921 года, которая тесным образом связана с Россией, и особенно с Иркутском, где находились в 1920–1921 годах международные коммунистические организации (Коминтерн) и работали монголь-

ские революционеры. Среди активных участников монгольского национального движения и революции было значительное число иркутян и жителей Иркутской губернии. Некоторые из них изучены историками довольно тщательно (Б. Шумяцкий, Э. Ринчино, Ц. Жамцарано, М. Амагаев, Т. Рыскулов и др.), другие забыты или полузабыты [5;11;16;20;21;22]. Из числа последних, можно назвать и Иннокентия Асенкритовича Сороковикова (1888-1960), активного участника монгольской революции 1921–1924 гг., одного из создателей разведорганов Монголии (1922–1924 гг.), а затем, преподавателя средних школ, заведующего монгольским отделением в сельскохозяйственном техникуме, преподавателя математики с 1948 года на подготовительных курсах для монгольских граждан Иркутского финансово-экономического Института.

И. А. Сороковиков родился в селе Тунка в Бурятии, рано потерял родителей; опекун устроил его на учебу в 3-х годичную школу в селе Кутулик (около Черемхово), затем три года работает учителем в начальной школе в селе Анга Верхоленского уезда Иркутской губернии. В 24 года поступает учиться в Иркутский учительский институт, который окончил в 1915 году с отличными оценками и был назначен преподавателем училища в поселок Мысовск, на Байкале [1, с.1]. В ноябре 1915 года призывается в армию и направляется в Иркутское военное училище, а затем 1915–1917 гг. служит в армии в Иркутске и Брянске в качестве младшего офицера роты. Таким образом, мы видим, что И. А. Сороковиков имел высшее педагогическое и специальное военное образование.

Во время гражданской войны в Сибири И. А. Сороковиков с 1919 года жил и работал бухгалтером (счетоводом) в кооперативе в Урге (современный Улан-Батор), принимал активное участие в работе революционного комитета колонии русских жителей. В апреле 1920 г. по просьбе монгольских революционеров и поручению ревкома был направлен в Иркутск, для установления связи с коммунистическими организациями Сибири [2]. В Иркутске в 1920 году становится начальником информационного отделения разведотдела 5-й Армии, работником Коминтерна. В 1920–1921 гг. работал в Иркутске, Кяхте и пограничных регионах [17;22].

В фундаментальном двухтомном сборнике документов «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911-1946). Часть 1.» (2019 г.) опубликовано два официальных документа за 1921 год за подписью «ВРИД начальника 3-го отделения Сороковикова»

(разведки) от 1 августа 1921 года: «Из разведсводки штаба и ВСВО – о положении в Монголии после освобождения Урги и планах Унгерна» (с.192–195) ; «Периодическая сводка №5 разведотдела 5-й армии и ВСВО о положении в Монголии, боевых действиях частей Экспедиционного корпуса совместно с отрядами Хатан-Батора» от 15 августа 1921 г. Два исторических документа показывают основательную оценку театра военных боевых действий против Унгерна и полную картину политической ситуации в регионе [15]. Из монографии И. А. Сороковикова «Аратская революция» известно, что Сороковиков присутствовал при допросе барона Унгерна в Иркутске, участвовал во встречах с монгольскими революционерами – делегатами в Россию.

В 1922–1924 гг. И. А. Сороковиков – начальник разведотдела Монгольской народно-революционной армии. За успешную работу по формированию монгольской национальной армии, успешно проведенные операции И. А. Сороковиков был награжден двумя монгольскими орденами Боевого Красного Знамени[12].

И. А. Сороковиков работал под руководством лидера монгольской революции Д. Сухэ-Батора, который являлся военным министром Народного правительства и занимался формированием монгольской народной армии, и ее разведывательных структур, выполнял сложные операции разведывательного и контрразведывательного характера в самый тяжелый период становления народного государства и партийного и молодежного строительства. Существовали проблемы отсутствия подготовленных специалистов разведки, низкого авторитета этой структуры среди монгольского общества и политической элиты. Советские представители так оценивали состояние ГВО (доклад начальника пограничного отделения П. А. Кокина от 7 сентября 1923 г.) : «ГВО в настоящее время является почти единственным органом Монголии, на котором обращается минимум внимания и максимум презрения. Такое игнорирование охраны стало особенно бросаться в глаза с первых дней вступления на пост предсовмина Цэрэндоржа, яркого китаефила. В глазах монгольских народных масс охрана – не авторитетная...Сама охрана поднять свой авторитет не может, не умея работать и порой ведя дело, таким образом, что этим самым восстанавливает против себя»[13, с.38–39]. В документах отмечается, что Урга является удобным заграничным шпионским пунктом, привлекательным для деятельности японских, китайских

и западных спецслужб. Подготовка квалифицированных кадров специальных служб являлось важной задачей.

Разумеется, это излишне категоричная оценка деятельности ГВО, которая в 1923 году успешно осуществила секретную операцию по ликвидации Джа-ламы, проводила операции во Внутренней Монголии и выявлению оппозиционеров в государственных структурах. Ликвидации оппозиции Бодо и Данзана носило сложный и противоречивый характер[3;4;7;9].

1922–1924 гг. – это были сложные годы становления молодого национального монгольского государства, народной армии, и ее отдельных подразделений, в том числе разведки. Она носила название ГВО – государственная внутренняя охрана. Исторической информации о ее деятельности в российской историографии очень мало. Занималась ГВО и вопросами внешней разведки. Актуальными оставались проблемы связи с монгольскими революционерами Внутренней Монголии, Маньчжурии и Китая. Важными являлись проблемы внутреннего политического развития Китая, его политическая и внешняя ориентация [14]. По данным иркутского историка-монголоведа К.Л. Малакшанова, по заданию правительства Монголии И.А. Сороковиков написал брошюры «Современный Китай», «Современная Барга», «Китайская армия», которые были опубликованы на монгольском языке[12, с.22]. Видимо, они были подготовлены для молодых работников разведки, партийных и молодежных организаций. Судя по названиям работ, вопросы развития соседних стран и территорий являлись важным направлением деятельности этой силовой структуры и И.А. Сороковиков сыграл важную роль в становлении разведки Монголии.

И.А. Сороковиков работал вместе с известными военными деятелями России и Монголии: Э. Ринчино, В. Юдиным, Х.Б. Кануковым, Б. Шумяцким. В перспективе было бы интересно проследить конкретные их взаимоотношения.

После возвращения из Монголии в 1924 году И.А. Сороковиков работал в иркутских школах (преподавателем и директором школы) и сельскохозяйственном техникуме и Финансово-экономическом институте (нархозе) с 1933 года с монгольскими студентами. Знания монгольского языка, монгольских реалий помогли в работе и учебе с монгольскими студентами. В 1924–1925 гг. И.А. Сороковиков опубликовал около 20 популярных обзоров о Китае и

Монголии в иркутских газетах «Власть труда», «Красноармеец», журнале «Красная Армия на Востоке» [12, с.5].

Таким образом, вся жизнь и служебная и педагогическая деятельность была связана с Монголией и монгольскими студентами. Как ветеран монгольской революции неоднократно приезжал в Монголию и был принят на самом высоком уровне – лидером Монголии Х. Чойбалсаном. По просьбе монгольского лидера он подготовил мемуары о совместной работе под руководством Д. Сухэ-Батора.

В дальнейшем И.А. Сороковиков работает в Иркутске преподавателем математики в средних школах, затем в сельскохозяйственном техникуме в качестве заведующего монгольским отделением. С 1933 года он работает преподавателем математики на подготовительных курсах для монгольских студентов Иркутского финансово-экономического института. В архивных документах университета в 1950-е годы И.А. Сороковиков отмечен как преподаватель математики. Таким образом, он продолжил активно помогать Монголии на ниве образования и воспитания молодых монгольских учащихся [13].

В 1943 году состоялась встреча Х. Чойбалсана и И.А. Сороковикова на железнодорожном вокзале Иркутска, во время которой монгольский лидер, возвращаясь с Западного фронта после вручения монгольских подарков воинам Красной Армии, посоветовал И.А. Сороковикову написать воспоминания об участии в монгольской революции. Сохранилось письмо И.А. Сороковикова Х. Чойбалсану от 10 января 1943 года в архиве Института истории АН Монголии. «Дорогой тов. Чойбалсан. После встречи с Вами на Иркутском вокзале я был полон радости и гордости, своим вниманием ко мне Вы показали присутствующим, что я являюсь участником тех великих дел... Как по душе пришлось Ваше предложение написать воспоминания о революционных 1920–1922 годах, где мы с Вами отдали молодые годы нашей жизни...» [1]. Был представлен план из 16 глав будущей работы и отмечено, что автору и писателю Г.Ф. Кунгурову понадобится помощь историческими материалами.

И.А. Сороковиков выезжал в Монголию по приглашению Х. Чойбалсана, который и предложил ему написать мемуары и подготовить книгу о монгольской революции. В 1947 и 1957 годах была издана монография «Аратская революция» совместно с

известным иркутским писателем и профессором ИГУ Г.Ф. Кунгуровым. Монография пользуется исключительным интересом в мировом монголоведении, часто цитируется, так как подготовлена непосредственным участником исторических событий в Монголии в ее переломное время. Представляется, что политическая и творческая биография преподавателя Байкальского университета И.А. Сороковикова: военного разведчика, преподавателя и исследователя заслуживает специального исследования.

И.А. Сороковиков опубликовал несколько статей в научных журналах Иркутска, изданиях Иркутского финансово-экономического института и научных журналах Монголии и Бурятии: «Влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения в Монголии» (1957 г.), «Монгол оронд 1920–1921 онд нийт ундэсний фронт байгуулах явдалд Ардын Нам удирдах рольтой байсан» (О руководящей роли Народной партии в формировании общенационального фронта в Монголии 1920–1921 гг.) (1957 г.), «Главком Сухэ-Батор» (1958 г.), «Монгол-зоволтийн найрамдлын торгон эх» (Истоки монголо-советской дружбы) (1961 г.), «На заре советско-монгольской дружбы (По личным воспоминаниям и материалам)» (1965 г.) [18, 19]. Научным результатом длительной работы над темой стали две монографии И.А. Сороковикова «Аратская революция», опубликованные в 1947 и 1957 гг. Книга была написана совместно с известным иркутским писателем Г.Ф. Кунгуровым. Первый вариант книги был подготовлен И.А. Сороковиковым совместно с историком Е.М. Даревской, но окончательный вариант вышел в соавторстве с Г.Ф. Кунгуровым, который также длительное время был связан с монгольской тематикой, подготовил и издал несколько книг на монгольские сюжеты, служил в Монголии. Материалы историка Е.М. Даревской, ее участие в подготовке рукописи «Сухэ-Батор» и использование некоторых материалов в книге «Аратская революция» стали позднее предметом судебного разбирательства о плагиате Г.Ф. Кунгурова и И.А. Сороковикова.

Книга «Аратская революция» вошла в золотой фонд советского монголоведения; и до сих пор используется как монгольскими, так и российскими монголоведами, так как обладает элементами оригинальных мемуаров непосредственного участника событий 1920–1924 гг. в Монголии И.А. Сороковикова и писателя Г.Ф. Кунгурова, служившего в более поздний период в Монголии, и хорошо

понимающего монгольские реалии, уклада кочевой жизни монголов [10].

К сожалению, элементов политических мемуаров И. А. Сороковикова – непосредственного участника монгольской революции 1921 года в данной книге совсем немного: сведения о деятельности революционных кружков в Урге летом 1920 г., допрос барона Унгерна в Иркутске в 1921 году. В книге обильно цитируются книги Х. Чойбалсана «Краткая история Монгольской народной революции», «Сборник материалов о Сухэ-Баторе», Ш. Нацагдоржа «Биография Сухэ-Батора» (1943 г.), Б. Цибилова «Разгром унгерновщины» (1947 г.), газеты «Унэн» и «Восточно-Сибирская правда». Книга в большей степени представляет традиционное историческое исследование, а не мемуары участника событий. Видимо, роль писателя Г. Ф. Кунгурова играла более значимую роль, и она доминировала в написании книги.

Очень жаль, что И. А. Сороковиков не оставил подробных личных мемуаров о подготовке монгольской революции в 1920–1921 гг., деятельности разведорганов 5-й Армии, где он служил и сохранились его отчеты об информационной деятельности, о встречах и совместной работе с лидерами монгольской революции Д. Сухэ-Батором и Х. Чойбалсаном. Опубликованные мемуары носят сугубо официальный характер и не несут личных оценок и эмоциональных характеристик исторических событий и персоналий. Время подготовки мемуаров – 1940–1950-е годы, к сожалению, не располагали к подробным и открытым текстам мемуаров.

Служебная и творческая биография И. А. Сороковикова не подвергалась изучению в российской историографии. Книга «Аратская революция» И. А. Сороковикова и Г. Ф. Кунгурова использовалась, как ценный исторический источник и как историческое исследование монгольскими и российскими историками. Но специально «Аратская революция», не подвергалась специальному источниковедческому и историографическому исследованию [10]. По нашему мнению, два издания книги представляют отличные друг от друга издания, которые заслуживают специального анализа, по причине отличий.

В рукописном фонде Института истории Академии наук Монголии хранятся рукописи некоторых неопубликованных работ И. А. Сороковикова, которые нам удалось изучить в 1989 году во время научной стажировки в Монгольском государственном

университете. В частности, сохранилась рукопись книги И. А. Сороковикова «Сухэ-Батор» 1943 года с серьезными замечаниями известных монгольских историков, требующих серьезной доработки текста [1]. Биография И. А. Сороковикова имеет еще много «белых пятен», нуждается в дальнейшем исследовании, особенно монгольский период его деятельности.

Список использованной литературы

1. Архив Института истории Академии наук Монголии. Рукописный фонд. Выписки 1989 года. – Улан-Батор.
2. Бат-Очир Л., Дашжамц Д. Сухэ-Батор. Биография. – М.: Наука, 1971. – 136 с.
3. Бембеев В.Ш., Бурчинова Л.С. Комиссар. Историко-биографический очерк о Харти Бадиевиче Канукове. – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1983. – 104 с.
4. Боевое содружество. Дайчин нохорлол. О советско-монгольском боевом содружестве. – М.: Военное изд-во, 1983. – 334 с.
5. Жабаева Л.Б. Элбек-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. – 335 с.
6. Златкин И. Я. Очерки новой и новейшей истории Монголии. – М.: Изд-во вост.лит., 1957. – 300 с.
7. Из истории спецслужб Бурятии. Мат. научн. –практ.конф., посвящ. 80-летию ВЧК-ФСБ. – Улан-Удэ, 1997. –101 с.
8. История МНР. – М.:1983.
9. Кануков Х.Б. Избранные статьи, речи и выступления (1918–1927 гг.). – Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1973. – 187 с.
10. Кунгуров Г.Ф., Сороковиков И.А. Аратская революция. Исторический очерк. – Иркутск: Иркутское книжное изд-во, 1957. – 208 с.
11. Лиштованный Е.И. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири (1920–1980-е годы). Учебное пособие. – Иркутск: Иркут.ун-т, 1992. – 78 с.
12. Малакшанов К.Л. Иркутский старт монгольских экономистов/К.Л. Малакшанов. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2006. – 168 с.
13. Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) : (Сборник документов) /Научный ред. В.В. Наумкин, отв. ред.В.В. Грайворонский. – М.:ИВ РАН, 2019. – 528 с.
14. Насанбат Ш. Монголчуудын туухэнд тодорсон 33 тагнуулч, тагнуулч зүтгэлэн» («33 разведчика и деятеля разведки, связанные

- с историей Монголии». – 2019. – 170 с.
15. Российско-монгольское военное сотрудничество. Сборник документов. В 2-х частях. Часть 1. – М.:Изд.дом «Граница», 2019. – 360 с.
 16. Роцин С.К. Маршал Монголии Х. Чойбалсан. –М.:ИВ РАН, 2005. – 160 с.
 17. Советско-монгольские отношения.1921–1974. Документы и материалы. Том 1. 1921–1940. – М. –Улан-Батор, 1975. –560 с.
 18. Сороковиков И.А. Главком Сухэ-Батор//Современная Монголия. – 1958. – №3. – С.24–29
 19. Сороковиков И.А. Влияние Октябрьской революции на развитие революционного движения в Монголии//Ученые записки Иркут. финн. –экон. инт-та. –Вып. 6. – Иркутск, 1957. – С.92–119
 20. Хишигт Н. Монголын хувьсгал:1921. – Улан-Батор, 2011. – 298 с.
 21. Ширендыб Б. Монголия на рубеже XIX–XX веков (История социально-экономического развития). – Улан-Батор: Комитет по делам печати, 1963. – 518 с.
 22. Юдин В.И. У истоков монгольской народной революции (из воспоминаний и документов) //Монгольский сборник. – М., 1959. – С.105–125

Ведущий монголовед России М.И. Гольман: вопросы истории Монголии и западной историографии

Одному из ведущих монголоведов современной России, доктору исторических наук, главному научному сотруднику сектора Монголии Института Востоковедения, Российской академии наук Марку Исааковичу Гольману исполнилось в 2017 году 90 лет. Замечательный юбилей классик российского монголоведения встречает в творческом расцвете, завершая свои мемуары и другие начатые работы, недавно опубликовал книгу «Избранные статьи и доклады», активно участвует в проекте РГНФ «Энциклопедия российско-монгольских отношений», участвует в научной деятельности сектора Монголии, Института Востоковедения РАН и российских, международных конференциях.

Марк Исаакович родился 7 ноября 1927 года в Москве. Детские годы пришлось на трудные годы Великой Отечественной войны, но Марк Исаакович отличается оптимизмом, жизнелюбием и высоким чувством юмора. В 1951 году успешно окончил Мо-

сковский институт востоковедения, его монгольское отделение. В монголоведение его вводили известные тогда ученые историк П. П. Старицына, географ Э. М. Мурзаев, филологи-преподаватели монгольского языка А. Р. Ринчинэ, Г. Д. Санжеев, М. Ф. Козырев.

В 1952–1957 гг. работал научным сотрудником Музея революции СССР, занимался, в том числе, и переводом писем монгольских трудящихся И. В. Сталину, о чем вспоминает с большой долей иронии.

С 1957 года по настоящее время, вот уже 60 лет работает в секторе Монголии Института Востоковедения РАН, пройдя все ступеньки научной карьеры: младший научный сотрудник, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник, заведующий сектором Монголии, главный научный сотрудник-консультант.

Как вспоминает Марк Исаакович, в секторе Монголии серьезное влияние оказали монголисты старшего поколения: С. Д. Дылыков, И. Я. Златкин, Н. П. Шастина, П. П. Старицына, а также Н. Т. Варгин, М. М. Печников, А. Т. Якимов, которые много лет служили на дипломатической или военной службе в странах Востока, занимались практической работой в Монголии, исследовательской работой и имели значительные труды в области монголоведения. Это было непростое время для ученых, когда собственное мнение и научные выводы не приветствовались в исследованиях.

Вся творческая жизнь посвящена изучению истории, культуры, экономики и политики одной страны – Монголии. Глубина познания истории, экономики, истории внешней политики и геополитики, историографии и культуры Монголии невероятна. Марк Исаакович всегда окажет помощь молодым монголоведам, начинающим свой путь изучения истории Монголии. Широкая эрудиция, глубокое знание мировой монголоведной историографии позволяет выявить интересные, но малоисследованные проблемы истории. Его общительность и открытость притягивают к себе, сложные научные проблемы образно и глубоко объясняются и намечаются пути их решения. К нему часто обращаются за советом, как молодые, так и маститые ученые. С большим вниманием, необыкновенной человеческой чуткостью он относится к специалистам, которые увлечены Монголией, изучением ее прошлого и настоящего. Всегда доброжелательно, но принципиально и требовательно пишет отзывы на научные труды коллег и аспирантов, докторантов. Мне, лично дважды посчастливилось получать официальные отзывы на

мои диссертации, поэтому с полным основанием, считаю Марка Исааковича своим Учителем в монголоведении.

Много лет М.И. Гольман преподавал на монгольском отделении Института стран Азии и Африки циклы лекции по истории, историографии и культуре Монголии. Под его научным руководством подготовлено несколько кандидатов и докторов наук, его консультации помогли десяткам монголоведов России и Монголии и других зарубежных стран.

Марк Исаакович является достойным представителем московской школы монголоведения, предшественниками и коллегами ученого которой были И.Я. Златкин, А.Т. Якимов, Т.А. Якимова, Г.Д. Санжеев, Г.И. Михайлов, Э.М. Мурзаев, С.Д. Дылыков, Г.С. Горохова, Л.М. Гатауллина, С.К. Рошин, Г.С. Матвеева-Яскина, В.В. Грайворонский, А.Д. Цендина, А.С. Железняков.

С большой теплотой М.И. Гольман вспоминает своих учителей, коллег и своих предшественников в монголоведении в специально опубликованных статьях: «Восток – дело весьма увлекательное». Воспоминания о И.Я. Златкине (1898-1990) (1994 г.), «Слово об Илье Яковлевиче Златкине (1898-1990) (1993 г.), «Памяти Цэрэн-Анчика Нимаевича Дугарнимаева (1993 г.), «Воспоминания об Оуэне Латтиморе» (1990 г.), «Оуэн Латтимор – выдающийся исследователь истории Монголии первой половины XX века» (2014 г.), «Ц.Ж. Жамцарано глазами западных монголоведов» (1991 г.), «Э. –Д. Ринчино глазами западных монголоведов» (1996 г.), «История, культура, историография Монголии в трудах Ш. Биры» (2003 г.), «Л.Г. Скородумова» (2011 г.), «К 85-летию Галины Ивановны Слесарчук» (2011 г.), «К 100-летию со дня рождения Сандже Данциковича Дылыкова» (1912-1999) (2012 г.), «К.Н. Яцковская, Моя Монголия» (2013 г.). Десятки статей посвящены различным научным конференциям, конгрессам монголоведов в Улан-Баторе. А его имя и творческая биография включены в известные научные справочники и энциклопедии.

М.И. Гольман является самым известным в России и мире историографом мирового монголоведения, особенно западного и американского. В данной области монголоведения М.И. Гольман является патриархом и классиком мирового исследования Монголии. Крупные монографии ученого: «Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США» (1970 г.), «Изучение истории Монголии на Западе. XIII – середина XX в.»

(1988 г.), «Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е – середина 90-х гг. XX века» (2004 г.), «Современная Монголия в оценках западных авторов» (2010 г.) стали настоящими вехами в изучении истории мирового монголоведения, крупными научными событиями российской историографии. В непростой советский период он не впадал в огульную критику работ западных и американских востоковедов и монголоведов. Примечания его книг с информацией о биографиях зарубежных ученых и научных монголоведных центрах давали ценную информацию о направлениях зарубежных авторов и их оценках принципиальных вопросов истории и историографии Монголии. Специальные статьи историограф посвятил развитию монголоведения в Японии и Китайской Народной Республике.

Монография «Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США» (1970 г.) была переведена на английский и китайский языки, что является несомненным научным признанием российского ученого.

Книги М. И. Гольмана можно считать своеобразными энциклопедиями становления и развития мирового монголоведения, в них представлены все ведущие мировые центры изучения Монголии, представлены биобиблиографические данные крупных монголоведов Запада и США. Значительное внимание уделяется университетским центрам монголоведения и объединениям монголистов и их печатным изданиям. Наиболее полная информация представлена о крупных монголоведах XX века: О. Латтимора, А. Сандерса, Дж. Крюгер, Д. Синора, Ф. В. Клифс, Г. Шварц, А. Кэмпбелл, Г. Франке, Э. Хениша, Н. Н. Поппе, Р. Рупен, В. Хейсига, К. Загастер, В. Файт, Ч. Боудена, К. Хамфри, Л. Амбис, Р. Амейон, М. Беффа, Ж. Леграна, Д. Кара, П. Аалто, И. де Рачевильц, Т. Наками, Ш. Озава, И. Шима, и др. Часто информация была получена автором из первых рук, от самих авторов, поэтому степень достоверности очень высокая. Как вспоминает Марк Исаакович, «из западных монголоведов у меня дружеские отношения были с Оуэном Латтимором, продолжают с Вероникой Файт, добрые связи были с Клаусом Загастером, У. Баркманном, Аланом Сандерсом, канадцем Ки Скоттом, немцем Питером Фитце, американцем Джоном Крюгером».

Другая информация получена из различного рода справочников, энциклопедий, периодической печати. Составление биографии

ученого и списка трудов – трудоемкая и длительная исследовательская работа. Примечания занимают значительную часть книг и играют важнейшую информационную роль, иногда даже более важную роль, чем основной корпус монографий. Они вызывают у читателей неизменный интерес и насыщены объемным фактическим материалом о творческом пути отдельных монголоведов. Представляется, что монографии М.И. Гольмана длительное время будут востребованы монголоведами России и мира, а имя ученого войдет в золотой фонд российского востоковедения и монголоведения. Изучение западного монголоведения получило свое продолжение в публикациях и кандидатских диссертациях А.О. Гомбоева (немецкое монголоведение) и А.С. Шмыт-Хеубшман (польское монголоведение). Надеемся, что в России будет развиваться и далее данное перспективное научное направление.

Как хорошо известно, историографические исследования требуют универсальных знаний по истории Монголии, истории научных организаций и источниковедения и документоведения, философии и методологии. М.И. Гольман десятилетиями собирал, анализировал и обобщал объемный материал о развитии и проблемах западного и американского монголоведения. В его работах представлена основательная и убедительная периодизация становления и развития монголоведных научных исследований, выявлены особенности и специфика западной монголистики, предложена развернутая характеристика изучения монгольского языка, истории, экономики и культуры Монголии в США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Китая, Южной Кореи, Италии, Финляндии, Венгрии, Польши, Чехии, Дании, Швеции, Болгарии и других странах мира.

В монографиях М.И. Гольмана представлена развернутая картина развития монголоведных исследований и подготовки кадров в известных центрах монголоведения: в Семинаре по изучению языков и культур Центральной Азии Боннского университета, на Отделении ураловедения и алтаистики Индианского университета, Гарвардском университете, в Великобритании: в Лондонском, Кембриджском, Лидском университетах; во Франции: Центр монголоведения при Лаборатории этнологии и сравнительной социологии (Париж), Институт восточных языков (новая Сорбонна), Центр изучения Центральной Азии в Коллеж де Франс; центр монголоведения Хельсинского университета; в университете

им. Дж. Гопкинса (США), университет штата Вашингтон (г. Сиэтл), Колумбийском университете; в Геттингенский и Мюнхенский университеты в Германии, Саскачеванский и Торонтский в Канаде. Ученый показал особенности языковой и страноведческой подготовки монголоведов, специфику организации научной работы в сфере монголистики. Согласно заключению автора, «подготовка монголистов различного профиля на Западе жидчилась на языковом и страноведческом образовании, причем знания о стране, за исключением языка, литературы, отчасти истории кочевой цивилизации Монголии, закладывались и во многом продолжают закладываться, – и в этом специфика монголоведного образования на Западе, – главным образом в пределах региональных и общих востоковедных курсов и лишь немногих университетах – на базе специальных комплексных, «монгольских» учебных программ» (Гольман, 2004, с. 205).

Специальный раздел исследований российского монголоведа посвящается исследовательской деятельности «монгольских обществ»: «Англо-монгольское общество», «Франко-монгольская ассоциация», «германо-монгольское общество», «монгольское общество» США, «Общество Канада-Монголия», «Финно-монгольская ассоциация дружбы Финляндия-Монголия». Это общественные организации, не политического и не коммерческого статуса, которые способствуют развитию монгольских исследований и углублению научных и культурных контактов с Монголией и популяризации древней культуры кочевой страны и современных достижений.

Марк Исаакович также является крупным специалистом истории российского и монгольского монголоведения, автором многочисленных рецензий на исследования монгольских, российских и западных монголоведов, обзоров деятельности различных монголоведных центров, научных конференций. Поражает также широта научных монголоведных интересов и публикаций ученого: монгольское источниковедение, история русско-монгольских и советско-монгольских отношений, современная истории и геополитика Монголии, монгольская и западная историография Монголии.

Значительное число публикаций М. И. Гольмана посвящено проблемам новой истории Монголии и развитию русско-монгольских отношений, вопросы источниковедения и историографии этого периода монгольской истории. Об этом свидетельствуют

следующие статьи: «Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г.» (1959 г.), «Русские архивные материалы по истории Монголии в середине 50-х-80-е годы ХУП в.» (1986 г.), «Ценный правовой источник по истории Монголии ХУП-ХУШ вв.» (1997 г.),

«Русские архивные материалы о взаимоотношениях России и Монголии в 30–50-годах ХУП в.» (1965 г.) (совместно с Г.И. Слесарчук), «Русские архивные материалы об отношениях Галдана Бошокту хана с Российским государством» (1997 г.). Эта тематика была связана с подготовкой известного сегодня монголоведом России и мира многотомника по истории русско-монгольских отношений в ХУП веке и очень жаль, что М.И. Гольман не завершил данное направление исследований монографической работой.

Блестящий знаток современного монгольского языка М.И. Гольман не только владеет современной монгольской историографией, но и выступает переводчиком монгольской художественной литературы, в частности, перевел на русский с монгольского произведения Б. Няма «Мы втроем», роман Д. Гарма «Земля и небо» (1983 г.), Ж. Лодой «Битва» (1987 г.), монографию академика Б. Ширендыба «Хатан-Батор Максаржаб» (1980 г.). Особое место среди переводов занимает последняя из названных книг известного историка о прославленном полководце народной революции 1921 г., крупном государственном и политическом деятеле Монголии.

Тесные и теплые отношения связывают Марка Исааковича с монгольскими историками, обществоведами и творческими работниками Монголии. Особенно близкие отношения сложились с Б. Ширендыбом, Ш. Бира, Ш. Нацагдоржем, З. Лонжидом, Ц. Ишдоржем, Ц. Пунцагноровом, Н. Хишигт, Ч. Дашдаваа, С. Чулууном и многими другими исследователями истории средневековой, новой и новейшей истории Монголии. Как вспоминает Марк Исаакович, «не скромничая, я могу считать себя и коллегой и другом Б. Ширендыба, Ш. Биры. Дружил с философами С. Норовсамбу, Д. Дашжамцем, археологом Н. Сэроджавом, историками Ш. Сандагом, С. Дашцэвгом. Тесно общался с историками Ш. Нацагдоржем, филологом Ц. Дамдинсурэном, языковедом А. Лувсандэндэвом» (из письма М.И. Гольмана от 19 августа 2016 г.).

Марк Исаакович принимал активное участие в подготовке крупных обобщающих работ «Монгольский сборник» (1959 г.), «МНР.1921-1961гг.» (1961 г.), «История профсоюзного движения в

МНР, ДРВ, КНДР, КНР. Учеб. мат. к лекциям» (1974 г.), «История МНР» (1983 г.), «История советско-монгольских отношений» (1981 г.), «Общественные науки в МНР» (1977 г.), сборников документов «Материалы по истории русско-монгольских отношений. Русско-монгольские отношения» (1959 г.), «Русско-монгольские отношения. Сб. документов» (1974 г.), «История Востока. Восток в новое время», «История Монголии. XX век» (2007 г.). Ученый обладает высокой научной репутацией и признанием в российском и мировом монголоведении. В данных коллективных работах М.И. Гольман выполнял сложную, но необходимую работу по источниковедческому и историографическому анализу источников и литературы. В докладах всероссийской научной конференции «Владимирцовские чтения-5» (2006 г.) в качестве приложения опубликован «Обзор источников и литературы по истории Монголии XX века» (с.252–270), в котором представлен обстоятельный обзор опубликованных исторических источников (документов, мемуаров, архивных материалов), так российской, монгольской и западной литературы. Обозначены и перспективные направления дальнейших исследований в данной области источниковедения и историографии.

Много десятилетий в Секторе Монголии ведется напряженная работа по подготовке к публикации документов по истории русско-монгольских отношений, в которой М.И. Гольман принимает непосредственное участие. Также он является составителем тома документов и материалов «Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Том 1. 1921–1940» (1975 г.). Совместно с советскими и монгольскими историками М.И. Гольман ввел в научный оборот значительное число новых и оригинальных исторических источников.

Марк Исаакович всегда проявляет неподдельный интерес к проблемам современной Монголии, ее политике, экономике, культуре, внешней политике. Периодически появляются его глубокие и аналитические статьи на данные темы. Это взгляд не постороннего наблюдателя, а человека и ученого переживающего за трудности, проблемы монгольского народа. Вот перечень только некоторых его статей: «По пути демократических реформ» (1996 г.), «Смена власти в Монголии (о выборах 2000 г.)» (2001 г.), «Монголия и Россия после визита В.В. Путина» (2002 г.), «Монголия. Долгое эхо бурного лета 2008 –го» (2009 г.), « Была ли в Монголии попытка «цветной революции» (2008 г.), «Монголия. Долгое эхо бурного лета

2008-го» (2009 г.), «Президент Эльбэгдорж развеял мифы» (2010 г.), «От спада до стратегического партнерства: российско-монгольские отношения» 1990-2010гг.» (2011 г.), «Победа демократов» (2012 г.), «Монголия, демократы снова у власти» (2013 г.), «Монголия: планы и свершения» (2014 г.), «Монголия и США крепят сотрудничество в оборонной области» (2015 г.), «Тревожные времена в экономике Монголии» (2015 г.). Современные процессы в Монголии, проблемы экономических и политических реформ, культ Чингис-хана и возрождение буддийской церкви, а также новые тенденции в геополитическом положении и внешней политике Монголии нашли серьезное отражение в монографии М.И. Гольмана «Современная Монголия в оценках западных авторов» (2009 г.).

В 2014 году в Монголии вышла в свет новая книга М.И. Гольмана «Избранные статьи и доклады», которая вызвала значительный интерес монголоведов мира, прежде всего российских и монгольских. Она свидетельствует, что ученый находится в прекрасной творческой форме и плодотворно трудится и можно ждать новых публикаций Мастера и Патриарха российского монголоведения.

Всегда активный и жизнерадостный, Марк Исаакович является душой коллектива и компании. Многие годы он активно занимается спортом, горными лыжами, зимним моржеванием. Вместе с тем для М.И. Гольмана характерна скромность истинного ученого, которому были чужды показуха, словословие, он никогда не выделял свои работы, хотя по цитируемости его научных публикаций (не РИНЦ), мало кто в монголоведении может с ним сравниться. Небольшой, но дружный и сплоченный коллектив сектора Монголии, в составе И.Я. Златкина, С.К. Рощина, Л.М. Гатауллиной, Г.С. Матвеевой-Яскиной, Г.С. Гороховой, Г.И. Слесарчук, В.В. Грайворонского, А.С. Железнякова, Е.В. Бойковой, А.Д. Цендиной, К.В. Орловой, Р.Т. Сабирова всегда объединял Марк Исаакович Гольман. Интеллигентный, ироничный и остроумный М.И. Гольман пользуется высоким научным авторитетом в Институте Востоковедения РАН и среди московских и российских востоковедов и монголоведов.

В 2014 году М.И. Гольман избран почетным доктором Института истории Академии наук Монголии, что свидетельствует о высоком научном признании российского ученого международным сообществом монголоведения. В 2014 году по инициативе директора Института истории и археологии АН Монголии, доктора

С. Чулууна в Монголии был издан сборник работ М.И. Гольмана «Избранные статьи и доклады», в который вошли основные публикации известного ученого.

Научная и общественная деятельность М.И. Гольмана высоко оценена на родине и за рубежом. За успешную научную деятельность в области монголоведения он награжден орденом «Полярной Звезды», медалью «Дружба», золотой медалью Хубилая, почетными грамотами Министерства образования и науки России.

История российского монголоведения второй половины XX века – начала XXI вв. неразрывно связана с именем и творческой деятельностью Марка Исааковича Гольмана – историка, источниковеда, историографа истории Монголии в новое и новейшее время. Все, кому посчастливилось работать с этим замечательным человеком, общаться с ним и учиться у него, сохраняют уважение, благодарность и признательность талантливому ученому. От всей души желаем глубокоуважаемому Марку Исааковичу продолжать оставаться энергичным, искренним и душевным человеком.

Список некоторых трудов М.И. Гольмана:

1. Гольман М.И. Проблемы новейшей истории МНР в буржуазной историографии США. – М.: 1970.
2. Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.). – М.:1988. – 221 с.
3. Гольман М.И. Монголоведение на Западе (центры, кадры, общества). 50-е гг. – начало 90-х гг. XX в. – М.:1998. – 270 с.
4. Гольман М.И. Современная Монголия в оценках западных авторов. – М.: ИВ РАН, 2009. – 192 с.
5. Гольман М.И. Зарождение монголоведения в Японии// Владимирцовские чтения. Тез. докл. и сообщ. – М.:1989. – С.14–16
6. Гольман М.И. Изучение новой истории Монголии в современной монгольской историографии//Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал. – т.1. – Улаанбаатар, 1978. – С.82–89
7. Гольман М.И. К периодизации развития монголоведения на Западе (50–90-е гг.)//Владимирцовские чтения III. Докл. и тез. – М.: 1995. – С.51–56
8. Гольман М.И. Международная ассоциация монголоведов// Восток. –М., 1991. –№3. – С.126–129.
9. Гольман М.И. Монголоведение в КНР (из путевых записей) // Восток, – М.:1991. – № 6. – С.140–144

10. Гольман М.И. Монголоведение в США//Эрдэм шинжилгээний огууллэгууд. – Улаанбаатар, 1966. – С.63–92
11. Гольман М.И. Некоторые черты современного развития исторической науки в МНР// 5 международный конгресс монголоведов. Докл.сов.дел. – Ч.1. –М., 1987. – С.27–36
12. Гольман М.И. Проблемы новой истории Монголии//Общественные науки в МНР. – М.:1977. – С.65–106
13. Гольман М.И. Развитие монголоведения в Китае// Восток. – 1999. – №3. – С.145–148
14. Гольман М.И. Слово об Илье Яковлевиче Златкине (1898-1990) // Бюл. Общества монголоведов. – М.:1993. – С.184–187
15. Гольман М.И. Ц. Ж.Жамцарано глазами западных монголоведов// Цыбен Жмацарано: жизнь и деятельность. Докл. и тез. науч. конф. – Улан-Удэ, 1991. – С.81–83
16. Гольман М.И. О материалах западных центральноазиатских экспедиций по Монголии (20–30-е гг.) // Исследования по истории и культуре Монголии. – Новосибирск, 1989. –С.117–126
17. Гольман М.И. Публикации западных путешественников по Монголии второй половины XIX – начала XX в.// Всерос. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. акад. Б.Я. Владимирцова. Тез. докл. – М.:1984 – С.59–61
18. Гольман М.И. Русские архивные документы по истории Монголии в середине 50-х-80-е годы ХУП в.// MONGOLICA. Памяти акад. Б.Я. Владимирцова.1884–1931. – М., 1986. – С.137–149
19. Гольман М.И. Русские архивные материалы по истории Монголии 60–80-х годов ХУП века// Олон улсын монголч эрдэмтний П их хурал. – Т.1. – Улаанбаатар, 1972. – С.108–113
20. Гольман М.И. Русские архивные материалы об отношениях Галдана Бошокту хана с Российским государством//Altaica 1. – М., 1997. –С.46–63
21. Гольман М.И. Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г.// Монгольский сборник. Экономика, история, археология. – М., 1959. – С.139–162
22. Гольман М.И. Ценный источник по новейшей истории МНР// КСИНА. – Вып. 76. Материалы к хронике советского востоковедения. История Монголии и Китая. – М., 1965. – С.191–194.
23. Гольман М.И. Ценный правовой памятник по истории Монголии ХУП-ХУШ вв.// УП Межд. конгресс монголоведов. Докл. рос. дел. – М., 1997. – С.20–23
24. Гольман М.И., Слесарчук Г.И. Русские архивные материалы о взаимоотношениях России и Монголии в 30–50-х годах ХУП в. (Краткий обзор) // КСИНА. – Вып. 76. – М., 1965. –С.166–181

25. Гольман М.И. К вопросу о национальной консолидации монголов// Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива. Мат-лы конф. – М., 1997 –С.120–127
26. Гольман М.И. К вопросу о теории некапиталистического развития// Олон улсын монголч эрдэмтний У1 их хурал. Илтгэлүүдийн товчлоо. – Улаанбаатар, 1992. – С.128–129
27. Гольман М.И. К проблеме национальной безопасности Монголии// Монголия: актуальные вопросы национальной безопасности. – М., 1998. – С.91–94
28. Гольман М.И. Международное значение советско-монгольской дружбы и сотрудничества// История советско-монгольских отношений. – М., 1981. – С.283–294
29. Гольман М.И. Профсоюзное движение в МНР//История профсоюзного движения в МНР//История советско-монгольских отношений. – М., 1981. – С.271–282
30. Гольман М.И. Изучение средневековой истории Монголии// Советское монголоведение (1917-1987). – М., 1987. – С.41–56
31. Гольман М.И. Монголоведение в СССР//Бюл. Межд. ассоц. мон г. – Улаанбаатар, 1992, №1, 2. – С.103–116
32. Гольман М.И. Конференция «70 лет народной революции в Монголии//Восток. – М., 1991. – №6. – С.145–146
33. Гольман М.И. Международный форум монголоведов//Народы Азии и Африки. – М., 1971. – №2. –С.228–232
34. Гольман М.И. Научная сессия, посвященная 40-летию провозглашения МНР//Народы Азии и Африки. – М., 1965. – №2. – С.190–191
35. Гольман М.И. 50-летие МНРП (Научная сессия в ИВ АН СССР) // Народы Азии и Африки. – М., 1971. – №4. – С.226–229
36. Гольман М.И., Цендина А.Д. Владимирцовские чтения//Восток. – М., 2000. – №4. – С.146–151
37. Гольман М.И., Шевернина З.В. Всесоюзная научная конференция по проблемам монголоведения// Народы Азии и Африки. – М., 1985. – №3. – С.131–133.

**«Он знает почти каждого монгольского арата»:
К 80-летию со дня рождения В. В. Грайворонского,
доктора исторических наук, заведующего и главного
научного сотрудника Сектора Монголии Института
Востоковедения РАН**

4 апреля 2017 года исполнилось 80 лет со дня рождения известного российского монголоведа Владимира Викторовича Грайворонского, доктора исторических наук, почетного доктора Института международных исследований Монголии, заведующего сектором Отдела Монголии и Кореи Института Востоковедения Российской Академии наук. В.В. Грайворонский – почетный член Международной ассоциации монголоведения, заместитель председателя Российского общества монголоведов, автор фундаментальных трудов по истории, экономики, науки и культуры современной Монголии, организатор целого ряда международных и всероссийских научных конференций.

Владимир Викторович более 60 лет своей творческой жизни посвятил исследованию Монголии, гармонично сочетая научную и дипломатическую деятельность. Невероятно высок авторитет и профессионализм юбиляра в области монголоведения, особенно в области изучения монгольского общества XX века и аграрного сектора монгольской экономики, его трансформации в различные периоды развития: перехода монгольского села (худона) на оседлость и обратный процесс реномадизации на современном этапе. Как шутят коллеги в Секторе Монголии, Владимир Викторович знает почти каждого монгольского арата. Длительные научные и служебные командировки по многим аймакам и сомонам Монголии, прекрасное владение экономическими и статистическими данными в сфере сельского хозяйства Монголии и экономики страны в целом, глубокий и искренний интерес и уважение к труду монгольского труженика-скотовода, прекрасное владение разговорным монгольским языком позволили стать ведущим монголоведом современной России, труды которого хорошо известны в мировом монголоведении. Его работы хорошо известны в странах мира, где развито монголоведение: в Великобритании, Германии, Польше, Чехии, Болгарии, Венгрии, США, Китае, Республике Корея и других.

Кто однажды побывал в прекрасной и солнечной Монголии, гостеприимной и доброжелательной, тот постоянно будет сюда

возвращаться к истинным ценностям восточной культуры, уважения к старшим и Учителям, ценностям искренней дружбы и взаимной помощи. Востоковеды и монголоведы чрезвычайно привязаны к кочевой стране, увлечены изучением оригинальной культуры нomaдизма, ее сохранения и адаптации к изменяющемуся внешнему миру. Владимир Викторович входит в небольшую и увлеченную группу современных российских монголоведов, которые преданы изучению Монголии, живут ее проблемами, трудностями и успехами.

В. В. Грайворонский родился в Харькове в семье служащих. В 1954 году окончил среднюю школу в Харькове с серебряной медалью и в том же году и поступил в престижный в СССР институт МГИМО, на монгольское отделение Восточного факультета. Успешно освоил современный монгольский язык и старописьменный язык монголов (преподаватели: известные ученые Г. Д. Санжеев, А. Р. Ринчинэ, М. Ф. Козырев), а также историю, географию и экономику страны.

В 1960 г. В. В. Грайворонский успешно окончил МГИМО и был направлен переводчиком монгольского языка в Центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ, где плодотворно проработал до 1966 года. Общение с монгольскими студентами способствовало совершенствованию монгольского языка, непосредственное общение с носителями монгольской культуры обогатило понимание менталитета молодежи Монголии, пониманию социальных процессов в монгольском социалистическом обществе.

В 1966 году начинается новый этап в творческой биографии В. В. Грайворонского и он становится научным сотрудником Сектора Монголии (зав. сектором, доктор исторических наук С. Д. Дылыков) Института Востоковедения и начинает успешную научную карьеру. Темой научного исследования он избирает современное монгольское общество, хозяйство и быт кочевников страны, сложные социальные процессы радикальных преобразований и эволюции кочевого хозяйства. Кандидатская диссертация «Некоторые проблемы оседания кочевников (опыт МНР. 1921 – начало 1970-х гг.)», была успешно защищена в 1974 году. В 1979 г. она была доработана и опубликована под названием «От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР)». В книге был дан основательный научный анализ основных тенденций, форм и особенностей объективного процесса оседания кочевников в Монголии, который носил директивный характер, иногда внутренний

естественный процесс, который ускорился во второй половине XX в. в результате существенных изменений в монгольской экономике и во всей общественной жизни страны. Монография получила положительные отзывы в России, Монголии, Европе и США, сделала существенный шаг в изучении современных процессов Монголии и заняла свое достойное место в монголоведной историографии.

В последующие годы В. В. Грайворонский напряженно работает по данной тематике, публикует целый ряд статей и разделов в коллективных работах Института Востоковедения РАН. В развернутой форме вопросы монгольского номадизма были проанализированы в 1995 году в докторской диссертации В. В. Грайворонского «Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995 гг.)». В работе были использованы полевые, статистические и экономические материалы ученого за длительный период изучения проблемы. Диссертация была написана на стыке целого ряда научных дисциплин: истории, этнологии, экономики, социологии, а также на основе современной методологии.

Это – комплексное исследование основных изменений, которые произошли в социально-политическом и социально-экономическом положении аратства на заключительном этапе существования социалистической системы и на начальной фазе форсированного перехода от старой модели развития к новой, основанной на рыночных отношениях. Дана подробная классификация актуальных социальных проблем, проанализированы перемены в уровне и качестве жизни сельского населения. Отдельная глава посвящена теоретическим и практическим аспектам проблемы номадизма и седентаризации (перехода на оседлость) в условиях современной Монголии. Автор выявил и кратко описал новый феномен реномадизации в Монголии в первой половине 1990-х гг.

Своими научными учителями в монголоведении В. В. Грайворонский считает академика Б. Я. Владимирцова, монография которого «Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм» является образцом научного исследования; И. Я. Златкина, С. Д. Дылыкова. Владимиру Викторовичу очень повезло с коллегами Сектора Монголии Отдела Монголии и Кореи, которые всегда окажут помощь и поддержку, нужную консультацию и совет. Это С. К. Рошин, М. И. Гольман, Е. В. Бойкова, А. Д. Цендина, С. Л. Кузьмин, К. В. Орлова, А. С. Жезезняков, А. В. Воронцов, Ю. В. Ванин, Б. Б. Пак.

В 1982–1988 гг. В.В. Грайворонский – сотрудник Посольства СССР в МНР, в 1996–2000 гг. – Советник Посольства России в Монголии.

Для научных публикации Владимира Викторовича Грайворонского характерны документальная основательность, убедительность приводимых аргументов, глубокое знание предмета исследования, отсутствие легковесных положений, не подтвержденных логикой исследования или достоверными статистическими данными. Основные крупные научные результаты неумолимого изучения истории, экономики, науки и культуры Монголии XX века: «От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР)» (1979 г.), «Кооперированное аратство МНР: изменения в уровне жизни. 1960–1980 гг.» (М., 1982), «Монголия: изменения в структуре семейных бюджетов сельского населения при переходе от социалистической модели развития к рыночной» (1996 г.), «Реформы в социальной сфере современной Монголии» (М., 2007), «Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Внутренней Монголии (Китай) и Монголии в конце XX – начале XXI в.» (2014 г.).

Владимир Викторович – один из основных авторов и ведущих редакторов коллективных работ последнего времени, выпущенных сектором Монголии Института Востоковедения РАН: «Россия и Монголия: новый взгляд на историю взаимоотношений в XX веке» (М., 2001), «История Монголии. XX век» (М., 2007), «Россия и Монголия на пути стратегического партнерства» (М., 2011), «Российское монголоведение. Бюллетень VI.» (2012 г.), «Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура» (Иркутск, 2013 г.), «Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности» (М., 2013), «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX века. 7 том» (Иркутск, 2016 г.). Данные фундаментальные работы российских и монгольских ученых являются своеобразным ориентиром для ученых и молодых исследователей-монголоведов и востоковедов, имеют знаковый характер для современного монголоведения.

В.В. Грайворонский часто выступает в роли рецензента наиболее крупных исследований монгольских ученых, посвященных сложным и концептуальным проблемам истории и экономики Монголии XX века, монгольской революции 1921 года, а также эконо-

мическим и социальным процессам, происходящим в монгольском обществе на современном этапе развития. Эти публикации всегда интересны российским монголоведам, имеют важное значение для монгольских авторов, которые получают взвешенную и тонкую оценку своего научного труда. Неоднократно В.В. Грайворонский выступал в качестве переводчика с монгольского на русский язык статей и разделов книг монгольских исследователей, что несомненно способствует сближению позиций двух школ монголоведения и лучшему взаимному пониманию.

Свободное владение монгольским языком позволяет получать не только информацию из опубликованных источников, но и непосредственно от ее носителей, монгольских скотоводов в полевых социологических опросах. В.В. Грайворонский пользуется высоким авторитетом среди российских и монгольских ученых-монголоведов. В 2013 году ему присвоено высокое звание почетного доктора Института международных исследований Академии наук Монголии. Ранее, в 2011 году В.В. Грайворонский был награжден Орденом Полярной Звезды.

Хочется пожелать уважаемому Владимиру Викторовичу от имени Центра изучения Монголии Байкальского государственного университета и сибирских монголоведов доброго здоровья, дальнейших творческих успехов на благо российского монголоведения и укрепления российско-монгольских отношений.

Список опубликованных работ В.В. Грайворонского:

Монографии:

- Грайворонский В.В. От кочевого образа жизни к оседлости (на опыте МНР). – М., 1979.
- Грайворонский В.В. Кооперированное аратство Монголии: изменения в уровне жизни (1960–1980 гг.). – М., 1982.
- Грайворонский В.В. Монголия: изменения в структуре семейных бюджетов сельского населения при переходе от социалистической модели развития к рыночной. – М., 1996.
- Грайворонский В.В. Современное аратство Монголии: социальные проблемы переходного периода (1980–1995 гг.). – М., 1997.
- Грайворонский В.В. Реформы в социальной сфере современной Монголии. – М., 2007.
- Грайворонский В.В. Изменения в уровне жизни населения Бурятии (Россия), Монголии и Внутренней Монголии (Китай) в конце XX – начале XXI вв.

- Автор и член редколлегии коллективных монографий «История Монголии. XX век» (М., 2007), «Россия и Монголия на пути стратегического партнерства» (М., 2011) и др.
- Грайворонский В. В. О вкладе А. Д. Симуква в изучение кочевого животноводства и земледелия в Монголии // А. Д. Симуков. Труды о Монголии и для Монголии. Т. 1. Сост. Юки Конагая, С. Баяраа, И. Лхагвасурэн. Государственный музей этнологии Японии. Сер. *Senri Ethnological Reports*. – Осака, 2007. – № 66. – С. 75–83.
- Грайворонский В. В. Торгово-экономическое сотрудничество между Россией, Монголией и Китаем: основные направления и перспективы. // Монгол, Орос, Хятад: XXI зуунд хөгжлийн төлөө хамтдаа (Монголия, Россия, Китай: вместе к развитию в XXI в.). – УБ., 2009. – С. 92–106.
- Грайворонский В. В. Монголия: Халхин-Гол и Вторая мировая война (Взгляды современных монгольских историков) // Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. – М.: Вече, 2010. – С. 158–182.
- Graivoronsky V. Mongolian Modern Nomadic Herders: Renovations and Challenges. // The International Conference on “Cultural Diversity of Nomads”. – УБ., 2011. – P. 107–109.
- Грайворонский В. В. Модернизация железнодорожного транспорта в Монголии и роль российско-монгольского сотрудничества. // Ежегодник «Восточная аналитика». – М.: ИВ РАН, 2011. – С. 123–130.
- Грайворонский В. В. Современная монгольская историография о Халхингольской войне, Второй мировой войне и признании международного статуса МНР // Восток (Oriens). – 2011. – № 5. – С. 174–183.
- Грайворонский В. В. Концепция внешней политики Монголии // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 2. – С. 56–69.
- Грайворонский В. В. Государственная политика Монголии по поддержке монголоведения // *Mongolica. An International Journal of Mongol Studies*. – Vol. 1 (45). – УБ., 2012. – P. 84–90.
- Грайворонский В. В. О развитии монголоведения в Институте востоковедения РАН (2000–2009 гг.) // Российское монголоведение. Бюллетень VI. – М.: ИВ РАН, 2012.
- Грайворонский В. В. Монголия. Разделы «Общие сведения», «Население», «Хозяйство» // Большая Российская энциклопедия. – М.: Науч. изд-во «БРЭ», 2012. – Т. 20. – С. 733–734, 736–737, 744–747.
- Грайворонский В. В. Интересы и позиции России в современной Монголии // Интересы и позиции России в Азии и Африке в начале XXI в.: сб. ст., посв. 80-летию А. М. Хазанова. – М.: ИВ РАН, 2012.

- Грайворонский В.В. Крупный научный центр востоковедения на Востоке (к 90-летию ИМБТ СО РАН) / В.В. Грайворонский, В.В. Наумкин // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. – 2012. – № 3.
- Грайворонский В.В. К 100-летию со дня рождения Базарын Ширендыба // Восток (Oriens). – 2012. – № 5. – С. 201–203.
- Graivoronsky V. Buryatia (Russia), Mongolia, Inner Mongolia (China) : Changes in the Living Standards of the Population in 1990–2010 // The History and Culture of the Mongols in the 20th Century. Collection of the Treatises in the 2011 International Symposium in Ulaanbaatar. – Fukyosha, Tokyo. – 2012. – № 1.
- Грайворонский В.В. К 125-летию со дня рождения Б.З. Шумяцкого // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – № 1 (8).
- Грайворонский В.В. О торгово-экономических отношениях между Россией и Монголией в первой четверти XX в. // Россия и Монголия на рубеже XIX–XX вв.: экономика, дипломатия, культура: сб. ст. – Улан-Батор – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2013. – С. 48–54.
- Грайворонский В.В. Проблема бедности в России, Китае и Монголии: параметры, общее и особенное // Россия, Китай и Монголия: вместе навстречу вызовам современности. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 126–136.
- Н. Хишигт: Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй) // Восток (Oriens). – № 2. – 2013. – С. 199–206.

Проблемы русско-монгольских связей конца XIX – начала XX вв. в исследованиях Е.М. Даревской

В исторической науке сложилась устойчивая традиция изучать работы, дневники и отчеты крупных ученых и путешественников, использовать их материалы в научных исследованиях, а работы ученых, считающихся как бы «рангом ниже», не замечать и не вовлекать в научный оборот. Как писал великий русский поэт А.С. Пушкин «мы ленивы и не любопытны».

Небольшой круг специалистов-монголоведов знают исследования иркутского историка Е.М. Даревской. К сожалению, большинство ее статей опубликованы в малотиражных изданиях Иркутска, Улан-Удэ и Улан-Батора, и являются, во многих случаях, малодоступными для широкого круга ученых, интересующихся историей Монголии, русско-монгольских отношений конца XIX – начала

XX вв. Сказались также неполнота и несовершенство советской научной библиографии, отсутствие должного и оперативного учета работ, выходящих в периферийных изданиях. Одна из самых существенных причин малой известности работ Е. М. Даревской – отсутствие до последнего времени опубликованных книг не по вине автора. А между тем статьи Е. М. Даревской поражают своей удивительной новизной постановки проблем, оригинальностью вводимого в научный оборот исторического материала, точными и убедительными выводами.

По мнению известного советского ученого – монголоведа И. Я. Златкина, «Е. М. Даревская сумела выявить и ввести в научный оборот большое количество новых, ранее неизвестных документальных материалов, которые в своей совокупности ярко и конкретно раскрывают суть и характер русско-монгольских отношений в эпоху империализма, равно как и политики царизма в Монголии и деятельности в этой стране прогрессивных кругов российской общественности, давая богатый материал, подтверждающий известное положение Ф. Энгельса о прогрессивной роли России на Востоке. Данные архивные материалы составляют главную, если не единственную источниковедческую базу всех трудов Е. М. Даревской. Это обстоятельство дает основание считать ее труды серьезными и оригинальными исследованиями, представляющими немалый вклад в наше советское востоковедение»¹.

Елена Марковна Даревская, со школьных лет увлеченная гуманитарными науками, в 1938 г. поступила на исторический факультет широко известного в предвоенные годы Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ), где проучилась три года. Большое влияние на ее формирование как исследователя оказали крупные советские историки: М. Н. Тихомиров – знаток истории Древней Руси, С. С. Дмитриев – авторитет по истории общественной мысли и культуры России XIX в.

Великая Отечественная война прервала ее учебу в институте. Оказавшись в Иркутске, она поступает на работу в Иркутский медицинский институт. В 1943 году, не оставляя работу в медицинском институте, продолжила учебу на историческом отделении историко-филологического факультета Иркутского университета и в 1945 г. с отличием его закончила.

Интерес к Монголии у Е. М. Даревской зародился во время учебы в университете, в семинаре «Японо-китайские отношения»,

который вел профессор из Одесского университета И.И. Белякевич. Он предложил заняться монгольской тематикой, поскольку в Иркутском архиве имелся значительный пласт оригинальных исторических материалов по истории русско-монгольских отношений.

Тема дипломной работы «Национально-освободительное движение в Монголии в 1907–1913 гг. и Россия» определила дальнейшую научную судьбу Е.М. Даревской.² В обстоятельном отзыве на ее дипломную работу Н.П. Шастина отметила, что вторую главу «можно с успехом рекомендовать к печати в том виде, в каком она есть. Она представляет собой небольшое, но интересное исследование по истории Монголии», а четвертая глава была охарактеризована как «самая большая глава работы и в ней способности молодого автора к историческому анализу, к критической оценке событий сказались со всем блеском. Читаешь эту главу с безусловным интересом и вниманием»³.

41 год Е.М. Даревская плодотворно проработала на историческом факультете Иркутского государственного университета, читала курсы: «Россия и Монголия», «Россия и страны Дальнего Востока», «Русский исторический роман (историческая достоверность)», «Общественное движение 60–80-х гг. XIX в.».

Для лекционных курсов и спецсеминаров Е.М. Даревской характерно обращение непосредственно к историческим источникам, их всестороннему анализу, постановка и освещение спорных, дискуссионных вопросов, что является полезной школой исследовательской работы для студентов.

За время работы было опубликовано более 70 статей, подготовлено 4 монографии, посвященных русско-монгольским связям, носящих новаторский характер.

Новизна работ Е.М. Даревской определялась прежде всего тем, что она выбирает для исследования вопросы, которые мало или вовсе не изучены ее предшественниками, или требуют пересмотра или уточнения.

Все статьи, без исключения, носят неповторимый характер постановки проблем, использованием новых исторических источников, архивных материалов и периодической печати Иркутска, Улан-Удэ, Кяхты, Читы, Москвы и С.-Петербурга по истории русско-монгольских связей. В любой, самой маленькой миниатюре, она стремится к исчерпывающей полноте использования источников, их критического анализа и сопоставления. Поэтому

ее публикации вызывают большой интерес российских и монгольских историков, пользуются глубоким уважением.

Своими материалами она опровергла многие устоявшиеся в исторической литературе стереотипы: о новых тенденциях в экономике Монголии на рубеже веков, степени культурности ее русских жителей и других аспектов связей. Е. М. Даревская открыла много имен русских деятелей, внесших заметный вклад в развитие и упрочение русско-монгольских отношений.

Своей неутомимой деятельностью по изучению русско-монгольских связей Е. М. Даревская продолжила лучшие традиции русских и советских монголоведов: А. Игумнова, А. Бобровникова, Д. Банзарова, И. А. Подгорбунского, Г. Н. Потанина, Н. Н. Козьмина, Н. П. Шастиной, ранее работавших в Иркутске.

Е. М. Даревская лично много сил отдала подготовке к изданию книги А. В. Бурдукова «В старой и новой Монголии» (1969 г.)⁴, имевшей большой научный резонанс. Книга воспоминаний А. В. Бурдукова «В старой и новой Монголии» – ценный исторический источник, наблюдения правдивого человека, доброжелательно относящегося к монголам и пользующегося у них уважением, о событиях национально-освободительного движения 1911–1912 гг. и накануне революции 1921 г. в Западной Монголии. Кроме воспоминаний в книге представлена очень ценная переписка А. В. Бурдукова с учеными монголоведами В. Л. Котвичем, Б. Я. Владимирцовым за 1909–1923 гг. В этой книге Е. М. Даревская, используя архивные материалы, периодику и литературу, подготовила обширные комментарии, носящие в книге самостоятельный характер. Каждый комментарий – это небольшой этюд об историческом событии или историческом лице, так или иначе связанном с Монголией.

Мемуары переведены и изданы в 1987 г. на монгольском языке, сейчас готовится их публикация в ФРГ, комментарии Е. М. Даревской будут представлены в уточненном и расширенном варианте.

В 1994 г. в издательстве Иркутского университета вышла в свет ее крупная монография «Сибирь и Монголия: Очерки истории русско-монгольских связей конца XIX – начала XX вв.», которая подвела итоги многолетним изысканиям неутомимой исследовательницы⁵.

Все монголоведческие статьи Е. М. Даревской условно можно разделить на несколько групп. На первом плане – экономические

связи России с Монголией и их влияние на экономику и социальные отношения Монголии; во-вторых, цикл статей посвящен русско-монгольским культурным связям (роль ургинской школы переводчиков, значение медицинской и ветеринарной помощи России Монголии); в-третьих, статьи, анализирующие проблемы внутренней жизни русской колонии в Урге и ее влияние на монгольское общество в период первой русской революции 1905–1907 гг., Февральской буржуазно-демократической революции, Октябрьской революции 1917 г. и гражданской войны, и, наконец, впервые в декабристоведении она обратила внимание на проблему: Декабристы в Забайкалье и соседние страны, в том числе Монголия и Китай.

В экономических связях, в которых наиболее изучена торговля, она выделяет для исследования вывоз капиталов из России в Монголию и влияние их на экономические и социальные отношения Монголии. В 1940–1950-х гг. в монголоведении, и вообще в советской исторической науке господствовали схематизм, догматизм, цитатомания, умаление уровня развития экономики и культуры дореволюционной Монголии, утверждался тезис, что подлинная история страны началась только после народной революции, что в Монголии господствовал иностранный торгово-ростовщический капитал, который не мог изменить экономической структуры страны. Поэтому и русские капиталы не оказывали никакого влияния ни на экономику, ни на социальные отношения Монголии.

Заслугой Е.М. Даревской является то, что она и тогда в своих исследованиях исходила не из схем, дат и цитат, а из анализа конкретного материала и показала, что в Монголии имелся не только торгово-ростовщический капитал, но и промышленный, на основе которого развивались предприятия с применением наемного труда, в том числе и труда монголов, которые уже в 1910 г. применяли, и не впервые – стачки, специфическое пролетарское средство борьбы за отстаивание своих экономических интересов⁶.

Новизну трактовки Е.М. Даревской поддержали монголоеды Г.Н. Румянцев, Н.П. Шастина, В.И. Дулов. Но в печать статью упорно не пропускали и только 1963 г. удалось ее опубликовать в возобновленных «Трудах» ИГУ. Эта тема была продолжена и углублена и в статье «Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии» (1968), где введены в научный оборот новые документы о деятельности акционерного

общества «Монголор», занимавшегося добычей золота. Эти данные позволили уточнить сведения об объеме вывоза капитала из России в Монголию (не 11 млн., а более 14 млн. руб.)⁷.

Из других наименее изученных аспектов экономических связей Е. М. Даревская осветила «Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири (1983)⁸, наиболее ярко проявившееся в Кяхте и Иркутске, где сибиряки питались мясом монгольского скота и для обработки монгольского сырья создавали кожевенные, овчинно-шубные, мыловаренные и другие перерабатывающие предприятия.

Дипломатические и политические отношения России с Монголией, связанные с провозглашением независимости Халхи и обращением за помощью к России, относительно хорошо изучены и освещены в литературе (И. Майский, А. Грумм-Гржимайло, А. Попов, Б. Ширендыб, коллективные сборники и монографии советских и монгольских общественников). Поэтому Е. М. Даревская их не освещает повторно. Она исследует малоизвестные вопросы этой темы, в частности «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг., «Партизанский отряд Тохтохо-гайджи в Сибири»⁹. Вторая из названных статей – глава из дипломной работы 1945 г., опубликованной только через 30 лет. И хотя за это время Ш. Б. Чимитдоржиев опубликовал статью на эту тему по материалам центрального архива, в статье Е. М. Даревской есть более подробные сведения из первичных материалов Иркутского архива и местных газет: о составе отряда, сведения о его деятельности в Монголии, о пребывании в Забайкалье, о противоречиях между Тохтохо и Баиром, об изучении русского языка сыном Тохтохо и преподавании монгольского казакам, о посещении Тохтохо Иркутска.⁹

В докладе «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911–1915 гг., представленном на IV Конгресс монголоедов, показаны позиции основных политических партий и социальных групп России по вопросу о судьбе Монголии после провозглашения независимости и обращения за помощью к правительству России: правых черносотенных партий, кадетов, октябристов, народнических партий, социал-демократов и большевиков, особо выделены позиции сибирской буржуазии и интеллигенции.¹⁰

Большое внимание Е. М. Даревской, в целом ряде статей, уделено русской колонии в Монголии, анализу следующих аспектов

данной темы: количественный и социальный состав колонии и его изменение в зависимости от политики России, пребывание русских революционеров в Монголии, уровень культуры колонистов, отражение событий трех революций в России в русских колониях в Монголии, значение этих событий для русских жителей и влияние на монголов.

Эти темы отражены в статьях Е. М. Даревской: «Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии» (1973), «Русская революция 1905–1907 гг. и Монголия» (1976), «Проникновение сведений о революции 1905–1907 гг. в России в Монголию» (1984), «Политические ссылки Сибири в Монголии» (1975), «Русские революционеры в Монголии» (1973), «Февральская революция в России и русская колония в Урге» (1958), «Русская колония в Монголии в годы Октябрьской революции и гражданской войны» (1969 г.), «Из жизни русской колонии в Монголии в годы гражданской войны» (1970), «Степан Иванович Попов в Монголии» (1974), «Ф. А. Парняков» (1971).

В этих публикациях Е. М. Даревской рассмотрены различные стороны общественной и культурной жизни русских поселенцев в Монголии. Ею была не только создана широкая картина их жизни и деятельности, но и преодолены многие сложившиеся в исторической и научно-популярной литературе стереотипы о низком культурном уровне и запросах русских жителей.

Так, одностороннее представление о том, что русская торговая колония в дореволюционной Монголии конца XIX – начала XX вв. была «темным царством», основано на оценках И. М. Майского, данных в книге «Современная Монголия» (1921), характеристике профессора М. И. Боголепова. Например, И. М. Майский писал: «Газет почти никто не получает»¹¹.

Заключение авторов о малокультурности русских поселенцев в Монголии, сделанное на основе кратковременного пребывания в стране, при отсутствии полных сведений по этому вопросу, заставило Е. М. Даревскую написать специальную статью «Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии» (1973)¹².

Основываясь на архивных материалах, переписке и печатных упоминаниях о выписке и чтении периодической печати, она подвергла сомнению категоричность этого утверждения и поставила вопрос несколько шире: «Речь идет не только о степени культурности русских жителей Монголии, но и степени их осведомленности

о политических и иных событиях, происходящих в России и в других странах, о возможности их быть источником и каналом для проникновения этих сведений к монголам, быть постоянным проводником политического и культурного влияния на монголов»¹³.

Собрав по крупицам материал по этому вопросу, Е. М. Даревская написала интересную статью о наличии у русских поселенцев с 60–70-х гг. XIX в. до 1921 г. русских газет, журналов и книг. Ряд фактов, приведенных Е. М. Даревской, заслуживает особого внимания. Например, одним из первых периодических изданий, которое попало в Ургу, был знаменитый «Колокол» А. Герцена, из Лондона морским путем доставленный в Кяхту, через Китай и Монголию. Выяснилось, что многие русские жители Монголии выписывали из России газеты и журналы. Преобладали буржуазные и мелкобуржуазные издания, что определялось социальным составом русских поселенцев. Е. М. Даревская пишет: «Среди этой литературы мы видим издания консервативные («Луч», «Ургинский листок», «Жизнь на восточной окраине»), либеральные («Нива», «Родина», «Русское слово», «Сибирь», «Сибирская жизнь», «Алтай», «Байкал» (1897–1904 гг.), а также демократические и революционные («Колокол», «Байкал» (1905–1906 гг.) меньшевистские («Новая жизнь», «Дом») и даже большевистские («Правда» и др.)¹⁴.

Проанализировав социальный состав русской колонии, в связи с изменением политической ситуации в России и ее политики по отношению к Монголии, она показывает, как соответственно осуществлялось влияние на монгольское общество, как политическая борьба в русской колонии способствовала осознанию монголами своих собственных интересов: необходимости прогрессивных преобразований в их собственном обществе, в их стране. По ее мнению, «русская колония отражала в миниатюре и с некоторыми изменениями уровень материальной культуры, социальные группы, политические партии и политическую борьбу в России. Крупные политические события, проходившие в России – революция 1905–1907 гг. и Февральская, а особенно Октябрьская революция – находили отражение в русской колонии и этим как бы приближали эти события к монголам, облегчали их наглядное восприятие, усиливали их непосредственное влияние».

Е. М. Даревская впервые подробно исследовала целый ряд проявлений культурных связей. Одна из первых опубликованных работ Е. М. Даревской посвящена Ургинской школе переводчиков¹⁵,

первой русской школы и первого русского культурного учреждения в Монголии. Школа просуществовала 50 лет (конец 1864–1920 гг.) и подготовила более 100 переводчиков монгольского, китайского и маньчжурского языков. Интересны сведения в статье о роли консула Я. П. Шишмарева в создании и деятельности школы, длительной борьбе за улучшение ее положения, социальном составе учеников, условиях их обучения, преподавателях школы, русских и особенно монголах – Наянтае, Чиван-Дорчжи, Цэрэне, Балдане, Цэрэндоржи, их взаимоотношениях с учениками, прослежена судьба некоторых учеников школы, оставивших о себе заметный след. Например, судьба Р. Бимбаева, старшего переводчика Кяхтинского пограничного комиссара, составителя в 1910–1916 гг. четырех русско-монгольских и монгольско-русских словарей, участника первой русской противочумной экспедиции доктора Д. К. Заболотного в Восточной Монголии в 1898 г. Показано участие переводчиков в различных экспедициях и международных конференциях и дипломатических переговорах, в политических событиях в русской колонии в Урге.

Прогрессивные деятели России, связанные судьбой с Монголией, мечтали о просвещении монгольского народа, в первую очередь это были учителя – буряты. Не только мечтали, но и предпринимали конкретные шаги в этом направлении. Еще в начале XX века в период феодально-теократической монархии были созданы школы, в формировании которых принимали участие прогрессивные бурятские деятели Ц. Жамцарано, Д. А. Абашеев, Н. Т. Данчинов, И. И. Тунуханов. Из этих школ вышло много будущих руководителей монгольской революции, крупных государственных деятелей, таких как Ц. Дамбадорж, Х. Чойбалсан.

Е. М. Даревская – одна из первых советских историков занялась этой важной и интересной проблемой еще в конце 50-х – начале 60-х гг. Статьи: «Обучение монголов в Сибири накануне Народной революции» (1974), «Обучение монгольской молодежи в Восточной Сибири: (из истории советско-монгольских связей)» (1963), «Новые сведения о двух учителях первой светской школы в предреволюционной Урге» (1983) до сих пор не потеряли своего научного значения и получили свое развитие в диссертациях Е. И. Лиштованного, В. И. Ганжурова.¹⁶

Впервые по архивным данным приведены сведения об англичанине Г. Ф. Уйттике, после 7 лет преподавания английского языка

в Китае, приглашенном монгольским правительством в Ургу для организации обучения монголов европейским языкам.¹⁷

Первый опыт обучения группы мальчиков-монголов в лучших школах Иркутска и Троицкосавска в 1913–1917 гг., был организован ученым монголоведом Ц. Жамцарано. Е. М. Даревская показала в своих статьях, какую большую роль придавал этому опыту русский дипломат И. Я. Коростовец и власти Иркутска. В Кяхтинской газете опубликована фотография всей этой группы учеников и учителей в Троицкосавске в мае 1913 г.¹⁸ Этот первый опыт обучения небольшой группы монголов в Восточной Сибири после революции получил широкое развитие.

Е. М. Даревской был уточнен год начала работы русского кинематографа в Урге: не 1914 год, а 1913 год, вопреки утверждению авторов «Истории культуры МНР». Была сделана оригинальная попытка восстановить репертуар кинофильмов, которые демонстрировались в монгольской столице и на этой основе сделан новый вывод о значении его для монголов, которые по свидетельству очевидцев, были его «главными любителями» и посетителями. Эта была не просто забавная заморская диковинка, как утверждали авторы «Истории культуры МНР», а наглядный и доступный, даже неграмотному человеку, источник самых разнообразных сведений. По видовым, научным, хроникальным и художественным фильмам разных стран монголы узнавали о природе и городах, народах стран мира, их жизни, обычаях, мировых событиях, в том числе о первой мировой войне, о революциях в России, об актерах и искусстве России, Дании, Франции, Италии, США, Англии и др. Кинематограф стал одним из средств приобщения монгольских кочевников к современному культурному миру, стремление к которому с особой силой проявилось в начале XX века.¹⁹

Русской медицине в дореволюционной Монголии посвящено две статьи Е. М. Даревской. В работе «Русская медицина в дореволюционной Монголии: (из истории русско-монгольских связей)» (1961 г.) была нарисована достаточно полная картина того, как русские поселенцы и путешественники в Монголии оказывали различную медицинскую помощь монголам. По данным Е. М. Даревской, раздавали лекарства и оказывали первую медицинскую помощь путешественники и ученые: Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, А. П. Свечников, В. С. Мехеев, И. М. Майский, И. А. Третьяк, а также русские поселенцы: Ф. И. Минин,

Киселев, А. Д. Корнакова, Д. А. Ермолин, А. В. и А. И. Бурдуковы, Ф. И. Парняков. «Лишенные медицинской помощи, эти бывалые люди, живущие в Монголии десятки лет, привозили и выписывали из России различные лекарства, овладевали необходимыми в быту элементарными медицинскими сведениями, некоторые имели медицинское образование».²⁰

Особенно важную роль они сыграли в деле оспопрививания. Известны многочисленные случаи, когда русские купцы брали с собой в Монголию фельдшеров специально для оспопрививания монголам, а с 1909 по 1919 гг. ветеринарные врачи из противочумных экспедиций Читинской противочумной станции попутно делали бесплатно прививки оспы.

Не идя против исторической правды, Е. М. Даревская отмечала и позитивный вклад лам-лекарей, практиковавших монголо-тибетскую медицину и использовавших для лечения «природные минеральные источники («аршаны»), целебные растения и травы, диету и ингаляции»²¹. Не чурались ламские врачи и использовать европейскую медицину. Например, они очень быстро начали применять оспопрививание «пользуясь детритом, который привозили в Монголию русские из Читы, Иркутска, Томска»²².

Большой вклад внесли русские медики в изучение чумы (ее источников, передатчиков, проверки действия противочумной сыворотки, используя также и наблюдения лам и простых монголов).

Особенно расширилась медицинская помощь в начале XX века. С 1906 г. к консульству в Урге был прикомандирован врач для постоянной работы, была открыта небольшая больница для бесплатного обслуживания монголов, русских китайцев. Е. М. Даревская отмечает, что среди посетителей больницы преобладали монголы: «за 1911 год из 10261 посещения монголов было 6429, китайцев 3399, русских 433».²³

Приведены в статье интересные материалы об отряде русских врачей под руководством О. Левитской в 1913 году, занимавшейся лечением глазных заболеваний. За два месяца работы экспедиции было принято 971 больной, из них 904 – монгола, сделано 503 операции, 314 человек прозрели после операции. Поразительные и наглядные успехи! Также были подобраны и розданы очки.

По мнению Е. М. Даревской, «деятельность русских врачей в Монголии наглядно убеждала монголов в превосходстве научной медицины над ламским врачеванием, вызывала большое доверие,

уважение и симпатии монголов к русским врачам»²⁴. Однако, реально оценивая масштабы врачебной помощи, исследовательница пишет: «вследствие мизерного количества русских врачей в Монголии, их деятельность была каплей в безбрежном море, она не могла ощутимо оздоровить население страны».²⁵

Существенную роль в оказании медицинской помощи монголам сыграл доктор из Бурятии С. Б. Цыбыктаров. Его деятельности Е. М. Даревская посвятила специальную статью «Доктор С. Б. Цыбыктаров в Монголии» (1977)²⁶, построенную на материалах центральных и сибирских архивов, уделив особое внимание его «монгольскому периоду».

С. Б. Цыбыктаров в 1899 г. окончил Читинскую гимназию, в 1903 году – Военно-медицинскую академию в Петербурге – одно из лучших медицинских учебных заведений России. Затем он работал в Забайкалье, а в 1909 г. его направляют в Монголию врачом при российском консульстве в Урге «для обслуживания конвоя, колонии и монголов».

По мнению автора статьи, С. Б. Цыбыктаров в полной мере соответствовал этому назначению: «Это был европейски образованный человек, опытный врач со специальным медицинским образованием, при этом хорошо знающий и тибетскую медицину, язык и быт монголов».²⁷

Доктор Цыбыктаров своими наблюдениями, сообщенными И. М. Майскому, опроверг мнение ряда исследователей о монголах как народе физически вымирающем. «Он утверждал, что монголы физически крепки, мышцы и ткани у них упруги, операции у них протекают очень хорошо, почти не требуют наркоза, заживление ран происходит быстро».²⁸

Он организовал в Урге небольшую больницу для стационарного лечения русских, монголов и китайцев, она была открыта в Урге 3 октября 1909 г. Очень значителен был объем приема доктора: в месяц 1100–1400 приемов больных, половина из них – монголы. Консул Я. П. Шишмарев писал о нем в МИД России: «Он в короткое время заслужил доверие среди монгольского населения и китайцев и даже маньчжурских и монгольских властей».²⁹ Именно по совету Цыбыктарова в Ургу был отправлен отряд глазного врача О. П. Левитской. Врачебная и просветительская деятельность доктора продолжалась 12 лет, до конца его жизни (февр. 1921 г.), когда он зверски был убит унгерновцами.

Специальную статью посвятила Елена Марковна и роли русской ветеринарии в дореволюционной Монголии.³⁰

Впервые также были освещены те разделы обширной темы: «Из истории изучения Монголии», которые касаются деятельности и роли сибирских отделов РГО – Восточно-Сибирского (с 1851 г.) и Троицкосавского-Кяхтинского (с 1894 г.), а также русских поселенцев в Монголии (А.В. Бурдукова, А.Д. Корнакова, Ф.И. Минина, К.В. Юргановой-Вяткиной), которые принимали активное участие в их работе, особенно на территории Монголии, и сами становились исследователями страны, в которой они находились.³¹

Особенно выделяются материалы о А.В. Бурдукове, так как, кроме него никто из русских поселенцев не оставил такой обширный архив и не писал воспоминаний, содержащих ценные сведения по двум важным периодам истории Монголии.³²

В статье «В.Я. Зарубин и Монголия» (1971) Е.М. Даревская рассказывает о привлечении А.В. Бурдуковым известного и талантливого писателя В.Я. Зазубрина к поездке по Монголии летом 1926 г. и сбору материалов для написания романа «Золотой баран», о содействии ему в этом деле А.В. Бурдукова и Б.Я. Владимирцова, о передаче ему вдовой Владимирцова всего архива монголоведа-академика, для написания книги его и о неосуществлении этих замыслов из-за ареста и гибели В.Я. Зазубрина в 1937 г.³³ Составитель «Книги братства» с советской стороны, заведующий интернациональным сектором Союза писателей СССР, поэт А. Гатов назвал все эти сведения сенсацией.

В 1975 г. в связи с 150-летним юбилеем восстания декабристов Е.М. Даревская опубликовала статью «Декабристы в Забайкалье и соседние страны (Китай, Монголия)». Этой статьей открыта новая тема в декабристоведении, которая затем была развита еще в пятнадцати ее статьях и учебном пособии.

Находясь на каторге в Забайкалье, совсем недалеко от границы с Китаем, декабристы проявили живой интерес к этой стране древней и оригинальной культуры. Княгиня М.Н. Волконская, живя на Благодатском руднике в 12 верстах от границы, совершая верховые прогулки на казачьей лошади «доставляла себе удовольствие выезжать в Китай». Декабристы покупали редкостные китайские и монгольские вещи и посылали их родным в Европейскую Россию. Братья Бестужевы, живя на поселении в Селенгинске, послали родным монгольское огниво, оправленное серебром, древний

«монгольский» медный нож, найденный в земле. «Подивись искусству, с каким могли эти народы приготавливать такую твердую медь, что из нее можно было делать оружие». Ссылаясь на библейские предания, Н. Бестужев писал брату, что в глубокой древности и другие народы употребляли медные копья, лук и т.п.

Многие декабристы ежегодно приезжали в Кяхту, чтобы побывать в находившемся рядом в пограничной зоне Монголии китайском торговом городке Маймачене. В Кяхте и Маймачене бывали: братья и сестры Бестужевы, дети М. Бестужева; С.Г. Волконский, его жена, сын, сестра; Трубецкие, старшая дочь которых – жена кяхтинского градоначальника (в 1853–1855 гг.), несколько лет жила в Кяхте; М.К. Юшневская с дочерью и зятем; приезжали И.И. Пущин, И.И. Горбачевский, А.М. Муравьев. В Кяхте видели они китайцев и «бронзированных монголов на верблюдах» (выражение М. Бестужева).

В Маймачене бывали они на празднике Нового года, на знаменитых китайских обедах. Сын декабриста Михаил Волконский, чиновник особых поручений Иркутского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева в 1856 г. вместе с переводчиком Шишмаревым ездил в Ургу с важным дипломатическим поручением, связанным с так называемым «Амурским вопросом».

Несколько лет жил в Кяхте и занимался торговлей китайским чаем внебрачный сын Н.А. Бестужева и буряток, усыновленный Д.Д. Старцевым – Алексей Старцев. После Пекинского договора 1860 г., открывшего свободный доступ русским в застенный Китай, А.Д. Старцев одним из первых (12.6.1861) поселился в Тяньцзине, где прожил 30 лет. Он сыграл большую роль в развитии русско-китайских отношений, заслужил глубокое уважение китайцев. В его деятельности можно назвать некоторые моменты, касающиеся собственно Монголии. Занимаясь транспортировкой китайского чая из Тяньцзиня через Калган – Монголию в Кяхту, Старцев, как и другие русские коммерсанты, должен был заготовить много серебра для уплаты монголам за провоз, потому что по «Правилам сухопутной торговли России с Китаем» 1862 и 1869 гг., русским запрещалось продавать китайские товары по пути из Китая в Кяхту. Старцев предложил российским дипломатам разрешить свободную продажу чая в Калгане и Монголии, потому что «монголы кирпичный чай берут с большой охотой, нежели серебро. Подобная торговля чаем диктовала бы большую пользу и удешевила бы проездную плату».

Старцев пытался содействовать улучшению путей сообщения и телеграфной связи России с Китаем через Монголию. В 80-х гг. XIX в. иностранцы в Китае добивались концессии на постройку железной дороги через Монголию. Один француз в 1886 г. построил в Тяньцзине в парке образцовую круговую железную дорогу и на ее открытие пригласил влиятельного губернатора Ли Хунчжана, желая заручиться его поддержкой. Но Ли Хунчжан обещал Старцеву выхлопотать разрешение на постройку железно-верблюжьей дороги через Монголию. Старцев, не желая искать денег у иностранцев, решил сам взять акций на 400 тысяч рублей и предложил управляющему русской почтой в Пекине Н. И. Гомбоеву (женатому на его сестре) «найти монгольского князя и вести дело совместно». Но, как и предполагал Гомбоев, Пекин не разрешил концессию на имя монгола, опасаясь сближения монголов с русскими. Старцев вел 1885–1887 гг. переговоры с китайцами о постройке телеграфа через Монголию на Кяхту, но китайцы считали нужным сначала построить линию через Маньчжурию. В 1891 г. Старцев возобновил переговоры о кяхтинской линии со старшим секретарем Ли Хунчжана. В начале 1892 г. Ли Хунчжан официально передал российскому посланнику желание китайского правительства построить кяхтинскую линию для соединения с русской и просил, чтобы первоначальные переговоры поручить Старцеву, «как уже вполне знакомому с этим делом», говоря так: «Я хорошо знаю Старцева как честного человека, поэтому и рекомендую его, надеясь, что он все исполнит хорошо».

Телеграфная линия Пекин – Калган – Кяхта была построена к 1898 (9) близкой к России датской телефонной компанией.

В 1891 г. Старцев, из-за усилившейся политики России в Китае и изменившегося отношения российских дипломатов лично к нему, обосновался на Дальнем Востоке на необитаемом до него острове Путятин в Японском море, недалеко от Владивостока и за кратчайший срок создал здесь образцовое имение с разнообразными промышленными и сельскохозяйственными производствами. Учитывая нужды дальневосточного края в сельском хозяйстве, он особенное значение придавал коневодству и скотоводству.

Конный завод Старцева главной целью имел создать выносливую рабочую лошадь для местного крестьянского хозяйства. Для этого Старцев приобрел рысаков-орловцев лучших конных заводов Москвы и Томска, английских скаковых кобылиц в Австралии

и Калькутте и 80 кобылиц монгольской выносливой и нетребовательной породы в Монголии у славившегося своими табунами Цэцэн-хана. Результаты опытной работы конного завода Старцева были представлены на Амурско-Приморской сельскохозяйственной и промышленной выставке в Хабаровске в сентябре 1899 г.: здесь были представлены чистокровные рысаки, помесь орловца с англичанкой, но крестьяне, казаки и мещане заглядывались на помесь орловца с монголкой, с крепким костяком при хорошо развитой мускулатуре. Эта лошадь наиболее отвечала требованиям местного крестьянского хозяйства и при невысокой цене – 120–150 руб. была «поистине благодеем для края». Монголки имели хороший сбыт во Владивостоке.

В Альбоме выставки есть фото лошадей Старцева, в том числе и монголки.

Для своего скотоводческого хозяйства на о. Путятин Старцев закупил в Орловске коров и быков холмогорской и гомитинской пород, а во Владивостоке – коров монгольской породы.

Старцев, живя в Тяньцзине, собрал библиотеку книг и древних рукописей по востоковедению – истории Китая, Монголии, Кореи, по отзыву знатока Китая и Дальнего Востока М. Г. Шевелева, принимавшего участие в комплектовании библиотеки Старцева, она «не имела равной в мире, стоимость ее не может быть измерена никакими суммами». Старцев собрал также знаменитую коллекцию предметов буддийского культа, «единственную в мире по полноте». Парижский музей, вероятно, Лувр, предлагал Старцеву за его коллекцию 3 млн. франков, но он отказал ее продать за любую сумму.

Старцев оказал активное содействие созданию I буддийской выставки в Иркутском музее ВСОРГО в 1889 г., передав 16 прекрасных статуэток буддийских богов, монаха, раковину жемчужницы с рельефными перламутровыми изображениями и др.

Связи с Монголией имел и Н. И. Гомбоев. Селенгинский бурят, вероятно, ученик Бестужевых, учитель в бурятской школе, Гомбоев при открытии первого российского консульства в Урге в 1861–1863 гг. частным образом служил там переводчиком, ездил в Пекин для изучения китайского языка. Позже он неоднократно в качестве переводчика монгольского и китайского языка сопровождал научные экспедиции в Китай и Монголию. Затем он 30 лет управлял русской почтой в Тяньцзине и Пекине. Старшие дочь

Екатерина и сын Георгий учились в Иркутске, куда отвозила их жена Н.И. Гомбоева – Екатерина Дмитриевна, сестра А.Д. Старцева. Приезжал в Иркутск и Н.И. Гомбоев, прислал иркутскому музею ВСОРГО предметы из своей богатейшей коллекции принадлежностей буддийского культа из ламаистских монастырей для буддийской выставки в конце 1889 г. Был он и членом ВСОРГО. В 1891 г. Н.И. Гомбоев забрал сына Георгия из иркутской гимназии и отдал его в Ургинскую школу переводчиков, которую тот успешно окончил, совмещая с работой в консульстве, за что был награжден орденом двойного дракона. Во время русско-японской войны служил переводчиком китайского языка в Порт-Артуре, позже в Харбине.

Н.И. Гомбоев, живя в Пекине, поддерживал дружеские связи с монголами, многие бывали у него в Пекине, он вообще придавал большое значение поддержанию тесных связей русских с монголами – ближайшими соседями сибиряков.

На основе всех этих статей Е.М. Даревская подготовила рукопись монографии «Декабристы в Сибири, Монголии и Китае».

В целом, работы Е.М. Даревской, опубликованные и неопубликованные, содержат обильные новые материалы и о политике России по отношению к Монголии, и о деятельности многих русских в Монголии, и о влиянии этой деятельности на Монголию, ее экономику, социальные отношения, уровень культуры, то есть на историю собственно Монголии.

Мы, ее коллеги и ученики, имевшие представление о колоссальном объеме информации по истории русско-монгольских отношений, накопленном Е.М. Даревской за долгие годы работы, уже давно ждали обобщающего исследования, где бы под одной обложкой были собраны все разработки по проблеме. И вот в 90-е годы к читателю, наконец, пришли такие яркие и интересные книги, о которых уже упоминалось выше: «Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков» (Иркутск.1994) ; «Три портрета – три судьбы. Исторические очерки» (Улан-Батор.1997) ; «Методические ошибки в современном декабристоведении» (Иркутск, 1998).

«Сибирь и Монголия» представляет собой фундаментальное исследование, освещающее практически все аспекты деятельности российских людей в Монголии начала XX в. Заинтересованный читатель обнаружит здесь анализ интереснейших коллизий, возни-

кавших в процессе хозяйственных, политических, культурных и, наконец, научных контактов России и Монголии. Написанная объективно и сдержанно, в традициях старой русской исторической школы, снабженная внушительным научным аппаратом, эта книга является крупным вкладом в историографию русско-монгольских отношений.

«Три портрета» издана в Монголии и поэтому практически недоступна российскому читателю. Остается, в этой связи, выразить глубокое сожаление, поскольку героями этого своеобразного исторического триптиха стали очень интересные и самобытные люди: русский финансовый советник правительства Автономной Монголии в 1914–1916 гг., впоследствии выдающийся монголовец С. А. Козин; кяхтинский купец 1-й гильдии, пионер русского земледелия в Монголии И. И. Корнаков; сибирский священник Ф. А. Парняков. И вот тут мы сталкиваемся с одной характерной особенностью творческой позиции «Сибири и Монголии...» и «Трех портретов...». Дело в том, что за исключением С. А. Козина, остальные персонажи упомянутой трилогии малоизвестны. Как нам кажется, для Елены Марковны в истории нет действующих лиц первого и второго плана. Более того, видимо, именно судьба рядового человека позволяет ей более органично приблизиться к историческому времени, взглянуть на события как бы изнутри, почувствовать дух, или, если хотите, запах эпохи.

В сюжете об Иване Иакинфовиче Корнакове очень ярко проявилась особенность исследовательского почерка Е. М. Даревской, а именно, стремление к максимальной объективности, чуждое предвзятости и категоричности оценок. В обстановке утверждения ценностей рыночной экономики и соответствующего пересмотра места и роли купечества в дореволюционной России естественным было бы представить общественности, в том числе и монгольской, положительный образ купца, гармонично сочетавшего в себе предприимчивого дельца и культуртрегера. И такие люди были. Достаточно вспомнить А. М. Лушников, А. Д. Старцева, А. В. Швецова, М. А. Коковина и др. Но в центре внимания Елены Марковны человек совершенно иного склада, совмещавший ярко выраженную сеньориальность поведения и очевидное отсутствие навыков рационального хозяйствования. И это тоже типичный представитель русского купечества, мимо которого, как бы ни хотелось, не может пройти истинный историк.

Еще она тема исторических поисков занимала Елену Марковну Даревскую – декабристы в Сибири, их интерес к странам Востока: Китаю и Монголии. В ней она сумела соединить две разные темы в одну и создать оригинальную работу. В 2007 году была опубликована монография Е.М. Даревской «Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия».³⁴ Была проделана объемная работа по выявлению, обобщению отдельных фактов, событий и источников в цельную картину.

В данной монографии на основе публикаций будущих декабристов проанализированы их представления о Китае и Монголии, а также их оценки монгольских завоеваний и влияния на историческое развитие Руси.

Более подробно рассмотрены в книге следующие вопросы: этнографические наблюдения декабристов в Кяхте и Маймачене, характеристики торговых отношений России с Китаем и Монголией, декабристы и восточная медицина, источники сведений декабристов о Китае и Монголии.

Российские монголоеды Москвы, Петербурга, Улан-Удэ, Элисты всегда с интересом следили за работами Е.М. Даревской, высоко оценивали ее статьи и монографии. Иркутские монголоеды имели возможность личного общения с уважаемым исследователем, возможность получить консультацию и ценный совет.

В ноябре 1999 г. Иркутское отделение Всероссийской ассоциации монголоведения провело международную конференцию «Монголия и Сибирь», посвященную 80-летию со дня рождения Е.М. Даревской. Были опубликованы полная биография ученого, библиография трудов на русском, монгольском и английском языках (В.В. Свинин), историографический обзор работ Е.М. Даревской.

В декабре 1999 г. Генеральный консул в Иркутске Л. Мундагбаатар вручил Е.М. Даревской Знак «Заслуженный работник просвещения Монголии» за большой вклад в изучение истории и культуры Монголии, подготовке кадров историков для Монголии.

В 2009 году кафедра мировой истории и международных отношений исторического факультета Иркутского госуниверситета провела торжественное заседание, посвященное 90-летию со дня рождения Е.М. Даревской. Была дана высокая оценка научного и педагогического наследия неутомимого иркутского исследователя истории Монголии и русско-монгольских связей.³⁵

Жизнь и научная деятельность Е.М. Даревской является образцом творческого отношения к историческим исследованиям, преданностью теме изучения. Е.М. Даревскую, как исследователя, всегда отличали скрупулезность в сборе материалов, принципиальность в отборе фактов, а также завидное упорство и увлеченность.³⁶

Примечания:

1. Отзыв о научных работах Е.М. Даревской д.и.н. И.Я. Златкина от 27 августа 1973 г. // Текущий архив Иркутского государственного университета. Личное дело Е.М. Даревской.
2. Свинин В.В. Монголия в трудах Е.М. Даревской // Социальное и политическое развитие народов Востока: история и современность. – Иркутск, 1983. – С.59–61; Кузьмин Ю.В. Знаком Монголии (Е.М. Даревская) // Народная газета – Иркутск, 1992. – 2 февраля; Кузьмин Ю.В. Неутомимый исследователь: Ко дню рождения Е.М. Даревской// Российское монголоведение: бюл. – М., 1996. – №4. – С.178–179. Кузьмин Ю.В. Вопросы русско-монгольских связей конца XIX – нач. XX вв. в исследованиях Е.М. Даревской// История изучения Монголии в Иркутске. – Иркутск, 2006. –С.113–127.
3. Личный архив Е.М. Даревской.
4. Бурдуков А.В. В старой и новой Монголии. – М., 1969. То же – на монг. яз.: Бурдуков А.В. Хуучин ба шинэ Монголд. У-Б., 1987.
5. Более подробно об этой работе см.: Свинин В.В. Послесловие научного редактора // Даревская Е.М. Сибирь и Монголия. – Иркутск, 1994. – С.397–400; Свинин В.В. Елена Марковна Даревская: биобиблиогр. указ. Тр. – Иркутск, 1994–1996. – С.6–8; Первый раздел наст. сб. – С.8–10; Лиштованный Е.И. Из Иркутского Центра монголоведения: (Новые книги) // *Bulletin International Association for Mongol Studies*. – Ulaanbaatar, 1997. – N 1 (19). – P.185–190.
6. Даревская Е.М. Русская промышленность и наемный труд в дореволюционной Монголии // Тр. / ИГУ. – 1963. –Т.31. Сер.ист., вып. 4. – С.150–173.
7. Даревская Е.М. Несколько дополнений к вопросу о добыче золота в дореволюционной Монголии // Тр. /ИГУ. – 1968. – Т.55. Сер. ист., вып. 1. – С.107–129.
8. Даревская Е.М. Использование монгольского скота и сырья в Восточной Сибири в период империализма // Актуальные проблемы истории Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф. – Иркутск, 1983. – С.75–78.

9. Даревская Е.М. Партизанский отряд Тохтохо-тайджи в Сибири // Сибирский исторический сборник: (Социально-экономическое и политическое развитие Сибири). – Иркутск, 1975. – Вып. 3. – С.144–166.
10. Даревская Е.М. «Монгольский вопрос» в общественном мнении России в 1911-1915гг. // Олон улсын Монголч эрдэмтний IV их хурал (IV Междунар. Конгр. монголоведов). – Улаанбаатар, 1985. – Т.1. – С.391–399.
11. Майский И.М. Современная Монголия. – Иркутск, 1921. – С.95.
12. Даревская Е.М. Русская периодическая печать в дореволюционной Монголии // Сибирский исторический сборник. – Иркутск, 1973. – Вып. 1. – С.42–63.
13. Там же. – С.43.
14. Там же. – С.62.
15. Даревская Е.М. Ургинская школа переводчиков и толмачей: (Из истории русско-монгольских культурных связей) // Свет над Байкалом. – Улан-Удэ, 1958. – № 1. – С.140–150.
16. Лиштованный Е.И. Из истории обучения монгольских граждан в Восточной Сибири: (1920–1980-е годы): Учеб. пособие. – Иркутск: ИГУ, 1992. – 78 с.
17. Даревская Е.М. Англичанин из Лондона в ургинской школе // Mongolica – III: Из архивов отечественных монголоведов XIX – начала XX вв. – СПб, 1994. – С.18–22.
18. Даревская Е.М. Первые ученики – монголы в Сибири (с фотогр.) // Ленинское знамя. – Кяхта, 1975. – 4 февр.
19. Даревская Е.М. Русский кинематограф в дореволюционной Урге // Олон улсын Монголч эрдэмтний III их хурал (III Международный Конгресс монголоведов). – Улаанбаатар, 1979. – Т.1. – С.135–141.
20. Даревская Е.М. Русская медицина в дореволюционной Монголии: (Из истор. русск. –мон г. связей) //Тр. / Иркут. ун-т. – 1961. – Т.29. Сер. ист., вып. 2. – С.205.
21. Там же. – С.204.
22. Там же. – С.207.
23. Там же. – С.211.
24. Там же. – С.215.
25. Там же. – С.216.
26. Даревская Е.М. Доктор С.Б. Цыбыктаров в Монголии // Тр. / Бурят. ин-т обществ. наук Бурят. фил. СО АН СССР. – 1977. – Вып. 28: Исследования по истории и филологии Монголии. – С.39–50.
27. Там же. – С.43.
28. Там же. – С.46.
29. Там же. – С.44.

30. Даревская Е. М. Русская ветеринария в дореволюционной Монголии // Труды ИГУ, 1970, Т.59, вып. 2.
31. Даревская Е. М. Изучение Монголии Троицкосавско-Кяхтинским отделением РГО // Тр. / Кяхтинск. музей краевед.; Кяхтинск. отд. ГО СССР. – Улан-Удэ, 1961. – Т.18. – С.60–74. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия. – Иркутск, 1994. – С.203–262.
33. Даревская Е. М. Зазубрин и Монголия // Книга братства. – М.; Улан-Батор, 1971. – С.175–182.
34. Даревская Е. М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока –Китай и Монголия. – Иркутск, 2007. – 118 с.
35. Елена Марковна Даревская. Замечательный педагог, известный ученый: к 90-летию со дня рождения (Сост. В. В.Свинин). – Иркутск, 2009. – 16 с.
36. Кузьмин Ю. В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.). //Ю. В. Кузьмин, В. В. Свинин. Под научн. ред. проф. А. П. Суходолова – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – 438 с.

В. В. Свинин – патриарх современного сибирского монголоведения

Нашему дорогому Учителю – Владимиру Вячеславовичу Свинину 6 апреля 2016 года исполнилось бы 80 лет со дня рождения. В. В. Свинин (1936-2012) – известный сибирский археолог, этнограф, востоковед, краевед, музейевед. Крупный специалист по археологии Байкальского края и Монголии, бурятской и монгольской этнографии, музейному делу Восточной Сибири, создатель современной иркутской школы монголоведения.

Владимир Вячеславович – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный работник науки Монголии, академик Академии Ю. Цеденбала, награжден монгольскими наградами, в том числе золотой медалью Ю. Цеденбала.

Более 40 лет В. В. Свинин возглавлял и вдохновлял иркутских монголоведов на проведение научных исследований и международных конференций, консультировал историков, филологов, географов, археологов и музейеведов. Его любимым делом было редактирование монографий, материалов научных конференций, рецензирование книг и диссертаций. В. В. Свинин щедро делился своими знаниями, рекомендовал и предлагал темы статей, книг, диссертаций. Для очень многих исследователей Иркутска и Сибири он был и остался Учителем.

В. В. Свинин начинал свою научную карьеру Директором краеведческого музея в поселке Усть-Орда, длительное время работал директором Иркутского краеведческого музея и являлся специалистом, который открыл целый ряд новых музеев г. Иркутск: музей «Тальцы», музей декабристов, музей истории города Иркутска, музей Иркутского госуниверситета и целый ряд ведомственных музеев. Большую часть своей творческой жизни он отдал историческому факультету Иркутского госуниверситета.

В. В. Свинин родился 6 апреля 1936 г. в пос. Усть-Орда. Детские годы выпали на трудные предвоенные и военные годы. Рано пришлось начать работать, ему хорошо знаком деревенский труд. Еще в школьные годы начал работать в типографии окружной газеты и краеведческом музее. Со школьных лет он мечтал быть журналистом и писателем, писал стихи. С 1951 г. он работает в краеведческом музее, где организовал кружок школьников по изучению истории, этнографии и природы родного края. В 1952–1954 гг. он познакомился с известными сибирскими археологами П. П. Хороших, А. П. Окладниковым, М. М. Герасимовым, принял участие в археологических экспедициях и раскопках. Это и определило его дальнейшую судьбу.

В 1954 г. окончил Усть-Ордынскую среднюю школу с серебряной медалью и был принят на историко-филологический факультет Иркутского госуниверситета. Одновременно был принят сотрудником Иркутского областного краеведческого музея, в отдел обработки археологических фондов. Молодой человек должен был сам себе обеспечивать проживание и пропитание в сложные пятидесятые годы. Продолжил практическое обучение под руководством археологов П. П. Хороших, В. И. Подгорбунского, Э. Р. Рыгдылона. Все студенческие годы участвовал в археологических экспедициях по Иркутской области и Бурятии.

После окончания университета в 1960–1963 гг. работает учителем в средних школах городов Алзамай и Зимы, одновременно вместе со школьниками в каникулы исследует археологические памятники. В 1963 г. поступает в заочную аспирантуру и возвращается на работу в Иркутский областной краеведческий музей главным хранителем фондов, с 1965 г. – директором музея. Начинает преподавать в институтах города, продолжает участвовать в археологических раскопках в Иркутской области и Бурятии.

В 1970 году В. В. Свинин защитил в Новосибирске кандидатскую диссертацию «Археология озера Байкал», выполненную под руководством академика А. П. Окладникова. Материал для диссертации был собран во время многочисленных экспедиций совместно с крупным монголоведом Э. Р. Рыгдылоном, знаменитым антропологом М. М. Герасимовым, археологом и краеведом П. П. Хороших, а также с Г. И. Медведевым и М. П. Аксеновым. У него сформировался цельный взгляд на историю изучения археологического наследия Байкальского региона, в дальнейшем он всегда сохранял глубокий интерес к историографии проблемы, был в курсе всех новейших достижений в сибирской и российской археологии.

Наиболее продолжительное время кандидат исторических наук, доцент В. В. Свинин проработал на кафедре всеобщей истории, кафедре археологии и этнографии исторического факультета Иркутского государственного университета и подготовил невероятное количество специалистов историков самого различного профиля: археологов, этнографов, музейщиков, монголоведов, востоковедов, экономистов и географов.

Специалисты готовились не только для Иркутской области, но и для соседних регионов: Бурятии, Якутии, Тывы, Читинской области, а также для Монголии, Китая, Японии, Кореи, США, европейских стран. Подсчитать количество подготовленных докторов и кандидатов наук практически невозможно. Можно говорить очень условно о десятке докторов исторических наук, более 20 кандидатов наук. Хотя формально и официально Владимир Вячеславович не являлся научным руководителем или научным консультантом диссертантов, но фактически таковым был.

В. В. Свинин подготовил или оказал значительное влияние на выбор дальнейшей научной специализации многих сибирских историков, археологов и этнографов: Ю. В. Кузьмина, Е. И. Лиштованного, М. А. Зайцева, Л. В. Лбовой, Б. Б. Дашибалова, В. И. Базалийского, Н. Н. Крадина, А. В. Харинского, С. Ч. Офертаса и др. Под его руководством сформировались ведущие современные историки Монголии: Н. Хишигт, К. Дэмбэрэл, О. Батсайхан и др.

В 1974 году В. В. Свинин был направлен в Монголию в длительную научную стажировку. Изучался монгольский язык, старомонгольская письменность, археологические памятники. В полевые сезоны 1974–1975 гг. он участвовал в работе археологических

отрядов совместной Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и МНР, совершил разведочные археологические экспедиции от западных окраин Монголии (Улангом) до восточных границ (Чойбалсан). Он близко познакомился с археологами В.В. Волковым, Д. Цэвэндоржем, Д. Навааном, этнографом Н.Л. Жуковской. В результате стажировки в Иркутском госуниверситете было восстановлено изучение Монголии и начата подготовка студентов – граждан Монголии.

С 1975 года началась выездная историко-археологическая практика российских студентов в Монголии, а монгольских студентов в России. В Монголию было совершено 15 экспедиций, выявлено и исследовано совместно с монгольскими историками более 200 исторических памятников, на 17 проведены археологические раскопки. Практика стала школой подготовки историков-монголоведов и археологов.

Студенческая историко-ознакомительная, археологическая и страноведческая практика в Монголии стала своеобразной летней школой подготовки иркутских монголоведов. В течение года группа иркутских студентов под руководством В.В. Свирина готовилась к поездке в соседнюю страну: изучали научную литературу о Монголии, монгольский язык, исследовали археологические и этнографические материалы предшествующих экспедиций, готовили рефераты, доклады и курсовые работы, посвященные истории и культуре МНР. Каждый из студентов имел собственную тему исследования и индивидуальный план подготовки. Квартира и личная библиотека В.В. Свирина всегда были доступны для любого интересующегося студента. Радужие и сибирское гостеприимство Владимира Вячеславовича и его супруги Валентины Васильевны существенно отличало их семью от других преподавателей исторического факультета.

Участие в Советско-монгольской комплексной научной экспедиции совместно с известными советскими и монгольскими учеными являлись продолжением изучения археологического и этнографического наследия Монголии. Совместная работа студентов с известными монголоведами позволяла войти в изучение наиболее важных и актуальных для монголоведения научных проблем, познакомиться не только с известными учеными московской и ленинградской школы востоковедения и монголоведения, но и практически освоить различные методы и методики научных

поисков. Ведущие советские ученые-монголоеды В. В. Волков, С. Г. Кляшторный, Н. Л. Жуковская, С. А. Панарин оказали существенное влияние на формирование иркутской школы монголоведения. Встречи, беседы и лекции ведущих монгольских ученых Б. Ширендыба, Ш. Биры, Н. Ишжамца, Г. Батнастана, Л. Бат-Очира, Ч. Далая, Н. Сэроджава, Д. Цэвээндоржа позволяли познакомиться с оценками ключевых проблем современной исторической науки Монголии. Глубокое впечатление на меня произвела в 1988 году двухчасовая лекция для студентов иркутской экспедиции академика Ш. Биры о состоянии исторических и историографических исследований в Монголии и мире.

В. В. Свинин постоянно большое внимание уделял подготовке монгольских студентов. Его учениками являются известные в Монголии ученые О. Батсайхан, Н. Хишигт, К. Дэмбэрэл и многие другие. Он подбирал для них специальную литературу, постоянно консультировал по истории Монголии, по-отечески опекал их, вникая в личные проблемы и нужды. Все курсовые и дипломные работы монгольских, бурятских, якутских и тувинских студентов находились постоянно под научным контролем и опекой В. В. Свирина.

Основной темой научных исследований В. В. Свирина являлись проблемы древней, средневековой и новейшей истории и культуры Монголии и Бурятии, монгольской кочевой цивилизации. Опубликовано 10 монографий, более 550 статей и тезисов, рецензий и газетных статей и заметок. Много внимания В. В. Свинин всегда уделял не только разработке сложных научных проблем, но и популяризации научной информации. Поэтому печатался в местных периодических изданиях, давал интервью, участвовал в конференциях и научных дискуссиях.

Так, работая директором Музея Иркутского госуниверситета, он фактически превратился и формально в головное музейное учреждение для всех ведомственных музеев Иркутска. Часто проводил методологические семинары для работников музеев Иркутской области, делился богатым профессиональным опытом.

Необходимо отметить энциклопедичность познаний интересов Владимира Вячеславовича, отзывчивость и желание бескорыстно помочь любому желающему познать историю России и Востока, родного края. Помочь одинаково щедро студенту-историку, географу, биологу-охотоведу, аспиранту, докторанту или академику.

Например, в 1976 году я был свидетелем работы настоящих археологов, с которыми мы встретились после экспедиции в Монголии в окрестностях станции Наушки, где археологический материал находились прямо на поверхности песчаных выдувов. Уже немолодой Алексей Павлович Окладников, для меня живая легенда сибирской археологии и сибирской науки, в течение двух суток неугомонно вместе со В.В. Свиным осматривали уже известные наскальные рисунки и плиточные могилы. Мне молодому и спортивному человеку к концу дня хотелось как-то расслабиться и отдохнуть. А А.П. Окладников на ходу или писал на крохотном столике в машине или что-то диктовал своему помощнику А. Конопацкому. Для меня это была большая удача в жизни – общение с великим археологом Сибири и России, и в тоже время простым и доступным в общении человеком, одетым в какие-то легкие штаны и кирзовые сапоги. Оно было простым для меня только потому, что я был учеником В.В. Свиного. В своей дальнейшей жизни – эта фраза, что «я – ученик В.В. Свиного», открывала самые закрытые двери в непростом и закрытом Ленинграде, там где работали известные советские ученые В.В. Викторова, Р.Ф. Итс (Институт Этнографии АН), С.Г. Кляшторный (ЛЮ ИВАН), в Москве – В.В. Волков (Институт Археологии), Н.Л. Жуковская (Институт Этнографии), В.М. Солнцев, С.А. Панарин (Институт Востоковедения) и др.

Меня совершенно не смущает формальный показатель, что мой Учитель – кандидат наук, доцент. Как все понимают, это почти ничего не значит. Мы, все ученики В.В. Свиного, всегда считали настоящим академиком, ученым широких научных интересов и познаний. Все отлично знают прекрасные исследования иркутского монголоведа Елены Марковны Даревской, не имевшей даже кандидатского звания. Единственное ученое звание – доцент. Но уровень ее исследований совершенно недостижим для докторов и профессоров, особенно защитивших свои диссертации в 90-е годы. Все ученики всегда воспринимали В.В. Свиного, как истинного ученого и настоящего энциклопедиста, гуру и академика.

Желание поделиться своими знаниями, накопленной научной информацией, обсудить спорные проблемы исторической науки, выслушать мнение аудитории и собеседника – важнейшая черта Владимира Вячеславовича. Популярные лекции по археологии и истории Монголии В.В. Свинин постоянно читал пограничникам и таможенникам на станции Наушки во время многочасовой

стоянки поезда в Монголию. Во время археологических раскопок в Монголии и на Ольхоне он подробно рассказывал местным жителям, школьникам и туристам историю заселения и освоение края, историю коренных народов и особенности культуры. Они были интересны слушателю любого уровня образования и культуры, вызывали массу вопросов и дискуссионных обсуждений. Владимир Вячеславович никогда не делил слушателей на важных и неважных. Всегда считал своей обязанностью выступить перед школьниками, студентами, местными жителями, делал это увлеченно и профессионально.

Владимир Вячеславович терпеливо учил своих студентов этикету и особенностям общения с монголами и бурятами; требовал изучения монгольского языка, традиций и обычаев восточных народов и следования им. Особенно важное и серьезное значение Учитель придавал соблюдению традиций и этикета в Монголии, стране оригинальной степной культуры и наставлял неукоснительно следовать традициям народа, постоянно объясняя происхождение и суть обычаев монголов.

Всегда поражала широта интересов В. В. Свирина: археология, этнография, география, ономастика, краеведение, музееведение, востоковедение, широта, которой обладали российские ученые начала XX века, владевшие к тому же несколькими иностранными языками. К сожалению, сейчас для ученых стала характерна узкая специализация, углубленное изучение отдельного объекта исследования. Правда, не могу не сказать и следующего: широта интересов и основательность знания имели и свою отрицательную сторону – не дали возможности на длительное время сосредоточиться на подготовке докторской диссертации. Текущие и срочные научные дела, редактирование материалов конференций и сборников статей качественно мог сделать только В. В. Свинин, который никогда не откажется помочь и будет сутками вычищать текст.

В. В. Свинин был прекрасным редактором научных текстов, охотно выступал редактором монографий и сборников статей и тезисов конференций. Он мог сутками редактировать чужие тексты, в ущерб собственным научным работам. Он получал истинную радость после завершения такой работы, вникал в суть не знакомых идей, часто писал введения и рецензии на монографии и диссертации.

Увлеченность и творческое начало передались его детям. Сын Сергей получил высшее техническое образование и стал авиаконструктором вертолетов, успешно работает в Москве. Дочь Марина – известный иркутский фотохудожник и поэтесса. Первые уроки фотографии преподнес ей отец и привил любовь к этому искусству. Фотография и фотодело было серьезным увлечением Владимира Вячеславовича. Надеемся, что сохранился уникальный архив фотоматериалов Монголии 1970–1990-х годов, который представляет высокую научную ценность. Вообще, хорошо известен глубокий и профессиональный интерес В.В. Свирина к современным техническим новинкам: компьютерам, сканерам, принтерам. Они позволяли ему копировать, тиражировать и готовить к публикации научные труды учеников и колле г. И здесь проявилось его творческое начало. Глубоко благодарен Владимиру Вячеславовичу за подготовленный к изданию макет моей книги «Монголия и монгольский вопрос в общественной мысли России» (1997) в сложные 1990-е годы.

Много сил и времени В.В. Свинин потратил на составление библиографических списков трудов. Были подготовлены и изданы творческие биографии и списки научных работ Е.М. Даревской, А.Г. Митрошкиной, Г.И. Медведева, К.Л. Малакшанова, Н.О. Шаракшиновой, Е.И. Лиштованного и др. Были опубликованы десятки биографических очерков известных сибирских ученых: Д.А. Клеменце, Г.Н. Потанине, П.П. Хороших, Н.Н. Козьмине, Ф.А. Кудрявцеве, М.М. Герасимове, Г.И. Медведеве, А.П. Окладникове, М.П. Аксенове. Вообще, вопросы историографии науки всегда занимали В.В. Свирина, он прекрасно ориентировался в источниковедении и историографии многих научных проблем. Очень жаль, что много знаний и информации он не изложил на бумаге и не опубликовал. Например, он в деталях знал историю археологического и этнографического изучения Монголии, составлял отчеты ряда археологических экспедиций. Долгие годы его занимали сюжеты этногенеза бурятских народов, его родовая структура, был собран колоссальный материал, который не завершился, к сожалению, капитальной работой. Текущие дела постоянно отвлекали от главных научных дел. При этом работоспособность В.В. Свирина была уникальной, он мог за ночь написать 20–30 страниц оригинального текста. Подготовлены десятки проектов монографий, с детальной проработкой разделов и параграфов, многие начаты, но не завершены.

В последние годы В.В. Свинин находился на заслуженном отдыхе, но продолжал активную научную и общественную работу по организации и координации монголоведных исследований в Иркутске.

В.В. Свинин по-прежнему был полон идей и замыслов, окружен молодыми учеными и аспирантами, писал основательную монографию о своем Учителе – Эрдэмто Ринчиновиче Рыгдылоне – репрессированном в 30-х, участнике Великой Отечественной войны, авторе фундаментального исследования «Монгольские летописные источники по истории монголов».

Э.Р. Рыгдылон был ранен, снова репрессирован в 50-х годах, рано ушел из жизни, не успев реализовать свои замыслы. Последние годы он активно сотрудничал с В.В. Свининым, передавая свои подходы и методы изучения эпиграфических, этнографических и археологических памятников Сибири.

Главная тема научных поисков и размышлений В.В. Свинина – история и культура Монголии и Бурятии, проблемы этнического происхождения монгольских народов, археологического изучения Байкальского региона. Был накоплен колоссальный фактический научный материал по данной проблематике, опубликованы серьезные проблемные статьи, частично подготовлены обобщающие работы, но, к сожалению, остались не завершенными. Концептуальное решение многих сложных проблем древней и средневековой истории Байкальского края было осуществлено В.В. Свининым, но не изложено в монографиях. Будем надеяться, что ученики и последователи В.В. Свинина реализуют со временем основные идеи и подходы известного сибирского ученого.

За пятьдесят лет творческой деятельности В.В. Свинина в изданиях Иркутска, Улан-Удэ, Улан-Батора, Новосибирска, Москвы, Петербурга, Владивостока, Читы и др., а также в США, Японии, Монголии опубликованы в том числе: «Археология озера Байкал», «Проблемы новейшей истории Монголии», «Стратиграфия, палеография и археология юга Средней Сибири», «Древности Байкала», «Памятники курумчинской культуры», «Древние культуры Предбайкалья», «Имя и эпоха: проблемы ономастики Сибири и Центральной Азии», «Бурятские антропонимы». За 50 лет творческой деятельности В.В. Свинин опубликовал более 500 работ [1, с.208–216].

На Востоке есть высокое понятие – Учитель, которому полностью соответствовал Владимир Вячеславович Свинин, талантливый ученый, замечательный педагог, крупный специалист по истории, археологии и этнологии Байкальского края.

Примечания

1. Кузьмин Ю.В. Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) /Ю.В. Кузьмин, В.В. Свинин; под научн. ред. проф. А. П. Суходолова. – Иркутск: изд-во БГУЭП, 2014. – 438 с.

История Кяхтинской торговли и русско-монголо-китайских торговых отношений XVIII – начало XX веков в исследованиях Ж.З. Тагарова

Иркутская школа востоковедения и монголоведения имеет глубокие научные традиции, заложенные еще первыми иркутскими переводчиками, толмачами, которые вели сложные переговоры с чиновниками Цинском империи, Внешней Монголии в далеком XVIII веке. С полным основанием можно констатировать, что в Иркутске в силу географических и исторических причин сформировались первые российские монголоведы и китаеведы, знатоки китайского, маньчжурского и монгольского языка. Русско-мунгальская школа 1725 года положила начало изучению монгольского языка в Российской империи, это было решением императора Петра I; из первых учеников этой уникальной школы вышли первые российские китаеведы и маньчжуроведы, в том числе основатель российского китаеведения И.К. Россохин. Все последующие годы иркутская школа монголоведения только укрепляла свои позиции в российском востоковедении и расширяла тематику исследования. Расцвет российского и иркутского монголоведения приходится на XIX век, когда работали выдающиеся российские востоковеды и монголоведы Д. Банзаров, О.М. Ковалевский, А.М. Позднеев, В.Л. Котвич, Б.Я. Владимирцов, Ц.Ж. Жамцарано, а также специалисты смежных отраслей гуманитарных наук: археологи, открывшие уникальные тюркские, уйгурские и монгольские памятники письменной культуры, сибирские краеведы, которые изучили архивные и документальные материалы по истории пограничных российско-монгольских и российско-китайских отношений; путешественники и военные специалисты Российской империи,

подробно изучившие географию, геологию, минеральные ресурсы, население, конфессиональный и национальный состав населения Монголии.

Плодотворно в Иркутске работала целая плеяда талантливых исследователей. Публиковался в изданиях Русского Географического общества Генеральный консул России в Монголии Я. П. Шишмарев, жили и работали известные ученые Сибири А. П. Щапов, Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Д. А. Клеменц, Д. П. Першин, священник И. А. Подгорбунский и многие другие известные общественные деятели Сибири, имеющие российскую известность. Сибирские ученые отличались высокой степенью независимых взглядов, свободных суждений по сложным вопросам истории и современности.

С 1974 года в Иркутском государственном университете начинает восстанавливаться серьезное изучение истории, этнографии, археологии, истории Монголии в новое и новейшее время, внешней политики страны. Появление энергичного и эрудированного лидера иркутского монголоведения кандидата исторических наук, доцента ИГУ Владимира Вячеславовича Свинина (1936–2012 гг.) позволило восстановить систему научных экспедиций в Монголию, с изучением всех сторон истории: от древности до современности. В ходе обучения студентов исторического факультета и специализации по истории и археологии Монголии и научных экспедиций В. В. Свинину удалось подготовить значительную группу историков-монголоведов, которые защитили кандидатские и докторские диссертации, возглавили направления изучения Монголии по археологии и этнографии (проф. А. В. Харинский), новейшая история Монголии (проф. Е. И. Лиштованный), история Монголии в новое и новейшее время, монгольская и российская историография Монголии (проф. Кузьмин), история Тывы и системы международных отношений Монголии (доц. В. А. Василенко), история буддийской церкви Монголии на рубеже веков (к. и. н. Л. Н. Крайнова).

Плодотворно изучением монгольского и бурятского языков занимаются докт. фил. наук., проф. Т. Б. Тагарова, доц. Е. К. Шаракшинова, проф. А. Г. Митрошкина. Иркутские профессор С. В. Шостакович, Н. О. Шаракшинова, И. И. Кузнецов, С. И. Кузнецов, Б. С. Санжиев, Н. Н. Щербаков, Г. Н. Новиков, В. И. Дятлов, В. П. Олтаржевский, Е. И. Лиштованный, Ю. В. Кузьмин подгото-

вили значительное число специалистов по истории Монголии, Бурятии, Тывы, Забайкальского края, а также КНР, которые успешно продолжают исследования в области изучения монгольского мира.

К сожалению, Русская революция 1917 года и смена парадигмы развития страны, смена методологии гуманитарных научных исследований привели к почти полной утрате накопленного материала, который только после 1980–1990-х годов вновь оказался востребованным в полном объеме. Монголоеды двух поколений оказались в подавляющем большинстве репрессированными, оставшиеся работали только в русле марксистско-ленинской методологии и вели себя в научном смысле чрезвычайно скованно и не имели возможность изучать многие исторические процессы монгольского мира и народов Внутренней Азии.

Научная мысль о Монголии и монгольских народах сохранилась и получила свое логическое продолжение в трудах исследователей в сибирском регионе, и благодаря трудам Н.Н. Козьмина, Н.П. Шастиной, И.А. Сорокиной, Г.Ф. Кунгурова, Е.М. Даревской, Н.О. Шаракшиновой, В.В. Свинина, Ш.Б. Чимитдоржиева, Д.Б. Улымжиева, Н.П. Егунова, К.М. Герасимовой, Ж.Т. Тумунова, Р.А. Шерхунаева и др. ученым, которым удалось сохранить и восстановить частично монголоведные исследования. В 90-е годы началось постепенное восстановление научной картины монгольских народов, не обошлось, разумеется, без идеализации некоторых исторических персонажей, ранее полностью замалчиваемых или представленных в искаженном виде.

Выпускники исторического факультета Иркутского государственного университета получали в 70–80-е годы в целом качественное и широкое образование. Выпускники факультета ИГУ успешно работали в самых разных сферах государственного управления, образования и культуры: в партийных, государственных, комсомольских органах власти, силовых структурах страны, в музеях и архивах, библиотеках и системе среднего и высшего образования.

В некоторых выпусках четвертая часть выпускников успешно работают в системе высшего образования, защитив кандидатские и докторские диссертации. Научные сферы, по которым защищены кандидатские и докторские диссертации выпускников нашего исторического факультета также достаточно широки: это историки, археологи, этнологи, социологи, философы, политологи, экономи-

сты, педагоги и музеееды. Целый ряд выпускников имеют высокие воинские звания и занимают престижные позиции в различных силовых структурах России и Иркутской области. Даже известные сегодня богословы вышли из историков Иркутского государственного университета, который в 2018 году отметит свое столетие.

Одним из таких талантливых выпускников, по нашему мнению, является уважаемый среди историков и экономистов Жаргал Зандараевич Тагаров, который имеет репутацию неутомимого исследователя русско-монголо-китайской торговли и русских торговцев в Монголии; успешного педагога, одного из лучших лекторов факультета мировой экономики и государственного управления, скромного человека и семьянина, отца троих детей и 6 внуков. Супруга Жаргала Зандараевича – доктор филологических наук, профессор Иркутского государственного университета Татьяна Боровна Тагарова – один из лидеров филологического направления российского монголоведения, давно и глубоко занимается проблемами фразеологии монголоязычных народов и другими вопросами изучения культуры народов монгольского мира.

Благоприятным фактором выбора профессии Жаргал Зандараевичем стало рождение в семье известного сибирского историка Зандары Тагаровича Тагарова (1928-2002), который успешно окончил исторический факультет Иркутского государственного университета, одного из престижных университетов Восточной Сибири. На факультете преподавали выдающиеся исследователи и педагоги: профессора М.А. Азадовский, Ф.А. Кудрявцев, С.В. Шостакович. З.Т. Тагаров после окончания исторического факультета в 1950 году начинает преподавать в ИГУ монгольский язык и старомонгольскую письменность, публикует целый ряд статей по востоковедению и монголоведению в научных журналах, в 1953 году З.Т. Тагаров начинает работать в Государственном архиве Иркутской области и продолжает вести научные исследования в сфере изучения истории бурят, монголов, а также сибирскими сюжетами и историей Восточной Сибири на основе архивных материалов. В 1961 году З.Т. Тагаров успешно защищает кандидатскую диссертацию и публикует целый ряд монографий: «История рабочего движения в Черемховском угольном бассейне», «Н.Г. Чернышевский в сибирской ссылке».

Из бесед с Ж.З. Тагаровым известно, что его отец, З.Т. Тагаров тесно общался с крупными учеными востоковедами из Бурятии,

которые останавливались в его доме и помнит жаркие споры и беседы на темы вклада бурятских деятелей и ученых в историю Бурятии, Забайкалья и России. Возможно, именно тогда определялась будущая профессия историка-исследователя стран Востока и экономических связей и отношений Российской империи со странами Восточной Азии, с Китаем и Монголией.

В 1975 году Ж.З. Тагаров с отличием закончил исторический факультет Иркутского государственного университета. В это время исторический факультет ИГУ переживал период своего научного взлета и расцвета. Плодотворно работали историки военного и послевоенного поколения (С.В. Шостакович, С.Ф. Коваль, П.Х. Гребнев), умудренные жизненным опытом Великой Отечественной войны и активно заявляло о себе послевоенное поколение историков (И.И. Кузнецов, Е.М. Даревская, В.П. Олтаржевский, В.В. Свинин, Г.И. Медведев, М.П. Аксенов, В.В. Яровой, Н.Н. Щербаков, Н.К. Струк, Л.М. Дамешек и др. уважаемые наши Учителя), прошедшие историческую школу Сибири, а также обучение в Москве и Ленинграде, которые несли новые взгляды, новые подходы и более свободные в своих оценках и характеристиках истории Отечества и мировой истории. Это было время высоких ценностей гуманитарных знаний, интереса к всеобщей истории Запада и Востока, в университете и студенческой среде ценились стремление к исторической истине, глубокому познанию закономерностей общественного развития. В это период в гуманитарной и исторической науке проходили глубокие научные дискуссии по теме азиатского способа производства, особенностей кочевой цивилизации, специфике развития стран Востока, которые выливались на страницы исторических научных журналов и конференций, которые носили дискуссионный характер. Какие жаркие споры были на практических и семинарских занятиях. Студенты к семинару днями готовились в Научной библиотеке ИГУ, так называемом Белом Доме и к одному семинару прочитывали не одну книгу и несколько статей. Иногда казалось, что и преподаватель студентам не нужен, потому что, в любой студенческой группе находилось пять-семь студентов, которые создавали дискуссионную среду, которую подхватывали и другие. Равнодушных на большинстве семинаров не было. Учитывая, что конкурс на исторический факультет всегда держался в советское

время на уровне 5–7 человек на место, отбиралась достойная публика, готовая самостоятельно добывать исторические знания и усваивать достойно, что преподавалось на факультет. Студенты тогда стремились к знаниям, а не оценкам и баллам, как сейчас, к большому сожалению. Разумеется, имели место и начетничество, цитатничество, но оно в меньшей степени касалось археологии и всемирной истории. Среди студентов всегда учились бывшие военные, прошедшие срочную службу в Вооруженных Силах СССР, или имеющие опыт практической работы на производстве, которые знали реальную жизнь и просто словам не особенно верили. Одним словом, студенческая атмосфера была несколько иной, чем сейчас в эпоху материального, а не духовного потребления и личностного роста.

Однокурсники Ж.З. Тагарова, известные ныне историки в Иркутске, искренне и глубоко уважают Жаргала Зандараевича за глубину его знаний, широту научных и гуманитарных интересов, понимая, что добывать эти знания ему приходилось намного сложнее, чем это однокурсникам. Конечно, бывают разные отличники и получатели именных стипендий. Не сомневаюсь, что Жаргал был истинным любителем книжной культуры, а не зубрилой и карьеристом, а человеком любознательным, и сейчас остается таковым. Как известно, на историческом факультете было четыре основных специализации: археология и этнография, истории СССР/России, история КПСС, и всеобщая или всемирная история, по которой мы и специализировались. Студенты, планировавшие в будущем партийную и государственную карьеру, военную обычно выбирали специализацию Истории КПСС, правящей и руководящей силы советского общества. Разумеется, и там были думающие и толковые ребята, которые в дальнейшем помогали нам в непростой нашей жизни, как занимающие ответственные посты в органах партии, спецслужбах, вооруженных силах СССР, таможне, архивах, как более успешные выпускники истфака, особенно до 1991 года, момента трагического распада СССР. Да, мы – советские люди и гордимся этим! Мы обсуждали прочитанные книги, а не марки купленных автомобилей, человека ценили по его личным качествам, а не одежде и марке автомобиля, мобильному телефону, району, где он проживает и сколько комнат в его квартире. Студенты в общежитии помогали друг другу выживать, особенно тем, кто не получил помощи из дома, и жил только на стипендию в 40–50 рублей.

Большинство романтиков от истории, как я написал ранее, выбирали специализацию по археологии, всеобщей истории и истории России. Дипломная работа Ж.З. Тагарова «История купеческого рода Лушниковых» была подготовлена под научным руководством знатока русско-монгольских отношений, доцента Елены Марковны Даревской, автора впоследствии капитального труда «Монголия и Сибирь» (1994 г.), которая справедливо считается наиболее цитируемой в современном монголоведении. Исследования Е. М. Даревской характеризуются солидной источниковой базой, основательностью исторического и методологического анализа, введением в научный оборот новых архивных данных и открытием забытых исторических личностей, которые играли существенную роль в данных отношениях сибирского региона с Внешней Монголией.

Ж.З. Тагаров и Е. М. Даревская выступали первопроходцами в теме, которая позднее, в начале 90-х годов станет чрезвычайно популярной в российской и сибирской историографии, будет издано целый ряд крупных монографий, энциклопедий, справочников и невероятное количество статей и конференций различного уровня. В советские времена российских купцов, предпринимателей оценивали не особо позитивно, подчеркивали грабительский характер их торговли.

Несомненно, что Ж.З. Тагаров многому научился у высоко профессионального историка и не случаен выбор данного научного руководителя, не обремененного научными степенями и званиями (Е. М. Даревская так и не защитила кандидатскую диссертацию по ряду обстоятельств, а звание доцента ей присвоили по рекомендации Генерального консульства Монголии в Иркутске ИГУ), но близкого по духу и настрою на глубокие научные исследования. Как известно, высокие научные степени совсем не гарантия высокого профессионального уровня и компетентности преподавателя высшей школы.

При выборе в дальнейшем темы докторской диссертации, Ж.З. Тагаров вновь вернулся к теме русского торгового капитала в Монголии, русско-монголо-китайской торговли на территории пограничного города Кяхты и Внешней (Северной) Монголии. Нам представляется, что это обстоятельство является совсем не случайным. При свободном выборе темы, а в 90-е годы именно так можно было выбирать тему докторской диссертации. Ранее,

существовали некие ограничительные линии, переходить которые исследователям не рекомендовалось. Конечно, по-прежнему можно было получить квалифицированную консультацию у Елены Марковны Даревской, которая до 90 лет продолжала творчески работать, писать статьи и книги. Две последние книги, посвященные декабристам и странам Востока, а также удивительная монография «Три портрета» вышли в самые сложные для науки 90-е годы прошлого века. Общение с этим удивительным человеком, благородной и гордой женщиной – Е. М. Даревской поднимало человека, очищало его. Она никогда не говорила на бытовые темы, как будто их не существовало. Просто думала, размышляла и писала по мере своих возможностей. Постепенно, весь свой значительный научный архив привела в порядок и сдала в ГАИО, остальные документы были сданы уже ее доверителем.

История купеческой семьи Лушниковых из Кяхты в дальнейшем вылилось в серию статей на данную историческую тему: «Купеческий род Лушниковых: начало предпринимательской деятельности в Кяхте» (2008 г.), «Кяхтинцы Лушниковы и их деятельность в Монголии» (2009 г.), «История предпринимательской деятельности кяхтинцев Лушниковых (XIX – начало XX вв.)» (2010 г.), «Купеческий род Лушниковых: опыт исторической реконструкции» (2014 г.). Видимо, тема захватила Ж. З. Тагарова и не отпускает до сих пор и лучшей выход из данной ситуации – это издание монографии на эту тему и тем самым завершение изучения данной темы.

Статьи подготовлены на основе архивных материалов, мемуарах и периодической печати: «Кяхтинский листок», «Сибирский торгово-промышленный календарь» и мемуаров В. И. Лушникова «Записки старого кяхтинца» (1975 г.), И. И. Попова «Минувшее и пережитое» (1924 г.). Надо отметить, что первая публикация Ж. З. Тагарова «А. М. Лушников – ученик и друг декабристов» (1975 г.) была опубликована в солидном сборнике научных статей «Памяти декабристов», посвященном юбилею восстания декабристов, в котором также были опубликованы ведущих декабристове-дов России и Сибири.

Основная тема научных поисков Жаргала Зандараевича – история Кяхтинской торговли на протяжении двух веков, ее глубокий и оригинальный анализ, ее месту в системе русско-монголо-китайских торговых и экономических отношений. По данной теме

опубликовано более 30 статей, которые вносят новое слово в российскую и мировую исследовательскую мысль в науки о Востоке и Западе, их взаимодействии и взаимовлиянии. Завершающие статьи Ж.З. Тагарова на данную тему носят философский характер, дают основательный ориентир будущим историкам и экономистам, которые уже сейчас проявляют серьезный интерес к данной проблематике. Как известно, сейчас много говорят и пишут о так называемом «Новом шелковом пути», транспортном коридоре «Один пояс – один путь», это как раз, то, чем много лет плодотворно занимается Ж.З. Тагаров на серьезном научном уровне. Жаргал Зандараевич три десятилетия, с небольшими перерывами, изучал историю формирования, эволюции, сущности торгово-экономических отношений России и Цинской империи, особенности меновой торговли в пограничном городе Кяхта в ХУІІІ – начало ХХ вв. Ж.З. Тагаров удачно продолжил изучение проблемы кяхтинской торговли, которой ранее занимались крупные сибирские историки Е.П. Силин, автор монографии «Кяхта в 18 веке. Из истории русско-китайской торговли» (1947 г.), Е.М. Даревской «Сибирь и Монголия» (1994 г.), Н.Е. Единарховой «Русские в Монголии» (2003 г.), «Кяхта и кяхтинская торговля (40–60 –е гг. ХІХ в.)» (1979; 2015гг.), а также оригинальные публикации известного китаевода А.Н. Хохлова.

В многочисленных публикациях Ж.З. Тагарова дан основательный анализ общего характера российско-китайской торговли, роли Внешней Монголии и специфики российско-монголо-китайской торговли в Кяхте и на территории Внешней Монголии и Северного Китая на протяжении двух веков, с анализом причин спада и подъема взаимной торговли. Впервые в российской историографии дан глубокий анализ торговли двух стран в системе мировой торговли.

Как известно, Монголия занимает срединное положение между Россией и Китаем (Цинской империей), с конца ХУІІІ века до 1911 года находилась в составе Маньчжурской империи. В публикациях Ж.З. Тагарова рассматривается на архивных данных сложный процесс русско-китайской торговли и включение русско-монгольской торговли в ее структуру. Кроме того, монголы занимались транспортировкой китайских и русских товаров, а русские купцы с 1861 года вели торговлю не только на границе, в Кяхте, но и по всей Монголии, конкурируя с китайскими торговцами и товарами. Процесс это был не простой, так как китайские торговцы

– одни из наиболее опытных торговцев в мире, а также важно то обстоятельство, что во второй половине века они стали продавать более дешевые товары европейского машинного производства. По данным Ж. З. Тагарова, первоначально торговля в Кяхте, особенно в семнадцатом веке носила эпизодический характер, в связи с небольшим по численности монгольским населением и его низкой покупательной способности, а также нестабильности караванной торговли, политической раздробленностью страны. Позднее, торговля была монополизирована государством, а купцам было разрешено торговать только в Урге – столице Северной Монголии, по трассе Селенгинск-Урга-Калган, а также больших кочевьях монголов, где находились ставки монгольских князей или крупные буддийские монастыри. Серьезно проанализирована автором и нелегальная торговля, контрабанда пушниной – важнейшим товаром русско-китайской торговли. Пушнина, китайский чай, ткани и металлические предметы – важнейшие предметы торговли двух соседних стран.

К сожалению, данные публикации не завершились изданием монографии по данной тематике. Надеемся, что однажды время появится у Юбиляра и он сможет спокойно подготовить важный труд по изучаемой много лет важной научной проблеме Кяхтинской торговли.

Ж. З. Тагаров впервые в российской историографии проанализировал и опубликовал интересные экономические данные из забайкальской газеты «Кяхтинский листок», которая выходила с 3 мая по 10 сентября 1862 года. Данная газета хорошо известна историкам, которые изучают данный период или проблемы изучаемого исторического этапа, особенно краеведам Бурятии и Забайкалья и ранее анализировалась в публикациях И. И. Попова, Е. Д. Петряева, Е. М. Даревской, Н. Е. Единарховой, А. Н. Хохловым, но специального экономического аспекта никто не изучал.

По мнению Ж. З. Тагарова, газета выходила, «когда для кяхтинской торговли наступает переломный момент, связанный с ликвидацией ограничений русско-китайской торговли, существовавших около полутора столетий» (ИЭИ, 2004, с. 117).

Жаргал Зандараевич Тагаров – наиболее опытный и авторитетный преподаватель кафедры мировой экономики и международного бизнеса. Около двадцати лет именно Жаргал Зандараевич читает базовый курс «Мировая экономика» для студентов факультета

мировой экономики и государственного управления. Ж.З. Тагаров – постоянный автор известного в России и Сибири историко-экономического журнала «Историко-экономические исследования», член редакции данного научного издания. Ежегодно выступает на пленарном заседании всероссийской конференции «Шерстобоевские чтения», что свидетельствует о высоком научном авторитете Ученого. Много лет Жаргал Зандараевич является руководителем методологического семинара кафедры мировой экономики.

Все молодые преподаватели нашей кафедры по собственному решению слушали лекции Жаргала Зандараевича, прежде чем приступить к чтению лекций по мировой и международной экономике на других факультетах нашего университета. Глубина анализа современных мировых экономических процессов, самостоятельность выводов и заключений о сложных явлениях мировой экономики привлекают заинтересованных коллег, любознательных студентов, магистрантов и аспирантов.

Наш Жаргал Зандараевич – душа нашей кафедры мировой экономики, любит и знает мировую поэзию и художественную литературу, постоянно читает стихи и прекрасно поет русские романсы и бурятские и монгольские песни. Талантливый человек – талантлив во всем!

Жаргал Зандараевич – заботливый сын, прекрасный семьянин, отец троих успешных сыновей. Сын – Бато Жаргалович Тагаров – кандидат экономических наук, доцент Байкальского государственного университета, успешно продолжает династию семьи Тагаровых в ИИНХ-БГУЭП-БГУ, успешно продолжает заниматься научной деятельностью, готовит к защите докторскую диссертацию. Жена – Татьяна Бороевна Тагарова – доктор филологических наук, профессор кафедры бурятской филологии Иркутского государственного университета, известный монголовед России.

История российского монголоведения и вклад профессора Д.Б. Улымжиева

Имя и труды доктора исторических наук, профессора Бурятского государственного университета Даши Батуевича Улымжиева (1927–2000 гг.) хорошо известны в российском и мировом монголоведении. Многолетняя педагогическая и научная деятельность Д.Б. Улымжиева в Бурятском государственном педагогическом

институте и Бурятском государственном университете, создание в университете монголоведной научной школы, подготовка историков и исследователей принесли широкую известность и научное признание в России и за рубежом, особенно в Монголии.

Проведение в Улан-Удэ и Улан-Баторе международной научной конференции «Улымжиевские чтения» – это лучшее научное признание вклада в монголоведение и востоковедение профессора Д. Б. Улымжиева. Хочется верить, что добрая традиция проведения данной конференции не угаснет со временем.

Основные этапы творческой биографии профессора Даши Батуевича Улымжиева хорошо представлены в материалах конференций, в публикациях его учеников и последователей. Можно согласиться с доктором исторических наук, профессором В. Д. Дугаровым, что назрела необходимость аналитического изучения трудов Д. Б. Улымжиева [Дугаров, 2017, с.46].

Значительный научный интерес имеет вопрос о влиянии учебы студента Д. Б. Улымжиева в 1945–1950 гг. на восточном факультете Ленинградского университета на формирование профессиональной квалификации историка. Кафедра истории стран Дальнего Востока – элитная кафедра Ленинградского университета по подготовке востоковедов страны, прежде всего китаеведов, японистов, корееведов. Доминирующее положение на кафедре имели специалисты по истории Китая: профессора Г. В. Ефимов, Л. А. Березный, Г. Я. Смолин, Б. Н. Мельниченко, Б. Г. Доронин; также на кафедре успешно работали востоковеды Е. Я. Люстерник, Д. И. Гольдберг, Б. И. Король. Научным руководителем кандидатской диссертации Д. Б. Улымжиева был доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедры истории стран Дальнего Востока, Геронтий Валентинович Ефимов – крупный китаевед России, специалист по новейшей истории Китая и историографии Китая. Глубоко и основательно историографическими исследованиями американской и английской историографии истории Китая нового и новейшего времени занимался профессор кафедры Лев Абрамович Березный. Историографические исследования на кафедре истории стран Дальнего Востока получили значимое признание и создали целое направление исследований и сформировали известную российскую национальную школу. Периодически факультет проводит известные историографические научные конференции, которые пользуются широкой известностью.

Являясь стажером и аспирантом кафедры истории стран Дальнего Востока в 1980–1985 гг., могу отметить внимательное и бережное отношение преподавателей к студентам и аспирантам, оно носило персональный характер обучения в связи малочисленностью студентов в группе (4–5 студентов). Высокая языковая подготовка, жесткие требования к квалификации, атмосфера научных традиций российского востоковедения позволяют студентам получить качественную профессиональную языковую, историческую и востоковедную подготовку. Студент Д.Б. Улымжиев напряженно учился востоковедной специализации на восточном факультете и глубоко освоил традиции российской и советской школы востоковедения.

Даши Батуевич Улымжиев опубликовал более 200 научных работ, в том числе крупные монографические исследования: «Монгольская Народная Республика строит социализм» (1959 г.), «Годы, равные векам» (1981 г.), «Путь монгольского народа к социализму» (1987 г.), «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведения» (1994 г.), «Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.: Петербургская школа монголоведов» (1997 г.) [Улымжиев, 1987].

Основные направления научной исследовательской работы профессора Д.Б. Улымжиева: новейшая история Монголии XX века, история МНРП и монгольского государства социалистического периода, история кооперации в Монгольской Народной Республике, история российского монголоведения. В его творческой биографии можно выделить два основных этапа научно-исследовательской деятельности. Первый этап (1950–1991 гг.) – изучение актуальных проблем истории Монголии некапиталистического развития страны: народной революции 1921 года, антифеодальных преобразований в кочевой стране, массовой кооперации в МНР, исторической роли МНРП, народного государства. Для исторических работ данного периода характерна марксистско-ленинская методология исследований, преобладание описательности исторического материала, невысокая степень анализа и критических характеристик исторических событий и деятелей.

Второй этап исследовательской работы профессора Д.Б. Улымжиева (1992–2000 гг.) – изучение истории российского монголоведения XIX – начало XX вв. Произошла существенная трансформация тематики исторических исследований ученого, смена методики и методологии научных работ.

Мне посчастливилось неоднократно встречаться и общаться с профессором Даши Батуевичем Улымжиевым. Впервые познакомиться с уважаемым ученым из Бурятии Д. Б. Улымжиевым удалось в 1980 году на конференции в Иркутске «Проблемы востоковедения в трудах ученых Восточной Сибири». Организатором этого научного мероприятия, положившего начало востоковедным конференциям в Иркутске, являлся мой Учитель – кандидат исторических наук, доцент исторического факультета, крупный археолог, этнограф, музеевед и монголовед Владимир Вячеславович Свинин.

Запомнились скромность и сдержанность известного бурятского монголоведа. Некоторые советы и рекомендации Д. Б. Улымжиева помогли в работе над завершением моей дипломной работы «Решение религиозного вопроса в МНР (1921–1940 гг.)». Этот исторический период развития Монголии являлся предметом научных поисков и исследования Д. Б. Улымжиева, поэтому его рекомендации по монгольской историографии изучаемой темы имели для меня ценный характер.

Во время работы над кандидатской диссертацией «Современная общественная мысль МНР об основных проблемах некапиталистического развития Монголии в 1921–1940 гг.» (1986 г.) основное внимание уделял изучению монгольской и российской историографии характера монгольской революции 1921 г., сущности деятельности партии и народного государства, особенностям антифеодальных преобразований. Обратился и к оценкам Д. Б. Улымжиева по данным сложным историческим проблемам, изучил кандидатскую диссертацию Даши Батуевича, его аспирантские статьи. И хотя наши подходы к дискуссионным проблемам новейшей истории Монголии различались, его характеристики вошли в советскую историографию истории Монголии XX века, как определенный этап развития советской исторической науки.

В 1985–1989 годах специально приезжал в Улан-Удэ в Бурятский пединститут, чтобы встретиться с учеными Бурятии и обсудить сложные вопросы истории Монголии нового и новейшего времени, обменяться статьями и книгами по теме. Обязательно встречался с профессором Д. Б. Улымжиевым, успешно трудившимся тогда заведующим кафедрой всеобщей истории исторического факультета. Обсуждались вопросы новых подходов по истории Монголии, новых учебных курсов по истории изучения

Монголии. Это были редкие, но приятные встречи с ученым-монголоведом, занимавшимся близкими темами и вопросами истории нового и новейшего времени Монголии. Нас сближала одна школа аспирантуры на кафедре истории стран Дальнего Востока, его интересовала моя информация о преподавателях кафедры и их делах и научных интересах. Запомнилась особенность общения известного ученого-монголоведа: Даши Батуевич кратко рассказывал о собственных научных результатах, дарил свои статьи или книги, недавно изданные, но никогда не вступал в дискуссии или обсуждения, хотя некоторые наши подходы или оценки могли не совпадать. Сдержанность в критических оценках по истории и историографии Монголии – характерная особенность профессора Д.Б. Улымжиева. Для меня так и остался загадкой такой его подход и отношение к беседе.

Запомнилась встреча с профессором Даши Батуевичем в Улан-Баторе осенью 1989 года. Мы встретились в Публичной библиотеке и долго беседовали на тему российской историографии истории Монголии. Я проходил тогда длительную научную стажировку в Монгольском государственном университете, собирал материал по монгольской и российской историографии так называемого «монгольского вопроса», который впоследствии завершился монографией «Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической мысли России (конец XIX – 30-е годы XX века)» (1997 г.). Вопросами изучения Монголии в России мы занимались с Д.Б. Улымжиевым параллельно, частично совпадая по тематике. История научного монголоведения – предмет изучения профессора Д.Б. Улымжиева, мои научные исследования касались темы изучения Монголии дипломатами, военными, торговцами, творческой интеллигенцией и журналистами России начала XX века, а также историей иркутской школы монголоведения [Кузьмин, 2007].

В последующие годы Д.Б. Улымжиев плодотворно и результативно занялся изучением истории российского монголоведения, научному вкладу крупных русских и бурятских ученых в изучении истории, монгольского языка, этнографии и культуры монгольских народов. Были опубликованы крупные исследования по данной проблеме: «Бурятский ученый-востоковед Галсан Гомбоев (1818-1863)» (1993 г.), «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» (1994 г.), Монголоведение в

России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения» (1997 г.) [Улымжиев, 1994; 1997]. Профессор Д. Б. Улымжиев восстановил историю становления и развития российского монголоведения, создал в Бурятском университете школу изучения истории востоковедения и монголоведения, восстановил преемственность исследования традиционных проблем истории Монголии дореволюционной и современной России.

С большими интересом я всегда следил на публикациями Д. Б. Улымжиева, посвященным истории изучения в России истории, культуры и монгольского языка, радовался успехам и международному научному признанию знаменитого ученого-монголоведа из Бурятии. Короткие встречи с профессором Д. Б. Улымжиевым состоялись в Иркутске, когда он приезжал на заседания Ученого совета по защите докторских и кандидатских диссертаций. Успешно защитились его ученики В. Д. Дугаров, А. В. Алдаров, А. В. Голых, О. Н. Полянская. При поддержке Д. Б. Улымжиева успешно защитили кандидатские диссертации монгольские ученые Н. Ням-Осор, Ж. Цэцэгма, Д. Дашдулам, Д. Тумэнжаргал и другие. В Бурятском университете сложилась группа исследователей, которая успешно занимается изучением истории Монголии в новое и новейшее время, историей изучения истории Монголии в России, историей изучения Монголии в Бурятии (В. Д. Дугаров, О. Н. Полянская, А. В. Голых, А. В. Дамдинов и др. [Дугаров, 2015; Полянская, 2001]. Продолжая заниматься «монгольским вопросом», оценками Монголии дипломатами России, военными специалистами, русскими торговцами и монголоведами страны, получал ценную информацию из работ коллег-монголоведов Бурятского госуниверситета.

Исследованиями профессора Д. Б. Улымжиева и его учеников была восстановлена традиция изучения истории российского монголоведения, которая длительное время в советской период находилась вне внимания историков и востоковедов. Современное востоковедение восстановило связь поколений, преемственность исследований. Кафедра всеобщей истории БГУ под руководством Д. Б. Улымжиева сформировала «монголоведную школу» совместными усилиями Ш. Б. Чимитдоржиева, Р. Е. Пубаева, Н. В. Абаева, Д. И. Бураева, Б. О. Гатанова, Д. К. Чимитовой [Дугаров, 2014, с. 6].

Историей российского монголоведения, проблемами русско-монгольских отношений успешно занимаются ученики профессора Д. Б. Улымжиева: доктор исторических наук, профессор

Владимир Доржиевич Дугаров, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедры Оксана Николаевна Полянская. Профессор В.Д. Дугаров более 35 лет занимается изучением истории Монголии в новое и новейшее время, русско-монгольскими и советско-монгольскими отношениями, историей российского востоковедения и монголоведения. В 2004 году успешно защитил докторскую диссертацию «Взаимоотношения России и Монголии в XVIII–XX вв. (вопросы историографии)». Опубликовал семь монографий, восемь сборников, пять учебных пособий и более 180 статей. Является организатором и участником крупных международных организаций и форумов. Наиболее крупные и известные исследования профессора В.Д. Дугарова: «Взаимоотношения России и Монголии в XVIII–XX вв. (вопросы историографии)» (2004 г.), «Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX – начало XX вв.» (2008 г.), «Курс лекций по истории Монголии (эпоха древности – начало XX в.)» (2009 г.), «Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в современной отечественной монголоведной историографии» (совместно с Н.Ц. Сагаевым) (2014 г.), «Российская историография истории Монголии» (2015 г.) [Дугаров, 2015].

Историей российского монголоведения в БГУ успешно занимается О.Н. Полянская, опубликовавшая монографии и сборники документов о О.М. Ковалевском и цикл оригинальных статей о российских монголооведах, основанных на архивных материалах, которые существенно продвигают изучение темы истории российского монголоведения и востоковедения [Полянская, 2001; Полянская, 2008]. Опубликован цикл статей о русских монголооведах на оригинальных документальных материалах, надеемся на выход фундаментальной монографии по данной тематике.

Представляется интересной сравнительная характеристика творческих биографий двух известных ученых-монголоведов: Д.Б. Улымжиева и Ш.Б. Чимитдоржиева. Одна историческая школа (востоковедная в Ленинграде), параллельное изучение истории Монголии и русско-монгольских и советско-монгольских отношений в течение длительного периода. Два близких и разных творческих пути в науке.

Специального внимания заслуживает исследование архивного и документального наследия известного российского монголоведа

Д. Б. Улымжиева, публикация эпистолярного наследия ученого позволит познакомиться с творческой лабораторией исследователя.

Вопросы российской историографии Монголии привлекают внимание молодых исследователей, об этом свидетельствуют диссертации и публикации Л. Г. Арсеньевой, А. В. Михалева, А. О. Гомбоева, И. А. Гусевой, Е. В. Нолева, А. С. Хеубшман, В. В. Куфтарева, И. С. Даниловой, О. Н. Пушечниковой и др. Возникло новое направление историографических исследований – изучение западного монголоведения: немецкого, польского, чешского, венгерского, наряду с американским и британским монголоведением (исследования М. И. Гольмана) [Гольман, 1988].

Назрела необходимость перехода в истории изучения истории монголоведения от уровня описания, обзорности к анализу научной мысли России, критической характеристике основных проблем монголоведения.

История российского монголоведения нуждается, по нашему мнению, в дальнейшем аналитическом исследовании. Большого внимания заслуживают проблемы развития спорных проблем в монголоведении, эволюция научных идей, формирование национальной школы монголоведения и особенностей региональных и местных школ. Это не должно быть традиционное перечисление ведущих монголоведов России и их трудов, а проблемное изложение развития науки. Основное внимание предполагается обратить на эволюцию научных взглядов на ту или иную спорную проблему и концептуальным вопросам российского монголоведения [Кузьмин, 2016, с. 56]. Творческое наследие известных монголоведов имеет не только серьезные научные достижения и творческие прорывы, но и ошибочные заключения, научные заблуждения, поэтому необходимо усилить в историографических исследованиях элементы критичности научного анализа. Заслуживают внимания эпистолярное наследие известного ученого-монголоведа Д. Б. Улымжиева, сравнительный анализ вариантов публикаций и рукописных текстов, изучение подготовительной работы известного ученого.

Примечания

1. Гольман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.). – М.: Наука, 1988. 221 с.
2. Дугаров В. Д., Чимитова Д. К. Научное наследие профессора Д. Б. Улымжиева в современной ориенталистике // Монголоведение и глобализация в современном мире: Улымжиевские чтения – VIII.

- Материалы межд. научн. –практ. конф. 22–23 мая 2014 г. – Улан-Удэ: Изд-во «Бэлэг», 2015. –С.3–8.
3. Дугаров В.Д. Российская историография истории Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2015. 376 с.
 4. Дугаров В.Д. Аналитические исследования монголоведного историографического наследия доктора исторических наук, профессора Петровской академии наук, одного из первых кавалеров «Орден Чингис-хана» Даши Батуевича Улымжиева в материалах периодической Международной научной конференции «Улымжиевские чтения 1-1X. 2002–2017 гг.»//Улымжиевские чтения 1X. Даяаршил ба монгол судлал –2017. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурал 2017.05.19–20. – Улан-Батор, 2017. – С.46–59
 5. Кузьмин Ю.В. Монголия и Китай начала XX века в оценках военных исследователей. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. 132 с.
 6. Кузьмин Ю.В. Проблемы историографии российского монголоведения//Россия и Монголия: история, экономика, наука. Книга 6. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию установления дипломатических связей между Россией и Монголией. – Иркутск – Улан-Батор: Изд-во БГУ, 2016. – С.49–57
 7. Полянская О.Н. Профессор О.М. Ковалевский и Бурятия (1-половина XIX в.). – Улан-Удэ, 2001. –140с.
 8. Улымжиев Д.Б. Путь монгольского аратства к социализму. – Новосибирск: Наука, 1987. – 287 с.
 9. Улымжиев Д.Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведения. – Улан-Удэ, 1994.107 с.
 10. Улымжиев Д.Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения/Д. Б. Улымжиев. Улан-Удэ, 1997.216 с.
 11. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О.М. Ковалевского (1828–1833 гг.). Подготовка к изданию, предисловие, комментарии и указатели О.Н. Полянской. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2008. – 228 с.

И.И. Ломакина – исследователь истории и культуры Монголии

Проблемами истории и культуры Монголии серьезно занимаются не только профессиональные монголоеды, но и журналисты, литераторы, публицисты и культурологи. Российские журналисты

Л.И. Шинкарев, И.И. Ломакина, В.В. Бережных, А. Кривель, К. Болдахонов и их работы по Монголии известны и читаемы в монголоведении. Отдельные исследования стали частью мировой науки о монгольской культуре и истории. Монголоведам хорошо известно имя Инессы Ивановны Ломакиной, которая внесла существенный вклад в историографию Монголии, опубликовала целый ряд капитальных исследований по истории культуры и истории Монголии XX века. Монографии «Изобразительное искусство социалистической Монголии» (1970 г.), «Белые юрты в степи» (1975 г.), «Улан-Батор» (1977 г.), «Голова Джа-ламы» (1993 г.), «Великий беглец» (2001 г.), «Монгольская столица, столица, старая и новая» (2006 г.), «Грозные махакалы Востока» (2004 г.) стали научными событиями в изучении Монголии, в российской и монгольской историографии Востока. Особенно большие споры и дискуссии возникли у монголоведов по поводу публикации двух книг: «Голова Джа-ламы» и «Великий беглец», которые были посвящены сложным и неоднозначным историческим деятелям, связанным с историей Монголии.

В 2020 году исполняется 90 лет со дня рождения И.И. Ломакиной, есть повод вспомнить человека и исследователя, влюбленного в Монголию и глубоко интересующегося историей, культурой и современной Монголией.

Инесса Ивановна Ломакина (1930–2007 гг.) длительное время жила и работала журналистом в МНР, совершила много поездок по стране, была хорошо знакома и плотно общалась с ведущими монгольскими политиками, писателями, художниками и историками.

Инесса Ивановна Ломакина в 1953 году закончила филологический факультет Ленинградского университета и получила прекрасное гуманитарное образование в одном из лучших университетов СССР[1]. Она не планировала заниматься Монголией, некоторое время после окончания университета успешно работала учителем русского языка и литературы в средней школе.

В 1966 году И.И. Ломакина впервые приезжает в Монгольскую Народную Республику с мужем-геологом, которого направляют сюда в длительную командировку. Испытывая интерес и симпатию к кочевой стране и её жителям, она принимает активное участие в общественной, журналистской деятельности Монголии. И.И. Ломакина плодотворно работает в Монголии корреспондентом газет «Советская культура», «Литературная газета», где публикует

материалы о художественных выставках, книжных новинках. Плодотворно сотрудничает с журналами «Современная Монголия», «Утга зохиол урлаг» («Литература, искусство»), где она писала под монгольским псевдонимом «Л. Энхэ». Была опубликована в советских и монгольских журналах серия статей о монгольских художниках: М. Шараве, Н. Цултэме, Ц. Доржпаламе, Л. Намхайцэрэне, Д. Дамдине, А. Сэнгэцохио, советском художнике К. Померанцеве и др. Крупному монгольскому художнику Марзану Шараву была посвящена монография И.И. Ломакиной.

Первоначально И.И. Ломакина пишет о современной Монголии, её истории и культуре. Длительное время она серьезно изучала монгольское изобразительное искусство, его историю и современное состояние. Она познакомилась и общалась с современными монгольскими художниками и искусствоведами. Поэтому и значительная часть работ автора посвящена монгольскому изобразительному искусству. Она написала более ста коротких статей о монгольских персоналиях для немецкой энциклопедии по искусству «Allgemeine Künstlerlexikon» (Saur, Leipzig). Известных монгольских художников, скульпторов узнали в Европе и мире.

Проблемы монгольской живописи, архитектуры и театра серьезно занимали и интересовали Инессу Ивановну. Она была одной из немногих советских исследователей современной культуры и искусства Монголии второй половины XX века. Главное внимание И.И. Ломакина в книге «Изобразительное искусство социалистической Монголии»[2] было уделено художественным реалистическим произведениям монгольских художников, созданных в стиле социалистического метода. Работы были написаны в стиле советского времени с выделением достоинств и достижений социалистической Монголии, по неписанным правилам эпохи социализма. Личные оценки, критические замечания в то время не приветствовались.

И.И. Ломакина активно изучала историю становления революционного плаката в Монголии, произошла публичная дискуссия с академиком Б. Ринченом по поводу авторства первых плакатов 1922–1923 гг., изданных в Петрограде. По мнению И.И. Ломакиной «вопрос об авторстве Шаравы до сих пор открыт. На плакатах, как было принято раньше, нет подписи. Необычайная активность Шаравы в те годы, известность его как ведущего художника нового времени, давали право всем называть автором этих очень попу-

лярных плакатов именно Шарава. Современники Марзан Шаравы, хорошо знавшие его или работавшие вместе с ним в типографии, рассказывают сегодня, что Шарав никогда не отрицал свою причастность к этим плакатам» [2, с.23]. Она считает, что советский художник Ц. Сампилов работал в МНР в 1925–1926 гг. и почерк его плакатов отличен от плакатов 1923 г. (на авторстве которого настаивал академик Б. Ринчен).

Актуальные вопросы современной Монголии, прежде всего интересные личности страны, нашли отражение в публицистической книге «Белые юрты в степи» [4]. Главными героями книги стали известные люди Монголии: скотоводы, мастера – ремесленники, писатели и поэты, художники.

И.И. Ломакина ввела в научный оборот уникальный исторический источник – мемуары известного сибирского исследователя и общественного деятеля Д.П. Першина (1861–1936 гг.), который служил в Монголии Директором Монголбанка в период Автономной Монголии и написал в Китае воспоминания. Они воспроизводят переломный период истории Монголии 1920–1921 гг. Мемуары длительное время хранились в Гуверовском институте войны, революции и мира (США) и были изданы И.И. Ломакиной под названием «Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак» в 1999 году [9]. Современное монголоведение активно используют в своих исследованиях данное сочинение, содержащее ценную историческую информацию.

Монографии И.И. Ломакиной «Голова Джа-Ламы» [10] и «Великий беглец» [11], «Грозные махакалы Востока» [12] вызвали большой интерес у историков и серьезную критику. Предметом исследования И.И. Ломакиной стали сложные политические личности Монголии: политический авантюрист Джа-Лама, популярный на Западе как независимый национальный лидер. Приезд в Монголию Далай-ламы в начале XX века, его сложные отношения с Богдо-ханом, место и роль в истории Монголии занимали И.И. Ломакину. Некоторые критические замечания историков на книги автора носили вполне обоснованный характер. Ряд оценок И.И. Ломакиной носил излишне эмоциональный, не всегда обоснованный характер. Иркутский историк Е.М. Даревская подвергла серьезной критике книгу о Джа-Ламе. Разумеется, назвать эти монографии строго исторически научными мы не можем. Иногда эмоции исследователя доминируют над объективными историческими источниками и материалами. Тем не менее, данные исследо-

вания И.И. Ломакиной позволили более глубоко понять сложность и противоречивость истории Монголии начала XX века.

По нашему мнению, исторические оценки И.И. Ломакиной пограничного комиссара А.Д. Хитрово, известного путешественника и военного специалиста П.К. Козлова носят исторически не точный характер, и определяются общими негативными характеристиками деятельности в Монголии российских военных и разведчиков, представителей императорской России[9]. Эмоционально и резко негативно также оценивает И.И. Ломакина деятельность представителей Коминтерна и советских специалистов 1920–1930-х годов. Представляется, что историк должен быть более точен в оценках, сдержан и не следовать политической моде и современным конъюнктурным поветриям.

И.И. Ломакина подготовила несколько работ по истории заводов и производств Ленинграда, это были хоздоговорные работы в сложные 1990–2000-е годы [6, 7, 8].

Глубокий интерес проявляла И.И. Ломакина к истории, культуре и архитектуре столицы Монголии – Урге и Улан-Батору. Впервые в российской историографии была опубликована книга «Улан-Батор»[5]. В книге «Монгольская столица, старая и новая»[13] И.И. Ломакина представляет монгольскую столицу через исторические портреты известных и хорошо известных ей ученых, художников, писателей и политиков. Книга написана с большой симпатией к монголам, талантливому монгольскому народу, ее выдающимся специалистам, российским исследователям Монголии. Представлены эмоциональные и яркие портреты художника Занабазара (Ундэр-гэгэна), русского художника А. Мартынова, генерального консула России в Монголии Я.П. Шишмарева, П.К. Козлова, Богдо-гэгэна, Марзана Шарава, Д. Сухэ-Батора, Д.П. Першина, барона Унгерна, Ц. Жамцарано, семью Шастиных, Николая и Юрия Рерихов, художника К. Померанцева, поэта Д. Нацагдоржа, академиков Б. Ринчена и Ц. Дамдинсурэна и др.[13]. В каждой характеристике есть интересные подробности жизни и деятельности известных личностей, некоторые из них носят мемуарный характер. У И.И. Ломакиной были добрые и доверительные отношения с монгольской интеллектуальной элитой, некоторые сведения личной жизни своих героев носят уникальных характер.

Ряд рукописей И.И. Ломакиной еще ждет своего издателя. К печати подготовлена повесть об известном монголоведе, географе

А. Д. Симукове «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце-исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902-1942)». Была опубликована только небольшая статья о нем [14, с. 128–135]. Работы И. И. Ломакиной отличали оперативность журналиста, определенная эмоциональность, некоторая поспешность и односторонность оценок, свойственные при быстрой работе. В целом, о Монголии и монголах писал неравнодушный исследователь, влюбленный в кочевую страну и ее жителей, самобытную культуру и живопись.

Список использованной литературы:

1. Евдокимова Т. Ю., И. В. Кульганек. Некролог (И. И. Ломакина) // Монголика – 7. – Санкт-Петербург, 2007. – 138–139.
2. Ломакина И. И. Изобразительное искусство социалистической Монголии. Улан-Батор: Госиздательство МНР, 1970. – 94 с. ил.
3. Ломакина И. И. Марзан Шарав. М.: Изобразительное искусство, 1974.
4. Ломакина И. И. Белые юрты в степи. М.: Молодая Гвардия, 1975.
5. Ломакина И. И. Улан-Батор. Л.: Искусство, 1977.
6. Ломакина И. И. Невский имени Ленина. История производственного объединения «Невский завод им. В. И. Ленина». Л.: Лениздат, 1981.
7. Ломакина И. И. Памятник на Бухтарме. М.: Политическая литература, 1989.
8. Ломакина И. И. Наша биография. Очерки истории производственного объединения «Завод им. М. И. Калинина» 1869–1989. Л.: Лениздат, 1991.
9. Ломакина И. И. Першин Д. П. Барон Унгерн, Урга и Алтан-Булак. (Составление, послесловие, комментарии, иллюстрации). Самара: Издательский дом Агни, 1999.
10. Ломакина И. И. Голова Джа-Ламы. Улан-Удэ – Санкт-Петербург: Агентство Экоарт, 1993. – 222 с.
11. Ломакина И. И. Великий беглец. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2001. – 288 с.
12. Ломакина И. И. Грозные махакалы Востока. М.: Эксмо; Яуза, 2004.
13. Ломакина И. И. Монгольская столица, старая и новая. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 293 с.
14. Ломакина И. И. Главы из неопубликованной повести «Географ Андрей Симуков. Документальный рассказ о русском землепроходце – исследователе Монголии Андрее Дмитриевиче Симукове (1902-1942)» // Монголика – 8. – С-Петербург, 2008. – С. 128–135.

Раздел 2

Рецензии на книги по монголоведению

Три века истории российского монголоведения

Рецензию на книгу В.Д. Дугарова «Российская историография истории Монголии. Научный ред. Л.В. Курас. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского университета, 2015. – 376 с.

Представлена рецензия на монографию профессора Бурятского государственного университета В.Д. Дугарова, посвященную истории российского монголоведения за триста лет его развития. Дана характеристика научного вклада крупных российских монголоведов и основных научных центров отечественного монголоведения в России в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Улан-Удэ, Элисте, Кызыле, Иркутске, Барнауле, Владивостоке. Показано место российского монголоведения в мировой науке и отечественного востоковедения. Серьезное внимание в монографии уделено ключевым проблемам российского монголоведения: история и культура Монголии, языкознание, фольклор и монгольская литература, монгольская империя и радикальные изменения в XX веке. Рассмотрены в монографии дискуссионные проблемы в монголоведении: этногенез монголов, роль Чингис-хана в создании монгольской империи, роль монголов в истории России, русско-монголо-китайские отношения.

В Бурятии – ведущем российском центре отечественного монголоведения опубликована фундаментальная монография доктора исторических наук, профессора Бурятского государственного университета Владимира Доржиевича Дугарова «Российская историография истории Монголии». Работа посвящена становлению и развитию российского монголоведения с ХУП по ХХI вв. – классической отрасли отечественного востоковедения, имеющей мировое признание в исторической науке и представленной блестящими классиками науки: Н.Я. Бичуриным, Д. Банзаровым, Г. Гомбоевым, А.М. Позднеевым, Б.Я. Владимирцовым, В.Л. Котвичем, Г.Ц. Цыбиковым, Ц.Ж. Жамцарано, С.А. Козиным, Н.П. Шастиной, И.Я. Златкиным,

М.И. Гольманом, С.К. Роциным, Д.Б. Улымжиевым, Л.Н. Гумилевым, Л.К. Герасимович, Ш.Б. Чимитдоржиевым и др.

Автор данного научного исследования – В.Д. Дугаров – известный в российском монголоведении ученый, который более 30 лет занимается изучением истории Монголии в новое и новейшее время, историографией истории Монголии. В 2004 году успешно защитил докторскую диссертацию «Взаимоотношения России и Монголии в ХУП-XX вв. (вопросы историографии)». Опубликовал шесть монографий, семь сборников, пять учебных пособий по монголоведению и более 160 статей. Наиболее крупные исследования В.Д. Дугарова: «Взаимоотношения России и Монголии в ХУП-XX вв. (вопросы историографии)» (2004 г.), «Военное дело кочевников Байкальского региона в период средневековья» (совместно с В.Ю. Мясниковым), «Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX – нач. XX вв.» (2008 г.), «Курс лекции по истории Монголии (эпоха древности – начало XX в.)» (2009 г.), «Советско-монгольское сотрудничество в области образования и науки в современной отечественной монголоведной историографии» (совместно с Н.Ц. Сагаевым) (2014 г.). В.Д. Дугаров – представитель бурятской школы российского монголоведения, ученик Д.Б. Улымжиева достойно продолжает дело подготовки современных российских монголоведов на историческом факультете Бурятского государственного университета, а также представляет данное научное направление на международных конференциях и конгрессах в России, Монголии и Китае. Является организатором и координатором целого ряда международных конференций в Улан-Удэ и Улан-Баторе.

История российского монголоведения – область постоянного внимания современных отечественных ученых. Данная область историографических исследований имеет глубокие научные традиции в нашей стране, особенно резкий бум научного интереса к осмыслению научного вклада российских монголоведов произошел в последние двадцать лет в связи поиском новой парадигмы монголоведных исследований, резкой смены тематики исследования и методологии научного поиска. Возвращение в постсоветский период к проблематике традиционного классического монголоведения потребовал значительного переосмысления научного творческого пути целой области востоковедения, так и научного вклада отдельных монголоведов.

Традиции историографических монголоведных исследований в России связаны с именами В.В. Бартольда, Б.Я. Владимирцова, Н.П. Шастиной, Л.С. Пучковского, И.И. Иориша, М.И. Гольмана, Е.М. Даревской, Д.Б. Улымжиева, Ш.Б. Чимитдоржиева, В.Ц. Найдакова, Б.В. Базарова, Ю.В. Кузьмина, Е.И. Лиштованного, О.Н. Полянской, Л.Б. Жабоевой, Н.Е. Единарховой, Л.П. Поповой, И.В. Кульганек, А.Н. Хохлова и др. В разные годы российскими историками были предприняты попытки создания коллективного труда по истории востоковедения и монголоведения, об этом свидетельствуют «Очерки русского востоковедения», «История отечественного востоковедения до середины XIX века» (1990), «История востоковедения с середины XIX века до 1917 года» (1997), «Монголика» (12 выпусков), «Российское монголоведение» (вып. 1–6). Особо следует выделить исследования академика В.В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», Н.И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1879 г.), многочисленные статьи Н.П. Шастиной, которая готовила докторскую диссертацию по истории русского монголоведения, но не завершила ее, а также монографии Д.Б. Улымжиева «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» (1994 г.), «Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.» (1997), Ш.Б. Чимитдоржиева «Российские монголоеды (XVIII – нач. XX вв.)» (1997 г.), «Выдающиеся бурятские деятели» (вып. 1–4). Подготовлены творческие биографии крупных российских монголоведов: Г.Ф. Шамов о профессоре О.М. Ковалевском (1983 г.), Н.Е. Единархова о Я.П. Шишмареве (2009 г.), В.М. Алпатов о Н.Н. Поппе (1996 г.), Е.М. Даревская о С.А. Козине (1994 г.), О.Н. Полянская о О.М. Ковалевском (2001 г.).

Структура монографии В.Д. Дугарова, состоящей из трех глав, представляется логичной и обоснованной. Основной принцип изложения историографического материала – хронологически-проблемный подход. Первая глава посвящена зарождению российской монголоведной исторической науки в XVIII–XVIII вв. (С.31–70). Во второй главе рассмотрены вопросы развития российского монголоведения в XVIII – начале XX вв. (С.71–214). Основное внимание уделено развитию монголоведению в казанский, петербургский и восточносибирский периоды. В третьей главе рассмотрена

отечественная монголоведная литература в 1921 – начало XXI в. (С.215–315).

Историография – наиболее трудоемкий и синтетический вид исторического исследования, требующий основательных знаний конкретной истории Монголии в новое и новейшее время, методологии и источниковедения научной отрасли, историографии сложных и спорных проблем монголоведения. Несомненным достоинством данной монографии В.Д. Дугарова является обращение к вопросам методологии монголоведных исторических исследований, смены парадигмы научного подхода: переход от марксистской к современной методологии, лишенной идеологической нагрузки. «Методологическая цель данного труда заключается в том, что в период отхода от марксистской парадигмы развития народов монгольской этносферы и формирования новой российской исторической науки актуальными становятся проблемы комплексного историографического анализа огромного блока бесценного отечественного монголоведного материала. Автор в данном труде предпринял попытку проанализировать сложные теоретико-методологические процессы в современном российском востоковедении» (С.8). Данный подход В.Д. Дугарова представляется нам справедливым и обоснованным. Действительно, решение назревших научных проблем невозможно без глубокого изучения отечественного востоковедного наследия. Сложные проблемы современного монголоведения: этногенез монгольских народов, формирование монгольской государственности и роль внешнего фактора, роль Чингис-хана и его наследников в становлении монгольского государства, национальный суверенитет монголов, характер отношений монголов с соседями: Китаем – Цинской империей и Русью-Россией, классическое монгольское материальное и духовное наследие и сфера внешних заимствований не могут быть решены без привлечения историографического отечественного наследия и новых методологических подходов.

Первая глава монографии В.Д. Дугарова «Зарождение российской монголоведной исторической науки в ХУП-ХУШ вв.» (С.31–70) посвящена становлению и генезису отечественного монголоведения в первый этап его развития. Это время начального изучения восточных языков, подготовка первых словарей восточных языков, подготовка первых научных кадров и привле-

чение иностранных специалистов, а также поиск и классификация восточных рукописей и документов, выявление и запись устных фольклорных памятников монгольских народов. На начальном этапе формировалось синтетическое востоковедение, сведения о монгольских народах накапливались в китаеведении, тюркологии, арабистике, тибетологии, хотя постепенно происходило выделение монголоведения и оформление его как отдельного востоковедного направления. В начальный этап накопления информации о Монголии, ее народах и культуре значительную роль играли пограничные районы Восточной Сибири, где жили переводчики-толмачи, находились государственные административные органы, пограничные инстанции и таможенные органы, которые нуждались в знатоках соседней страны. Как справедливо отмечает автор монографии, «эти сведения на протяжении всего столетия доставлялись послами, казацкими атаманами и торговцами, которые отправлялись в Монголию из Москвы и сибирских городов, чтобы завязать дружественные и торговые отношения с монгольскими князьями, выявить наиболее благоприятные пути проникновения в Китай. Их донесения, отчеты, отписки и обзорные статьи составили первые архивные материалы о Монголии и стали первыми источниками, раскрывающими процесс установления межгосударственных связей между Россией и Монголией в составе Цинского Китая» (С.31).

Нам представляется, что предложенная автором датировка начала изучения монгольского языка 1700 годом, является условной и спорной (С.33). Наличие указа Петра 1 об отправке учеников в Тобольск для изучения китайского и монгольского языков не имела практической реализации. Действительно, административное решение было, но практического разрешения не произошло. Русская духовная миссия была создана в 1716 году, где изучался китайский и маньчжурские языки; а на территории России первое учебное заведение по обучению монгольскому языку было создано в 1725 году в Иркутске – русско-мунгальская или русско-монгольская школа. Как известно, монгольский язык изучался также иностранными членами Российской Академии наук.

Специальный раздел посвятил В.Д. Дугаров научно-исследовательской деятельности иностранцев, проживающих в России и работавших в Академии наук и исследовательских сибирских экспедициях. Вопрос отнесения научной деятельности немецких

и польских ученых до сих пор остается дискуссионным в научной литературе. Пока используется система двойного учета: их одновременно относят к российским исследователям и к той стране, которую они представляли. В последние годы опубликованы статьи и подготовлены диссертации о немецком (А. О. Гомбоев) и польском (А. С. Шмыт) монголоведении, в которых иностранных ученых относят к национальным школам.

Во второй главе монографии «Российское монголоведение в конце ХУШ – начале ХХ вв.» (С. 71–214) представлен самый результативный период развития российского монголоведения, когда сформировалась академическая школа изучения Монголии. Дана обстоятельная характеристика казанского и петербургского периода развития отечественного монголоведения.

Дана подробная характеристика деятельности кафедры монгольского языка Казанского университета (1833–1855 гг.), научному вкладу в монголоведение О. М. Ковалевского, А. В. Попова, К. Ф. Голстунского, А. П. Щапова, а также миссионерской деятельности Русской православной церкви и отдельных священников в изучение Монголии. Можно согласиться с заключением автора о том, что «казанское монголоведение сформировалось как наука комплексная. Предметом исследования монголоведов являлись язык, этнография, литература, фольклор, география, религия и история монгольских народов. В русле общей проблематики монголоеды вычленяли их применительно к бурятам и калмыкам» (С. 86).

По нашему мнению, развитие российского монголоведения в первую треть XIX века следует считать первым петербургским этапом становления науки о Монголии, в связи с научными исследованиями Я. И. Шмидта и Н. Я. Бичурина. Автору монографии их деятельность хорошо известна, но относится к разделу деятельности иностранцев в России (Я. И. Шмидт). Как известно, этот западный ученый стал основоположником научного монголоведения в России, подготовил первую грамматику и словарь монгольского языка, изучал культурное наследие монголов и переводил религиозные тексты на монгольский язык.

Специальный раздел монографии посвящен монголоведным исследованиям в научных учреждениях Петербурга во второй половине XIX века (С. 88–122). Основное внимание уделено матери-

алу об Азиатском музее и восточном факультете Санкт-Петербургского университета. Историю Монголии, географию и этнографию страны изучают историки отечественной истории Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, а также известные путешественники Н.М. Пржевальский, М.В. Певцов, В.И. Роборовский, П.К. Козлов, Ч.Ч. Валиханов, монголоеды В.П. Васильев и А.М. Позднеев. В последние годы в научный оборот были введены монголоведные работы других российских военных монголоведов В.Л. Попова, Ю. Кушелева, А.А. Баранова, А. Хитрово, которые заслуживают внимания и включения в обобщающие работы.

Выделение восточносибирского регионального аспекта в изучении монголоведения также считаем дискуссионным. Научный вклад Д. Банзарова, Г. Гомбоева, А.А. Бобровникова, Г.Ц. Цыбикова, Н.Ф. Катанова, Б.Б. Барадина, Ц.Ж. Жамцарано, П.А. Бадмаева – органическая часть российского монголоведения и разрывать его единую нить становления и развития противоречит смыслу развития научной мысли России, единой и органичной. Разрыв единой тематики монголоведения, преемственности учителей и учеников, деления по национальному принципу не углубляет наши представления о научной отрасли науки.

Вызывают досаду некоторые фактические ошибочные сведения. Например, неточно указывается, что «Н.П. Шастина родилась в номадной стране, в семье известного медика-просветителя Павла Николаевича Шастина» (С.262), тогда как она родилась в 1898 г. в Иркутске и приехала в Монголию после окончания Иркутского университета; дата рождения П.А. Бадмаева 1851 г., а не 1842 г. (С.190), что подтверждается архивными данными и принято большинством исследователей. В творческих биографиях известных монголоведов в основном представлен биографический общеизвестный материал, не дополненный личными оценками и индивидуальным подходом.

Профессор В.Д. Дугаров недостаточно использовал проблемный подход в историографии. Сами дискуссионные проблемы хорошо известны автору, но изложены крайне лапидарно. Основное внимание автор сосредоточил на творческом вкладе российских монголоведов, стремясь к максимальному охвату исследователей монгольской истории и культуры. Издание может быть использовано как справочное издание или учебное пособие для студентов,

магистрантов и аспирантов. Выявление сложных и спорных проблем российского монголоведения, показ уровня и глубины исследования конкретной научной проблемы не нашли, к сожалению, развернутого изложения и современной ее оценки.

Третья глава «Отечественная монголоведческая литература. 1921 г. – начало XXI в.» посвящена сложному и насыщенному важными событиями веку. Представлена характеристика основных центров российского монголоведения и крупных монголоведов страны. В это период произошла смена парадигм методологии, сменилось несколько поколений ученых, и произошла смена тематики исследования. Необходимо отметить бережное и уважительное отношение автора монографии к советскому научному наследию. Вместе с тем, убедительно показаны новые направления монголоведческих исследований постсоветского периода. Максимально представлены современные молодые ученые-монголоеды, их результаты. Особое внимание уделено научному вкладу российских монголоведов И.М. Майского, А.В. Бурдукова, В.В. Бартольда, В.Я. Владимирцова, Н.Н. Поппе, В.Л. Котвича, Л.Н. Гумилева и других. Значительное внимание уделено развитию монголоведческих исследований в Секторе Монголии Института Востоковедения АН России (И.Я. Златкин, С.Д. Дылыков, М.И. Гольман, Г.С. Матвеева-Яскина, Г.И. Слесарчук, С.К. Рошин, В.В. Грайворонский, Е.В. Бойкова, А.С. Железняков, А.Д. Цендина и др.), Институте Монголоведения, буддологии и тибетологии СО АН РФ (Улан-Удэ), а также в Элисте, Кызыле, Иркутске, Барнауле, Владивостоке. Автор стремится к полной библиографии российского монголоведения, поэтому издание может быть особенно полезным начинающим монголоведам при выявлении малоисследованных научных проблем.

В целом, подводя общий итог, мы можем констатировать, что монография В.Д. Дугарова – нужное и ценное для современного российского монголоведения издание, которое обобщает историю отечественной науки за триста лет ее развития, выявляет степень изученности монголоведения и узкие места, нацеливает на исследование спорных и сложных проблем молодых исследователей. Особую ценность данного научного исследования имеет для молодых и начинающих монголоведов, которые получают надежную лоцию в безбрежном море литературы о Монголии.

Полвека консульской службы России в Монголии: 1861–1917 гг.

Институт Дальнего Востока РАН и издательство «Наука – Восточная литература» опубликовали в 2015 году монографию Сизовой Александры Александровны «Консульская служба России в Монголии (1861–1917)». Автор книги – кандидат исторических наук, доцент Школы востоковедения Факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН. А. А. Сизова – выпускница Алтайского государственного университета по специальности «международные отношения», историк-востоковед, автор 50 научных работ по истории и современным проблемам международных отношений в Восточной и Центральной Азии, российской дипломатии и консульской службы в Китае и Монголии, русской диаспоры на Востоке и межкультурной коммуникации.

А. А. Сизова является участницей ряда исследовательских проектов и грантов, научных стажировок в Китае, Венгрии, США, автором публикаций в престижных востоковедных журналах.

Впервые в российском востоковедении и монголоведении представлен научный труд, в котором представлена целостная картина становления и развития системы консульских учреждений России в Монголии с 1861 по 1917 гг., их роли в развитии российско-монгольских торговых, дипломатических и культурных связей России, Монголии и Китая (Цинской империи). Длительное время история российско-монгольских отношений носила обезличенный характер, информация о деятельности консульских работников, их роли в развитии отношений двух стран имела краткий обзорный характер. Исключение составляет только дипломатическая и исследовательская деятельность в Монголии генерального консула Я. П. Шишмарева, а в последние годы известного российского дипломата и китаеведа И. Я. Коростовца.

Усиление в настоящее время восточного вектора внешней политики России диктует задачу глубокого изучения истории сотрудничества со странами Восточной Азии. Это требует основательного знания соседних восточных стран, их истории, экономики, экономической географии и политического положения. Определение

национальных интересов современной России в международной экономике и политике требует основательного знания соседних стран, истории формирования современных границ нашей страны. Расширение торгово-экономических отношений с Китаем и Монголией требует глубокого знания исторического опыта взаимоотношений России со своими соседями, формирования экономических, дипломатических отношений в середине XIX – начале XX веков, когда закладывались основы дипломатических и военных отношений двух стран.

Важным фактором национальной безопасности Монголии являются отношения с двумя крупными соседними странами – Россией и Китаем. От характера взаимоотношений в этом своеобразном треугольнике: Россия – Монголия – Китай зависело положение Монголии. В XX веке международное положение Монголии несколько раз радикально изменялось в зависимости от соотношения сил в Восточной Азии, от усиления или ослабления Китая или России. До 1911 года Монголия находилась в составе Цинской империи, и определяющим было влияние Китая. С середины XIX в. происходит постепенное усиление роли России в этом регионе, расширяется русско-монгольская торговля, в Урге начинает работать российское консульство.

Синьхайская революция в Китае и национально-освободительное движение монгольского народа, добившегося в 1911 г. создания независимого государства в Монголии, определили новую международную ситуацию в регионе. Объявление Внешней Монголией в декабре 1911 г. о выходе из состава Цинской империи и обращение к Российской империи за поддержкой и помощью в формировании самостоятельного государства приводит к объективному усилению позиций России.

В 1911–1915 гг. русско-монгольские отношения развивались по восходящей линии. Этот период также характеризовался интенсивным противостоянием двух соседних держав. Неустойчивое равновесие сил России и Китая, экономическая помощь, дипломатическая поддержка России позволили Монголии провести ряд экономических и военных реформ. Кяхтинская трехсторонняя конференция 1915 г. определила статус Монголии как автономного государства в пределах республиканского Китая.

В изучение русско-монгольских отношений и «монгольского вопроса» значительный вклад внесли российские ученые: Е. М. Даревская, И. Я. Златкин, С. Г. Лузянин, А. Л. Попов, Ш. Б. Чимитдоржиев, Н. П. Шастина, С. А. Нацов, Д. Б. Улымжиев, Е. А. Белов, М. И. Гольман, Н. Е. Единархова, А. В. Старцев, Б. В. Базаров, В. Д. Дугаров, Е. И. Лиштованный, а также монгольские ученые Б. Лигуу, Э. Пунца г. Ц, Пунцагноров, Ш. Сандаг, Б. Ширендыб, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Ж. Урангуа, Н. Хишигт, К. Дэмбэрэл и др. Необходимо особо выделить вклад известного историка-монголоведа Ш. Б. Чимитдоржиева «Россия и Монголия» (1987 г.), Е. М. Даревской – большого знатока русско-монгольских связей нач. XX в. («Сибирь и Монголия» (1994 г.), Н. Е. Единарховой «Русские в Монголии», Е. А. Белова «Россия и Китай в начале XX века. Российско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1999 г.), «Россия и Монголия» (1999 г.), А. В. Старцева «Русская торговля в Монголии» (2003 г.).

Российское китаеведение проделало грандиозную работу по описанию, обобщению и анализу российско-китайских отношений (В. С. Мясников, Е. А. Белов, В. А. Моисеев, М. И. Сладковский, А. Н. Хохлов, С. Г. Лузянин, Н. Е. Единархова, В. Г. Дацышен и др.). Формирование русско-монгольских отношений в середине XIX – начале XX вв. происходило в сложной системе международных отношений в Восточной Азии, в системе отношений Китая, России, Японии и Монголии. В начале XX века произошло заметное усиление внимания к Внешней Монголии со стороны Китая и России, неизбежным оказалось здесь торговое соперничество русских и китайских купцов. Сдерживающим фактором российской внешней политики в Монголии и Маньчжурии являлись взятые на себя обязательства по русско-японским соглашениям 1907, 1910, 1912 гг., которые определили сферы влияния в регионе.

В 2012 году А. А. Сизова успешно защитила в Институте Дальнего Востока кандидатскую диссертацию по истории дипломатических отношений России и Монголии, опубликовала ряд оригинальных статей по данной тематике в известных российских изданиях и журналах. Основное внимание А. А. Сизова уделяет истории дипломатических отношений России и Монголии, становлению и развитию дипломатических, экономических и гуманитарных связей двух стран во второй половине XIX – начале XX вв.

В научный оборот введены оригинальные архивные материалы центральных и сибирских архивов, представлена оригинальная трактовка особенностей дипломатии России в отношении Монголии.

Монографическое исследование А. А. Сизовой «Консульская служба России в Монголии (1861-1917)» состоит из пяти глав и содержит развернутую характеристику деятельности консульских учреждений России в Монголии: историография и источники проблемы, правовая и организационная база российского консульского института в Монголии, специфика консульской службы, роль консульств России в Монголии в политических, экономических и социально-культурных отношениях и связях. Впервые в российском монголоведении столь подробно проанализирована информационно-аналитическая, судопроизводственная и контрольно-административная, статистическая в торгово-экономической сфере деятельность российских консульств в Монголии. Подробный анализ проведен на базе оригинальных архивных материалов центральных и местных сибирских архивных данных. Несомненным достоинством монографии А. А. Сизовой представляются нам ценные приложения (приложения 3, 4) по штатам консульских учреждений Российской империи в Монголии (1861-1917), таксономии консульских учреждений, округов ответственности консульств в различные периоды. По нашему мнению, характеристика кадрового состава и штатов российских консульств была бы желательна в специальном разделе монографии. Биографические сведения о сотрудниках консульских учреждений России (прил. 5) даны, к сожалению, без конкретного указания исторического источника, а на основе общего списка формулярных списков АВПРИ и опубликованных источников и исследований. Надеемся, что данные сведения станут толчком для дальнейших исследований биографий российских консульских специалистов, так как они до сих пор имеют серьезные биографические пробелы.

Представленный историографический материал первой главы свидетельствует о высокой эрудиции автора книги и уверенном овладении российской и зарубежной историографией данной проблемы. Широта проблем историографического обзора не позволила автору уделить более глубокое внимание работам Е. М. Даревской, Е. А. Белова, В. Г. Дацышена, О. Батсайхана, Ж. Урангуа, внесших

существенный вклад в изучении вопроса роли российских дипломатов в Монголии. Так, московский китаевед Е. А. Белов на основе оригинальных исторических источников подготовил крупные исследования: «Россия и Монголия (1911-1919)» (1999), «Россия и Китай в начале XX века. Русско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1997). Впервые в российской историографии Е. А. Беловым были проанализированы сложные и дискуссионные вопросы русско-монголо-китайских отношений: вопросы противоречий между Россией и Монголией, «баргинский вопрос», «урянхайский вопрос», монголо-китайские отношения 1911–1921 гг. Впервые в российском монголоведении китаевед Е. А. Белов ввел в научный оборот целый пласт оригинальных архивных материалов из Архива внешней политики Российской империи и раскрыл ранее малоизвестные страницы истории отношений России, Китая и Монголии в начале XX века. Монография Е. М. Даревской «Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX веков» (1994) также заслуживает более развернутой характеристики, как уникальное издание по насыщенности фактическим уникальным материалом о русско-монгольских связях и отношениях, особенно российской диаспоре в Монголии, роли русских медиков и ветеринаров в Монголии, русских учреждений просвещения и культуры в кочевой стране, роли русских торговцев и поселенцев в Монголии. Первые развернутые характеристики русских консульских работников также представлены Е. М. Даревской в приложении книги А. В. Бурдукова «В старой и новой Монголии» (1969 г.).

Сильной стороной данного исследования А. А. Сизовой является использование автором китайской литературы, посвященной «монгольскому вопросу», редко привлекаемой российскими монголоведами. Для автора они доступны в силу ее профессионального образования китаеведа. Западная востоковедная литература также представлена достаточно полно, что делает работу насыщенной точками зрения с различных позиций национальных школ зарубежных стран. Современная монгольская историография в предложенном обзоре представлена, к сожалению, в неполном объеме, но ключевые работы имеются.

Значительный интерес для монголоведов представляет во второй главе раздел «Монгольская» политика России и форми-

рование консульств в Монголии» (с.53–67). Автор формулирует собственное видение дискуссионной проблемы стратегических интересов России в Монголии. По мнению А. А. Сизовой, «распространенное в англоязычной историографии мнение о том, что Россия имела в Монголии еще в 1850-х годах, является преувеличением» (с.55). Политический и экономические интересы России в соседней кочевой стране разделяются и рассматриваются раздельно. Политико-стратегическое значение Монголии для России изменилось с началом ханьской колонизации страны в конце 1880-х – начале 1890-х годов, усилением экспансии Англии в Тибете, а затем военное поражение от Японии в 1905 г., национально-освободительное движение в Халхе подтолкнули Петербург к принятию конкретных мер по усилению политико-экономических позиций в регионе. «Наиболее насыщенным «монгольский вектор» политики России на Дальнем Востоке стал с середины 1911 г. в связи с развитием освободительного движения монголов, которое привело к усилению российского влияния в Монголии. Однако в планы России не входили ни установление над страной протектората, ни гарантии независимости режима богдо-гэгэна, ни поддержка создания Великого монгольского государства от Урянхая до Южной Монголии. Петербург поддержал монголов лишь в той мере, в которой это не угрожало интересам России, в частности сохранению status quo на Дальнем Востоке и равновесия в отношениях с Китаем, Японией и Англией» (с.65). Нам представляется, что Россия сделала значительно больше. Но не только защищала собственные геополитические интересы, но и помогала Монголии обрести национальную независимость, оказала поддержку в создании национальной армии, современной финансовой системы, образовательных структур и системы здравоохранения. Россия исходила из реальной международной ситуации, не была заинтересована резко усложнить отношения с Китаем и нарушить сложившуюся систему международных отношений и договоров с Великобританией и Японией. Российские консульства в Монголии сыграли решающую роль в достижении страной автономии. «Консулам в Монголии, – пишет А. А. Сизова, – в разные периоды были делегированы полномочия по подготовке и заключению официальных актов от имени правительства России, в том числе по вопросу об автономии

Монголии, формированию правил двусторонней торговли и т.д., они были неперенными участниками значимых переговоров по совершенствованию режима двусторонних отношений» (с.222). Однако последовательно, шаг за шагом, Россия стремилась оказать Монголии помощь в создании независимого государства. С другой стороны, российские консульства способствовали снижению уровня конфликтности в регионе, выступали в качестве посредника в монголо-китайском конфликте, последовательно защищали права монголов на автономию, а в отдельных случаях и права и жизни китайских граждан от самосуда и произвола монголов.

По мнению автора, консульская служба России на Востоке имела свои особенности и проблемы, связанные с двойственностью функций, одновременным подчинением МИДу и Министерству финансов, а с 1905 г. – Министерству торговли и промышленности, несовершенство международной и национальной правовой базы консульской деятельности, кадровый дефицит (с.221).

Интересный и новый материал представлен в разделе «Специфика консульской службы России в Монголии» (с.77–88). Отмечается, что консулы в Монголии де-факто имели более высокий дипломатический статус, чем их коллеги во Внутреннем Китае, Синьцзяне и Маньчжурии, который определял высокий уровень доступа к местному начальству и позволял им напрямую сноситься с монгольскими и китайскими амбанами, цзянцзюнями и духовным правителем Монголии (с.78). Для консульской службы в Монголии также была характерна высокая степень автономности консулов принятия решений по текущим вопросам в силу территориальной отдаленности страны от Петербурга и Пекина. Кроме того, консульская деятельность в Монголии требовала знаний не только традиционной дипломатии, но и глубокого информирования о традициях и обычаях кочевого мира, степных законов, буддийских традиций и восточного менталитета. Дефицит кадров и бытовая неустроенность – характерная черта деятельности консульских учреждений России на территории Монголии. Поэтому, как справедливо пишет А. А. Сизова, «как правило, в этой стране работали энтузиасты, имевшие подлинный, в том числе научный, интерес к кочевому народу и его культуре» (с.87). Дискуссионным, по нашему мнению, представляется заключение автора о

том, что «среди сотрудников в Монголии было крайне мало тех, кто владел маньчжурским, китайским языками, а уж тем более монгольским и киргизским» (с.81). Биографические сведения, представленные в приложении монографии, свидетельствуют, что ведущие специалисты российских консульств в Монголии закончили факультет восточных языков Петербургского университета, китайско-монгольский разряд Восточного института во Владивостоке, имели значительный практический опыт работы в Китае и Монголии, а также ряд специалистов самостоятельно освоили монгольский и китайский языки или являлись носителями бурятского и монгольского языков, особенно из числа сибирских казаков.

Впервые в российском монголоведении в данной монографии подробно рассмотрены вопросы взаимодействия консульств с местными монгольскими и цинскими (китайскими) административными органами, судопроизводственная и контрольно-административная деятельность российских консульств в Монголии. Широко использованы архивные данные АВПРИ и сибирских архивов Красноярска, Иркутска, а также мемуары и отчеты экспедиций в Монголию. Ряд проблем: информационно-аналитическая деятельность, аналитико-статистическая деятельность в торгово-экономической сфере ранее рассматривались в публикациях Е. М. Даревской, Н. Е. Единарховой, А. В. Старцева, Ж. З. Тагарова, Ш. Б. Чимитдоржиева, А. Н. Хохлова, но в данной монографии получили более развернутый анализ и характеристику.

Значительное внимание в монографии уделено многогранной деятельности генерального консула России в Монголии Я. П. Шишмарева, который прослужил около 50 лет на одном месте. Это уникальный случай в дипломатической истории России. Достойными его продолжателями стали В. Ф. Люба, А. Я. Миллер, В. В. Долбежев, которые выработали действенный механизм взаимоотношения российского консульства со светскими и религиозными властями страны. Показаны трудности и сложности в отношениях с цинскими властями, особенно на начальном этапе становления русско-монгольских отношений. Уважительное отношение консульских работников к самобытной монгольской культуре и традициям народа, искренние неформальные отношения позво-

лили установить с монгольскими властями более дружественные отношения, чем китайцы.

Известно, что основой российско-монгольских отношений, особенно до 1911 г., являлась торговля, поэтому не случайно четвертая глава специально посвящена данной теме. Организация торговых факторий в различных регионах Монголии, формирование транспортной и кредитно-финансовой инфраструктуры в степной стране, упорядочение купеческого самоуправления постоянно находились в центре внимания российских консульств. Они подробно представлены в данной монографии. Можно согласиться с заключением А.А. Сизовой о том, что «поскольку у государства отсутствовала проработанная экономическая стратегия в отношении Монголии, консулы принимали самостоятельные тактические меры, как путем договоренностей с российскими пограничными и местными властями в Монголии, так и стимулируя кооперацию купцов» (с.193).

Важными каналами культурного влияния России в Монголии являлись мероприятия русских в области медицины и ветеринарии, особенно масштабные в начале XX века. В книге представлены многочисленные примеры врачебной помощи представителей российской диаспоры монгольскому населению. Значительное внимание уделено в монографии А.А. Сизовой образовательным и культурным инициативам российских консульств. Ургинская школа переводчиков и толмачей, трехклассная русская школа в Урге, создание первой монгольской общеобразовательной школы в 1912 г. стали важными центрами распространения европейской культуры и знания. При генконсульстве в Урге была создана российско-монгольская типография, которая печатала первую газету на монгольском языке «Шинэ толь». В Урге были организованы хор и оркестр, проводились любительские спектакли, организовывались первые кинопросмотры, библиотеки – читальни, что расширяло культурный кругозор монголов. Консульства оказывали серьезную поддержку научным экспедициям российских и зарубежных путешественников, исследователей и военных. «Дипломаты в Монголии были активными участниками и кураторами изучения Монголии и сопредельных регионов, сыграв важную роль в ознакомлении европейского мира с особенностями политической жизни, хозяйства, культуры монгольского мира, истории,

антропологии и этнопсихологии монгольского народа. Кроме того, их деятельность способствовала популяризации русской культуры, формированию благоприятного имиджа России среди народов, населяющих страну, и усилению российского культурно-духовного влияния в целом» (с.219).

Российские монголоеды в последние годы активно изучают историю отношений России и Монголии, пытаются исследовать сложные и дискуссионные проблемы дипломатических, экономических и гуманитарных отношений двух стран, особенно имеющие концептуальный характер. Так, Байкальский государственный университет экономики и права с 2012 года выполняет совместно с научными институтами Академии наук Монголии Проект «Российско-монгольские отношения в первой половине XX века». В проекте участвуют монгольские ученые из Института Истории АН Монголии, Института международных исследований, Института национального развития и Монгольского государственного университета. Российскую сторону в проекте представляют ведущие монголоеды и востоковеды Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Улан-Удэ, Иркутска, Барнаула. За 2012–2015 годы подготовлено к печати и опубликовано пять томов «Россия и Монголия: дипломатия, экономика, культура», в которых представлены статьи и документы по истории, дипломатии, культуре двух стран в переломный период их развития. Были проведены международные научные конференции в Улан-Баторе и Иркутске, которые дали толчок изучению сложных проблем отношений России и Монголии в первой половине XX века. В научный оборот были введены оригинальные исторические источники из архивов Москвы, Иркутска и Улан-Батора, а также представлены материалы по дискуссионным проблемам истории Монголии и российско-монгольских отношений. А. А. Сизова является активным участником данного проекта. Монография «Консульская служба России в Монголии (1861-1917)» является самостоятельным и оригинальным исследованием проблемы, значительным научным вкладом в современное российское монголоведение и востоковедение. Книга представляет научный интерес для исследователей истории российской дипломатии в странах Востока и особенностей консульской службы в Монголии в переломный период ее истории на рубеже веков.

Книга А.А. Сизовой свидетельствует, что российское востоковедение и монголоведение пополнилось еще одним высококвалифицированным специалистом в области российско-монгольских отношений и внешних отношений России со странами Восточной Азии и межкультурной коммуникации, а монголоведение – ценным и оригинальным исследованием малоисследованной проблемы. Данное направление научных исследований остро нуждается в притоке молодых и профессиональных кадров, формировании современной концепции истории отношений России и Монголии.

История российско-монгольского научного сотрудничества в 1921–1961 гг.: пятьдесят лет совместным научным экспедициям

Рецензия на книгу: Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: проблемы становления, развития и основные результаты (1921-1961гг.). – СПб.: Нестор-История, 2018. – 312 с.

В 2019 году широко были отмечены 50-летние юбилеи совместных советско-монгольских научных экспедиций, успешно работавших на территории Монголии и основательно изучивших геологию, географию, животный и растительный мир Монголии, имеющую уникальную природу и самобытную кочевую цивилизацию. В Монголии успешно работали историко-этнографические, археологические, геологические, географические, палеонтологические, биологические экспедиции. Был собран, проанализирован и обобщен оригинальный научный материал и введен в научный оборот для мировой науки. В 2019 году Академия наук России и Академия наук Монголии наметили планы дальнейшего творческого сотрудничества ученых двух дружественных стран, комплексного изучения минеральных и природных ресурсов Монголии с целью эффективного использования минеральных ресурсов страны и сохранения хрупкой природы и оригинальных памятников и редких животных и растительного мира Монголии. Подписаны соглашения о дальнейшем сотрудничестве ученых двух стран; Российской Федерации и Монголии.

Монография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН Т. И. Юсуповой посвящена актуальной и научно значимой проблеме. История становления и развития научных организаций России и международного научного сотрудничества, развития научной мысли страны представляет особую важность в условиях реформирования системы научных исследований в стране, ее оптимизации и дальнейшего развития. Уникальный опыт научной деятельности Академии наук СССР в период становления, комплексного изучения России и соседних зарубежных стран представляет в этой связи несомненный научный и практический интерес.

Проблема советско-монгольского научного сотрудничества в 1921–1961 гг., комплексного изучения соседней Монголии, а также вопросы подготовки в СССР и России национальных квалифицированных кадров для соседней дружественной Монголии имеет важное научное и практическое значение. Россия сыграла решающую роль в деле подготовки высококвалифицированных специалистов для народного хозяйства, системы образования, здравоохранения и культуры Монголии, особенно в первой половине XX века. К сожалению, в современной монгольской историографии наметилась определенная тенденция негативной оценки роли России и СССР в становлении независимости Монголии и формирования научной и образовательной системы. В этой связи, введение в научный оборот Т. И. Юсуповой объемного исторического материала о масштабах и роли научного сотрудничества СССР и МНР, научного вклада советских ученых в комплексное изучение кочевой страны представляется чрезвычайно важным и актуальным.

В настоящее время западные экономические санкции и осложнение российско-американских отношений диктуют нам расширение и укрепление экономических, политических и научных отношений и связей со странами Востока, в первую очередь с Китаем и Монголией, создание стабильной геополитической ситуации в Северо-Восточной Азии, в треугольнике Россия-Монголия-Китай. Экономическое освоение Монголией крупных горнорудных месторождений меди, каменного угля и нефти потребовали значительного числа геологов, инженеров, экономистов,

менеджеров. В этих условиях происходит увеличение подготовки монгольских национальных кадров в современной России, наряду с другими странами мира, и особенно в Восточной Сибири. Поэтому изучение исторического опыта на начальном этапе научного сотрудничества СССР и МНР, обучение монгольских студентов и подготовки научных кадров в Москве, Ленинграде и в городах Восточной Сибири (Улан-Удэ, Иркутск, Кяхта) в книге Т.И. Юсуповой представляется актуальным и важным для исторической науки и практической деятельности Академии наук России, университетов и образовательных структур России.

История изучения научных организаций и обществ – довольно редкий вид современных научных исследований. Они требуют высокой профессиональной подготовки: знаний по конкретной истории России и Монголии определенного периода, источниковедения и историографии проблемы, развития общественной мысли двух стран изучаемого периода, конкретных научных биографий исследователей и дискуссионных проблем различных научных областей знания изучаемого периода. Также необходимо выявить и проанализировать обширный архивный материал по исследовательской деятельности значительного числа совместных советско-монгольских научных экспедиций. Со всеми этими трудностями и сложностями Т.И. Юсупова в целом успешно справилась и представила полную картину становления и развития советско-монгольского научного сотрудничества и комплексного изучения истории, экономики и природы Монголии.

Структура монографии Татьяны Ивановны Юсуповой, состоящей из введения, трех глав, заключения, списка сокращений, списка использованных источников и литературы, приложения, представляется нам логичной и обоснованной. Хронологические рамки данного исследования носят традиционный и устоявшийся в исторической монголоведческой литературе характер, не вызывают возражения.

Во введении монографии Т.И. Юсуповой представлен обстоятельный очерк историографии проблемы (С.5–38), который свидетельствует о высокой эрудиции автора. Т.И. Юсупова совершенно справедливо выделяет три историографические группы исследований: 1. работы по истории Академии наук СССР и ее взаимодействию с высшим научным учреждением МНР; 2. литература,

посвященная деятельности Комитета наук (Ученого комитета) МНР; 3. исследования по истории Монголии и советско-монгольских отношений. Действительно, историография проблемы носит довольно широкий характер, имеющая разные традиции и особенности, поэтому разделение вполне обоснованно. Но, считаем, что обзор литературы носит излишне лапидарный характер и заслуживает, по нашему мнению, более развернутой характеристики российской и монгольской историографии (С.5–18). По нашему мнению, большего внимания и подробной характеристики заслуживают историографические работы В. Д. Дугарова «Российская историография истории Монголии» (2014 г.), Ш. Б. Чимитдоржиева «Выдающиеся бурятские деятели» (2009), а также публикации Н. П. Шестиной, А. Н. Хохлова, В. Э. Раднаева, И. В. Кульганек, В. Л. Успенского, посвященные научному изучению Монголии в СССР и России.

Несомненным достоинством данного исторического исследования является обширная и разнообразная источниковая база, большинство исторических архивных материалов впервые в российской историографии введены в научный оборот. Т. И. Юсуповой проделана колоссальная работа по выявлению, анализу и обобщению уникальных архивных данных по истории советско-монгольского научного сотрудничества в 1921–1961 годах.

В фундаментальном исследовании Т. И. Юсуповой представлены и использованы документальные материалы, хранящиеся в Государственном архиве РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, Архиве внешней политики РФ, Архиве РАН и его Санкт-Петербургского филиала, Архиве Русского Географического общества, архивах ведомственных академических учреждений. Особо следует отметить привлечение архивных материалов Национального центрального архива Монголии в Улан-Баторе. В данном разделе представлена подробная характеристика архивных документов указанных выше российских архивов. Последующие исследователи данной темы получили надежную лоцию, которая облегчит научные поиски необходимого материала. Автором были широко использованы материалы личных архивов ученых (переписка, дневники, научные материалы) : С. Ф. Ольденбурга, В. Л. Комарова, В. А. Обручева, Б. Б. По-

лынова, Ц. Ж. Жамцарано, П. К. Козлова, С. А. Кондратьева, М. И. Клягиной-Кондратьевой, И. М. Майского и др.

Отмечаем, что не в полном объеме использованы монгольские исторические источники. Так, в Монголии в последние годы опубликованы многотомные собрания сочинений академиков Ш. Биры, Б. Ширендыба, Б. Ринчена, Ц. Дамдинсурэна, Ш. Нацагдоржа, в которых представлены документальные материалы и деловая переписка по проблемам истории российско-монгольского научного сотрудничества изучаемого периода.

Первая глава рецензируемой монографии Т. И. Юсуповой «Монголия как объект изучения Академией наук в ХУШ – начале ХХ вв.» (С. 13–38) посвящена истории изучения Монголии российскими учеными на протяжении двух веков, периоду становления и развития российского монголоведения, основным результатам академического изучения Монголии. Включение в книгу данной главы, выходящей за хронологические пределы исследования, представляется обоснованным и необходимым в данном сочинении. Автор не повторяет существующие в монголоведении работы, а предлагает собственное видение данной проблемы.

История российского монголоведения – область постоянного внимания современных отечественных ученых. Данная область историографических исследований имеет глубокие научные традиции в нашей стране, особенно резкий бум научного интереса к осмыслению научного вклада российских монголоведов произошел в последние двадцать лет в связи поиском новой парадигмы монголоведных исследований, резкой смены тематики исследования и методологии научного поиска. Возвращение в постсоветский период к проблематике традиционного классического монголоведения потребовал значительного переосмысления научного творческого пути целой области востоковедения, так и научного вклада отдельных монголоведов.

Традиции историографических монголоведных исследований в России связаны с именами В. В. Бартольда, Б. Я. Владимирцова, Н. П. Шастиной, Л. С. Пучковского, И. И. Иориша, М. И. Гольмана, Е. М. Даревской, Д. Б. Улымжиева, Ш. Б. Чимитдоржиева, В. Ц. Найдакова, Б. В. Базарова, Ю. В. Кузьмина, Е. И. Лиштованного, О. Н. Полянской, Л. Б. Жабоевой, Н. Е. Единарховой, Л. П. Поповой, Е. В. Бойковой, Т. И. Юсуповой, О. Н. Полянской,

И. В. Кульганек, А. Н. Хохлова и др. В разные годы российскими историками были предприняты попытки создания коллективного труда по истории востоковедения и монголоведения, об этом свидетельствуют «Очерки русского востоковедения», «История отечественного востоковедения до середины XIX века» (1990), «История востоковедения с середины XIX века до 1917 года» (1997), «Монголика» (12 выпусков), «Российское монголоведение» (вып. 1–6). Особо следует выделить исследования академика В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», Н. И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1879 г.), многочисленные статьи Н. П. Шастиной, которая готовила докторскую диссертацию по истории русского монголоведения, но не завершила ее, а также монографии Д. Б. Улымжиева «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» (1994 г.), «Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.» (1997), Ш. Б. Чимитдоржиева «Российские монголоеды (XVIII – нач. XX вв.)» (1997 г.), «Выдающиеся бурятские деятели» (вып. 1–4). Подготовлены творческие биографии крупных российских монголоведов: Г. Ф. Шамова о профессоре О. М. Ковалевском (1983 г.), Н. Е. Единархова о Я. П. Шишмареве (2009 г.), В. М. Алпатов о Н. Н. Поппе (1996 г.), Е. М. Даревская о С. А. Козине (1994 г.), О. Н. Полянская о О. М. Ковалевском (2001 г.), А. В. Попове (2019 г.) и др.

Т. И. Юсупова в первой главе монографии предлагает собственную трактовку развития российского монголоведения, накопление и обобщение естественнонаучных данных о Монголии. Убедительно показано активное участие в этом процессе ученых центральной России, так и сибирского региона. Можно согласиться с выводами автора: «Большинство коллекций, собранных в Монголии, были сосредоточены в Азиатском, Ботаническом, Зоологическом, Геологическом и Минералогическом музеях, в Музее антропологии и этнографии Академии наук и Санкт-Петербургском Ботаническом саду. Они способствовали формированию в России и Академии наук в частности специалистов различного профиля по изучению Монголии и дальнейшей активизации и специализации исследовательской работы в этой стране. Основными направлениями изучения Монголии российскими учеными в начале 20-х гг. XX века, кроме классического монголоведения, стали ботанические,

зоологические, географические, минералогические исследования» (с.38).

Во второй главе книги «Академия наук СССР и Комитет наук (Ученый комитет) МНР: формы и содержание сотрудничества (1921–1945 гг.)» дана характеристика внешнеполитической и внутренней ситуации в Монголии, изложена организация широкого естественнонаучного и статистико-экономического изучения Монголии в 1911–1919 гг., история создания Ученого комитета и первых научных контактов между РАН и Учкомом, история создания Комиссии СНК по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии).

В главе представлена развернутая характеристика российских исследований и организаций в Монголии в 1911–1921 гг.: «Комитета по делам обследования Монголии» С.А. Козина, П.А. Витте (1914–1916 гг.), экспедиция И.М. Майского 1919–1920 гг., Монголо-Тибетская экспедиция П.К. Козлова 1923–1926 гг. К сожалению, вне внимания и изучения автора диссертации остались «Московская торговая экспедиция в Монголию» (1912 г.), во главе со знатоком «монгольских проблем» полковником В.Л. Поповым, Сибирская экспедиция во главе с профессорами М.И. Боголеповым и М.Н. Соболевым, а также военно-исследовательские экспедиции российских военных-разведчиков: полковника В.Ф. Новицкого, поручика Ю. Кушелева, капитана С.Д. Харламова, капитана Тонких, полковника А. Баранова, сотника Дорофеева и других. Отчеты военных экспедиций содержат ценную информацию по географии, геологии, экономике, этнографии Монголии и заслуживают особого внимания современной науки.

Используя новейшие результаты современного монголоведения, Т.И. Юсупова подробно показала становление и развитие Ученого комитета Монголии, роль О. Жамьяна и Ц.Ж. Жамцарано в формировании научной организации, первые мероприятия по сбору и изучению монгольских исторических источников, развитию монгольского классического образования и формированию коллекции сочинений на монгольском, тибетском, маньчжурском языках, первых научных экспедициях Комитета. Специально выделен и проанализирован вопрос о международных контактах Ученого комитета и установление сотрудничества с Российской академией наук. Учком инициировал изучение природных ресурсов страны для оптимизации экономического развития. В условиях огра-

нического финансирования и недостатка национальных кадров ставилась задача привлечения зарубежных ученых. В 1922–1924 гг. в Монголии плодотворно работала группа российских ученых, внесших существенный вклад в изучение истории, культуры и природных условий страны.

Т.И. Юсуповой подробно проанализированы политические и научно-организационные причины взаимодействия Академии наук СССР и Ученого комитета МНР, определен персональный вклад руководителей обеих сторон в формировании и деятельности Монгольской комиссии АН СССР, определены особенности и специфика ее функционирования по координации сотрудничества. Отмечаются не только успехи и достижения научного сотрудничества, но и организационные и финансовые и языковые проблемы и трудности. Раздел насыщен значительным фактическим материалом подвижнической научной деятельности советских исследователей (П.К. Козлов, А.Д. Симуков, В.И. Лисовский, С.А. Кондратьев, Н.В. Павлов, Б.Б. Польшов, Г.И. Боровка, С.А. Теплоухов и др.), которые помогли становлению монгольской науки. На основе оригинальных архивных данных представлены данные о проекте создания Института изучения Монголии.

По оценке автора исследования, основной формой сотрудничества Академии наук и Учкома являлось проведение экспедиционных исследований, планы которых формировались с учетом пожеланий монгольской стороны. Такой характер взаимодействия стал основным на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. Т.И. Юсупова справедливо отмечает, что определяющую роль в формировании научного сотрудничества сыграли С.Ф. Ольденбург и Ц.Ж. Жамцарано под государственным патронажем управделами СНК СССР Н.П. Горбунова.

Специальный раздел монографии Т.И. Юсуповой «Монгольская комиссия АН СССР и Комитет наук МНР в условиях государственного администрирования и политических репрессий» (С.126–162) посвящен анализу деятельности Монгольской комиссии, основным направлениям, особенностям функционирования и ее нормативно-правовой базе. В разделе убедительно показан процесс вовлечения ученых в решение прикладных задач хозяйственно-экономического развития Монголии на первом этапе радикальных преобразований. Также проанализированы причины прекращения экспедиционных исследований в Монголии в 1934

году и влияние на деятельность Монгольской комиссии усиление процессов государственного регулирования и советизации Академии наук СССР.

Специальный раздел диссертации посвящен анализу причин перевода Комиссии по научному исследованию Монголии (Монгольской комиссии) из системы Совнаркома СССР в Академию наук, основным направлениям и результатам сотрудничества с Ученым комитетом.

Инициаторами и координаторами деятельности Монгольской комиссии по-прежнему выступали С.Ф. Ольденбург и Ц.Ж. Жамцарано, которые имели тесные и доверительные отношения. В экспедициях по Монголии сформировалась яркая плеяда российских ученых (В.Л. Комаров, Б.Б. Польшов, П.П. Сушкин, А.Е. Ферсман, Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе), результативно работающих по монгольской тематике, для некоторых исследователей она стала ведущей или важной в творческой биографии. В 1927–1929 гг. в Монголии успешно работали 13 экспедиционных отрядов Монгольской комиссии, по результатам которых публиковались «Материалы комиссии», а с 1932 г. – «Труды Монгольской комиссии». Т.И. Юсупова отмечает, что характер исследовательских программ советских ученых в Монголии в эти годы не претерпел больших изменений в сторону увеличения объема прикладных работ.

Специальный раздел монографии посвящен проблеме правового регулирования деятельности советских ученых в Монголии в 1924–1929 гг., особенно вопрос вывоза археологических памятников и другие коллекции из страны. Монгольской стороне передавались отчеты экспедиций, вторые экземпляры фотографий и копии рукописей. По мнению автора, «деятельность Монгольской комиссии АН в Монголии также проходила со строгим соблюдением правовых норм международного общения и регламентировалась специальными договорами с Ученым комитетом о порядке выполнения работ российскими экспедициями» (с.114).

Т.И. Юсупова подробно рассматривает в своей работе кадровые и организационные изменения деятельности Монгольской комиссии в 1930–1932 гг., когда была предпринята попытка организации комплексных экспедиций в Монголию, с доминированием экономических исследований. В 1930-х годах основными направлениями стали прикладные почвенно-агрономические, животноводческие, геологические, геохимические исследования.

Автор справедливо это связывает с социально-политическими изменениями политического руководства в СССР и Монголии, трансформацией политических задач в странах.

Как известно, вторая половина 1930-х годов была самым сложным и драматичным периодом в истории советско-монгольского научного сотрудничества, произошло его резкое сокращение. Восстания в Монголии, военные конфликты на монголо-маньчжурской границе, массовые репрессии среди ученых в 1937–1939 гг. привели к резкому сокращению научных экспедиций в Монголию и размеров научного сотрудничества. Произошел спад исследовательского интереса к Монголии со стороны академического сообщества СССР. Оценки и характеристики советско-монгольского научного сотрудничества Т. И. Юсуповой данного этапа объективные и корректные.

Заключительная третья глава исследования Т. И. Юсуповой «Сотрудничество Академии наук СССР и Комитета наук МНР в условиях смены коммуникативной стратегии научных сообществ СССР и МНР (1945-1961)» (С.177–282) посвящена анализу научного сотрудничества двух стран в послевоенный период, истории подготовки первого издания «История МНР» (1954 г.), деятельности историко-этнографической, палеонтологической и сельскохозяйственной экспедиций, а также причинам упразднения Монгольской Комиссии и организации советско-монгольского научного сотрудничества в рамках Иностранного отдела Президиума АН, проблемы организации Академии наук Монголии в 1961 году.

В данной главе автором убедительно показано, как менялся характер научного сотрудничества двух стран, как по мере развития научных и образовательных институтов Монголии и формирования национальных научных кадров происходил переход к совместным научным проектам, организованных на паритетных началах. Приоритетными направлениями исследований в Монголии являлись прикладные разработки, направленные на выработку конкретных методик и рекомендаций по улучшению экономического развития страны.

Создание в 1942 году Монгольского государственного университета и выпуск первых монгольских квалифицированных специалистов являлся, по мнению Т. И. Юсуповой «прорывом в решении проблемы подготовки национальных научных кадров» (с.178).

Подробно изложены материалы о предложениях академических институтов СССР по изучению Монголии, планах Комитета наук по расширению научного сотрудничества и сокращению плана научных экспедиций Монгольской комиссии правительством. Попытки монгольской стороны подписать долгосрочный план о сотрудничестве ограничились соглашениями по конкретным научным проектам.

Впервые в российской историографии Т.И. Юсупова подробно рассмотрела вопрос подготовки совместного российско-монгольского издания «История МНР». В научный оборот введены уникальные документы и материалы подготовки первого издания коллективной монографии советских и монгольских историков, подробно представлены проблемы, трудности и ход ее подготовки в 1946–1954 гг. к изданию. Несомненный интерес вызывает авторская трактовка длительности сроков подготовки книги и сокращения издания с трехтомника до одготомника. Более развернутого изложения, по нашему мнению, заслуживают дискуссионные проблемы новейшей истории Монголии: характер монгольской революции 1921 г. и сущности антифеодальных преобразований, единого фронта в начальный этап. Ход развернувшейся тогда дискуссии имеет несомненную ценность для развития современной историографии истории XX века.

В главе также представлено сотрудничество АН СССР и Комитета наук Монголии по организации и проведению историко-этнографической (1948-1949), под руководством С.В. Киселева; монгольской палеонтологической (1946-1949), под руководством И.А. Ефремова, и сельскохозяйственной (1947-1951) экспедиций. Особое внимание автором уделено анализу мотивации их организации, административным трудностям в их подготовке и реализации в условиях жесткого административного контроля. Дан подробный анализ проделанной научной работы, определен полный состав экспедиций и научные результаты. При характеристике палеонтологической экспедиции дан обстоятельный очерк изучения Монголии советскими и зарубежными учеными в предшествующий период, что имеет обоснованный характер. Справедливо отмечается, что прошедшие школу экспедиций монгольские ученые в дальнейшем продолжили самостоятельные изыскания в Монголии. Дальнейшие исследования Монголии были успешно

продолжены в совместных советско-монгольских экспедициях 1960–1980 гг.

Таким образом, в рецензируемой монографии Т.И. Юсуповой дан основательный и развернутый анализ становления и развития советско-монгольского научного сотрудничества в 1921–1961 гг., выделены основные этапы становления, развития, дана характеристика основных результатов научных исследований. Впервые в российском и мировом монголоведении дан глубокий анализ всесторонней научной деятельности Академии наук СССР на территории дружественной Монголии, характер советско-монгольского научного сотрудничества, показаны особенности и специфика комплексного исследования зарубежной страны геологами, географами, археологами, этнографами. Данное исследование открывает для российской науки новые горизонты развития науковедения России, истории научных организаций России и Монголии и международного научного сотрудничества, а также востоковедных историографических исследований в России. Представляется, что данная монография Т.И. Юсуповой носит во многом пионерский характер и надеемся, что появятся научные исследования, специально посвященные научному российско-монгольскому сотрудничеству в отдельных сферах науки: географии, геологии, ботанике, палеонтологии, этнографии и археологии.

Книга Т.И. Юсуповой по содержанию и структуре носит комплексный универсальный характер, подготовлена на стыке целого ряда научных направлений: отечественной и всемирной истории, историографии и источниковедения, истории научных организаций и конкретных творческих биографий ученых, поэтому ее научные результаты будут полезны исследователям различных специальностей.

Новизна данного научного исследования несомненна, научные результаты не вызывают сомнения, научное исследование открывает целое направление комплексных монголоведческих исследований истории и историографии Монголии. Ранее Т.И. Юсуповой были изданы две книги исторических источников, подготовленных совместно с Институтом истории Академии наук Монголии, и опубликованы в Монголии и Японии, что свидетельствует о международном признании автора и его публикаций. Результаты научных исследований по данной проблеме Т.И. Юсуповой были представлены на Международных конгрессах монголоведов и

крупных международных конференциях в западных странах и ведущих научных востоковедных центрах мира.

Монография известного историка научных организаций России из Петербурга Юсуповой Татьяны Ивановны представляет собой завершённое, самостоятельное и оригинальное научное исследование, посвящённое новой и малоисследованной проблеме, является творческим исследованием советско-монгольского научного сотрудничества в 1921–1961 гг., послужит восстановлению и активному современному научному сотрудничеству двух дружественных стран: России и Монголии. Возобновление в настоящее время совместных российско-монгольских научных экспедиций: геологических, этнографических, исторических, палеонтологических, в Монголии имеет возможность использовать позитивный опыт предшествующего периода научного сотрудничества.

**Забайкальский фронт в Маньчжурской операции
в августе 1945 г.: военно-воздушные десанты,
пограничники, СМЕРШ, фронтовое братство
монгольских и китайских воинов**

Рецензия на книгу: Н.В. Гордеев, С.А. Жданов «Забайкальский фронт в Маньчжурской операции. Август 1945. – Чита: Экспресс-издательство, 2018. – 122 с. ил.

В современной истории растёт интерес к военной истории России, особенно к истории XX века, наполненной героическими и трагическими страницами нашей страны. Особое место в отечественной истории занимает история Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и Второй мировой войны, в которой решающую роль сыграл Советский Союз и его вооружённые силы. Рецензируемая монография Н.В. Гордеева и С.А. Жданова посвящена истории Маньчжурской стратегической наступательной операции в августе 1945 г. и участию Забайкальского фронта, в результате которой была разгромлена Квантунская армия милитаристской Японии, что стало окончанием Второй мировой войны. Маньчжурской операции посвящено значительное число военно-исторических трудов, воспоминаний военачальников и участников операции, художественных произведений и кинофильмов. В данной книге в научный оборот вводятся новые исторические данные о роли Забайкальского фронта, его пограничных войсках, разведыва-

тельных органах, СМЕРШе, фильтрационно-следственной работе среди японских военнопленных.

Книга написана в научно-популярной форме для массового читателя и подготовлена крупными исследователями данной темы. Николай Васильевич Гордеев, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, автор многочисленных трудов по отечественной и военной истории России XX века, истории Сибири и Забайкалья. Сергей Анатольевич Жданов – генерал-лейтенант, кандидат исторических наук, автор работ по истории пограничных войск России и Забайкалья, монографии «Пограничники Забайкалья накануне и в годы Великой Отечественной войны» (2015 г.).

Авторы книги являются сторонниками традиционного, классического прочтения истории Великой Отечественной войны и выступают против так называемого «нового» или «альтернативного» подхода к военной истории России, который заключается в дегероизации подвига советского народа в войне, акцентировании на ошибках военного руководства, репрессиях и т.п. По мнению Н. В. Гордеева и С. А. Жданова, «нельзя позволить фальсификаторам подвергнуть ревизии нашу российскую историческую правду и память о ней, которые необходимо отстаивать и оберегать всеми силами. Ибо в этом – истоки нашей мощи, нашей общей твердой веры в то, что мы способны защитить и обустроить нашу землю, как это делали наши отцы, деды и прадеды» (С.4). Авторы использовали широкий круг исторических источников, в том числе оригинальных архивных материалов об участии пограничных войск в боевых действиях, взаимодействии войск Забайкальского фронта с вооруженными силами Монголии и Китая, разведывательных органах Забайкалья, деятельности СМЕРШа.

Авторы считают неправомерными утверждения зарубежных и некоторых российских авторов, будто Советский Союз в одностороннем порядке нарушил советско-японский договор о ненападении 1941 г. и 9 августа вступил в войну с Японией, а также проводил внешнюю политику, отмеченную «наличием дуализма». Они пишут: «5 апреля 1945 г. СССР, выполняя решения Крымской конференции и свои союзнические обязательства перед США и Великобританией, расторг советско-японский договор о ненападении, заключенный в апреле 1941 г., и 9 августа вступил в состояние войны с Японией» (С.6). В книге подчеркивается, что США и

Великобритания еще в 1943 и 1944 годах пытались вовлечь СССР в войну на Дальнем Востоке, что не отвечало военным интересам и возможностям наших вооруженных сил.

Маньчжурская стратегическая наступательная операция в августе 1945 года (9 августа – 2 сентября) является выдающейся военной операцией советских войск на завершающем этапе Великой Отечественной и Второй мировой войны, пространственный размах превосходил советско-германский фронт в 1, 5–2 раза (4 тыс. км), операция была проведена на территории Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Кореи с минимальными потерями и в короткие сроки. Квантунская армия длительное время готовилась к военным действиям, вблизи советских границ было создано 17 укрепленных районов, каждый из которых занимал 100 км по фронту и 50 км в глубину; японское командование считало маньчжурский железобетонный пояс неприступным для противника. Квантунская армия имела 31 пехотную дивизию, 9 пехотных и 2 танковых бригады, 2 воздушных армии, а также войска Маньчжоу-Го общей численностью 178 тыс. чел.

В мае-июле 1945 г. началась перегруппировка советских войск с запада страны на Дальний Восток, и по Транссибирской железнодорожной магистрали было перевезено 136 тыс. вагонов с войсками и военными грузами, техникой и боеприпасами. Это было осуществлено скрытно для японской разведки и наступление советских войск они ожидали в сентябре-октябре 1945 г., ежедневно поступало от 22 до 30 поездов, что потребовало напряженной работы забайкальских железнодорожников (С.14).

9 августа началось наступление Забайкальского фронта, под командованием маршала Р.Я. Малиновского на Хингано-Мукденском направлении; наступление советских войск началось на 1700 км по фронту и 1200 км в глубину. 12 августа 6 гвардейская танковая армия стремительно преодолела хребты Большого Хингана, в тяжелейших природных и климатических условиях гор и пустынь, отсутствия водных источников, также ожесточенного сопротивления японских войск. 10 августа 1945 г. в войну с Японией вступила Монгольская Народная Республика и совместное советско-монгольское наступление развивалось довольно успешно.

Японские войска оказывали ожесточенное сопротивление, среди личного состава было немало фанатиков-смертников. Авторы пишут, что «поскольку Хайларский укрепленный район с ходу

взять не удалось, потребовалось создание специальной группы войск для ликвидации вражеского гарнизона. Группа была усилена отрядами пограничных войск. На это потребовалось девять дней. 18 августа после кровопролитных боев Хайларский укрепрайон, который японское командование считало самым неприступным, был взят штурмом, а его командующий генерал-лейтенант Номура сдался в плен» (С.16).

Советские войска за 10 дней продвинулись на 600–700 км и лишили Квантунскую армию способности к сопротивлению. Советское командование желало избежать дальнейшего кровопролития и ненужных военных потерь, разрушения населенных пунктов — прибегло к уникальному и рискованному военному действию — высадке воздушных десантов и группы парламентаров в крупные центры — Чанчунь, Мукден, Порт-Артур, Дальний.

Уникальная операция воздушного десанта и парламентаров была осуществлена в Чанчуне полковником И. Т. Артеменко. Японцы готовили военную операцию по жестокой расправе с советскими парламентарями, и только решительные действия небольшой группы десанта и парламентаров, готовых к бомбардировке японского гарнизона советских самолетов, находящихся в воздухе над городом предотвратили жестокую расправу. В Чите в 2016 году были переизданы мемуары о данной операции И. Т. Артеменко «Забайкальцы за Хинганом», которые мы рекомендуем для всех интересующихся уникальной военной операцией в августе 1945 г. Это еще раз подчеркивает различие военной стратегии СССР и США, которые осуществили атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки, не вызванные военной необходимостью. Российское командование избежало массовой гибели военных с обеих сторон, осуществив операции принуждения к капитуляции и миру.

Специальная глава рецензируемой книги посвящена боевым действиям пограничных войск Забайкальского округа (С.25–39), которая является предметом специальных исследований С. А. Жданова и сферой его профессиональной деятельности. В книге представлены военные операции Даурского, Нерчинскозаводского, Джалиндинского пограничных отрядов. Пограничники ликвидировали 5 пограничных полицейских отрядов, 4 опорных пункта укрепрайона, 38 малых пограничных отрядов, 3 пограничных поста, взяли в плен 541 солдата и офицера противника (С.26). Пограничники создали свыше 100 штурмовых отрядов, которые

направлялись на самые сложные участки Забайкальского фронта. Авторы приводят в работе многочисленные примеры героизма и самопожертвования забайкальских пограничников. Пограничники обеспечили регулярным частям Забайкальского фронта успешный переход границы, вели борьбу с отдельными японскими группами, пресекали действия японской агентуры, наводили порядок на освобожденных территориях Маньчжурии. Всего оперативно-розыскными группами в Маньчжурии было задержано 812 кадровых сотрудников японской разведки, 1037 агентов жандармерии и полиции, 122 диверсанта (С.37).

Н.В. Гордеев и С.А. Жданов не согласны с утверждением некоторых авторов об ошибках и просчетах пограничной разведки, приведшим к серьезным потерям при штурме Хайларского укрепрайона (С.37). По их мнению, это было связано с несогласованностью в деятельности штабов, а также стремительностью наступления войск и недостатком времени для принятия оперативных решений.

Пограничники сыграли значительную роль по охране тыла действующей армии, ликвидации японских «летучих отрядов», выявляли и очищали приграничную территорию Маньчжурии от диверсионных групп противника, выявлению японской агентуры и ликвидации агентурной сети японцев. Охранение границы полностью ложилось на плечи российской стороны, а в условиях экономических трудностей в Маньчжурии, деятельности различных банд, массовых реквизиций революционными китайскими войсками продовольствия и имущества происходили нарушения границы.

С окончанием боевых действий пограничники стали контролировать массовое перемещение войск и военных грузов, перемещение японских военнопленных через границу, пресечение перехода границы беглыми японцами из лагерей, заниматься фильтрационно-следственной работой среди японских военнопленных. В августе большая группа высокопоставленных японских пленных и интернированных чиновников были направлены под Читу, в Молоковку на спец-объект №30, в том числе и последний император Китая – Пу И.

Глава книги «Смерш в разгроме Квантунской армии» посвящена малоисследованному вопросу военной истории Маньчжурской операции. Гриф секретности пока не снят с ряда архивов, об

операциях этого уникального высокоэффективного формирования вооруженных сил.

Военные контрразведчики в приграничных районах Забайкалья и Дальнего Востока задержали и обезвредили около 2, 5 тысяч агентов японской разведки, прошедших длительную подготовку в школах японских военных миссий в Маньчжурии и Харбине. В мае-июне эти миссии направили на узловыe станции Забайкалья маршрутные группы и одиночных разведчиков для выявления численности перевозимых советских войск и боевой техники, было задержано 16 японских агентов (С.43).

На освобожденной территории Маньчжурии к окончанию боевых действий были выявлены и арестованы 5484 агента и сотрудника разведки противника, 1303 руководителя и активиста антисоветских эмигрантских организаций, более 1000 – сотрудников японских консульств, участников фашистских организаций. Контрразведчики «Смерша» в тылу противника собирали информацию о дислокации войск, крупных оборонительных сооружениях, деятельности японских спецслужб. Более 100 разведчиков Забайкалья попали в сети японской контрразведки (С.51). По неполным данным, только в 1943–1945 гг. в Маньчжурии погибло 43 советских агента. Сказывались недостаточная подготовка агентов, несоблюдение правил конспирации и эффективная контрразведка японцев.

В мае 1945 г. для проведения Маньчжурской операции был направлен заместитель начальника «Смерш» генерал-лейтенант И. Я. Бабич с 30 опытными контрразведчиками, затем прибыло 170 руководящих работников контрразведчиков, имеющих опыт фронтовой работы, что резко улучшило качество и результаты работы.

По оценке авторов работы, «на некоторых архивных документах, содержащих информацию по истории «Смерша», гриф секретности еще остался, для многих смершевцев война не окончена. Предстоит в полном объеме исследовать правду о создании и деятельности этого формирования, оставившего особый след в летописи военной истории России; вернуть из небытия имена несправедливо забытых или оклеветанных героев, попавших под молот хрущевской «десталинизации» и проводившейся в 1959 г. чистки органов госбезопасности» (С.53). В книге приведены конкретные трагические судьбы крупных военных контрразведчиков: П. В. Зеленина, А. А. Романова, С. А. Гоглидзе.

Авторы специально рассмотрели в книге участие в боевых действиях Забайкальского фронта вооруженных сил Китая и Народно-революционной армии МНР, которые приняли активное участие в разгроме Квантунской армии. Наступление войск Забайкальского фронта было очень своевременным для соединений, руководимых коммунистами в Северо-Восточном Китае, которые испытывали серьезные трудности и были окружены японскими войсками. 11 августа подразделения 8-й НРА развернули широкое наступление и в районе Жэхэ войска Забайкальского фронта вошли в соприкосновение и взаимодействие с народно-освободительными войсками Китая. Здесь также активно в боях участвовала советско-монгольская Конно-механизированная группа, под руководством генерал-полковника И. А. Плиева. По просьбе китайского командования им были переданы огромные запасы трофейного оружия. Для разоружения японских гарнизонов, продолжавших сопротивление после приказа о капитуляции, были созданы совместные отряды Забайкальского фронта, которые действовали согласованно с китайской армией.

Конно-механизированной группе советско-монгольских войск предстояло овладеть Долоннором, затем наступать на город Жэхэ, за три дня предстояло с боями преодолеть 300 км, преодолевая пески Гоби. Были разгромлены кавалерийские дивизии Дэвана, преодолели Большой Хинган, с боями преодолели сильные японские укрепления и штурмом взяли укрепрайон, 22 августа вошли в Калган. Как пишут Н.В. Гордеев и С.А. Жданов, «прирожденные кавалеристы, монгольские цирики на своих выносливых конях без труда ориентировались в бескрайних степях с редким населением и колодцами под палящим зноем. Все это значительно помогало успешному совершению рейдов КМГ по 700–900 км.» (С.72).

В Китае, севернее Хайлара, на местах боевых действий, сооружен грандиозный музей «Парк памяти мировой антифашистской войны», который символизирует интернациональное единение русского, китайского и монгольского народов против японского милитаризма.

Время все дальше отодвигает от нас события Великой Отечественной войны, новые поколения все меньше знают о трагических и героических страницах военной истории России, когда наша страна отстаивала национальные интересы страны, а также выполнили благородную миссию освобождения народов

Азии от японского порабощения и завершили Вторую мировую войну. Военные события на Дальнем Востоке находятся в тени исторических событий на западном театре войны, Маньчжурская стратегическая операция и участие в ней Забайкальского фронта нуждаются не только в углубленном научном исследовании, но и популяризации героической страницы нашего Отечества. Надеемся, что книга Н. В. Гордеева и С. А. Жданова «Забайкальский фронт в Маньчжурской операции. Август 1945» будет интересна любителям истории, преподавателям гуманитарных дисциплин и истории, а также молодому поколению, от которых зависит выбор дальнейшего развития России.

Новая трактовка истории войны на Халхин-Голе в 1939 г. или фальсификация истории?

Рецензия на книгу: О. С. Смыслов. Халхин-Гол. За кулисами забытого конфликта/О. С. Смыслов. – М.: Вече, 2017. – 384 с.

Представлена рецензия на книгу О. С. Смылова, посвященная авторской трактовке военных событий на Халхин-Голе в 1939 году, характеристике причин войны, роли военачальников, военных потерь участников боевых действий.

В изучении войны на Халхин-Голе 1939 г., (или по другим оценкам, военного конфликта), в российской историографии начался новый этап изучения данной темы. 75-летний юбилей военных событий на монголо-маньчжурской границе в 1939 году привел к серьезной активизации исследований российских, монгольских и японских исследований и выходу серьезных трудов (В. В. Грайворонский, М. И. Гольман, В. Г. Дацышен, С. Г. Лузянин, В. Г. Мильбах, М. Коломиец, В. И. Кондратьев, Б. В. Базаров, Л. В. Курас, Е. Л. Катасонова, С. В. Карасев, А. П. Суходолов, М. П. Рачков и др.), которые сделали важный шаг в трактовке войны [1; 3; 4; 5; 6]. Работы были построены на критическом анализе исторических работ предшествующего периода, аналитическом использовании архивных документов и мемуаров, новых темах изучения проблемы. Предложены для дискуссии как новые трактовки войны в целом, так и отдельные проблемы (военнопленные, репрессии, военные потери, оценки отдельных эпизодов войны) [3; 4; 5]. Так, была предложена новая трактовка войны на Халхин-Голе, как начало Второй мировой войны, которая вызвала серьезный научный

интерес[2, С.74–96]. В них отсутствует ложная героика, дан более объективный и взвешенный анализ причин войны, места военных действий в истории Второй мировой войны, последствия военных событий на реке Халхин-Гол для российской и мировой истории. Были проведены крупные международные конференции в Москве, Санкт-Петербурге, Улан-Баторе, Иркутске, Чите, Улан-Удэ, которые сделали неизвестную массовому читателю войну или забытый военный конфликт более узнаваемым и весомым в российской национальной истории[7].

Однако, некоторые исследования по истории военного конфликта на реке Халхин-Гол 1939 года на критической волне полной реконструкции исторических событий, вместо одних исторических мифов создают другие, но с противоположным знаком. В 2017 году издательство «Вече» опубликовало монографию военного историка, подполковника запаса и писателя О.С. Смыслова «Халхин-Гол. За кулисами забытого конфликта», которая претендует на новую трактовку роли Г.К. Жукова и командующего фронтовой группы командарма Г.М. Штерна, комбрига М.А. Богданова в данной войне, причинах военного конфликта, военных потерь сторон и исторической роли других важных персонажей военных действий.

Олег Сергеевич Смыслов закончил Высшее авиационное училище, Военно-воздушную академию и длительное время служил в российской армии (ПВО, ВВС), член Союза писателей с 2004 года, автор более 30 книг по военной истории, в том числе «Василий Сталин. Заложник имени», «Пятая колонна Гитлера. От Кутепова до Власова», «Генерал Абакумов. Всесильный хозяин СМЕРШа», «Окопная правда войны», «Асы против асов», «Накануне 1941 г. Гитлер идет на Россию», «Котовский. Робин Гуд революции», «Расстрелять перед строем», «Плен и смерть в немецких лагерях», «Защитники Русского неба. От Нестерова до Гагарина», «Сталинские генералы в плену» и многие другие.

Как мы видим, О.С. Смыслов выступает в основном в научно-популярном жанре, его интересует значительный круг исторических сюжетов. В данной книге автор использует значительное число архивных материалов РГВА, обильно цитирует исторические работы по данной проблеме, предлагает новые варианты оценок исторических событий войны на Халхин-Голе 1939 г., да и тираж издания также значителен, поэтому найдет массового читателя, в этой связи она заслуживает специальной рецензии. Ряд

положений данной книги носит спорный характер, заслуживает внимания специалистов-историков и публичной дискуссии.

По нашему мнению, спорный характер носит тезис автора книги о случайности военного конфликта на реке Халхин-Гол в мае 1939 года. Данный тезис не принадлежит О. С. Смыслову, он ссылается на точку зрения В. Варганова, по мнению которого нельзя было рассчитывать на завоевание МНР и захват Забайкалья двумя пехотными полками и частями усиления, общей численностью 10 тыс. человек (С.25). «На наш взгляд, вспыхнувшие боевые действия, как это не прозвучит неожиданно, носили случайный характер и были обусловлены неразберихой с линией границы в этом районе. В течение нескольких лет между монгольской и маньчжурской сторонами по этому поводу проводились консультации, однако единой точки зрения выработано так и не было» (С.25). Конечно, это совершенно не так. Японская экспансия в этом регионе носила планомерный характер и не была случайной, а планируемой и логичной. После создания марионеточного государства Маньчжоу-Го и укрепления позиций Японии в этом зависимом государственном образовании началась дальнейшая экспансия, которая с каждым годом нарастала. Количество военных провокаций и пограничных конфликтов на советско-маньчжурской и монголо-маньчжурской границах с 1931 года постоянно нарастало, все они были с японской стороны, со стороны Квантунской армии. Это сегодня признают и японские историки.

По мнению О. С. Смылова, «именно в эти месяцы японская дипломатия вела ожесточенный торг об условиях сотрудничества с Германией и Великобританией. В то же время Япония продолжала тяжелую войну в Китае, где несла ощутимые потери в живой силе и технике. Очевидно, в таких условиях японцы при всей своей агрессивности не были заинтересованы в раздувании еще одной крупной войны, отвлекающей их силу от главной цели» (С.27). Представляется, что японские военные рассчитывали как раз на небольшую победоносную войну, для своей реабилитации после поражения на озере Хасан в 1938 году. Это укрепило бы их международную репутацию и усиливало позиции на японо-германских переговорах. Они также не рассчитывали на такую реакцию СССР и думали, что наша страна, имеющая сложную дипломатическую ситуацию на Западе, не прореагирует столь жестко и решительно в Монголии. Тактическое преимущество также было на японской

стороне, имевшей железную дорогу и автомобильные трассы прямо к будущему театру военных действий, а советские войска находились на значительном удалении от этого района конфликта и отсутствовала необходимая транспортная инфраструктура.

Основной лейтмотив книги О.С. Смылова – развенчать роль комдива (затем комкора) Г.К. Жукова – командующего армейской группировкой в Монголии, в разгроме японских войск на реке Халхин-Гол в июле – сентябре 1939 г. Автор показывает это через неточности его мемуаров о халхин-гольских событиях, намеренные пропуски в мемуарах ряда крупных военачальников и их роли в данной военной операции.

Можно согласиться с О.С. Смыловым, что в мемуарах Г.К. Жукова, а также в ряде исторических трудов, особенно в советское время не отражена роль командарма 2-го ранга Григория Михайловича Штерна – командующего фронтовой группировки со штабом в Чите, старшего по должности и по званию военачальника, а также начальника штаба, комбрига М.А. Богданова, которые сыграли важнейшую роль в разработке плана военной операции и его реализации. Автор справедливо указывает, что Г.М. Штерн и М.А. Богданов имели высокое военное образование, боевой опыт Испании и превосходили по военному потенциалу Г.К. Жукова. В российских исследованиях последнего периода это обстоятельство учитывается современными исследователями, но делается уважительно к известному маршалу и его военным заслугам.

Автор отказывает Г.К. Жукову в военных талантах, считает его руководство войсками на Халхин-Голе не профессиональными, что ему не доставало военного академического образования и боевого опыта. Ссылаясь на воспоминания майора В.А. Новобранца, он отмечает: «Командарм Жуков игнорировал технические средства связи и использовал для этой цели только офицеров, как это дела в свое время Наполеон... Жуков рассылал по фронту офицеров своего штаба. Иногда в штабе оставался только командующий со своим начальником штаба» (С.111). Командарм командовал не дивизиями, бригадами, отдельными полками, а отрядами: «Жуков, который в академии никогда не учился, а самостоятельно изучил опыт Русско-японской войны, видимо, было недосуг, пошел следами Куропаткина» (С.113). В критике деятельности Г.К. Жукова автор явно недооценивает его военные способности, умение оперативно постигать сложившуюся военную ситуацию и

принимать оперативные и решительные действия. Подбираются только негативные оценки действий Г. К. Жукова, все представлено излишне однобоко, негативный тон явно преобладает, что совершенно несправедливо. Характеристики излишне эмоциональные и негативные.

По мнению О. С. Смыслова, командарм Штерн и комбриг Богданов были учителями Жукова, «сам же Георгий Константинович, к величайшему сожалению, был не способен самостоятельно отработать план наступательной операции» (С.242). Поэтому «план халхин-гольской операции в окончательном варианте был результатом коллективного труда командарма 2-го ранга Штерна, комбрига Богданова, комкора Жукова и других офицеров фронтовой и армейских групп» (С.234). Автор справедливо считает, что пройдут годы, Штерн будет репрессирован, а его имя исчезнет из памяти и воспоминаний, и останется только Г. К. Жуков. В военно-исторической литературе эта проблема обсуждается, имеются различные точки зрения, поэтому необходимо специальное документальное исследование.

Автор работы подчеркивает излишнюю жестокость решений Г. К. Жукова, большое количество его необоснованных личных расстрельных приговоров, которые по инициативе Штерна затем были помилованы. По мнению автора книги, Жуков не обладал военными талантами и образованием, а брал настойчивостью, волей, жесткими решениями. «Георгий Константинович в роли проверяющего точно так же вмешивался в оперативную деятельность командования, писал донесения в Москву и подменял командира корпуса Фекленко. Был он скор и на расправу. В общем у Мехлиса с Жуковым был очень похожий почерк... Впоследствии Сталин именно в нем увидит волевого исполнителя своих решений, родственную «душу» в смысле решительности, силового напора и бескомпромиссности» (С.92–93). Автор считает неэффективными лобовые атаки в июльских боях, которые приводили к большими военным потерям. Данная линия в современной исторической литературе в характеристике Г. К. Жукова имеет своих сторонников и отражена в исторической литературе.

Нам представляется, что оспаривать военный талант Г. К. Жукова, в том числе в халхин-гольской операции довольно бессмысленно. Разумеется, в его деятельности были ошибки, крайности и неправильные решения. Однако рисовать его портрет в военной

операции на Халхин-Голе в 1939 году только «черной краской» не получится, так как исторические факты противоречат этому. А вот сопоставить различные документальные и мемуарные источники (позитивные и отрицательные в оценках Г.К. Жукова) было бы полезно, а не подбирать в один строй только негативные характеристики о великом полководце. А так получается, что вместо одного мифа «героического полководца» формируется другой миф с противоположным знаком. Назрела необходимость глубокого и критического анализа военных событий на реке Халхин-Гол, уточнения роли известных военных деятелей того времени, а также причин, военных потерь и исторических последствий войны.

Автор подробно останавливается на проблеме отношения Г.К. Жукова к штабам и штабной работе. На раннем этапе своей военной карьеры он действительно недооценивал роль штабной работы, но уже во время войны на Халхин-Голе 1939 г. и особенно позднее, на более высоких военных должностях придавал этому виду военной деятельности, несомненно, важное значение. «В Монголии Г.К. Жуков получил свой самый первый боевой опыт военачальника в масштабе особого корпуса и армейской группы. И там, на Халхин-Голе, вместо того, чтобы дорожить теми кадрами (с высшим военным образованием), которые или уже работали в штабе 57 ОК, или прибыли после выпуска из академии, будущий полководец всегда находил повод быть ими недовольным, все время загоняя под трибунал» (С.102). Вызывает вопрос у автора, почему он не упомянул начальника штаба Богданова, своего первого заместителя, хотя вспомнил второстепенных персонажей военных действий. «Так почему же маршал и полководец забыл упомянуть в мемуарах своего начальника штаба и других штабных командиров? Можно лишь предположить, что за забывчивостью Г.К. Жукова кроется нежелание вспоминать «старое». И свое неумелое руководство, и свою излишнюю жестокость, и свою грубоватость, и свое упрямство. Да и зачем делить лавры главного победителя на р.Халхин-Гол с каким-то неудачником?» (С.117).

По мнению автора книги, боевой опыт Жукова Первой мировой войны не подходил для Монголии, а идеальным кандидатом для назначения на должность командира 57-го особого корпуса мог бы стать комдив К.К. Рокоссовский (С.78). «Прохождение службы у Г.К. Жукова службы до Халхин-Гола достойно уважения, вот только он так и остался лишь хорошим командиром – кавалеристом.

Бои же в Монголии требовали от военачальника более широкой квалификации, но для этого будущему маршалу не хватало ни военного образования, ни соответствующего боевого опыта» (С.70). Г.К. Жуков был направлен в Монголию первоначально как проверяющий, и только через две недели был назначен командиром корпуса вместо комдива Н.В. Фекленко. О.С. Смыслов пишет, что Жуков написал много донесений о состоянии дел в Москву, которые и решили исход дела (С.67). «Относительно Фекленко, судя по всему, Г.К. Жуков оказался прав: «Много старается, но в основном мало организован, и недостаточно целеустремлен». Но все это будущему полководцу оказалось только на руку. Ведь одно дело – подсказать, помочь, а совсем другое – постоянно «подпиливать ножки кресла командира корпуса» своими докладами в Москву. Ведь не секрет, что хватка Жукова всегда была крепкой» (С.56). По версии писателя О.С. Смылова: Г.К. Жуков «подсел» комдива Фекленко и занял его место, направление в Монголию получил по рекомендации помощника начальника Генерального штаба М.В. Захарова (будущего маршала Советского Союза), военную операцию по разгрому японских войск разработали штабы Штерна и Богданова, при участии Жукова. Налицо явная предвзятость оценок деятельности Г.К. Жукова в войне на реке Халхин-Гол.

Было бы понятно, если бы это был зарубежный автор, нацеленный на поиски «слабых мест» в нашей военной истории, и ее дискредитации. В данном случае, автором является бывший старший офицер российской армии, прекрасно знающий военную историю России, подготовивший десятки книг по данной теме. Развенчание известного маршала Победы, получившего звание Героя Советского Союза за успешную военную операцию на Халхин-Голе и начавшего дальнейшую блестящую карьеру военачальника должно иметь свою мотивацию.

Похвальное желание современных исследователей критически оценивать работы своих предшественников советского периода и обосновывать собственную точку зрения на изучаемую проблему. В данном случае, автор должен использовать весь комплекс исторических источников, документов и мемуаров, а не подбирать «удобные» характеристики под собственную концепцию. Введение в научный оборот новых и оригинальных источников, критический анализ разнообразных точек зрения позволит достичь более точной исторической характеристики явлений и личностей.

По нашему мнению, само исследование О.С. Смылова представляется нам довольно рыхлым по структуре, с развернутыми биографическими справками, которые, конечно, необходимы, но их можно было расположить в примечаниях, или выделить отдельными текстами; а также текст книги изобилует некорректными ссылками на историческую литературу, без точного указания на цитируемый источник. Излишне обильное цитирование, переход от одной ссылки к другой, минимальное авторское обобщение и анализ характерно для книги рецензируемого автора.

Профессиональные историки не примут все оценки автора, они являются спорными и дискуссионными, а вот неискушенный читатель может принять все выводы автора за историческую правду и оказаться в плену ложных представлений по военной истории России. Разумеется, необходима всесторонняя, в том числе и критическая характеристика деятельности Г.К. Жукова, но не приемлемо односторонняя, только его негативная историческая оценка. Согласимся, что в мемуарах всегда можно обнаружить неточности, идеализацию одних и критику других персонажей, поэтому необходима историческая взвешенность оценок. Мемуары Г.К. Жукова находились под жестким идеологическим контролем, серьезной редакцией перед публикацией, поэтому, к сожалению, не все зависело только от автора воспоминаний.

Искажение российской истории, в том числе и военной истории, военных конфликтов и Второй мировой войны приобретает сегодня в российской и особенно западной историографии массовый и целенаправленный характер. Исследования профессиональных историков публикуются издаются в малотиражных изданиях и малодоступны массовому читателю. Публикации научно-популярного характера и более массовыми тиражами, публикации в Интернете оказывают большее влияние на формирование исторических знаний массового читателя, которые могут иметь в будущем негативные последствия для нашей страны.

По нашему мнению, назрела необходимость создания коллективной монографии силами российских и монгольских историков, а также подготовка специальной энциклопедии «Война на Халхин-Голе 1939 года», что позволит избежать вольного или намеренного искажения военной истории России и истории ее международных отношений, объективной исторической роли конкретных военачальников.

Список использованной литературы

1. Катасонова Е. Л. Халхин-Гол: 70 лет спустя. Историография проблемы/ Е. Л. Катасонова//Япония. Ежегодник, 2009, – №38. – С.271.
2. Кузьмин Ю. В. Война на Халхин-Голе 1939 г. (май – сентябрь) как начало Второй мировой войны/Ю. В. Кузьмин, М. П. Рачков, А. П. Суходолов//Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – №2. – С.74–96.
3. Мильбах В. С. Политические репрессии комначсостава Забво и 57-го особого корпуса (1937-1938) / В. С. Мильбах. – Иркутск: Из-во ИрГТУ, 2002. – 268 с.
4. Свойский Ю. М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров, прошедших через японский плен/Ю. М. Свойский. – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 320 с.
5. Сеченов И. В. Отдельный пограничный батальон в боях на Халхин-Голе, 1939 год./ И. В. Сеченов. – Иркутск: Географ, 2014. – 108 с.
6. Суходолов А. П. Монголия и русско-монгольские отношения первой половины XX века: проблемы истории и историографии/ А. П. Суходолов, Ю. В. Кузьмин; под ред. проф. М. П. Рачкова. – Иркутск: Изд-во БГУ, 2016. – 318 с.
7. Халхин-Гол 1939 г. в мировой истории и международных отношениях: история, историография, концепции. Мат. межд. конф. 23 мая 2014 г.//Вестник Международного центра азиатских исследований. Вып. 19. –Иркутск: Изд-во ВСГАО, 2014. – 286 с.

Рецензия на монографию А. И. Шинкового

«Буддийское наследие Монголии и Востока (XVII–XX вв.). Исследование и каталог восточных коллекций из собрания Иркутского областного краеведческого музея» – Иркутск-Улан-Батор, 2018. – 464 с.

Международная ассоциация монголоведения, Иркутский областной краеведческий музей и Монгольский государственный университет культуры и искусств опубликовали в Монголии монографию Анатолия Ивановича Шинкового «Буддийское наследие Монголии и Востока (XVII–XX вв.). Исследование и каталог восточных коллекций из собрания Иркутского областного краеведческого музея». Данное исследование кандидата исторических наук, главного научного сотрудника Иркутского областного краеведческого музея А. И. Шинкового – результат многолетнего

научного изучения буддийской коллекции старейшего российского и первого сибирского музея, основанного в 1782 году.

Как известно, Иркутск является крупным экономическим и культурным центром Восточной Сибири, в XVIII–XIX вв. был административным центром управления сибирским регионом и дипломатическим посредником Российской империи со странами Востока: Китаем, Монголией, Японией и Кореей. Иркутск выделялся среди других городов Сибири высоким уровнем образования, созданием школ, училищ, а также библиотек и музеев. Иркутск являлся торговым центром Восточной Сибири с восточными странами. Образованные купцы и известные русские путешественники приобретали картины известных художников, а также произведения искусства восточных мастеров, в том числе буддийские скульптуры, предметы восточного искусства в Монголии, Китае, Тибете. Поэтому именно здесь появились первые в Сибири школы, музеи и библиотеки.

Через Иркутск пролегали и маршруты известных русских путешественников в Монголию, Тибет, Китай, Японию. Первые отчеты путешественников происходили также в Иркутске. В этой связи, русские купцы и путешественники передавали в Иркутские музеи коллекции восточных книг, произведения азиатского искусства. Постепенно в Иркутске складывалась школа востоковедения, монголоведения и буддологии из числа профессиональных переводчиков восточных языков, преподавателей монгольского, маньчжурского и китайского языков в гимназии, школах, училищах, появились истинные ценители восточной культуры. Особенно много таковых оказалось среди образованных и состоятельных купцов, которые приобретали для себя и городских музеев восточные раритеты. Наличие китайских, японских произведений живописи, восточной буддийской скульптуры в иркутских музеях и частных коллекциях купцов, состоятельных предпринимателей города имело довольно распространенный характер. Торговцы чаем, сибирской пушниной, золотом вкладывали в произведения русского и зарубежного искусства значительные финансовые средства и обладали значительными коллекциями, часть из которых оказались в Москве, Санкт-Петербурге или за рубежом, а их существенная часть сохранилась в музеях города Иркутска. 26 октября 1782 года в Иркутске был создан городской музей, в котором и формировалась восточная буддийская коллекция. Особенностью

данной коллекции является ее формирование на основе даров купцов, буддийских деятелей, коллекционеров, а не на основе конфискации буддийских монастырей. С 1880 по 1920 гг. формирование коллекции шло наиболее интенсивно, и она стала одной из лучших в России коллекции подобного рода. 28 декабря 1888 года состоялась первая в России выставка буддийской скульптуры, которую посетило более 6 тысяч зрителей, что свидетельствует о высоком интересе жителей города к восточному искусству. Многие известные путешественники и писатели отмечали высокий уровень образования и культуры Иркутска, поэтому создание музеев, школ и библиотек в Иркутске является неперенным атрибутом общественной жизни сибирского города.

Каталог изданной коллекции (с.224–464) состоит из буддийских скульптур Внешней Монголии, Внутренней Монголии, Китая, Непала, Тибета и Японии, он также дополнен сведениями о коллекционерах, которые заложили основы данного музейного собрания. Самостоятельную ценность имеет раздел «Основные принципы буддийской иконографии в металлической скульптуре Китая, Центральной и Юго-Восточной Азии на примерах коллекции ИОКМ» (с.128–169), который будет интересен и полезен историкам и искусствоведам, недостаточно знакомым с буддийской культурой и символикой.

Текст книги издан на двух языках: русском и монгольском, что также делают книгу доступной не только российскому, но и монгольскому читателю, для которого эта тема сегодня чрезвычайно интересна и важна. Составление каталога потребовало от автора значительных научных усилий, высокой эрудиции, неоднократных командировок в Улан-Удэ, Улан-Батор, Москву для точного и полного описания каждого предмета буддийской коллекции, полного выяснения истории каждого музейного экспоната. Командировки также были необходимы для консультации с ведущими буддологами нашей страны: Ц.П. Ванчиковой, С. –Х. Сыртыповой, С.Б. Бардалеевой, Е.Ю. Харьковой и др. Это по силам не каждому научному сотруднику, необходим глубокий научный интерес к теме, полное погружение в предмет исследования, определенная отрешенность от житейских бытовых проблем. Многие командировки А.И. Шинковой совершал в период отпуска, праздничных дней за счет собственных средств.

Редакторами книги выступили Г.Д. Лопатовская, Э. Сонинтогос и С. Чулуун. Особую роль в издании книги А.И. Шинкового

сыграл С. Чулуун – Директор Института истории и археологии Академии наук Монголии, академик МАН, доктор исторических наук, который организовал перевод книги на монгольский язык, и нашел возможным опубликовать данное дорогое книжное издание. Благодаря активности и высокой организованности академика С. Чулууна – большого Любителя монгольской книги и истории Монголии книга получила свое рождение и вышла в свет.

Колоссальный объем исторического материала представлен в разделе монографии А.И. Шинкового «История формирования восточных коллекций в Иркутском областном Краеведческом музее. Художественный металл» (с.10–127). По сути, это отдельная книга, впервые в российской историографии представляет исторический очерк о формировании музейной восточной коллекции старейшего музея Восточной Сибири, который будет интересен не только профессиональным историкам, искусствоведам и музейоведам, но всем интересующимся историей Иркутска, Восточной Сибири и музейными коллекциями сибирских музеев. Книга А.И. Шинкового – уникальное издание, которое, несомненно, войдет в золотую коллекцию мирового востоковедения, историю и историографию мирового восточного искусства. Высокое качество полиграфического издания монографии, цветные иллюстрации книги, значительное число фотографий сделали данное издание настоящим шедевром издательского мастерства.

Глава монографии «Исследователи Центральной и Восточной Азии и первые собиратели восточных коллекций, заложивших основу музейных собраний СОИРГО, ВСОИРГО, ИОКМ» (с.170–224) представляет особую ценность для историков науки и востоковедения, так как ряд биографических данных впервые в российской историографии введены в научный оборот. Читатель найдет здесь имена уже хорошо известных исследователей истории Сибири и восточных стран, так и малоизвестные науке имена достойных людей Иркутска и Восточной Сибири. Аввакум (Честной Дмитрий Семенович), А.А. Бадмаев, Ф.К. Боржимский, В.И. Вагин, И.В. Вамбоцыренов, Д.Г. Гомбоев, В.Ч. Дорогостайский, Я.П. Дуброва, С.М. Дудин, Н.Я. Бичурин, Н.В. Кирилов, Д.П. Клеменц, П.К. Козлов, Ю.Л. Лумбунов, А.М. Орлов, П.И. Першин, Д.П. Першин, И.А. Подгорбунский, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, Э. –Д.Р. Ринчинов, П.А. Ровинский, И.И. Серебренников, А.Д. Старцев, К.К. Стуков, С.К. Трапезников, Н.А. Чарушин, Я.П. Шишмарев, Н.М. Ядринцев

и другие исследователи, коллекционеры буддийской скульптуры нашли отражение в данном разделе книги. Эти сведения будут интересны для многих исследователей истории Сибири, истории и культуры Иркутска и откроют с новой, еще неизвестной стороны уже известных сибирских ученых, путешественников и религиозных деятелей Иркутска и Восточной Сибири.

Основная часть описания буддийской коллекции из предметов Китая, Внутренней Монголии, Монголии, Тибета, Непала и Японии (с.226–454) насыщена колоссальным объемом научной и просто познавательной информации, которая заинтересует профессионального исследователя буддизма, так и ценителя восточной культуры и художественных произведений Востока. Примечания представляют полное описание и суть каждого предмета буддийского искусства. Наверное, это часть данной книги – наиболее ценная для современной науки, и одновременно сложная часть исследования, заслуживающая профессионального уважения и восхищения. Видимо, это часть и потребовала многолетнего исследовательского труда Анатолия Ивановича Шинкового, многолетних научных поисков и консульгаций в узких областях востоковедных знаний буддийской символики и знаков.

Анатолий Иванович Шинковой – кандидат исторических наук, известный искусствовед Иркутска и России; востоковед-японист, хорошо известным японским ученым и российским востоковедам, опубликовавшим более 80 статей по истории Востока, изучения восточных стран в России и Иркутске, музейным коллекциям Иркутска, творческим биографиям известных ученых Восточной Сибири. Большую известность в России и Японии иркутскому ученому принесла монография «Японская цветная гравюра», изданная в Москве в 1990 году.

А.И. Шинковой – художник по первому образованию, затем окончил искусствоведческий факультет Уральского государственного университета. Длительное время работал научным сотрудником, заведующим выставочным залом Иркутского художественного музея. Успешно трудился заместителем директора Государственного архива Иркутской области. В настоящее время работает главным специалистом в Иркутском областном краеведческом музее и специализируется по истории, религии и культуре народов Центральной и Северо-Восточной Азии. По материалам научно-исследовательского института г. Киото (Япония) включен в каталог 2500 зарубежных специалистов из 38 стран Европы и Японии.

Работы А.И. Шинкового посвящены проблемам бурятского и монгольского шаманизма, буддизма монгольских народов Центральной Азии, творческим биографиям исследователей восточной культуры и религии. Исследования ученого отличаются оригинальным архивным материалом, точным и скрупулезным анализом. Внимательное изучение духовного наследия монгольских народов является предметом научных поисков А.И. Шинкового. Результаты научных исследований публикуются в трудах Краеведческого музея, докладах международных конференций и форумов, участвовал в ряде научных проектов РГНФ.

Исследование А.И. Шинкового опирается на работы его научных предшественников – российских востоковедов и монголоведов: Г.Н. Потанина, Н.М. Ядринцева, Д.А. Клеменца, П.К. Козлова, Д.П. Першина, И.А. Подгорбунского, С.Ф. Ольденбурга, П.П. Хороших, Д. Янчевского, А.И. Андреева, К.М. Герасимовой, Е.М. Даревской, Ц.П. Ванчиковой, А.Д. Цендиной, В.В. Свинина, широко использует «Иркутские летописи», мемуары и отчеты научных экспедиций, Записки ВСОРГО и другие ценные исторические источники. Исследование базируется на архивных материалах Государственного архива Иркутской области, текущего архива Иркутского областного краеведческого музея и Иркутского художественного музея. Особенно тщательно изучены отчеты Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за длительный период его существования. Автор привлекает в своей работе исследования монголоведов, китаеведов, японистов, буддологов, искусствоведов, историков. Это и позволило создать полную и точную картину формирования буддийской коллекции в Иркутске, историю отдельных раритетов восточной культуры, роль собирателей и коллекционеров Восточной Сибири.

Все публикации А.И. Шинкового отличает оригинальный исторический материал, посвященный не изученным вопросам истории Иркутска, истории изучения сибирскими исследователями восточных стран: Японии, Китая, Монголии и Тибета. Это высококвалифицированный специалист в области восточной и японской культуры, владеющий восточными языками и увлеченный познанием сложной цивилизации Востока, требующей высокой самоотдачи и полного и длительного погружения в тему исследования.

Данное исследование А.И. Шинкового «Буддийское наследие Монголии и Востока (XVII–XX вв.)». Исследование и каталог

восточных коллекций из собрания Иркутского областного краеведческого музея» представляет собой оригинальное исследование, посвященное совершенно новой теме исторического исследования и прочно войдет в историографию российского востоковедения и монголоведения. Данное научное издание стало возможным благодаря высокой научной эрудиции и высокого профессионализма автора данного исследования Анатолия Ивановича Шинкового – историка, искусствоведа, музееведа, художника и архивиста. Несомненно, что данная книга получит высокую оценку в мировом и российском востоковедении, монголоведении и буддологии. Представляется, что данная книга А. И. Шинкового будет интересна не только профессиональным ученым и художникам, искусствоведам, но и широкому кругу любителей восточной культуры.

Проблемы буддизма монголоязычных народов Центральной и Восточной Азии в последние годы являются предметом пристального научного исследования российских и монгольских ученых. Так, были изданы коллективная фундаментальная работа «Буддизм. Каноны. История. Искусство» (2006 г.), книга Н. В. Цыремпилова «Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России» (2013 г.), исследование В. Л. Успенского «Тибетский буддизм в Пекине» (2011 г.), монография Ц. П. Ванчиковой «Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри» (2019 г.). Представляется, что книга А. И. Шинкового займет достойное место в ряду классического российского востоковедения и монголоведения, буддологии.

**История Русской православной церкви в Монголии
(вторая половина XIX – начало XXI вв.):
от проникновения православия до возрождения
православного прихода.**

Рецензия на книгу Н. Н. Корниенко, А. М. Плехановой «Русская православная церковь в Монголии: история и современность». – Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2020. – 256 с.

Исторический опыт деятельности Русской православной церкви в Монголии во второй половине XIX века – первой четверти XX века в кочевой буддийской стране зарубежного Востока представляет несомненный научный интерес. Ранее в монголоведной историографии и церковной истории были затронуты и исследова-

ны только отдельные сюжеты деятельности Русской православной церкви в Монголии, в этой связи исследование Н.Н. Корниенко и А.М. Плехановой представляется актуальным и научно и практически значимым для современной исторической науки.

Актуальность данной темы научного исследования Н.Н. Корниенко, А.М. Плехановой также определяется выявлением и анализом позитивного опыта в деятельности заграничной миссии Русской православной церкви и ведения миссионерской деятельности в особых условиях жесткой регламентации и административного ограничения маньчжурской империи Цин и местных властей. Российские священнослужители создавали в Монголии привлекательный образ русской культуры, несли русские духовные ценности и вносили существенный вклад в процесс взаимодействия и укрепления отношений российского государства с государственными структурами Монголии и Китая, влияли на население духовных и религиозных представлений местного населения. Представляется, что позитивный исторический опыт деятельности русской диаспоры и Русской православной церкви в Монголии может быть полезен в настоящее время в условиях восстановления Свято-Троицкого православного храма в Улан-Баторе и распространении православного вероучения, взаимодействия с католическими и протестантскими миссионерами в современной Монголии, а также с буддийской церковью.

Монография Н.Н. Корниенко, А.М. Плехановой состоит из введения, двух глав: «С целью пасторского попечения о русских дипломатах и купцах...»: Ургинская церковь в системе заграничных приходов Русской православной церкви (С.46–126), «Усердные труды»: особенности миссионерской деятельности РПЦ в Монголии в 1990–2010 гг.» (С.126–210), заключения, библиографического списка источников и литературы, приложения представляется обоснованной и логичной, полностью отвечающей цели и задачам данной диссертационной работы.

Научная новизна исторического исследования Н.Н. Корниенко, А.М. Плехановой очевидна и определяется рядом параметров. Впервые в российской историографии в диссертации авторами комплексно исследована история деятельности Русской православной церкви в Монголии; в научный оборот введен оригинальный пласт исторических источников о миссионерской деятельности в соседней кочевой стране; выявлена и показана специфика деятель-

ности православного миссионерства в Монголии, дан серьезный анализ форм и методов просветительской работы миссионеров, в сравнении с другими христианскими миссиями: протестантскими и католическими структурами в современной Монголии.

История православного прихода в столице Монголии – Урге показана автором в контексте меняющейся геополитической ситуации в регионе, развития международных отношений в треугольнике Россия – Монголия-Китай, смены моделей международных отношений в регионе. В этой связи авторы продемонстрировали глубокое знание истории России, Монголии, Китая, системы внешних отношений в регионе и их влияние на деятельность русской диаспоры в Монголии и Русской православной церкви в Монголии, специфику деятельности религиозных организаций в буддийской стране Востока.

Во введении книги четко поставлены ее цели и задачи, показаны научная и практическая значимость работы. Цели, задачи, хронологические и территориальные рамки, методология и методы исследования, а также основные проблемы исследования не вызывают принципиальных возражений, вполне логичны и обоснованны. Представлен развернутый обзор российской и зарубежной историографии по исследуемой проблеме, который показывает основательное знание значительного массива научной литературы, подходы и оценки авторов и научных коллективов. Особую ценность представляет обзор российской церковной литературы, в которой отражены вопросы истории строительства Свято-Троицкого храма и деятельность православных священников в Монголии (работы И. Никольского, Н. Шастина, С. Артамонова, М. Чефранова, И. Восторгова, Ф. Парнякова).

Источниковая база данной монографии Н.Н. Корниенко, А.М. Плехановой обширна и разнообразна. Ее уникальность и своеобразие заключается в том, что впервые в российской историографии столь полно использованы как светские источники по данной теме, так и исторические источники Русской православной церкви по истории строительства Свято-Троицкого храма в Монголии, деятельности православных священников в соседней стране и православной общины в середине XIX века – первой четверти XX в., а также начале XXI века. Впервые использована документация о деятельности Ургинской церкви из Государственного архива Забайкальского края и фондов Национального музея Республики

Бурятия, документы текущего архива Улан-Удэнской и Бурятской епархии РПЦ и Свято-Троицкого храма. Особую ценность имеют привлеченные авторами воспоминания непосредственных участников процесса возрождения Свято-Троицкого храма и текущий архив храма и церковного прихода.

Авторы книги показывает исторические условия проникновения православия на территорию Монголии, особенности религиозных верований монголов, шаманизм и буддизм, а также деятельность первых католических и протестантских миссионеров в XIX веке. Значительное внимание автором справедливо уделяется деятельности Пекинской духовной миссии XVIII–XX вв., которая сыграла важную роль в распространении православия в Китае и частично в Монголии, а также становлении отечественного китаеведения. Миссия исполняла религиозные потребности православной общины в Пекине, распространяла христианское учение среди китайского населения, изучала китайский язык, историю и культуру Китая. По мнению авторов, Русская православная церковь, несмотря на имеющиеся преимущества, оказалась не готова к христианизации монгольских народов, в отличие от католиков и протестантов. «Случаи христианизации монголов были единичными. Миссионерство среди местного населения не имело успеха также по причине глубоко укоренившихся ламаизма и шаманизма» (с.125).

Впервые в российской историографии Н.Н. Корниенко и А.М. Плеханова представили наиболее полную картину строительства и функционирования православного храма в Урге во второй половине XIX – начале XX вв., при генеральном консульстве России и построенного по инициативе консула Я.П. Шишмарева и поддержке дипломатического ведомства и генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова. Впервые в исторической литературе представлены имена и биографии всех священников (И.П. Никольский, о.Сергий (Артамонов), о.Геронтий (Левицкий), Н.П. Шастин, М.А. Чэфранов, В. Иванов, Ф.А. Парняков, служивших в Монголии и внесших свой вклад в дело просвещения, моральной поддержки российских дипломатов, купцов, путешественников, а также русских жителей в Монголии.

Историки специально проанализировал не только богослужебную деятельность, но и просветительскую и социальную работу среди жителей русской общины и местного населения. Особенно

просветительская и социальная работа усилилась после образования Ургинского приходского попечительства (Ф. А. Парняков). Принимались меры для повышения образовательного уровня жителей русской диаспоры, ее сплочения и духовно-нравственного оздоровления. К сожалению, в Монголии на постоянной основе находился только один священник, поэтому он не мог полноценно исполнять свои функции, особенно за пределами Урги.

Авторы на основе косвенных данных предположили, что православный священник был в Улан-Баторе до 1928 года (с. 145). «Этот факт ставит под сомнение существующее в отечественной и зарубежной историографии мнение о том, что после смерти Федора Парнякова в 1921 г. деятельность Свято-Троицкого храма прекратилась» (с. 145). К сожалению, авторам не удалось найти дополнительные материалы или факты, подтверждающие это важное заключение, кроме возможного крещения в этом году одного из русских старожилов монгольской столицы Н. А. Брилева, 1928 года рождения, который по свидетельству родственников, был одним из последних крещенных в этом храме.

Впервые в современной российской историографии представлена полная и комплексная характеристика восстановления деятельности Русской православной церкви в Монголии в 1990–2000-е гг., в Улан-Баторе, возрождении православного прихода и распространении христианства среди русских жителей и монголов столицы Монголии. Исследователи значительное внимание уделили сложной религиозной ситуации в Монголии, конфессиональной агрессии христианских миссий протестантского толка. Возможности использования «мягкой силы» западных миссий, а также их значительные материальные и финансовые возможности привели к созданию десяти католических храмов в Монголии, несут послушание 20 священников из 12 различных католических конгрегаций, 50 монахинь и 81 миссионер (с. 195). Особенностью деятельности Русской православной церкви в Монголии является лишь пастырское окормление российских подданных в стране. Авторы представили подробную документальную картину восстановления православной общины в Улан-Баторе и строительство Свято-Троицкого храма, характеристику деятельности трех священнослужителей – протоирея Анатолия Фесечко (1997-2005), протоирея Алексея Трубача (2005-2019), иерея Антония Гусева (с 2019 г.). Дана подробная характеристика современной русской

диаспоры в Улан-Баторе и православной общины, показаны трудности и сложности начального этапа формирования православной общины и строительства православного храма. Подробно показаны организационные, финансовые и личные противоречия при организации православной общины и строительства храма. Много документальных материалов, использованных во второй главе, привлечены из личных архивов протоиерея Олега Матвеева, монгольской и российской периодической печати, из интервью бывшего благочинного Бурятского округа Читинско-Забайкальской епархии И.А. Арзуманова, текущих архивов различных епархий РПЦ, что насыщает текст диссертации оригинальными источниками. Возрождение православной общины и храма в Улан-Баторе, по мнению автора, стало результатом проявленной инициативы местно-русского населения Монголии, поддержанной священнослужителями Читинской и Забайкальской епархий, особую роль сыграл настоятель Успенского храма г.Кяхты протоирей Олег Матвеев, который занимался оформлением правового статуса общины и устройением приходской жизни Свято-Троицкой церкви в Улан-Баторе (с.143). Информация о деятельности православной общины в Монголии на начальном этапе восстановления имеет особую ценность для истории и историографии, ввиду быстрого исчезновения и смены текущих сведений современности.

В целом, книга Н.Н. Корниенко, А.М. Плехановой производит благоприятное впечатление завершенностью композиции, наличием достоверных заключений и обоснованных выводов, современными оценками роли Русской православной церкви в Монголии, анализом особенности миссионерской деятельности в буддийской среде, и конкуренции с католическими и протестантскими миссиями, объективной картиной современной религиозной ситуации в Монголии начала XXI века и восстановлением православного храма в Улан-Баторе и современного этапа миссионерской деятельности среди русского населения Монголии.

Авторы впервые в современной российской историографии представили подробные биографические сведения о священниках РПЦ, длительное время служивших в Урге: Н. Шастине, М. Чефранове, Ф.А. Парнякове, но, к сожалению, не указывают, кто из них владел монгольским языком, без которого была невозможна миссионерская деятельность среди местного населения. Длительное проживание в Монголии, наличие при консульстве Ургинской школы

переводчиков, а также традиций изучения в Сибири монгольского языка в училищах и семинариях, готовивших священнослужителей, создавали условия для владения монгольским языком. Как известно, в Иркутске во второй половине XIX в. плодотворно трудились священники – знатоки монгольского языка: протоирей А. М. Орлов, составитель Грамматики монголо-бурятского языка, Я. П. Родионов, автор словаря монголо-бурятского языка, И. А. Подгорбунский (1862-1913) – преподаватель миссионерских предметов Иркутской духовной семинарии, преподаватель монгольского и бурятского языков, исследователь шаманизма и буддизма. Ургинская школа при Российском генеральном консульстве также обучала монгольскому, китайскому и маньчжурскому языкам.

Большого внимания, по нашему мнению, заслуживает проблема взаимоотношений Русской православной церкви в Монголии и буддийской церкви. В этой связи заслуживают внимания автора исследования современных историков: С. Л. Кузьмина «Буддизм и государственность Монголии в начале XX в.: трансформация отношений религии и государства в процессе становления независимости» (2016 г.) и Л. Н. Крайновой «Буддийская церковь Монголии в XIX – начале XX века как социально-политическая и экономическая основа общества» (2015 г.).

Особая ценность и уникальность данной книги заключается в том, что иерей Николай Николаевич Корниенко – клирик Улан-Удэнской и Бурятской епархии. Исторические данные Русской православной церкви, церковные термины и формулировки выдержаны в точной характеристике. Вообще, хочется отметить прекрасный литературный стиль данного исследования. Монография также имеет в приложении ценные и редкие иллюстрации.

Данное издание адресовано широкому кругу читателей: профессиональным историкам, монголоведам и востоковедам, студентам и аспирантам, обучающимся по специальности «история России», «всеобщая история», «религиоведение», «теология», а также всем интересующимся историей и культурой России и Монголии.

В целом, рецензируемая монография Н. Н. Корниенко, А. М. Плахановой производит благоприятное впечатление завершенностью композиции, наличием достоверных заключений и обоснованных выводов, современными оценками роли Русской православной церкви в Монголии, анализом особенностей миссионерской деятельности в буддийской среде на фоне конкуренции с

католическими и протестантскими миссиями, а также объективной картиной современной религиозной ситуации в Монголии.

Выход в свет данной фундаментальной работы Н.Н. Корниенко и А.М. Плехановой по истории Русской православной церкви в Монголии – неординарное событие в исторической науке России, серьезная научная веха в изучении малоисследованной темы.

История российского китаеведения в работах профессора В.Г. Дацышена

Дацышен В.Г. Изучение истории Китая в Российской империи: монография. – Москва: Проспект, 2016. – 192 с.

В рецензии представлена характеристика монографии доктора исторических наук, профессора Сибирского Федерального университета В.Г. Дацышена «Изучение истории Китая в Российской империи», изданной в Москве. В монографии дана оригинальная трактовка истории развития российского китаеведения и развернутая характеристика научного вклада крупных китаеведов и оценка деятельности востоковедных центров России.

Российское китаеведение наиболее развитая и обширная часть современного российского востоковедения. Перемещение центра мировой экономики в Восточную Азию, в Китайскую Народную Республику еще более активизирует изучение в мире китайского языка, истории, экономики и культуры Китая. Серьезное изучение Китая невозможно без основательного знания истории изучения истории, культуры и китайского языка. Сложные проблемы источниковедения и историографии требуют глубоких знаний методологии научных знаний, исторической эпохи, истории научных и учебных организаций, творческих биографий крупных ученых и рядовых тружеников образования.

Отдельные проблемы источниковедения и историографии истории Китая находятся постоянно в зоне внимания и интереса современных российских китаеведов. Однако крупных обобщающих работ в данной сфере давно не появлялось в современной российской историографии. Исключением являются монографии доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Гуманитарного института Сибирского федерального университета (г.Красноярск) Владимира Григорьевича Дацышена.

По данной тематике В. Г. Дацышеном изданы «История изучения китайского языка в Российской империи» (2000 г.), «История изучения китайского языка в России (XVIII – начале XX вв.)» (2011 г.), «История русского китаеведения. 1917–1945» (2015 г.), «Изучение истории Китая в Российской империи» (2016 г.). Автором сделана удачная попытка представить авторское видение истории изучения русского китаеведения за длительный период его развития.

В. Г. Дацышен – известный сибирский и российский китаевед, автор более 400 научных работ в сфере истории Китая, российско-китайских отношений в XIX–XX вв., истории Монголии и истории российско-монголо-китайских отношений в Урянхэе, истории китайской диаспоры в России и Сибири, истории Русской Духовной миссии в Китае и творческих биографий отдельных деятелей, связанных с Китаем. Поражает активность и научная работоспособность В. Г. Дацышена, постоянного участника многих международных и российских научных конференций, профессора ряда российских и китайских университетов. Сибирский ученый – большой знаток центральных, сибирских и дальневосточных архивохранилищ, имеющих материалы по истории, культуре и китайскому языку.

Российское востоковедение и китаеведение имеет глубокие традиции изучения истории развития научных и учебных заведений и научной мысли. Об этом свидетельствуют работы В. М. Алексеева «Наука о Востоке» (1982 г.), В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России» (1911 г.), Н. И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1880 г.), В. Н. Никифорова «Советские историки о проблемах Китая» (1970 г.), «Восток и всемирная история» (1977 г.), П. Е. Скачкова «Библиография Китая» (1960 г.), «Очерки истории русского китаеведения» (1977 г.), С. Д. Милибанд «Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов» (1995 г.), А. Н. Кононова «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (1989 г.), «История отечественного востоковедения» (1990, 1997 гг.), «Архив российской китаистики» (2013 г.) (А. И. Кобзев).

Весомый вклад в изучение отдельных проблем истории китаеведения внесли известные российские китаеведы В. С. Мясников, С. Л. Тихвинский, Л. А. Березный, Г. Я. Смолин, Б. Г. Доронин, Н. А. Самойлов, А. М. Решетов, А. Н. Хохлов, Р. М. Валеев, А. Д. Воскресенский, А. И. Кобзев, П. М. Шаститко, Б. Л. Рифтин и др.

После публикации обобщающих работ по истории российского китаеведения П.Е. Скачкова, В.Н. Никифорова прошло значительное время и современная историография нуждается в новых оценках не только отдельных этапов развития китаеведения, особенно начала XX века и советского периода 1920–1930-х годов, но и в устоявшихся характеристиках крупных российских китаеведов и создания более полной картины развития научной мысли и образовательных структур в изучении истории и культуры Китая. Изъятие из российской историографии отдельных исследователей, репрессированных в 1930-е годы, замалчивание научного вклада российских ученых, работавших, например, в Харбине в 1920–1930-х годах, отсутствие информации о развитии университетского образования в Иркутске, Владивостоке, Харбине не способствовали созданию полной картины истории изучения китайского языка и истории и культуры Китая в России.

Общую характеристику роли и места российского китаеведения В.Г. Дацышен оценивает следующим образом: «Место и роль России в развитии западной синологии являются важными, но противоречивыми. Обладая более ограниченными, в сравнении с ведущими странами Запада, ресурсами и более чем на сто лет позже европейцев встав на путь Великих географических открытий, Россия обычно отставала от них в области синологических исследований. Однако соседство с Китайской империей и великодержавные устремления русской культуры создавали достаточные предпосылки не только успешного «догоняющего» развития русской науки, но и обеспечивали выход российской синологии в разные периоды на лидирующие позиции в мире» (С.3). Действительно, европейские специалисты, в основном католические или протестантскими священники-миссионеры, иезуиты первыми стали изучать китайский язык, китайскую историю и культуру, но большая заинтересованность России в развитии российско-китайских отношений, постоянные контакты для протяженной границе диктовали необходимость познания соседней страны. Русская Духовная миссия и первые ее ученики-китаеведы И.К. Россохин и А.Л. Леонтьев положили начало русскому китаеведению. Поэтому становление российского китаеведения автор справедливо совпадает со временем формирования современной российской науки и является ее ровесником.

Профессор В. Г. Дацышен считает несправедливым замалчивание достижений русской науки второй половины XVIII – начала XIX вв. и ведение отсчета российского китаеведения с работ Н. Я. Бичурина (С.9).

Причинами трудностей и проблем становления российской синологии автор считает, что «практически все российские китаеведы были выходцами из народа и не могли претендовать на сословно-привилегированный статус. Подавляющее большинство тех ученых, кто оставил нам труды по истории Китая, с XVIII и до начала XX в., были детьми сельских священников. Сам же Китай был за пределами европейского культурно-исторического пространства» (С.163). Наверное, и область знаний также представляла собой значительные трудности исследования из-за сложности письменности и языка, значительного объема исторических источников, которые требовалось освоить китаеведу.

Некоторые замечания автора носят, по нашему мнению, дискуссионный характер и заслуживают специального обсуждения. Например, В. Г. Дацышен пишет, что «одним из слабых звеньев современной отечественной науки и образования сегодня является «История Китая» (С.4). Трудно согласиться с данным выводом автора, так как в современном востоковедении изучение истории Китая представлено наиболее масштабно и обстоятельно, об этом, в частности свидетельствуют монографии ведущих китаеведов России и обобщающие исследования и энциклопедии. Что тогда говорить о монголоведении, корееведении, японистике, где масштабы и результаты значительно меньше?

История российского востоковедения в целом, и китаеведения в частности, имеет трагический и прерывистый характер, когда только в XX веке трижды менялась методология научных исследований, идеология российского государства, что отражалось на судьбе российских ученых, вынужденных адаптироваться к изменившимся условиям в деятельности научных организаций и университетов. В настоящее время Академия наук и российские университеты в очередной раз переживают серьезные реформы и трансформации, что неблагоприятно отражается на исследовательской деятельности. Русская революция 1917 года изменила тематику изучения истории Китая, разрушила сложившуюся систему научных и образовательных структур; репрессии востоковедов 1930-х годов серьезно обескровили российское востоковедение.

Труды ученых не были опубликованы, другие были утрачены. Российские ученые-китаеведы сохранили традиции традиционного востоковедения и успешно решали новые проблемы науки и образования, развивалось изучение Китая и в эмиграции, и советских специалистов, успешно работавших в новом Китае. На тематику и направленность научных поисков серьезно влияло в СССР характер советско-китайских политических и экономических отношений. Китаеведение испытывало серьезное давление партийного аппарата и идеологического диктата.

Монография «Изучение истории Китая в Российской империи» издана в Москве в 2016 году издательством «Проспект» и состоит из четырех глав: «Начало изучения истории Китая в России» (С.12–42), «История Китая и русская наука в первой половине XIX века» (С.43–83), «Изучение истории Китая во второй половине XIX века» (С.84–127), «Российское китаеведение в начале XX в.» (С.128–162). В основу работы положен хронологический принцип, специальные разделы посвящены развитию китаеведения в России в научных организациях, Академии наук и университетах страны в Петербурге, Москве, Казани, Владивостоке и др.

Основу источниковой базы монографии составили документы, опубликованные и архивные, а также исследования русских китаеведов, как опубликованные, так и неопубликованные. В.Г. Дацишенок проделана колоссальная работа по изучению, выявлению и анализу документальных материалов по истории российского китаеведения в Москве, Петербурге, Казани, Красноярске, Иркутске, Чите, Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке, Харбине и др. городах. В научный оборот введены новые оригинальные материалы, которые позволяют уточнить развитие истории китаеведения в России, показать научный вклад известных ученых, так и ранее неизвестных провинциальных ученых, внесших свой вклад в изучение китаеведения.

В первой главе монографии рассмотрены предпосылки научного изучения истории Китая (работы Н.Г. Спафария, Л. Ланге, Г.Ф. Миллера, Д.Г. Мессершмидта, Г.З. Байера, И.Э. Фишера); Пекинская миссия и ее роль в становлении русского китаеведения (И.К. Россохин, А.Л. Леонтьев, А.Г. Владыкин, А.С. Агафонов, И. Орлов, арх. Софроний (Грибовский)), также представлены переводы западноевропейских синологов данного периода. Особенно подробно представлена творческая биография И.К. Россохина и

его научный вклад в российское китаеведение, научные исследования, к сожалению, не были опубликованы, но играли значительную роль в информировании российского общества и профессионалов-дипломатов.

Во второй главе монографии В. Г. Дацышена представлен обзор академического и университетского востоковедения и китаеведения в России. В Академии наук была образована кафедра по восточным языкам и словесности, в которой изучением Востока и историей Китая занимались Ю. Г. Клапрот, Х. Д. Френ, Я. И. Шмидт, Г. И. Спасский. Членами-корреспондентами были избраны первые российские синологи П. И. Каменский, С. В. Липовцев и Н. Я. Бичурин. Была сформирована коллекция исторической литературы и китаеведческих документов. Отмечается в работе сложная судьба учебного курса по истории Китая в классическом университетском образовании (С.51–57). По данным автора, «в университетском историческом образовании история Древнего Китая временами попадала в учебные курсы, а средневековый Китай выпадал из всеобщей истории» (С.54). В 1837 г. в Казанском университете впервые в России была открыта кафедра китайского языка и словесности. В первой половине XIX века начинается не только значительное количество переводов с китайского, но и критический анализ текстов. В. Г. Дацышен особо выделяет исторические труды архимандрита П. И. Каменского, «до настоящего времени вклад этого ученого в науку исследован слабо, зачастую его имя вообще не упоминается в работах по истории китаеведения» (С.59). П. И. Каменский «первым составил «полный китайско-русский словарь» и не имеющий себе равных «монголо-маньчжуро-китайско-русско-латинский лексикон», которые, правда, так и не были опубликованы» (С.59).

Необходимо отметить, что В. Г. Дацышен совместно с А. Б. Чегодаевым в 2013 году опубликовали солидную монографию «Архимандрит Петр Каменский» (Москва-Гонконг), объемом 400 страниц, где впервые полно представлен научный вклад российского китаевода.

В. Г. Дацышен обращает внимание читателей на то, «что XIX веке никто из ученых не называл Иакинфа (Н. Я. Бичурин) историком, считая его труды переводами для будущих исторических исследований. В середине XX века советские ученые уже безоговорочно считали китаевода-синолога историком» (С.72). По мне-

нию В.Г. Дацышена, Н.Я. Бичурин так и не написал специальной работы по истории Китая, но ввел в научный оборот огромный пласт китайских источников и литературы. Представляются, что эти выводы носят дискуссионный характер и станут предметом дальнейшего научного обсуждения.

Третья глава монографии В.Г. Дацышена посвящена проблемам изучения Китая в Российской империи во второй половине XIX века, периоду, в котором количество научных организаций и учреждений значительно расширилось, за счет Русского Географического общества и его отделений, военных структур России и значительного числа экспедиций в Китай. Основное внимание в главе уделяется характеристике учебной и научной деятельности факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, который был переведен из Казанского университета. Подробно проанализирован научный вклад крупных китаеведов России: В.П. Васильева, С.М. Георгиевского, А.М. Позднеева, А.О. Ивановского. Продолжено изучение трудов Духовной миссии в Пекине, дипломатической миссии, ИРГО и ИРАО, а также военных исследователей.

Заключительная четвертая глава монографии «Российское китаеведение в начале XX в.» (С.128–162) посвящена подведению некоторых итогов развития российской научной мысли по изучению истории и китайского языка в Российской империи. По мнению автора, российская синология пережила в начале XX века кризис, связанный с завершением научной карьеры ведущих китаеведов России и сменой поколений в науке и высшей школе, «в 1900 г. в России не осталось ни одного университетского профессора-синолога» (с.130). В науку вошла целая плеяда талантливых выпускников Санкт-Петербургского и вновь созданного во Владивостоке Восточного института (А.И. Иванов, В.М. Алексеев, А.Е. Любимов, В.Л. Котвич, В.В. Бартольд, А.В. Рудаков, Н.В. Кюнер). В российском обществе резко возрос интерес к Китаю, китайскому обществу и истории страны в связи с активизацией российской внешней политики в Восточной Азии, строительством КВЖД и военным конфликтом с Китаем, русско-японской войной. В главе показана роль научно-общественных организаций России: ИРГО, ИРАО, вновь созданные Общество востоковедов, Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии, Общество русских ориенталистов, организовали целый ряд научных экспедиций в Китай.

В. Г. Дацышен показал вклад в российское Китаеведение не только ученых и преподавателей, но и Китаеведов-практиков (дипломатов, военных, экономистов, переводчиков, журналистов и др.).

Монография В. Г. Дацышена насыщена уникальным фактическим материалом по истории становления и развития российского Китаеведения, внимание автора обращено как маститым ученым, так и рядовым исследователям, внесший посильный и скромный вклад в изучение Китая, представлено собственное видение и оценка научного вклада известных российских Китаеведов. Монография будет интересна не только ученым, но и особенно молодым исследователям и студентам, вступающим на сложный путь изучения соседней страны, все более влияющей на современное мировое развитие.

История российского предпринимательства и торговли в Монголии на рубеже веков: новый взгляд

Рецензия на книгу А. В. Старцева «Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. – Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2013 – 414 с.

Издательство Алтайского госуниверситета выпустило в 2013 году в свет фундаментальное исследование профессора А. В. Старцева «Российско-монгольские экономические отношения во второй половине XIX – начале XX вв.».

Алтайский международный центр азиатских исследований – признанный в Сибири и России центр востоковедных и монголоведных исследований.

Автор книги – Александр Владимирович Старцев хорошо известен среди российских востоковедов своими глубокими исследованиями проблемы российского предпринимательства на Алтае, русско-монгольской пограничной торговли. Об этом, в частности, свидетельствуют его ранее опубликованные монографии: «Сибирский купец А. Д. Васенев» (1994), «История предпринимательства в Сибири» (1999, в соавторстве), «Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в.» (2001, в соавторстве), «Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX-начало в.). (2003).

А. В. Старцев в 1978 г. окончил исторический факультет Алтайского государственного университета. В течение 35 лет пре-

подавал исторические и гуманитарные дисциплины в Алтайском государственном институте культуры, Барнаульском юридическом институте МВД РФ, Алтайском государственном университете. Окончил аспирантуру Томского государственного университета (1984 г.), докторантуру Института истории СО РАН (1994 г.).

В 1987 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Пушной промысел и пушная торговля в Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX в.», в 2004 г. – докторскую диссертацию на тему: «Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX-начало XX века)». С 2007 года возглавляет кафедру востоковедения Алтайского государственного университета и Алтайский центр востоковедных исследований, с 2011 г. – Алтайский международный центр азиатских исследований.

А.В. Старцев активно занимается научно-исследовательской работой, имеет более 330 научных публикаций, в числе которых монографии, учебные пособия, сборники документов, статьи. Специалист в области истории народного хозяйства и предпринимательства Сибири, истории торгово-экономических и культурных связей Сибири со странами Дальнего Востока и Центральной Азии.

Капитальное научное исследование А.В. Старцева органично вписывается в целую серию востоковедных и монголоведных исследований, посвященных истории российско-монгольских дипломатических, экономических и культурных отношений двух соседних стран.

Работа А.В. Старцева объемная (414 стр.) и фундаментальная, состоит из пяти глав. Неслучайно поэтому первая глава посвящена теоретической и методологической основе исследования: историографии, источниковедению, методологии.

Автором дан критический анализ известных методологий в оценке исторического прошлого: концепции исторического материализма, концепции и подходы М. Вебера, В. Зомбарта, теория модернизации (У. Ростоу, А. Герненкрона, С. Блэка), теория цивилизационного подхода (О. Шпенглера, А. Тоинби).

Рассматривая взаимодействие различных цивилизаций и культурных в свете международных отношений. А.В. Старцев, ссылаясь на заключения В.Г. Крысько (М., 2002) выделяет «три основных типа взаимодействия: воздействие, содействие, противодействие» (С.48).

По мнению А. В. Старцева, «Факты свидетельствуют, что контакты держав с Китаем можно характеризовать как противодействие с элементами содействия. Именно это обстоятельство позволяет нам выдвинуть гипотезу о складывании особой «зоны конвергенции», где процессы экономического и социокультурного взаимодействия разных цивилизаций имели свою специфику, отличавшуюся от «столкновения цивилизаций, описываемых А. Тойнби» (С.48).

Сибирский историк не абсолютизирует западные методологии и подходы. Используя миросистемный подход Ф. Броделя и И. Уоллестайна он предполагает, что «Российская и Цинская империи представляли собой разные мир-экономики. В России роль ядра играл Петербургско – Московский район как наиболее экономически и социально развитый, полупериферии – не входившие в указанный район территории Европейской России, а Сибирь является периферией. В Китае, соответственно, ядро- Пекин и портовые города, полупериферии – Внутренний Китай, периферия – окраины империи, в том числе и Внешняя Монголия» (С.50). В этом контексте, А. В. Старцев рассматривает русско-монгольскую торговлю, как «пример взаимодействия российской и китайской периферии» (С.50).

В изучение русско-монгольских отношений и «монгольского вопроса» значительный вклад внесли российские ученые: Е. М. Даревская, И. Я. Златкин, С. Г. Лузянин, А. Л. Попов, Ш. Б. Чимитдоржиев, Н. П. Шастина, С. А. Нацов, Д. Б. Улымжиев, Е. А. Белов, М. И. Гольман, Н. Е. Единархова, А. В. Старцев, а также монгольские ученые Б. Лигуу, Э. Пунца г. Ц. Пунцагноров, Ш. Сандаг, Б. Ширендыб, О. Батсайхан, Ц. Батбаяр, Ж. Урангуа, Н. Хишигт. К сожалению, автору доступны работы монгольских историков только на русском языке. В последние годы монгольская историография сделала громадный рывок в исследовании проблемы российско-монгольских экономических связей.

Необходимо выделить вклад известного историка-монголоведа Ш. Б. Чимитдоржиева «Россия и Монголия» (1987 г.), Е. М. Даревской – большого знатока русско-монгольских связей нач. XX в. (« Сибирь и Монголия» (1994 г.), Н. Е. Единарховой «Русские в Монголии», Е. А. Белова «Россия и Китай в начале XX века. Российско-китайские противоречия в 1911–1915 гг.» (1999 г.), «Россия и Монголия» (1999 г.).

Столетний юбилей исторических событий вызвали в Монголии и России научный и общественный интерес, издание оригинальных исторических источников и проведение международных конференций, в которых по-разному оцениваются исторические события. Международные конференции в Улан-Баторе: «Новые подходы к истории взаимоотношений России и Монголии и их современное состояние» (2007 г.), «Независимость Монголии и монголы» (2011 г.), «Монгольско-русский договор 1912 г. и И. Я. Коростовец» (2012 г.), в Иркутске: «Монголия в XX веке. 1911-2011 гг.» (2011 г.), в Улан-Удэ: «Россия-Монголия. Сто лет дипломатического сотрудничества» (2012 г.). В данных условиях российская историческая наука, российское монголоведение должно более четко определить свою позицию и аргументированно ее обосновать и отстаивать.

В настоящее время два крупных историка в России занимаются обновательно данной проблемой: профессор из Иркутска Н. Е. Единархова и профессор А. В. Старцев из Барнаула. У них различные школы образования, различные исторические источники, на которых они базируют свои исследования, затрагивают различные районы русской торговли в Монголии.

Данная тема не является для науки полностью новой. В российской дореволюционной историографии был накоплен значительный фактический материал по русско-монгольской торговле в периодической печати и материалах торговых экспедиций: московской и сибирской. Профессор А. В. Старцев основательно проанализировал весь колоссальный объем архивных источников из архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска, Абакана, Красноярска, Минусинска, ввел в научный оборот целый пласт оригинальных источников по истории российско-монгольских торгово-экономических отношений. Однако использование новейших методов исследования, цивилизационного подхода позволило по-новому оценить уже известные факты и события, подняться над конкретно-историческим материалом и подойти к оригинальным заключениям.

Торговые русско-монгольские отношения играли главную роль в отношениях двух стран. Поэтому в периодической печати России регулярно появлялись статьи о проблемах русской торговли в Монголии и Китае. Часто их авторами являлись сами купцы: братья Бутины, Немчинов, Воробьев, Бурдуков, Васенев и др. По мере накопления материала появляются и работы обобщающего

характера: С. Ф. Степанова – управляющего Монгольским отделением Русско-Китайского банка, ветеринарного врача А. П. Свечникова, служащего таможи Н. Шейнфельда, торгового агента А. Болобана. Главная тема публикаций – активизация деятельности китайского торгово-ростовщического капитала в Монголии, усиление колонизации монгольских земель, ослабление позиций русского купечества. С. Ф. Степановым дан обстоятельный анализ пяти типов русских торговцев в Монголии.

Сокращение российского экспорта в Монголии вызвало беспокойство у торгово-промышленных кругов центральной России. В 1909 и 1910 гг. при Московском биржевом комитете устраивались совещания московских промышленников, на которых обсуждались проблемы торговли в Китае и Монголии, анализировались причины кризиса.

Важную роль в изучении русско-монгольской торговли сыграли две торговые экспедиции в Монголию: московская во главе с полковником В. Л. Поповым, снаряженная промышленниками Московского района, а также сибирская экспедиция из Томска. Подходы этих двух экспедиций к проблеме и их выводы существенно различались. Московская торговая экспедиция, признавая важность монгольского рынка для России, не видели больших перспектив русской торговли в Монголии. Видимо, буржуазия и торговцы центральной России связывали свои экономические интересы с более емкими и освоенными рынками Ближнего Востока и Маньчжурии.

Сибирская экспедиция, во главе с профессорами М. И. Боголеповым и М. Н. Соболевым, дала более глубокий экономический анализ состояния русско-монгольской торговли. По их мнению, Монголия является перспективным рынком для российских товаров, поэтому предлагали укреплять здесь торговые позиции России. Они предлагали также оказать поддержку в создании нейтральной Монголии, государства-буфера под покровительством союза европейских государств.

В монографии А. В. Старцева дан основательный и конкретный анализ русско-монгольского товарооборота и его особенностей на различных этапах развития торговли: Первый этап определяется периодом 60–80-х гг. XIX в. Отмечается, что на данном этапе формировались основные статьи экспорта и импорта, складывались основные центры и направления товарных потоков. Темпы роста торговых оборотов в это время были сравнительно высокими: за

период с 1865 г. по 1886 г. они увеличились в 2, 3 раза. Наиболее быстрыми темпами торговля развивалась по южной границе Томской губернии, где главными участниками были жители города Бийска и Бийского уезда. Динамичное развитие получила торговля в Урянхайском крае. Торговля через Кяхту велась низкими темпами, а основные прибыли шли от чайной торговли.

Основное внимание в работе А. В. Старцева уделяется анализу конкретно-исторического материала, посвященного русско-монгольской торговле середины XIX- начала XX вв. Так, третья глава «Обороты и ассортимент торговли во второй половине XIX – начале XX в.».

Специальный параграф автор уделяет степени достоверности статистических данных по торговле. Несмотря в целом на высокую оценку таможенной статистики в исторической литературе, А. В. Старцев считает, что по русско-монгольской торговле эти данные явно занижены. «Стремление предпринимателей занижить размеры импорта и экспорта и, тем самым уклониться от уплаты налогов в полном объеме было обычным явлением, и для этой цели использовались самые различные приемы» (С.138).

А. В. Старцев отмечает резкий рост русско-монгольской торговли на рубеже веков. «За период с 1892 г. по 1911 г. общий оборот торговли через Кош – Агачскую таможенную увеличился в 14, 5 раз, Зайсанскую – в 2, 1 раза, в Урянхайском крае – в 4 раза. Исключение составила Кяхтинская таможня, где торговля снизилась в 3 раза» (с.39).

По мнению сибирского исследователя «русским торговцам было весьма затруднительно утвердиться на монгольском рынке без помощи правительственных органов» (с.145). Среди населения северо-западной Монголии русская торговля получила признание: «Несмотря на довольно высокие цены, запрашиваемые купцами за привезенный товар, торговля шла бойко» (с. 148). А. В. Старцев отмечает ограниченность ассортимента русских товаров «была обусловлена слабой дифференциацией хозяйственных занятий и сложившимся бытовым укладом жителей Монголии» (с. 149).

Русские купцы также стремились формировать спрос на новые, неизвестные в монгольском обиходе предметы, например, железные печи и другие изделия из металла. В значительном количестве сбывалась выделанная кожа – юфть, которая изготавливалась на иркутских, барнаульских, бийских и усть-каменноугорских кожевенных предприятиях (с.151). Из Монголии вывозились шкурки сурков, в Европе их после обработки продавали за норку.

Четвертая глава монографии А. В. Старцева посвящена вопросам организации и инфраструктуры русской торговли в Монголии. Дан глубокий анализ типологии торговых организаций русских купцов, технологии русско-монгольской торговли и кредитного обеспечения русской торговли. В организационном отношении подавляющее большинство русских торговых фирм в Монголии являли собой индивидуальные частные предприятия. В начале XX века получили распространение ассоциированная форма организация капитала в форме торговых домов, а период Первой мировой войны появился первый кооператив, организованный служащим купца Я. Е. Мокина – А. В. Бурдуковым.

А. В. Старцев опровергает на конкретно-исторических данных представление о баснословных барышах, которые якобы приносила русская торговля в Монголии. На начальном этапе, в 70–80-е годы действительно были крупная прибыль, но в последующие годы норма прибыли сокращается и не выходит за рамки обычного торгового процента прибыли. По мнению сибирского исследователя, на протяжении всего изучаемого периода проблема кредитной поддержки торгового бизнеса в Монголии не получила удовлетворительного разрешения. Кратковременное существование и деятельность отделений Русско-Китайского банка не оказало серьезного влияния на ход русской торговли в Монголии и значительная часть торговцев и предпринимателей испытывали серьезный дефицит в оборотных средствах. Это приводило к ослаблению позиций русского торгового капитала в соседней кочевой стране и проигрышу конкурентной борьбы китайскому капиталу. Русские купцы сократили поставки промышленной продукции в Монголию и сосредоточились на скупке монгольского сырья.

Торговля в различных регионах Монголии имела и свою региональную специфику. Так, русская торговля в северо-западных областях Монголии носила ярко выраженный сезонный характер: хозяева фирм приезжали сюда только в летние месяцы, а в остальное время торговлей занимались только приказчики. Историк приводит в своем исследовании различные классификации русских торговцев С. Ф. Степанова (пять групп), Е. И. Омельченко (три группы). По его мнению, оценки торговцев современниками носят не совсем объективный характер: «большинство современников и исследователей считали, что процесс образования торговых домов тормозился невежеством предпринимателей, неумением и нежеланием их вести дело сообща» (С.220).

А.В. Старцев пишет: «Нам представляется, что здесь мы сталкиваемся с попытками упрощения ситуации, сведения всех объяснений к корысти, некультурности и пр.» (С.220). В начале XX века в Монголии действовало 15–20 торговых домов, которые осуществляли экспортно-импортные операции.

В числе крупных торговых домов можно назвать торговые дома: «Коковин и Басов», «Русское экспортное товарищество», московская фирма Стукен и Ко, «А.В. Швецов и сыновья». Историк предлагает свою оценку деятельности русских купцов в Монголии, объясняет причины негативных характеристик в периодической печати и литературе: «далеко не все исследователи разбирались в тонкостях русско-монгольского товарообмена и в тех условиях, в которых приходилось действовать торговцам за границей. Нередко рассуждения и выводы основывались на отдельных ярких фактах или общих принципах экономической теории, не учитывавших своеобразия развития кочевого хозяйства и монгольского общества» (С.227). Автор склоняется к более позитивной оценке русских торговцев в Монголии, и отмечает, что «отношение к русским купцам со стороны местного населения разительно отличалось от их отношения к китайцам» (С.227).

Историк вводит в научный оборот значительное количество статистического материала и конкретного материала о размерах торговой прибыли русских торговцев и приходит к следующему заключению: «торговое дело в Монголии было для предпринимателей достаточно выгодным и приносило большие прибыли, чем внутренняя торговля, однако, отнюдь не обеспечивала тех баснословных барышей, о которых постоянно говорилось в литературе» (С.244).

Пятая глава «Русские предприниматели в Монголии» посвящена источникам формирования и состав предпринимателей, имущественному составу предпринимателей, социальному облику и общественно-культурной деятельности купцов. Автор согласен с оценкой томских профессоров М.И. Боголепова и М.Н. Соболева относительно особенностей деятельности русских купцов в Монголии, которые действовали почти без всякого официального мира и поддержки, «всецело предоставлены сами себе, они могли полагаться только на собственную инициативу и свою самостоятельность» (С.286).

В Приложении к работе даны краткие сведения о деятелях русско-монгольской торговли, что сделано впервые в современной

исследовательской литературе. Также даны материалы об оборотах русско-монгольской торговли, соотношении экспорта и импорта, распределение стоимостных частей русско-монгольской границы, количество и стоимость русских товаров, и другие интересные и важные фактические данные, представляющие несомненную ценность для специалистов по новой истории Монголии.

Выход в свет данного издания сибирского историка А. В. Старцева – важное событие в российской историографии монголоведческих исследований. Дана современная оценка важной и сложной проблемы российско-монгольских отношений в новое время, на рубеже веков. В современных условиях перемещения центра мировой экономики в Восточную Азию, в Китай значение Монголии и монгольского рынка представляет особую важность для Китая и Монголии. Исследование исторического опыта русско-монгольских и монголо-китайских торговых отношений представляет не только научный, но практический интерес. Причины более адаптированного развития китайского торгового капитала в Монголии, явного доминирования современного китайского капитала в современной Монголии имеет и исторические корни. Осмысление этого исторического опыта имеет в современных условиях острой борьбы за рынки сырья и рынки сбыта готовой продукции особую значимость и значение.

Проблема «национальных интересов» России, «общественных интересов», «государственных интересов» в научной литературе России только начинает специально разрабатываться. Проблема национальных интересов во внешней политике и внешней торговле России – наименее исследованная проблема и нуждается в дальнейшем основательном изучении.

История Маньчжурии и государства Маньчжоу-Го: марионеточное государство или квази-государство?

Рецензия на коллективную монографию: Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки / П. Н. Дудин, В. В. Досовицкая, Л. В. Курас, С. В. Карасев, А. В. Тубчинов, В. М. Фоменко, Б. Д. Цыбенков, А. В. Шемелин / науч. ред. Б. В. Базаров. – Иркутск: Отгиск, 2016. – 254 с.

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН опубликовали коллективную монографию

«Государственная и квази-государственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки» (2016 г.). Книга посвящена сложной проблеме сущности и особенности государства Маньчжоу-Го (1932-1945) или Даманьчжоу-диго (Великая Маньчжурская империя) на территории Северо-Восточного Китая, созданного милитаристской Японией как колония и плацдарм для дальнейшего расширения зависимой территории.

Длительное время в советской и постсоветской историографии Маньчжоу-Го рассматривалось только как марионеточное государство, созданное Японией, для реализации своих захватнических целей. Чаще всего его изучали в связи с военным конфликтом или войной на Халхин-Голе в 1939 г. и как плацдарм нападения Квантунской армии на СССР в годы Великой Отечественной войны. Внутренняя история и сущность государства Маньчжоу-Го изучалась односторонне, с преобладанием идеологической составляющей. Авторы коллективной монографии предлагают собственную трактовку сущности государства и международного статуса Маньчжоу-Го, отличного от общепринятого в российской исторической науке.

Авторский коллектив (доктора наук, профессора Л.В. Курас, С.В. Карасев, А.В. Шемелин; кандидаты наук П.Н. Дудин, В.В. Досовицкая, В.М. Фоменко, Б.Д. Цыбенков, аспирант А.В. Тубчинов), подготовившие исторические очерки, профессионально длительное время занимаются данными вопросами истории Маньчжурии и Маньчжоу-Го, поэтому разделы подготовлены на высоком научном уровне. Автором идеи и руководителем данного проекта выступил канд. полит. наук, доцент П.Н. Дудин, а исследование выполнено при финансовой поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации в рамках научно-исследовательского проекта «Квазигосударства Внутренней Азии: проблема государственности в контексте борьбы наций за самоопределение»[3]. Содержание монографии отличается значительный и оригинальный фактический материал, ранее неизвестный, взвешенность исторических оценок и характеристик, даже некая нейтральность описания событий. В научный оборот впервые вводится значительный массив архивных материалов из Архива Внешней политики РФ, РГАСПИ, ЦА ФСБ РФ, ЦА Министерства обороны РФ, периодической печати Маньчжоу-Го.

Ряд проблем истории Маньчжоу-Го впервые формулируется в данной монографии: международное признание и правовая

идеология государства (П. Н. Дудин, А. В. Шемелин, А. В. Тубчинов), реорганизация и развитие инфраструктуры телеграфной и почтовой связи, радио, развитие системы образования и здравоохранения, кинематографии (В. М. Фоменко), особенности японской эмиграции (В. В. Досовицкая), а также история дауров и их борьба с японскими оккупантами в период Маньчжоу-Го (Б. Д. Цыбенков), пленение японо-маньчжурской военной группировки войсками РККА в августе-сентябре 1945 г. (С. В. Карасев). Систематизирован и обобщен материал по японской и русской эмиграции в Маньчжоу-Го (В. В. Досовицкая, Л. В. Курас) [1;2;3;4;5;6;7].

В коллективной монографии привлечены и использованы научные результаты предшественников изучения данной проблемы: Н. Н. Аблажей, Н. Е. Абловой, Е. Е. Аурилене, Б. В. Базарова, С. С. Балмасова, В. И. Голдина, А. М. Дубинского, Г. Ф. Захаровой, К. А. Караевой, И. Б. Кейдун, С. В. Карасева, С. И. Кузнецова, Л. В. Кюраса, Я. А. Елисейевой, И. А. Латышева, Г. В. Мелихова, В. Э. Молодякова, Э. В. Молодяковой, С. В. Онегиной, А. В. Полотова, Б. Г. Сапожникова, В. Н. Усова, А. А. Хисамутдинова, И. В. Чапыгина, К. Е. Черевко, Е. Н. Чернолуцкой, а также значительное число зарубежных исследователей.

Представляется, что новое определение «квазигосударство» в отношении Маньчжоу-Го несомненно вызовет в современной исторической и политической науке дискуссии и обсуждения. Авторы концепции предлагают отказаться от термина «марионеточного государства», который не является научным и «воспроизводит лишь политическую позицию» (с. 10). В то же самое время не утверждается о полноценности государственной природы Маньчжоу-Го и самостоятельности страны. «Поэтому в отношении исследуемого политического феномена уместно использовать термин «квазигосударство», которое впервые было введено в научный оборот Р. Х. Джексоном и К. Росбергом» применительно к постколониальным политическим организациям» (с. 11). По нашему мнению, можно признать большую самостоятельность, чем считалось ранее, учитывая международное признание Маньчжоу-Го 23 странами мира из 80 существующих государств на тот период, в числе и СССР. Действительно, можно признать, что страна имела многие внутренние признаки государственности, однако внешний фактор уничтожал и перечеркивал эту самостоятельность. Однако, термин «квазигосударство» в отношении Маньчжоу-Го затушевывает его

истинную сущность «мнимого», «не настоящего» государства и полной зависимости от Японии. Фактор полного подчинения Японии признают и авторы монографии: «японцами было создано квазигосударство Маньчжоу-Го, которое, по существу, находилось под полным управлением Японии» (с.30). Признавая важность и необходимость более точного определения сущности государственной природы Маньчжоу-Го, тем не менее, считаем термин «марионеточное государство» вполне научным и более точно отражающим реальную природу данной страны.

Отмечаем также, что в коллективном монографии имеются другие различные определения в отношении Маньчжоу-Го: «протекторат» (с.8), «колония» (с.9), что подчеркивает сложную социальную и международную природу данного государственного образования и неопределенность характеристик данного государства.

В первой главе «Идея о паназиатском государстве и начало ее реализации в Северо-Восточном Китае» (с.13–41) проанализированы вопросы идеологической платформы Маньчжоу-Го, формирования административно-политического аппарата управления Маньчжурией, подготовки чиновников, преданных японскому режиму, место и роль императора Пу И, ключевая роль японского военного руководства в стране. «Японцы рассматривали Китай не только как удобный плацдарм для воплощения в жизнь своих экспансионистских планов, но и площадку для реализации идеи о паназиатском государстве, которое должно было территориально объединить Китай, Монголию, Маньчжурию, Корею и Японию» (с.14). В работе прослежена эволюция идеи паназиатского государства: от идеи миссии императора, к идее «Великой Восточноазиатской Сфере Сопроцветания» и Меморандуму Танаки. Отмечается, что план по созданию паназиатского государства делится на «план-минимум» и «план-максимум». «План-минимум» заключался в территориальном объединении Японии, Кореи, Маньчжурии, Монголии и Китая государство под предводительством Японии. «План-максимум» включал в себя объединение, помимо этих стран, территорий Индии, Турции, Афганистана, Советского Союза, Персии и т.д.» (с.18). Во втором варианте речь шла о экономическом объединении, а не территориальном, вытеснении англичан из данной зоны влияния (с.19). По мнению авторов, «Маньчжурия должна была стать не просто типичной колонией, а развитым центром единения «пяти дружественных народов» (китайцы, корейцы, маньчжуры, монголы, японцы). Основной задачей на будущее было не только

формальное, но территориальное объединение этих народов» (с.20). Разумеется, японцы по главе этого государства как богоизбранная нация.

По оценке авторов, «спокойная реакция Китая и мировой общественности на «маньчжурский инцидент» была обусловлена тем, что захват Маньчжурии произошел без ведома правительства Японии» (с.23), которое только в декабре 1931 г. после смены правительства одобрило действия военных в Северо-Восточном Китае. Как известно, Лига Наций в декабре 1932 г. признала Японию агрессором и потребовала вывести свои войска из Маньчжурии, в 1933 г. Япония вышла из состава Лиги Наций.

Некоторые положения в коллективной монографии носят неясный характер. Так отмечается, что «за период существования Маньчжоу-Го население увеличилось на 18 миллионов человек, прежде всего за счет привлечения японских поселенцев. Японское правительство имело планы по переселению за период 1936–1956 гг. до 5 млн. человек. В период 1938–1942 гг. в Маньчжоу-Го прибыло 200 тыс. молодых японских переселенцев, однако вследствие потери контроля над Желтым морем, миграция приостановилась» (с.47). Возникает закономерный вопрос, за счет кого увеличилось население страны? Видимо, основное пополнение населения все-таки шло за счет миграции китайского населения, а не японских переселенцев. Как известно, китайскую миграцию в Маньчжоу-Го японские власти жестко контролировали и регулировали. Позднее, в третьей главе также называется уточненный размер японских мигрантов за весь период существования Маньчжоу-Го – 270 тысяч человек (с.155).

В монографии справедливо отмечается, что ключевую роль в Маньчжоу-Го играла Квантунская армия и Маньчжурская императорская армия, Управление государственной безопасности (с.8). Эти и другие силовые структуры постоянно упоминаются в коллективной монографии, однако специального раздела и их характеристики в работе нет, хотя она нужна для полного и точного представления степени самостоятельности государства Маньчжоу-Го. Разумеется, история их деятельности известна специалистам, но при обосновании новой концепции, необходима их современная трактовка.

В третьей главе «Политика Японии в Маньчжоу-Го» (В.М. Фоменко) (с.53–143) представлен интересный и оригинальный материал о развитии инфраструктуры телеграфной и почтовой связи,

радиовещания и военной связи, периодической печати, системы образования и здравоохранения, а также прояпонской кинематографии и религиозной политики и введение синтоизма марионеточными властями. Раздел построен на архивных документах Архива внешней политики РФ, периодической печати, исследованиях российских и зарубежных авторов; фактический и статистический материал читается с большим интересом о действиях и эффективности «мягкой силы» Японии в Маньчжоу-Го. Японские власти использовали радио, периодическую печать, кинематограф, систему образования для формирования прояпонских настроений и проведения различных информационных и пропагандистских акций для укрепления собственного режима. Разумеется, вся инфраструктура была необходима и японским властям, военным и поселенцам для эффективного управления и функционирования Маньчжоу-Го. Можно согласиться с В.М. Фоменко, что «социокультурная политика Японии в Маньчжурии была многогранной как с положительными, так и отрицательными аспектами» (с.142). Особенно противоречивой была деятельность японцев в области здравоохранения, когда, с одной стороны, создавались больницы и лечебные пункты, боролись с массовыми заболеваниями (чумой, туберкулезом) ; а, с другой стороны, проводили варварские опыты над людьми («Отряд 731»), в результате которых погибло около 10 тысяч человек, а от полевых испытаний бактериологического и химического оружия в Китае погибло 250 тыс. человек (с.106).

Четвертая глава «Японская иммиграция в Маньчжоу-Го» (В.В. Досовицкая) [2] (с.144–160) рассматривает и анализирует два этапа японской колонизации в Маньчжурию: 1. Первая треть XX в. (1905–1931 гг.); 2. 1932–1945 гг. По данным автора, на первом этапе известны только три случая организованной иммиграции японцев в Маньчжурию. «По японской статистике, к 1930 г. в Маньчжурии проживало 1100 семей. Все жили в Квантунской области или вдоль линий ЮМЖД, то есть на землях, которые находились под японской юрисдикцией (749 семей занимались только сельским хозяйством и 351 семья – частично сельским хозяйством» (с.148). Второй этап делится на два этапа: «пробных» или «экспериментальных» переселенцев (1932-1936гг.) ; «массовой иммиграции японцев в Маньчжурию» (1937–1945 гг.). Всего за период пробной эмиграции иммигрировало больше 15 тыс. человек (без учета вернувшихся) (с.153).

На основе японских данных, представлены материалы о японских переселенцах, которые были в основном из депрессивных районов Японии, японцы планировали, что через 20 лет население Маньчжурии составит 50 млн. человек (с.153). Однако, этим планам не удалось реализоваться, «всего переселилось 942 группы крестьян, что составило 102 239 хозяйств, или 219 338 человек» (с.155). По другим данным, общее количество переселенцев оценивается от 220 до 320 тысяч человек (с.155). Японские власти сделали серьезную ставку на молодых людей из крестьянских семей, из которых создавали специальные отряды, всего было завербовано 86 тыс. молодых людей, которые проходили военную службу и обучались ведению сельского хозяйства и селились в пограничных районах. Специальный раздел главы посвящен причинам провала программы переселения (с.156–160). Основными причинами называются: суровый климат и освоенность плодородных земель китайскими крестьянами, отставание японцев в сельскохозяйственных технологиях и недостаток технических специалистов, антияпонские настроения китайских жителей и так называемый «бандитизм», убийство японцев. Отмечается трагическая судьба японских переселенцев, так как в начале войны все мужчины были призваны в армию, оставшиеся в деревнях старики, женщины и дети были брошены японским правительством и Квантунской армией на произвол судьбы: «Когда в Маньчжурию пришли советские войска, многие японцы покончили жизнь самоубийством, кто-то умер от болезней и голода. К концу войны из 270 тысяч переселенцев погибли 80 тысяч человек, большинство из которых составили женщины и дети» (с.159).

Пятая глава «Русская эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки)» подготовлена профессором Л. В. Курасом – автором многочисленных статей по истории российской диаспоры в Маньчжурии, особенно в Харбине[5; 6]. Представлена полная и всесторонняя информация о численности, органах управления эмигрантов, политических организациях российской эмиграции, национальные, культурные и литературные объединения эмигрантов. Несомненным достоинством главы является представленная историография и источниковедение проблемы (с.162–167), что дает точное представление о современном этапе изучения темы. Автором использованы архивные материалы Центрального архива ФСБ РФ, особый фонд (уголовное дело атамана Г.М. Семенова

(25 томов), трехтомное издание материалов по белой эмиграции в Маньчжурии, подготовленное в 1942 г. разведывательным управлением по Читинской области, агентурные данные из архива Управления ФСБ по Республике Бурятия.

В главе дана оригинальная информация об основных политических организациях российской эмиграции в Маньчжурии: Российском фашистском союзе, монархических объединениях, военных организациях эмигрантов, организациях молодежи, национальных организациях армян, грузин, евреев, татар, украинцев. Отдельно проанализирована деятельность литературных и научных организаций и обществ эмигрантов: литературно-художественный кружок им. Н. А. Байкова, литературно-художественный кружок молодежи имени генерала Краснова, кружок при Коммерческом училище. Советская разведка также освещала деятельность вузов: Северо-Маньчжурский университет, Медицинский институт, Харбинский политехнический институт, Харбинский государственный университет, Железнодорожный институт, Институт ориентальных и коммерческих наук. Отличительной чертой российской эмиграции, по мнению автора, является ее «двухслойность». «Первый слой – это эмиграция, которая создавалась еще до 1917 г. в полосе отчуждения КВЖД; второй – из числа прибывших после Гражданской войны, бывших подданных Российской империи» (с.189), около 50 тыс. человек являлись гражданами СССР и работали до 1935 г. на КВЖД.

Японские власти взяли под жесткий контроль российскую эмиграцию и использовали в своих целях: «открыли для эмигрантов специальные курсы под руководством японских офицеров для подготовки будущей агентуры с целью заброски на территорию СССР, а также сотрудников для агентурно-разведывательной работы при японских миссиях за рубежом. Причем вербовка, ввиду нехватки добровольцев, осуществлялась насильно» (с.191).

Шестую главу коллективной монографии «Дауры в период Маньчжоу-Го» (с.192–211) подготовил Б.Д. Цыбенков, автор монографии «История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки» (2012 г.) [7], что выразилось в высоком научном уровне представленного раздела, его оригинальном материале. История дауров действительно мало известна в российском монголоведении. Автор показывает усиление контроля и регулирования и эксплуатации даурского населения, в результате японской оккупационной

политики «дауры, как и другие народы Северо-Восточного Китая, полностью потеряли право на самостоятельность» (с.195).

Интересный материал представлен по экономической политике Маньчжоу-Го по отношению к даурам. Сельскохозяйственное производство попало под жесткий контроль японских властей, уменьшилось поголовье скота дауров, охотничье хозяйство пришло в упадок. Также уничтожались китайские и маньчжурские книги, которые хранились у дауров, проводилась политика по стимулированию выращивания опиума и его продажи населению, что пагубно влияло на местное население (с.197).

Автор отмечает, что Япония полностью контролировала все ресурсы страны. Однако, с другой стороны, по заключению Б.Д. Цыбенова «Маньчжурия из отсталой окраины превратилась в индустриально-аграрный район с развитой инфраструктурой и преобладанием тяжелой промышленности. В истории колониальной системы империализма это был первый (наряду с Кореей) яркий пример колонии индустриального типа» (с.197). Таким образом, разрушалась традиционная система хозяйства дауров и создавалась на оккупированной территории промышленность, результаты которой поступали японцам. Признание позитивных последствий японской колонизации Маньчжурии также заслуживает обсуждения в российском востоковедении.

Приведены многочисленные факты борьбы дауров с японскими оккупантами, партизанское движение и подпольные организации дауров. Материал носит персональный характер, восстанавливает имена конкретных патриотов, показывает героизм и стремление к независимости дауров, которые имеют глубокие исторические корни. Многие подпольщики-дауры оказали значительную помощь разведывательным органам СССР и МНР важной оперативной информацией, проявив мужество и стойкость.

К сожалению, у читателя может сложиться ложное представление, что с японским оккупационным режимом боролись только дауры, что, разумеется, не соответствует действительности, так как в ней участвовали представители всех живущих в Маньчжоу-Го народов. Во всех других разделах даже кратко это не упоминается. Правда, жанр очерков предполагает выбирать вопросы для исследования.

Заключительная глава коллективной работы «Пленение японо-маньчжурской военной группировки войсками РККА в авгу-

сте-сентябре 1945 года» (с.212–236) подготовлена профессором С.В. Карасевым на архивных материалах Центрального архива Министерства обороны РФ и насыщена оригинальным фактическим и статистическим материалом. Читатель найдет в главе точные данные о количестве и составе плененных японских войск, так войсками Забайкальского фронта было взято в плен 225 371 чел. (с.213), частями 1-го Дальневосточного фронта захвачено в плен 267 227 чел. (с.217).

Всего взято в плен, по данным автора, 640 453 чел., из них 609 825 японской национальности (с.233). В разделе представлены выверенные статистические о соотношении сил воюющих сторон и потерях с обеих сторон, приведено достаточное количество табличного статистического материала, который отражает масштаб боевых действий и успешность военной операции Красной Армии [4].

Итак, коллективная монография «Государственная и квази-государственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки» формулирует новую концепцию зависимого от Японии государственного образования, основное внимание уделено внутреннему развитию страны, его инфраструктуре. Представляется, что данная работа открывает собой серию работ, посвященных современной характеристике феномена Маньчжоу-Го, более взвешенного подхода к проблеме, пристального и специального исследования заслуживают вопросы экономического развития и ее структурной реформации, истории Маньчжурской императорской армии и Управления государственной безопасности, других силовых структур, отношения китайского населения к японским властям и переселенцам, а также проблемы китайской и японской историографии темы.

Значительный конкретно-исторический материал по истории и развитию Маньчжоу-Го, его современная оценка и концептуальное обобщение, несомненно, будет полезно для теоретического осмысления других подобных непризнанных государств, число которых на современной карте мира не уменьшается. Государство Маньчжоу-Го по заключению авторов коллективной монографии, занимало особое место и «стало базовой площадкой японского эксперимента, известного как «Миссия Японии в Азии» и сыгравшего не последнюю роль в милитаристских планах Страны Восходящего Солнца» (с.236).

Коллективная монография «Государственная и квази-государственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки» будет инте-

ресна востоковедам, политологам, специалистам-международникам, а также практическим работникам: дипломатам, работникам силовых структур, журналистам, преподавателям и аспирантам вузов.

Литература

1. Базаров Б. В. Неизвестное из истории панмонголизма. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – 67 с.
2. Досовицкая В. В. Япония в маньчжуро-монгольском регионе в 1920–1930-х гг. XX в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. – М: 2013. – 26 с.
3. Дудин П. Н. Политическая история Мэнцзяна. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2013. – 300 с.
4. Карасев С. В. Император Пу И в советском плену // Вопросы истории, 2007, №6. – С.120–126.
5. Курас Л. В. Японская военная миссия в Маньчжоу-Го: подготовка к агрессии (к 75-летию событий на Халхин-Голе // Власть, 2014, № 9. – С.143–147.
6. Курас Л. В. Российская этническая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. 2016, №2. – С.148–156.
7. Цыбенков Б. Д. История и культура дауров Китая. Историко-этнографические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2012. – 252 с.

Заключение

Современное российское монголоведение переживает сложные времена. С одной стороны, созданы благоприятные условия для научных исследований: отсутствует жесткий идеологический и методологический диктат и контроль, расширяется международное сотрудничество со странами Запада и Востока, имеются финансовая поддержка со стороны РГНФ и РФФИ. С другой стороны, происходит старение монголоведных кадров и слабый приток молодых специалистов в научные и учебные центры. Сокращается роль в монголоведении европейских центров монголоведения: Москвы и Петербурга, а увеличивается значимость и роль региональных центров монголоведения. Роль научного лидера в настоящее время выполняет Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, который отметил свое столетие. Ведущую роль учебного центра в подготовке монголоведных специалистов начинает выполнять Восточный институт Бурятского государственного университета. Продолжаются монголоведные исследования в Секторе Монголии Института Востоковедения РАН, Институте восточных рукописей РАН, восточном факультете Санкт-Петербургского госуниверситета, ИССА МГУ, МГИМО МИД РФ. Изучением истории, культуры, экономики Монголии занимаются в Иркутске, Чите, Барнауле, Казани, Перми. Расширяется тематика исследований, проблемами монголоведения плодотворно занимаются востоковеды смежных специальностей: китаеведы, тибетологи, буддологи, японисты.

Значительный интерес к монгольской истории, истории Монгольской империи XIII века и личности и деятельности Чингис-хана свидетельствует о внимании российской науки к соседней дружественной стране.

Перемещение мирового центра мировой экономики в Восточную Азию и Китай значительно повышает геополитическую и экономическую роль Монголии в современной геополитике и международной экономике. Ориентация современной России на Восток также усиливает роль Монголии и будет усиливать ее роль российской экономики.

Замечания, предложения по данному изданию можно адресовать автору по адресу: Kuzminuv@yandex.ru

Содержание

Введение	3
История мирового и российского монголоведения: национальные школы, проблемы, персоналии	3
Проблемы историографии российского монголоведения	11
Раздел 1. Иркутское начало российского китаеведения и маньчжуроведения в России: К 310-летию со дня рождения первого русского китаевода И. К. Россохина (1707–1761 гг.)	21
Иркутский монголист и переводчик А. В. Игумнов и профессор О. М. Ковалевский: характер научных взаимоотношений	33
Генеральный консул России в Монголии Я. П. Шишмарев о Монголии и монголах	42
Военные монголоведение России (вторая половина XIX – начало XX вв.)	53
Российское военное монголоведение: исследования русско- монгольских отношений полковника А. М. Баранова	62
Военный монголовец Российской империи полковник Иван Васильевич Тонких (1877-1939гг.) и две экспедиции по Монголии	69
Российско-монгольские отношения накануне и в период установления национальной независимости Монголии и вклад переводчика и монголиста Р. Б. Бимбаева	77
Иркутская школа монголоведения (XVIII – начало XX вв.)	83
Традиции изучения китайского и маньчжурского языков в Иркутске.	112
Профессор Н. Н. Козьмин: историк и востоковед (1872-1938)	123
Монгольская история, историография и источниковедение в исследованиях Нины Павловны Шастиной (1898–1980 гг.)	138
И. А. Сороковиков – активный участник монгольской революции 1921 года и преподаватель Иркутского финансово- экономического института, автор работ по истории Монголии первой половины XX века	153
Ведущий монголовец России М. И. Гольман: вопросы истории Монголии и западной историографии	161

«Он знает почти каждого монгольского арата»: К 80-летию со дня рождения В. В. Грайворонского, доктора исторических наук, заведующего и главного научного сотрудника Сектора Монголии Института Востоковедения РАН.	173
Проблемы русско-монгольских связей конца XIX – начала XX вв. в исследованиях Е. М. Даревской	179
В. В. Свинин – патриарх современного сибирского монголоведения	200
История Кяхтинской торговли и русско-монголо-китайских торговых отношений XVIII – начало XX веков в исследованиях Ж. З. Тагарова	209
История российского монголоведения и вклад профессора Д. Б. Улымжиева	219
И. И. Ломакина – исследователь истории и культуры Монголии	227
Раздел 2. Рецензии на книги по монголоведению.	233
Полвека консульской службы России в Монголии: 1861–1917 гг.	241
История российско-монгольского научного сотрудничества в 1921–1961 гг.: пятьдесят лет совместным научным экспедициям	251
Забайкальский фронт в Маньчжурской операции в августе 1945 г.: военно-воздушные десанты, пограничники, СМЕРШ, фронтовое братство монгольских и китайских воинов.	263
Новая трактовка истории войны на Халхин-Голе в 1939 г. или фальсификация истории?	270
Рецензия на монографию А. И. Шинкового	278
История Русской православной церкви в Монголии (вторая половина XIX – начало XXI вв.): от проникновения православия до возрождения православного прихода.	284
История российского китаеведения в работах профессора В. Г. Дацышена	291
История российского предпринимательства и торговли в Монголии на рубеже веков: новый взгляд	298
История Маньчжурии и государства Маньчжоу-Го: марионеточное государство или квази-государство?	306
Заключение.	317

Кузьмин Юрий Васильевич

Монголоеды России XX века:

персоналии, творческое наследие, концепции

Научное издание

Издательство «Оттиск»

Лицензия ЛР № 066064 от 10.08.1998.

Подписано в печать 08.08.2022 г.

Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 18.40. Уч.-изд. л. 20.25.

Отпечатано в типографии «Оттиск»

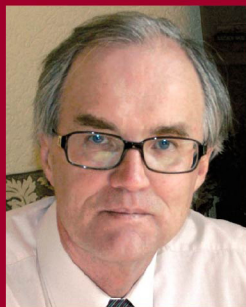
Печать офсетная. Бумага офсетная.

Тираж 50 экз. Заказ № 127.

664025, г. Иркутск, ул. 5-й Армии, 26.

Тел.: (3952) 34-32-34, 241-242.

www.ottisk-irk.ru

Юрий Васильевич Кузьмин (руководитель проекта) – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и экономической безопасности, руководитель Центра изучения Монголии Байкальского государственного университета. Автор 20 книг и более 475 статей. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2004), почетный доктор МонГУ (2011), почетный доктор Института истории АН Монголии (2014), заслуженный профессор БГУЭП (2013). Академик Академии Ю. Цеденбала (2007), член-корреспондент Академии военных наук Российской Федерации (2015).